ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР

Федор Васильевич Потемкин

ЛИОНСКИЕ ВОССТАНИЯ 1831 и 1834 гг.

М.: соцэкгиз. 1937

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Материалы к теме:

***С.Моносов*. Два восстания лионских рабочих**
***П.Фроман*. Рабочее восстание в Лионе /** перевод с франц. и вступит. статья *А.И.Молока*
***Ю.Кучинский*. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг.**
***Е.Кожокин*. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.**
***Е.Кожокин*. История бедного капитализма. Франция XVIII - перв.пол. XIX в.**

в нашей библиотеке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Введение
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1. **Политическая жизнь Франции со времени июльской революции до первого лионского восстания в ноябре 1831 г.**
2. **Шелкоткацкая промышленность г.Лиона**
3. **Положение лионских рабочих в годы реставрации и накануне восстания 1831 г.**
4. **Лионское восстание 21 ноября 1831 г.**
5. **Отклики на лионское восстание 1831 г. во Франции и в других европейских странах**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава 1. **Промышленная жизнь Франции в 1832—1834 гг. Развитие шелкоткацкой мануфактуры в этот период**
Глава 2. **Рабочее движение во Франции в 1832—1833 гг. и рост республиканской партии. Политическая жизнь г.Лиона после ноябрьского восстания 1831 г.**
Глава 3. **Лион и Сент-Этьен в феврале и марте 1834 г.**
Глава 4. **Лионское восстание 9 апреля 1834 г.**
Глава 5. **Волнения в провинции и в Париже в дни второго лионского восстания**
Глава 6. **Влияние второго лионского восстания 1834 г. на различные классы европейского общества**
Глава 7. **Суд над участниками апрельских движений («апрельский процесс»)**
Глава 8. **Апрельские восстания 1834 г. и внешняя политика Франции**

Заключение
Источники

Работа т. ПОТЕМКИНА посвящена одному из важнейших событий в истории западноевропейского рабочего движения. Автор рисует день за днем картину лионских восстаний 1831 и 1834 гг. в той конкретной исторической обстановке, которая сложилась во Франции и вне ее после июльской революции 1830 г. Автор использовал обширный материал и значительную часть своих выводов основывает на анализе первоисточников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующая монография написана по материалам, лишь частично собранным во Франции, в Париже (в Национальном архиве и крупнейших парижских библиотеках), во время заграничной командировки в 1927—1928 гг. Продолжая и заканчивая свою работу в Москве, автор не мог осветить всех вопросов истории лионских восстаний: источники, которыми приходилось пользоваться, нередко были недостаточны для более глубокого исследования. Не только *события*, но и *люди*, например некоторые руководители рассматриваемых движений, не могли быть — по недостатку данных — вполне обрисованы в настоящей работе.

В современной историографии еще не существует ни одной книги о лионских восстаниях: имеются лишь немногочисленные брошюры и статьи на эту тему. Поэтому можно сказать, что детальное изучение истории лионских восстаний лишь *начинается*. Предлагаемую работу и следует рассматривать как одну из первых попыток в этом направлении.

Автор.

Москва
19 ноября 1936 г.

ВВЕДЕНИЕ

«До Бурбонов 1815 года, до 1789 года монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 года монархия была буржуазная. А какая же была монархия, о которой (на голову себе) заговорил Мартов, т. е. монархия 1815—1830 года? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию». (*В. И. Ленин*, Соч., т. XV, стр. 342, «Принципиальные вопросы избирательной кампании»).

Если бы задача историка заключалась лишь в том, чтобы выяснить *непосредственные* причины Лионских восстаний, достаточно было бы рассказать о важнейших фактах социально-политической жизни Франции со времени июльской революции до осени 1831 г. Но для того, чтобы проследить более глубокие корни лионских событий и последующей борьбы в 1832—1834 гг., чтобы лучше понять своеобразие самой исторической обстановки, сложившейся в течение первых 15 месяцев июльской монархии, нужно взглянуть на развитие Франции в годы *реставрации*.

Обращаясь к общей картине социально-экономических отношений во Франции в двадцатые годы XIX в., следует попутно разрешить и другую задачу: проверить выводы современного (недавно умершего) буржуазного историка Анри Сэ, который во всех своих последних работах старался доказать, что экономическое развитие Франции совершалось без скачков, путем медленной эволюции. Сэ — один из крупнейших представителей широко разветвленной международной «школы», пытающейся опровергнуть марксистско-ленинское учение о промышленной революции как этапе развития капиталистического способа производства.

В трудах современных буржуазных историков даже промышленный переворот в Англии изображается как комплекс малозаметных, еле уловимых сдвигов, без ясных хронологических границ, и самый термин Industrial Revolution не применяется

иначе, как в кавычках или с оговоркой: «*так называемая*» промышленная революция [1].

Сэ был в лучшем положении, чем его английские идейные друзья. Промышленность Франции в 1815—1848 гг. развивалась действительно медленнее, чем английская индустрия в те же годы. Экономическое развитие Франции бесспорно отличалось крупными своеобразными чертами, притом такими чертами, которые — при недиалектическом освещении исторического процесса — сами по себе создают иллюзию «подтверждения» эволюционной точки зрения.

В чем заключалось своеобразие промышленного развития Франции в первой половине XIX в. по сравнению с Англией? Маркс одобрил замечание современника лионских восстаний, барона Шарля Дюпена, писавшего, что «так как Франция — страна распыленной земельной собственности, мелких земельных участков, то она также страна распыленной промышленности, мелких мастерских» [2].

Англия еще до промышленной революции превратилась в страну крупного землевладения, — в страну, где численность сельского и городского населения почти сравнялась.

Французская буржуазная революция XVIII в. расчистила путь для развития крупного капиталистического производства. Французская революция нанесла последний удар сельской общине. «Революция освободила поземельную собственность от всех феодальных повинностей и разрушила все препятствия, стеснявшие передвижение ее продуктов. Она не дала крестьянину землю, но она сделала ее доступной для него» [3]. В результате этого сложного, противоречивого процесса, создавшего ряд своеобразных моментов в истории так называемого первоначального накопления во Франции (достаточно указать на спекуляции национальными имуществами), число мелких хозяйств к началу промышленной революции во Франции не сократилось, а увеличилось. Этот чрезвычайно важный исходный момент сравнения Франции с Англией безоговорочно принят в марксистской историографии [4].

В годы промышленной революции в Англии быстро завершилась аграрная революция и английское крестьянство исчезло.

[1] «Результат новых исследований заключается в том, что он ослабляет некоторые краски и контрасты прежних изображений революции», — писал Хэммонд в 1927 г. в своем обзоре послевоенных работ по истории промышленной революции в Англии (*J. L. Hammond*, New light on the Industrial Revolution, «The Contemporary Review», p. 742, 1927). С тех пор это направление значительно усилилось, и авторы новейших общих работ по экономической истории Англии считают своим долгом брать термин промышленная революция в кавычки или сопровождать его оговоркой. Ср., например, *Redford*, The Economic History of England, Ld 1931 Ср. также статью о промышленной революции в американской «Encyclopaedia of the Social Sciences», New York 1932.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 251.

[3] *Лафарг*, Соч., т. II, стр. 63.

[4] *Н. Лукин*, Борьба классов во французской деревне, «Историк-марксист», т. 16, стр. 21, 22, 23.

А что происходило во Франции в годы реставрации? Деятельность *черных банд* не прекратилась. Они продолжали скупать земли и распродавать их мелкими участками. Вот что писал о черных бандах талантливый публицист того времени Поль Луи Курье в 1819 г.: «Они не убивают людей, но все истребляют. Они покупают крупные имения, чтобы перепродать их по частям... Жалостно смотреть, когда земля попадает в руки этих людей: она пропадает, исчезает. Замок, часовня, башня — все уничтожается, все рушится. Аллеи срублены, местами вспаханы; от них не остается и следа. Где была оранжерея, там появляются фермы, риги, хлевы, наполненные коровами и свиньями. Прощайте, рощицы, цветники, газоны, аллеи кустарников и цветов; все это разделено на части между десятком крестьян; один посеял здесь бобы, другой вику» [1].

Итак, процесс парцеллирования земельной собственности продолжался. Между тем, парцеллирование прямо и косвенно задерживало индустриальный рост страны. «Система *парцеллирования*, препятствуя быстрому росту населения, задерживала таким образом косвенно развитие промышленности. Она приводила к этому результату также и прямым путем. Она удерживала значительную часть населения прикрепленной к земле и занятой на ней». Часть мелких собственников могла накоплять сбережения. Но, как указывал Маркс, «как раз здесь, где сбережения и накопления имеются в относительно высокой степени, и их наличие возможно при данных обстоятельствах, *образованию капитала*, относительно говоря, и *развитию капиталистического производства* по сравнению с Англией мешают как раз те экономические условия, которые благоприятствуют накоплению и т. д.» [2].

Франция отличалась от Англии также и своими материальными ресурсами. «Отсутствие во Франции костей и мускулов промышленности, угля и железа, неизбежно задерживает ее развитие как промышленной страны», — писал английский фабричный инспектор Редгрэв в середине XIX в. Маркс цитирует замечание Редгрэва и далее продолжает развивать свою мысль о том, что «вследствие исторических и т. д. условий, которые различным образом влияли на *относительные размеры концентрации средств производства*, в соответствии с относительно бóльшей или меньшей *экспроприацией* массы непосредственных производителей производительные силы и *капиталистический способ производства* вообще находятся на весьма разных ступенях развития» [3].

Итак, по сравнению с Англией, как указывал сам Маркс, Франция отличалась более медленными темпами промышленного развития. Но сравнение с Англией представляет лишь один из аспектов изучения французской экономики.

[1] *P. L. Courier*, Oeuvres, Paris 1863, p. 44.
[2] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), *Маркс*, Отдельные страницы, стр. 249 (курсив Маркса).
[3] Там же, стр. 255 (курсив Маркса).

Сравнивая Францию с другими европейскими странами в 1848 г., Маркс писал, что «Франция — самая промышленная страна на всем континенте, а ее буржуазия — самая революционная» [1]. Какой же путь был пройден Францией в течение 15 лет, совпадающих с периодом второй реставрации, и допустимо ли говорить о резких изменениях экономики в эти годы? Ответ дает сравнение Франции 1815 — 1830 гг. с Францией предшествующего периода.

Сельское хозяйство Франции со времени буржуазной революции XVIII в. развивалось на основе *капиталистического* способа производства. Описывая подвиги черных банд, продолжавших раздроблять земельную собственность в годы реставрации, Поль Луи Курье показал и прогрессивное значение уничтожения «оранжерей» и «аллей»; он писал, что спекулянты давали «одному деньги за его землю, другому — землю за его деньги». Следовательно, развивался кругооборот: деньги — товар — деньги, кругооборот, в котором *земля* стала легко мобилизуемым товаром. Как мелкая, так и крупная земельная собственность переходила из рук в руки. В какой степени этот грандиозный процесс движения земельной собственности коснулся владений старой аристократии? Вспомним, что по закону 5 декабря 1814 г., изданному при первой реставрации, солидный фонд нераспроданных национальных имуществ был возвращен эмигрантам. Этот фонд состоял почти исключительно из лесных богатств [2]. Лесная площадь Франции уже сильно сократилась до 1814 г. Лафарг правильно указывал, что «уничтожение лесов уже в XVII в. приняло такие размеры, что правительство вынуждено было вмешаться и ограничить его, но в конце XVIII в., особенно в революционный период, и в начале XIX в. леса уничтожались еще более хищнически, их вырубали не только для расширения площади пахотных земель и пастбищ, но и для удовлетворения спроса промышленности на дерево, для топлива и построек» [3].

К замечанию Лафарга следует только добавить, что эмигранты, получившие леса по закону 5 декабря 1814 г., быстро сводили их в годы второй реставрации [4].

Восстановление и упрочение крупного аристократического землевладения составляло важнейшую политическую задачу правительства Карла X. Как известно, при Карле X был издан закон о денежном возмещении эмигрантам, имущества которых были отняты и распроданы в годы революции и в последующий период

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 12, *Маркс*, Классовая борьба во Франции.
[2] *Gain*, La Restauration..., t. I, p. 156, Le total du revenu des biens à rendre montait ainsi à 9.383.965 francs dont 9 millions du revenu forestier.
[3] *Лафарг*, Соч., т. II, Движение поземельной собственности во Франции, стр. 104.
[4] *Saint-Hilaire*, Recueil de mémoires sur l'administration des forêts, Paris 1832.

(закон 27/IV 1825 г.). Но восстановил ли так называемый «миллиард эмигрантов» поземельную собственность старой аристократии? Современный французский историк Гэн, автор монументального исследования о «миллиарде эмигрантов», дает отрицательный ответ на этот вопрос. Исключение представляли лишь некоторые богатейшие аристократические семьи. Большинство же дворян-эмигрантов, получая те или иные суммы возмещений, предусмотренные законом 27 апреля 1825 г., не «выкупали» утраченные земельные владения [1].

Замечательно, что Гэн отнюдь не отрицает роста крупной земельной собственности в годы реставрации. Крупная собственность восстановилась, но не в прежних руках, не в руках старой знати. Сопоставляя результаты исследований Гэна и Ромефа [2], можно сделать очень важный вывод: сельскохозяйственная экономика Франции времен реставрации характеризуется двойственным движением земельной собственности, т. е. парцелляцией и одновременно идущим процессом укрупнения владений.

Развитие каждого из этих двух процессов создавало глубокие, коренные изменения общественных отношений. С ростом крупного землевладения прогрессивно и быстро ослабевало экономическое значение владений старой знати. А экономическое развитие парцеллированной собственности, как указывал Маркс, коренным образом изменяло «отношение крестьян к остальным общественным классам».

Маркс писал, что «при Наполеоне раздробление поземельной собственности в деревне дополняло собою свободную конкуренцию и возникающую крупную индустрию городов [3]». Переворот, изменивший лицо и социальную сущность парцеллы времен Наполеона I, «*...неразвитой дышащей молодостью парцеллы*», переворот, в результате которого «крестьянская парцелла стала лишь предлогом, позволяющим капиталисту извлекать из земли прибыль, проценты и ренту, не заботясь о том, удастся ли земледельцу выколотить для себя хотя бы заработную плату», происходил, как указывал Маркс, писавший цитируемые строки в 1852 г., «в течение XIX столетия» [4].

Но уже в годы второй реставрации Бурбонов, в те самые годы, когда крестьянство в первую очередь подпало под удары феодальной реакции, крестьянская парцелла одновременно страдала и от ударов со стороны ростовщического, торгового и промышленного капитала.

Жалобы на ростовщичество, и на ростовщичество в той его «*второй форме*», которая характеризуется раздачей «ссуд мелким, владеющим условиями своего труда, производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в первую голову крестьянин» [1], можно найти в документах второй половины царствования Наполеона.

50 петиционеров из департамента Дордонь в 1807 г. писали императору, что «не пройдет и двух лет, как состояние десяти тысяч граждан департамента Дордонь будет пожрано (ростовщическим) ажиотажем...» [2].

Ростовщики, «не краснея, давали взаймы из 100%».

В годы реставрации ростовщичество распространялось быстро и повсеместно [3].

Обнищание крестьян в результате широкого развития ростовщичества стало явным, общенациональным бедствием, о котором начали открыто писать в больших журналах. Так, например, журнал «Аршив филантропик» писал: «Надо пожить на местах и лично послушать душераздирающие признания, чтобы составить себе представление об этих долгах, претенциозно именующихся ипотечными обязательствами, по которым в конце концов вынуждают платить проценты с процентов на капитал, лишь ничтожная часть которого была действительно получена должником» [4].

Быстрому развитию ростовщического капитала в двадцатых годах XIX в. во Франции очень благоприятствовал затяжной сельскохозяйственный кризис. Кризис начался вскоре после голодных, неурожайных 1816 и 1817 гг. Лафарг писал: «Если Наполеон в своих сражениях и посылал массы крестьян на убой, то он давал им зато возможность брать хорошую цену за свои продукты — это объясняет отчасти любовь крестьян к Наполеону». А потом: «Площадь хлебных посевов увеличивалась из года в год; когда это увеличение туземного хлеба встретилось с также возрастающим ввозом иностранного, то при первом урожае неминуемо должно было произойти переполнение рынка, что и случилось в 1818 г.; цены сразу упали с 30 и 50 франков за гектолитр до 19».

Правительство французских помещиков последовало примеру английских тори и установило так называемую подвижную шкалу, регулирующую ввоз иностранного хлеба. Первоначальные результаты новой системы тарифов показались недостаточными, и в 1821 г. был издан новый закон, который в течение целого ряда лет закрывал доступ русского хлеба, импортируемого из Одессы, во французские порты на Средиземном море. Но вплоть

[1] *Gain*, op. cit., t. II, p. 418, 426.
[2] *Romeuf*, La crise agricole sous la Restauration.
[3] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 408.
[4] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 408 и 411 (курсив Маркса).

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 131, изд. 1908 г.
[2] Национальный архив, F² I 1308, dossier Dordogne, 1807 (?). Характерна орфография документа, подписанного этими 50 петиционерами: «Dans moins de Deux années l'agiotage aura dévoré la fortune de Dix mille Citoyens Dans Le département de dordogne, Si Votre Majesté ne répare pas L'impuissance de Loi Par un grand acte de justice...»
[3] Национальный архив, ibid. dossier «Usure», Rapport sur la situation du département des Vosges, 1. VII, 1819. «L'usure continue à faire des progrès; c'est la conséquence inévitable d'un malaise général et de la rareté des capitaux» (ростовщичество продолжает развиваться; это — неизбежное последствие общего неблагосостояния и недостатка капиталов).
[4] «Archives philanthropiques», I, 1830, «De la détresse excessive du cultivateur», p. 80.

до 1827 г. хлебные цены не поднимались. Нижеследующий ряд цифр характеризует движение хлебных цен с 1821 по 1830 г. (за гектолитр пшеницы, в франках и сантимах): 17,75; 15,49; 17,52; 16,22; 15,74; 15,85; 18,21; 22,03; 22,59; 22,30.

Бесспорно, что французское земледелие стояло в 1815—1830 гг. на низком техническом уровне. Экономист Бланки, брат знаменитого революционера, ссылался в 1828 г. на исследования некоего *английского агронома, утверждавшего, что французское земледелие* стояло «ниже нидерландского, ганноверского, прусского, саксонского, датского, польского и даже австрийского». Другой современник, барон Шарль Дюпен, указывал, что в 1825—1828 гг. во Франции скот вырождался как у собственников земли, так и у фермеров-арендаторов. Но даже Дюпен, побывавший в Англии и смотревший, так сказать, глазами англичанина, оговаривался, что в экономически развитых районах Франции вырождение пород скота не наблюдалось. Сам Дюпен наглядно представил в своих работах очень важный факт неравномерности экономического развития различных районов Франции. В 32 северо-восточных департаментах с общей площадью около 18 млн. *га*, представлявших около 34% всей территории Франции, поземельный налог равнялся приблизительно 128 млн. франков; а 54 прочих департамента, т. е. около 66% всей территории Франции, платили 125 млн. франков налога [1].

Трехпольная система преобладала, и, таким образом, огромная часть земли оставлялась под паром. Но в некоторых департаментах площадь земли под паром резко сократилась.

Характерны показатели урожайности. Средняя урожайность во Франции в 1815 г. равнялась 8,59 *гл* на 1 *га* [2].

В годы реставрации, с 1820 по 1829, средний урожай во Франции вообще равнялся 11,86 *гл* на 1 *га*; а в Северном департаменте в те же годы — 17,96 *гл* на 1 *га* [3].

Часть разоренных крестьян в промышленных районах покидала свои парцеллы и уходила в город. При таких условиях французские помещики, при всей их косности, были вынуждены прибегать к машинам.

В последние годы реставрации у землевладельцев-виноградарей появились «сильные и дешевые винтовые прессы», которыми могли работать «два человека, а по нужде и один»; на старых же прессах работали по 6 человек [4].

Появились машины для мытья «картофельных и свекольных шишек» [5], машины для сеяния свекловицы и других растений [6]. Плуг для распашки пустырей, земли, заросшей вереском, и каменистых мест применялся по крайней мере за 3 года до июльской революции. Прейскурант земледельческих орудий, продававшихся Домбалем в «Ровильском образцовом заведении», рекомендовался газетой «Северный муравей» вниманию «российских землевладельцев, желающих завести у себя усовершенствованные орудия» [1].

По совету химика д'Арсета, горячие ключи были использованы для искусственного высиживания цыплят [2]. Но особенно замечателен был инкубатор, изобретенный физиком Бонменем [3].

Характерно, что сообщения о различных сельскохозяйственных новинках, появлявшиеся в *русской* газете «Северный муравей», очень часто сопровождались советами, побуждающими подражать французским достижениям: «Не худо бы» использовать горячие ключи на Кавказе. Желательно, «чтобы и у нас» учреждались акционерные компании для устройства «артуаских или сверленных колодезей» [4]. «Весьма желательно», чтобы и в России устраивались показательные коллекции усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, по примеру префекта Тарнского департамента, который выставил для обозрения плуг Домбаля, плуг Гильома, скарификаторы, культиваторы, трансциальную эльзасскую борону, экстирпаторы, машины для раздробления кормов и очищения зерен [5]. «Желательно, чтобы и наши помещики, — пишет «Северный муравей», — обратили внимание на возделывание вайды. Культивирование вайды дает вдвое больший доход, чем хлебные посевы» [6]. Французская книжка о разведении мериносов, изданная в 1828 г., «может быть прочтена с великою пользою хозяевами и наших овчарен».

Так под пером русских современников-специалистов по сельскохозяйственным вопросам воспроизводились многие прогрессивные явления аграрной экономики Франции. Ясно, что *сравнительная отсталость французской деревни отнюдь не исключала* возможности различных агрономических нововведений, имевших — при одновременном общем росте товарности сельского хозяйства — огромное социальное значение. «Чем дальше идет проникновение товарного производства в земледелие, — писал В. И. Ленин, — чем сильнее, следовательно, становится конкуренция между земледельцами, борьба за землю, борьба за хозяйственную самостоятельность, — тем с большею силою должен проявиться этот закон (закон большей продуктивности и большей устойчивости крупных крестьянских хозяйств. — *Ф. П.*), ведущий к вытеснению среднего и бедного крестьянства крестьянской буржуазией» [7].

К сожалению, нет возможности представить картину классовой

[1] *Dupin*, Le petit producteur français, II, Le petit propriétaire français, p. 9.
[2] *Block*, La statistique de la France, 2 éd., II, p. 41.
[3] *Лафарг*, цит. соч., стр. 108.
[4] «Северный муравей» № 5, 1830.
[5] «Северный муравей» № 3, 1831.
[6] «Северный муравей» № 4, 1831.

[1] «Северный муравей» № 1, 1830.
[2] «Северный муравей» № 2, 1830.
[3] «Северный муравей» № 18, 1830.
[4] «Северный муравей» № 7, 1830.
[5] «Северный муравей» № 48, 1830.
[6] Там же.
[7] *Ленин*, Соч., т. III, изд. 3-е, стр. 47.

дифференциации в деревне в 1815—1830 гг. какими-либо *цифрами* подобных данных не существует. В более поздний период, в сороковых годах XIX в., беднейшая часть крестьян-налогоплательщиков в департаменте Ньевр распределялась на следующие 3 категории [1]:

I категория — владельцы земельных участков, размеры которых достаточны, чтобы прокормиться продуктами своего труда, также владельцы нескольких арпанов [2] земли, дополняющие недостаток земледельческих доходов подсобными работами на соседних участках или же занимающиеся извозом; размер выплачиваемого налога — от 120 до 150 франков;

II категория — владеющие лишь несколькими небольшими парцеллами, вынужденные работать на других, чтобы удовлетворить свои повседневные жизненные потребности; размер выплачиваемого налога — 35 франков;

III категория — владеющие лишь несколькими арами (например, небольшим виноградником), существующие только продажей своей рабочей силы, пролетарии; размер налога — от 3 до 18—20 франков.

Положение беднейшей части крестьян в голодные годы было ужасно. В 1816—1818 и в 1827 гг. крестьянская беднота департамента Уазы по несколько дней оставалась вовсе без хлеба, питаясь травой. Заразные болезни распространялись так сильно и быстро, что в некоторых деревнях заболевали сразу сотни людей [3].

В 1822 г. крестьянки спасали свои семьи от голодной смерти варевом из древесных листьев [4].

История крестьянских движений в годы реставрации совсем не разработана. Правда, заговор Дидье уже привлек внимание французских историков [5]. Ромеф кратко рассказал о движении в голодные 1816 и 1817 гг., когда в разных частях Франции появлялись отряды крестьян, вооруженных косами. Серьезные волнения происходили в Бургундии и Шампани.

Но даже беглое изучение архивных материалов по вопросу о крестьянских движениях убеждает, что эти движения не всегда были только «восстаниями голода».

В 1817 г. близ Лиона вспыхнул мятеж, подготовленный, как это уже давно доказал французский историк Шарлети, полицией [6]. Это была одна из многочисленных правительственных провокаций, цель которых заключалась в том, чтобы выявить и уничтожить бонапартистов. Однако Шарлети, использовавший лишь часть архивных материалов по делу о «заговоре» 1817 г., не установил, что обострение классовых противоречий в деревне было важнейшей причиной участия крестьян в «мятеже».

Селения, расположенные в окрестностях Лиона и принадлежавшие в административном отношении к трем департаментам (Роны, Эны и Изера), стали объектом террористических вождений роялистов со времени «100 дней» 1815 г. Когда Наполеон, бежавший с острова Эльбы, проходил через департамент Роны, крестьяне департаментов Эны и Изера «ринулись в Лион», чтобы следовать за Бонапартом. В 1815—1817 гг. особенно сильные волнения наблюдались в Ла-Тур-дю-Пэн (департамент Изер), в Треву (департамент Эны) и Вильфранш (департамент Роны).

Переписка главного лионского прокурора по делу о восстании 1817 г. позволяет точно установить характер этих волнений: в 1815—1817 гг. раздавались «те же угрозы, те же боевые возгласы, те же призывы к убийствам священников, дворян, роялистов», что и в 1789 г. Но не только сторонники феодальной реакции были врагами крестьян. Лионский прокурор писал, что «всякий буржуа, всякий собственник ныне стал знатью» (noble) в глазах крестьянской бедноты [1].

Каково было промышленное развитие Франции в годы реставрации? Состояние металлургической промышленности является обычно одним из важнейших показателей индустриального развития страны. Что же представляла собой металлургия и металлообрабатывающая промышленность в период реставрации? Экономист Бланки писал в 1827 г., что успешное развитие почти всех металлургических заводов во Франции началось со времени мира 1814 г.

На промышленной выставке 1806 г. был представлен всего лишь один завод (Крезо) с выплавкой чугуна на коксе [2]. К концу же реставрации число заводов, применявших кокс при плавке чугуна, заметно возросло. Стало распространяться и производство железа на минеральном топливе. Поэтому производительность заметно повышалась: средняя годовая продукция одной печи, работающей на древесном топливе, равнялась лишь 4 163 метр. квинталам, а годовая продукция печи с минеральным топливом была равна 13 250 метр. квинталам [3].

Нижеследующие сравнительные данные наглядно изображают степень распространения новых способов производства чугуна и железа (в метр. квинталах) [4] (см. на стр. 14).

Достаточно одного внимательного взгляда, чтобы найти в этих цифрах правильную меру для оценки успехов металлургии. Решительный сдвиг в сторону технических усовершенствований был сделан. Но даже в 1830 г. применение минерального топлива было

[1] *Bourgoing*, Memoire en faveur des travailleurs et des indigents de la classe agricole des communes rurales en France, 1844, p. 7.

[2] Арпан составлял от 34 до 51 ара.

[3] Национальный архив, F⁸ 69, dossier Oise, переписка префекта с министром внутренних дел.

[4] «Archives philanthropiques», I, p. 15.

[5] В 1931 г. появилась книга *Dumolard*, La Terreur blanche dans l'Isère; J. P. Didier et la conspiration de Grenoble.

[6] *Charléty*, Conspiration de 1817 à Lyon, «Revue de Paris», 1904.

[1] Национальный архив, BB¹⁸ 1018, главный прокурор — хранителю печати, 5 VI 1817.

[2] *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, 1789—1870, I, p. 602.

[3] «Bulletin des sciences et de l'industrie» № 4, 1827.

[4] *Block*, La statistique de la France, t. II, p. 200, 202.

Таблица 1

Годы	Производство чугуна			Производство железа		
	На древесном топливе	На минеральном топливе	Всего	На древесном топливе	На минеральном топливе	Всего
1819	1 105 000	20 000	1 125 000	722 800	10 000	742 000
1825	1 141 600	44 009	1 985 560	1 024 790	410 700	1 485 480
1830	2 332 580	271 030	3 663 620	10 166 140	408 550	1 484 670

недостаточно. С 1820 по 1825 г. производство железа поднялось на 2/3; но импорт его в те же годы сократился на 1/3 [1]. Во Франции железо стоило дороже, чем в других странах. Например, в январе 1826 г. французское железо продавалось не дешевле 54 франков за 1 метр. квинтал. В Бельгии и Германии такая же мера и того же сорта стоила 37 франков; в Швеции и в России 32 франка; в Англии — 24 франка 75 сантимов.

Тем не менее некоторые виды металлообрабатывающей промышленности быстро развивались. Улучшилось проволочное производство, умножилось производство кос. Началось применение механических способов в гвоздарном производстве. Так, например, у одного валансьенского предпринимателя 200 машин работали беспрерывно; дети, работавшие на этом заводе, производили по 8 тыс. гвоздей в день.

В XVIII в. промышленность Франции почти целиком зависела от иностранного ввоза химических веществ, необходимых для производства стекольных изделий, мыловаренной промышленности и т. п.; но в годы реставрации некоторые французские химические товары были даже лучшего качества, чем за границей. Например, свинцовые белила и сурик были лучше голландских. Обогатился весь ассортимент производимых во Франции красок, и к концу реставрации они даже экспортировались из Франции на сумму около 1 200 тыс. франков [2]. В отдельных случаях для растирания красок применялись паровые машины.

«Важное открытие голубой раймондовой краски, понижение цен и улучшение в качестве аммиака, содовой соли, глета, сурика, соды, кислот селитряной, соляной, серной... вот плоды трудов французских ученых, постоянства и опытности французских мануфактуристов», — писал обозреватель промышленных выставок 1819, 1823 и 1827 гг.

Стеклоделательное, зеркальное и гончарное производства также быстро развивались в годы реставрации. При Наполеоне, в 1807 г., вся ценность экспортировавшихся из Франции зеркал составляла не более 150 тыс. франков. В 1826 г. зеркал вывозилось из Франции на 850 тыс. франков. Еще значительнее был вывоз стеклянных изделий разных сортов (не считая хрусталя, фарфора и фаянсовой посуды), достигший в 1826 г. суммы в 3 888 282 франков. В 1829 г. весь вывоз французских стеклянных, фарфоровых и глиняных изделий достиг значительной суммы — 11 600 тыс. франков, что составляло приблизительно четверть суммы экспортируемых вин и покрывало весь экспорт так называемых парижских новинок и парфюмерии.

Акционерная компания парижских капиталистов открыла в 1828 г. «обширные заведения для паровой, или так называемой механической стирки белья». В последний год реставрации в Париже появились успешно действующие хлебомесительные машины [1], французский путейский инженер Вика «образовал науку и искусство совершенно новые, на коих основана фабрикация гидравлических цементов»[2]. Другой инженер, Френель, применил свои научные открытия в области теории света к освещению морских берегов, и вскоре во Франции появились маяки, стоившие дешевле, но более сильные, чем в других государствах.

Любопытно, как воспринимались в отсталых странах некоторые результаты научно-технических достижений во Франции. Сообщая о появлении во Франции счетной арифметической машины, имевшей «вид клавикордов», редакция русской экономической газеты заметила «от себя»: «Вот великая находка для ленивцев и дураков, кои не могли или не хотели выучиться начальным правилам арифметики» [3].

В двадцатых годах во Франции машинным способом выделывали не только веленевую бумагу, как раньше, но и другие сорта. Машины применялись при полировке стали, в резьбе хрусталя, на лесопильных заводах, в ленточном производстве, но особенно в бумагопрядильном, шерстепрядильном и шелкопрядильном производствах.

Вот несколько цифр, характеризующих развитие бумагопрядильного производства.

В Восточной Франции, в Эльзасе, в первые годы реставрации насчитывалось лишь 70 336 механических веретен, а через 10 лет, в 1828 г., было уже 500 тыс. веретен. В одном только Верхнерейнском департаменте число механических веретен в тот же период возросло почти в десять раз [4]. Чтобы лучше понять значение этих темпов, достаточно взглянуть на последующее развитие: с 1827 по 1870 г. прошло более 40 лет, но число веретен в Эльзасе в это время увеличилось всего лишь в четыре раза [5].

[1] «Bulletin des sciences et de l'industrie» № 4, 1827.
[2] «Tableau décennal», 1827—1836, part. I-ère, p. IV.
[1] «Северный муравей» № 1, 1831.
[2] «Журнал мануфактур и торговли» № 11, 1834.
[3] «Северный муравей» № 21, 1830.
[4] *Lévy*, Histoire économique de l'industrie cotonnière en Alsace, p. 87.
[5] *Meininger*, Essai de description de Mulhouse, p. 105.

Характерно, что и население гор. Мюльгаузена резко увеличилось в период реставрации. С 1798 по 1820 г., т. е. более чем за 20 лет, население Мюльгаузена возросло с 6 тыс. жителей до 9 350. А за восемь лет, с 1820 по 1828, число жителей в том же городе увеличилось с 9 350 до 17 тыс., т. е. почти удвоилось.

Механическое бумагопрядение развивалось в Северном департаменте, в Нижнесенском, в департаменте Эны (Aisne) и менее заметно в других департаментах. Годовое потребление хлопка во Франции в период 1826—1830 гг. равнялось приблизительно 34 млн. *кг*; в 1802—1805 гг. потреблялось лишь около 8 млн. *кг*. За 6 лет, с 1818 по 1824, годовое потребление хлопка возросло с 150 тыс. до 200 тыс. кип. Опытный французский коммерсант, сообщивший эти данные англичанам, подсчитывал также потребление хлопка при Наполеоне I. Хотя французская территория и была тогда гораздо обширнее, чем в годы реставрации, потребление хлопка никогда не превышало 50 тыс. кип в год [1].

В шелкомотальном производстве произошел технический переворот, создавший первые шелкомотальные фабрики; именно в двадцатых годах XIX в. распространилось изобретение Родье, наполовину сократившее число прядильщиц. И если в период 1813—1820 гг. вся «средняя» продукция шелкомотальной промышленности равнялась 433 тыс. *кг*, то в следующее десятилетие, с 1821 по 1830, производство возросло более чем вдвое: «средняя» поднялась до 900 тыс. *кг*.

При Наполеоне I опыт механической обработки коротких сортов шерсти был уже экономически оправдан; но механизация камвольного производства еще не имела успеха. Даже историк Балло, преувеличивавший значение «машинизма» в период 1780—1815 гг., признавал, что «трансформация шерстяного производства» к концу царствования Наполеона I лишь начиналась [2]. Иная картина наблюдается в последние годы реставрации. В 1827 г. на предприятиях некоего седанского фабриканта, имевшего в общей сложности 9 тыс. механических веретен, производилось по 145 тыс. *кг* камвольной пряжи в день. Правда, наряду с фабричным производством шерстяной пряжи широко применялись и ручные способы чесания, прядения и целого ряда других операций, необходимых для превращения шерстяного сырья в пряжу.

Об успехах механизации сукноделательного производства в годы реставрации говорили сами промышленники. Когда одного фабриканта-суконщика спросили, каков был ход промышленного развития с 1816 г., он ответил: «Наш первый успех заключался в понижении цен на изделия и в понижении заработной платы. Это произошло от введения машин». Стригальные машины были так усовершенствованы, что каждая из них заменяла рабочую силу 60 человек. Число паровых двигателей во Франции было невелико. Но, во-первых, их число все же заметно увеличилось со времени Наполеона I. В годы империи лишь полтора-два десятка предприятий имели паровую двигательную силу. В 1830 г. мощность всех паровых двигателей во Франции равнялась 10 тыс. паровых *л. с.*

Во-вторых, если признак распространения паровой двигательной силы имел решающее значение при оценке промышленного развития Англии, то во Франции было несколько иное положение.

Наряду с фабриками, применявшими паровую двигательную силу, во Франции было очень много фабричных предприятий с гидравлической двигательной силой. «Пользуетесь ли вы каменным углем», — спрашивают французского фабриканта в анкете 1834 г. Он отвечает: «Нет. Мы имеем гидравлическое устройство, что гораздо лучше. Поскольку вы коснулись этого вопроса, я должен заметить, что величайшие богатства Франции состоят в ее гидравлических силах; это такое счастье, что его даже трудно оценить, ибо с помощью этого сильного двигателя мы можем уравнять выгоды, имеющиеся на стороне наших соперников». Другой фабрикант сказал, что еще за 17 лет до анкетного обследования (т. е. около 1817 г.) он впервые в районе гор. Лувье применил английскую машину в качестве двигательной силы: «Но у нас можно действовать водою, — продолжал он, — и я предпочитаю гидравлическое устройство паровым машинам». В Лувье были гидравлические двигатели по 600—700 *л. с.* Конечно, с развитием конкуренции преимущество оказалось на стороне бесперебойно действовавших паровых двигателей. Но это обнаружилось позднее, в годы июльской монархии. Развитие *рентабельного* машиностроения также представляет важную и характерную черту экономического развития Франции в годы второй реставрации. Знаток французской экономической жизни, коммерсант Анделль, сообщал английской анкетной комиссии 1824 г., что всего лишь «6 или 7 лет назад», т. е. приблизительно с 1817 г., французы начали *успешно* строить машины».

В первые годы реставрации капиталисты с недоверием относились к французскому машиностроению и боялись вкладывать свои капиталы в это дело. Но вскоре они убедились, что машиностроительная промышленность — верный и надежный источник обогащения. Из разных континентальных стран были получены заказы на постройку машин. «И фирма, в которой г-н Перье является одним из членов, фирма, которая раньше никогда не подумала бы рискнуть хотя бы одним су для этого дела, поместила 50 тыс. фунтов стерлингов в завод Шайо», — говорил Анделль [1].

На шарантонском машиностроительном заводе работали 200 рабочих под руководством англичан; они строили паровые машины. В те же годы во Франции выделывались и машины для стрижки сукна, машины для производства тюля.

[1] «Enquête du parlement d'Angleterre sur l'industrie française», 1825, p. 84.
[2] *Ballot*, L'introduction du machinisme dans l'industrie française, p. 224.

[1] «Enquête...», 1825, стр. 78—79; ср. также стр. 132: Вопрос: «Вы сказали, что французские конструкторы достигли больших успехов в последние годы?» Ответ: «Да, за эти 5 лет».

* * *

Как изменилось положение рабочего класса в годы реставрации?

Общее понижение реальной заработной платы признано даже буржуазными историками. Один французский экономист считал, что в период с 1790 по 1830 г. номинальная заработная плата поднялась на 37%, а стоимость жизни на 111%. Известный исследователь истории цен, виконт д'Авенель, хотя и писал, что вышеприведенные цифры спорны, но безоговорочно признавал самый факт падения жизненного уровня рабочего класса. «Потому что на самом деле, — говорил д'Авенель, — если сравнить заработную плату и стоимость потребления в 1810, 1800 и даже 1790 гг. с тем, что было в первые годы царствования Луи Филиппа, то можно констатировать, что за промежуток от одной до другой эпохи стоимость жизни повысилась более, чем уровень заработной платы» [1].

Посмотрим, как изображали положение фабричных рабочих сами современники.

В 1827 г. на Медицинском факультете в Париже появилась диссертация с редкой для медиков темой «Рассуждение о влиянии хлопчатобумажных прядилен и ткачества на здоровье рабочих». Молодой диссертант лично наблюдал жизнь эльзасских рабочих.

Положение фабричных прядильщиков характеризуется следующими чертами: по возрасту и полу — типичный смешанный состав. Дети работают с семи лет. Обычная продолжительность рабочего дня — 15—16 часов; зимою только 1 час отдыха. Но при известных обстоятельствах они работают даже 48 (sic!) часов почти без перерыва [2]. Они постоянно стоят, а в некоторых цехах «девочки вынуждены стоять на коленях».

Фабричные ткачи работают очень часто до полуночи и даже до часу ночи.

Послушаем доклад Мюльгаузенскому промышленному обществу, опубликованный в журнале крупных фабрикантов в 1828 г.

Рабочие прядилен вступают на работу с 8 лет. В местах, где рабочее население редко, работают даже семилетние дети. Работа на прядильных фабриках обыкновенно начинается с 5 часов утра, а кончается в 8—9 часов вечера и позже. Есть прядильни, работающие до 17 часов в день с двумя перерывами: полчаса на завтрак и час на обед. Дети, ежедневно встающие в 3—4 утра, чтобы явиться в свою мастерскую к 5 часам, возвращаются домой только в 9, 10 и 11 часов вечера.

[1] *D'Avenel*, Histoire des prix, t. VI, p. 22.

[2] *Gerspach*, Considérations sur l'influence des filatures de coton et des tissages sur la santé des ouvriers, Thèse, Paris 1827. Эта небольшая, но интересная работа цитируется у Виллерме; но оптимистически настроенный автор опускает наиболее яркие пассажи. Так как в Национальной библиотеке этой диссертации не оказалось, то, может быть, нелишне указать, что ее можно найти в библиотеке Медицинского факультета в Париже под шифром № 270.

Таковы были условия работы в машинизированной, фабричной хлопчатобумажной промышленности в Эльзасе. Но, разумеется, положение эльзасских текстильщиков не было исключением. «Промышленный рабочий не имеет отечества; он бродит из одного города в другой, от одной мастерской в другую... Рабочий — это не человек, а только машина человека... Он погибает в беспутстве и в богадельнях наших больших городов. Такова участь по крайней мере одной трети людей, которых фабричная и (мануфактурная) промышленность привлекает и пожирает...». Так обобщал картину страданий промышленного пролетариата Франции поэт Ламартин в своей речи, произнесенной в Маконской академии в 1831 г.

Капитал «нагуливал себе щеки»; рабочие же с юных лет подрывали свое здоровье и преждевременно сходили в могилу. С 1815 по 1820 г. в больницу Сальпетриер в Париже была доставлена 2 641 умалишенная женщина, и только 4 из них были женами собственников и рантье, все остальные были работницами различных профессий [1].

Насколько ухудшилось положение трудящихся в Париже, можно судить по сокращению потребления мяса.

В 1789 г., когда в Париже было лишь 600 тыс. жителей, в город пригонялось 18 тыс. коров, 350 тыс. овец и 70 тыс. быков. В 1830 г., когда население Парижа возросло до 800 тыс. жителей, число пригоняемых быков увеличилось всего на 7 тыс. голов, а пригон коров и овец уменьшился: коров — до 15 тыс., овец — до 338 тыс. голов [2].

С развитием капитализма условия жизни городских рабочих резко ухудшились: упала заработная плата, появилась безработица, нищета, преждевременная смертность.

Как реагировал рабочий класс на все эти изменения жизненных условий? Что представляло собой *рабочее движение* в годы реставрации?

«Требуется время и опыт, — писал Маркс, — для того, чтобы рабочий научился отличать *машину* от ее *капиталистического применения* и потому переносить свои нападения с *самих материальных средств производства* на *общественную форму их эксплоатации*» [3].

В первые годы реставрации французский рабочий еще не имел того опыта, о котором говорил Маркс. Правда, и в XVIII в. были выступления против машин; но, во-первых, эти движения были очень редки; во-вторых, если условно подразумевать под «лёддизмом» всякое движение против машин, то следует сказать, что до первой французской революции во Франции не было той специфической формы «лёддизма», которая является одним из призна-

[1] *Dupin*, Le petit producteur français, t. VI, «L'ouvrière française», p. 13.

[2] «Le Bon Sens» № 38, 22.IX. 1833.

[3] *Маркс*, Капитал, т. I, стр. 480—481, изд. 1934 г. (Подчеркнуто Марксом.)

ков промышленной революции, — именно формы движения против фабричных машин.

Ценный сборник документов, опубликованный во Франции братьями Буржен [1], и работа проф. Е. В. Тарле «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» дают материал для анализа различных типов «лёддитских» выступлений. Очень часто протесты работников ограничивались мирными действиями (подача петиций и т. п.). Следовательно, немаловажное значение имеет и классификация «лёддитских» выступлений в зависимости от тактики борьбы. Но еще важнее точно установить социальное лицо «лёддитов» и тем самым определить тип их движения. Например, были случаи выступления бумагопрядильщиков. Зная, как развивалось бумагопрядильное производство в годы реставрации, можно сказать, что волнения бумагопрядильщиков представляют тип движения мануфактурных рабочих, сопротивляющихся введению фабричного способа производства.

Другой тип, встречавшийся еще в XVIII в., это движение ремесленников и мануфактурных рабочих против введения машин-станков, которые представляли собой механизированный «рабочий инструмент», еще не приспособленный для фабричной организации производства. Иногда же против машин выступали и мелкие производители, выделывавшие ручным способом те инструменты, комбинация которых превращалась в ненавистную машину. Так, например, когда появились чесальные машины, против них выступили производители ручных кард (чесалок), применявшихся ранее. Ясно, что это совершенно особая форма движения против машин. Бывали и выступления против новых изобретений на транспорте. Так, например, в ноябре 1821 г. в Лионе некие «лёддиты» пытались разрушить буксирное судно нового типа. Большое количество серной кислоты было вылито на снасти [2]. Наконец, машины разрушались не только из опасения конкуренции, но также и по мотивам мести, во время стачек.

Широкая волна стачечного движения прокатилась с первых лет реставрации по всей Франции. В Лионе в августе 1819 г. бастовали шляпочники, в том же году, в сентябре, вспыхнули волнения в Седане: в феврале 1820 г. парижские работники по сафьяну устроили стачку и добились повышения заработной платы. За повышение заработной платы боролись в апреле того же года рабочие в копях департамента Соны и Луары, в том же году происходили стачки рабочих различных профессий в Бордо, в Лионе, в пригородах Парижа, в Руане, в Арле, в департаменте Арьеж. В годы промышленного подъема стачечное движение усилилось. Кое-где стачки заканчивались кровопролитными столкновениями с полицией и воинскими частями. В некоторых городах обнаруживалась замечательная сплоченность и организованность стачечников. Например, корпорация руанских грузчиков карала штрейкбрехеров высокими штрафами. Французские булочники представляли в эти годы едва ли не самую сильную в организационном отношении корпорацию. «У булочников гор. Марселя, — пишет проф. Тарле,— была налицо редкая для того времени степень организованности. В 1823 г. у них существовало уже общество вспомоществования, причем оно сделалось легальным центром, вокруг которого удобно было собираться для подготовки борьбы против хозяев, и синдик булочников жаловался впоследствии властям, что в собраниях этого общества принимали участие «вопреки правилам» также посторонние» [1]. В Блуа был общенациональный центр ассоциации булочников [2]. Резюмируя материалы, собранные братьями Буржен и проф. Тарле, можно сказать, что в годы реставрации были оборонительные и наступательные стачки. Были стачки неудачные, стачки победоносные и стачки, заканчивавшиеся компромиссом.

Следует также заметить, что еще задолго до первого лионского восстания бывали волнения, протекавшие в форме борьбы за общеобязательный тариф сдельных расценок. Ткачи шелка еще в XVIII в. возбуждали вопрос о тарифах и нередко устраивали стачки с целью понуждения предпринимателей к введению тарифа. Подобные же мотивы были причиной стачечного движения работников других профессий. Такой, например, была стачка плотников гор. Нанта в 1828 г.: они тоже требовали введения общеобязательного тарифа сдельных расценок [3].

Перед промышленным кризисом стачечное движение было особенно напряженным. По выражению префекта, в 1825 г. в Париже была «мания стачек». «В последние годы реставрации, особенно в годы промышленного кризиса (1829—1830), случаи стачек были сравнительно редки» [4].

Некоторые черты изолированных рабочих выступлений поражают своей реакционностью. Иногда возникали большие смятения по поводу найма рабочих-иностранцев; в других случаях рабочие выступали с требованием удалить с производства женщин-работниц. Цеховщина и все связанные с нею предрассудки часто обнаруживались в отдельных районах Франции в годы реставрации. Ремесленный пролетариат объединился в «компаньонажи», причем все еще не исчезли дикие кровавые побоища между членами различных компаньонажей или между членами и нечленами компаньонажа.

Итак, период реставрации вполне соответствует тому первому этапу классовой борьбы пролетариата, который охарактеризован в «Коммунистическом манифесте» следующими словами:

[1] *G. et H. Bourgin*, Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830.
[2] Национальный архив, BB[18] 1079, ноябрь 1821.

[1] *Е. В. Тарле*, Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства, стр. 116.
[2] Там же, стр. 117.
[3] «Chronique de Lyon», 23. V. 1828.
[4] *Тарле*, цит. соч., стр. 119.

«Пролетариат проходит через различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием.

Сначала рабочие борются по одиночке, потом сплачиваются рабочие одной фабрики, далее — одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных, непосредственно их эксплоатирующих буржуа. Они нападают не только на буржуазные условия производства, но и на самые средства производства: они разбивают машины, уничтожают иностранные конкурирующие товары, поджигают фабрики, они стараются восстановить разрушенное положение средневекового рабочего.

На этой ступени развития рабочие представляют собой рассеянную по всей стране и разъединенную конкуренцией массу. Массовые движения рабочих не являются тогда следствием самостоятельного их сплочения, но вызываются буржуазией, которая, для достижения своих политических целей, должна и пока еще может приводить в движение весь рабочий класс.

На этой ступени рабочие борются, следовательно, не с своим собственным неприятелем, они побивают врагов своих врагов — остатки абсолютной монархии, поземельных собственников, непромышленную буржуазию, мелкую буржуазию. Все историческое движение концентрируется, таким образом, в руках буржуазии. Каждая победа, которую удается одержать этим путем, есть победа буржуазии» [1].

* * *

На первый взгляд кажется, что правительство реставрации заботилось о развитии промышленности во Франции. Хлебные законы, установленные с 1819 г. [2], явно покровительствовали интересам помещиков; но и промышленность была ограждена запретительными тарифами (еще в 1814 г., т. е. при первой реставрации, была частично восстановлена запретительная система). Но протекционистская система в отношении промышленности воспринималась как традиционная политика, отступление от которой означало, по убеждению промышленников, смерть французской промышленности. Издание же хлебных законов было «восстановлением революционного закона о максимуме, но восстановлением навыворот», как остроумно выразился Лафарг. Хлебные законы воспринимались промышленниками и всей широкой массой городского населения как неслыханная, беспрецедентная мера. Заметим, что еще французский историк Левассер обратил внимание на эту сторону

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. V, Манифест Коммунистической партии, стр. 491.

[2] Закон 16 июня 1819 г. Как уже сказано выше, помещики считали этот закон недостаточным, и вскоре был издан другой закон (4 июня 1821 г.), по которому лимитные цены, в зависимости от зоны, повышались с 20, 18 и 16 франков до 24, 22, 20 и 18 франков. Следовательно, при появлении хлебных цен, означенных в последнем ряде, импорт иностранного хлеба совершенно исключался.

вопроса. Он писал, что «впервые, быть может, таможенные ограничения хлебной торговли были направлены не против экспорта, но против импорта».

Правительство реставрации покровительствовало и железозаводчикам. Железозаводчики покупали леса и лесные материалы, являвшиеся главным видом топлива доменных печей. Поэтому помещикам было невыгодно отказывать в покровительстве виновникам взвинчивания цен на лес. Они понимали, что чем дольше будут сохраняться тепличные условия развития металлургической промышленности во Франции, тем медленнее станут проникать английские технические способы производства, заменявшие древесное топливо минеральным. Между тем фабрикантам и мануфактуристам были нужны дешевые машины, дешевые инструменты. Металлообрабатывающая промышленность требовала дешевых сырых материалов и полуфабрикатов. Ясно, что протекционизм в отношении металлургии исключал возможность снижения цен на чугун, железо и сталь.

Что же говорили об экономической политике реставрации сами современники?

Защитник либеральной таможенной политики Готье в речи, произнесенной в палате депутатов в 1826 г., говорил, что, покровительствуя железоделательной и полотняной промышленности (потреблявшей местное льняное сырье), правительство реставрации «постепенно жертвовало сбытом... сукон, шелковых и бумажных изделий, ...вин, водок и растительного масла». Мебельное и бумажное производство были в таком же положении.

В анкете от 1834 г. промышленников спрашивали о мероприятиях свергнутого правительства реставрации. И вот, когда одного суконщика спросили, «какое влияние имела прежняя (т. е. существовавшая в период реставрации) 30% пошлина на иностранную шерсть», фабрикант ответил: «Она была гибельна для наших фабрик. Известно ведь, что было поводом к установлению этой пошлины. Г-н Полиньяк (всесильный министр Карла X), имевший большие стада овец, ошибся в своих расчетах: он распределил своих овец по разным фермам, что стоило ему очень дорого и заставило его самого скоплять шерсть. Тогда он употребил все свои усилия, чтобы возвысить пошлину на иностранную шерсть и тем самым поднять цены на внутреннем рынке... Пошлины имели самое пагубное влияние на наш заграничный сбыт».

Правительство реставрации с полным равнодушием относилось к вопросу о расширении внеевропейского рынка для изделий текстильной промышленности. Французские хлопчатобумажные товары облагались при ввозе в Мексику пошлинами вдвое и втрое больше пошлин, взимаемых с английских товаров.

Английское правительство не замедлило признать самостоятельность южноамериканских государств, освободившихся из-под испанского владычества. Еще в октябре 1822 г. граф де Марселюс, французский дипломатический представитель в Англии, сообщил

своему правительству о предстоящем признании Колумбии Англией. И в заключительной части своего письма к Шатобриану граф де Марселюс спрашивал: «Разве наша торговля в портовых городах этой новой республики не могла бы соперничать с английской торговлей? Разве климат Америки не создает предпочтительных условий сбыта наших шелковых товаров, легких суконных изделий и наших вин? Разве продукты наших колоний не нашли бы тут полезного рынка и разве тогда сами наши колонии не стали бы для нас драгоценными складочными базами? Так почему же нам не обеспечить бы себе такие выгоды инициативою признания?» [1] Но правительство реставрации заботилось о другом: о поддержке реакции в Испании. Торговые палаты Франции продолжали настаивать на скорейшем признании новых южноамериканских государств. В 1825 г. лионская торговая палата с горечью констатировала, что правительство все еще не приняло никаких мер. Между тем ввиду кризиса, охватившего США, только южноамериканский рынок и мог бы потребить избыток продукции: кризис почти совсем не затронул Южную Америку [2]. Но ходатайство лионской торговой палаты не было уважено, коммерческие атташе ни в этом ни в следующем году назначены не были.

В 1828 г. в парижской коммерческой школе перед двухтысячной аудиторией (огромное собрание по тем временам) экономист Бланки произнес сильную, яркую речь, доказывавшую полное несоответствие экономической политики Карла X интересам широких слоев торгово-промышленной буржуазии. «Недостаточно только производить, надо иметь и рынки сбыта, — говорил Бланки.— Но до сих пор мы сами преграждаем себе широкий путь к сбыту непризнанием новых государств, возникших в Южной Америке».

Торгово-промышленные газеты доказывали убедительными цифровыми данными, что «каждый день англичане извлекают пользу» из ошибок французского правительства, каждый день они расширяют сферу своих сношений в ущерб Франции [3]. Но никакие аргументы не действовали.

Маркс писал: «...когда Бурбоны возвратились во Францию, в их авангарде скакали не только казаки, вместе с ними шли также обещания отменить налог на вино». Но «gentilhommerie (дворянство), — иронизирует Маркс, — конечно, не обязано было сдерживать слово, данное gent taillable à merci et miséricorde» (бесправным низшим сословиям) [4]. Действительно, выступая в парижской коммерческой школе, Бланки говорил: «Финансы всей тяжестью давят на наши виноградники. Эта важная отрасль нашего национального хозяйства, дающая работу и пропитание более чем двум миллионам людей, кажется, как будто бы отвержена

[1] *Marcellus*, Politique de la Restauration en 1822 et 1823, Paris 1853, p. 96, La lettre du 3.X 1822.
[2] Национальный архив, F¹² 2293, Rapport, 1825.
[3] «La Revue Commerciale», № 80, 30. IX. 1828.
[4] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 73.

нашими законами. Торг винами на каждом шагу встречает больше преград, чем торговля ядом. Бесчисленные пошлины и акцизы всякого рода отдаляют производителей от потребителей этого товара; и кто бы поверил, что французские вина в самой Франции дороже, чем где бы то ни было на свете?»

Английское правительство устами своего премьер-министра Каннинга провозгласило, что самая осмысленная война — это война, ведущаяся ради торговых, *ради экономических интересов* [1].

Французское же правительство находило 100-миллионные кредиты для контрреволюционной войны в Испании и в то же самое время извещало о 50-миллионном дефиците в финансировании каналостроения. Транспорт был так слабо развит, что еще в 1828 г., как говорил Бланки, продукты Прованса (юга Франции) должны были переплывать через Гибралтарский пролив и по океану, чтобы попасть в Париж.

В 1826 г. вся английская знать для поддержки шелкоткацкой промышленности обязалась носить только английские ткани [2]. Правительство же французской знати щедро вознаграждало врагов промышленной буржуазии, эмигрантов, бесцеремонно выкачивая денежные средства путем различных налогов, повышая стоимость торгово-промышленных патентов [3] и т. д.

* * *

Вспомним теперь важнейшие факты собственно политической истории реставрации. Каковы были основные политические группировки и их классовое лицо?

Внутренняя политика первых двух лет вторичной реставрации Бурбонов резюмируется двумя словами: *реакция* и *террор*. Все акты белого террора (избиение покупщиков национальных имуществ, *беспощадная расправа с действительными и мнимыми* бонапартистскими «мятежниками», изгнание протестантов и т. д.) поощрялись и вдохновлялись большинством законодательной палаты, которую сам король Людовик XVIII иронически называл «бесподобной палатой». Под давлением умеренных монархистов и союзных держав, победивших Наполеона, король распустил палату ультрареакционеров, стремившихся порвать с конституционной хартией и совершить полную реставрацию абсолютистско-феодальных порядков. Постепенное обновление состава новой палаты в 1817, 1818 и 1819 гг. способствовало стабилизации режима второй реставрации как конституционной монархии. В эти годы в палате сформировались 3 крупные группировки, или «партии»: правая, центр и левая.

Правая, или ультрароялистская, «партия», открыто выступала против общественного строя, созданного революцией и преобразованиями Наполеона. Ясно, что эта партия выражала интересы

[1] *Marcellus*, op. cit., p. 14.
[2] «Journal du Commerce de la ville de Lyon» № 461, 8.XII. 1826.
[3] Национальный архив, F⁷ 3793, Bulletin № 26, 2. IV. 1825.

старой знати и высшего духовенства, т. е. в основном интересы крупного феодального землевладения. Центр состоял из сторонников легитимной конституционной монархии. Представители центра стояли у власти в эти годы (Ришелье, Деказ). К центру примыкали так называемые «умеренные либералы». Это были члены небольшой группы «доктринеров» и депутаты так называемого «левого центра», неустойчивой группировки, пользовавшейся до 1820 г. газетами доктринеров, а потом примкнувшей к левым.

Виднейшими представителями «доктринеров» (насмешливое прозвище, данное им одной оппозиционной газетой) были: в палате депутатов — Ройе-Коллар и Камиль Жордан; в палате пэров — герцог де Брольи; вне палат — Гизо. Никакой единой доктрины у доктринеров не было; но им был одинаково свойственен напыщенный стиль псевдонаучных речей и прочих выступлений. Политическое лицо «превосходного доктринера» Ройе-Коллара достаточно характеризует то обстоятельство, что все недомолвки конституционной хартии он неизменно интерпретировал в пользу королевской власти [1]. Интересы католической церкви были для него дороже, чем «интересы свободы совести вообще». Левая «партия» палаты депутатов («независимых») состояла из трех группировок либералов-парламентариев, так называемых «революционеров» и бонапартистов. Вождями «независимых» либералов в палате депутатов были Бенжамен Констан и генерал Фуа.

Говоря о *Ройе-Колларе*, *Гизо* и *Бенжамене Констане*, т. е. о таких трех политических деятелях, из которых один был крупнейшей фигурой левой «партии», а другой — наиболее замечательным идеологом центра, Маркс указывал, что все они были истолкователями и представителями *буржуазного* общества.

«Трезво-практическое буржуазное общество, — писал Маркс,— нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сэях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII»[2].

Итак, в отличие от *правых*, выражавших интересы феодальной реставрации, *центр* и *левая* отстаивали буржуазные интересы.

Но «буржуазное общество» — это не однородная, не сплошная масса. Характеризуя взаимоотношения орлеанистов и легитимистов после февральской революции 1848 г., Маркс писал: «Если каждая сторона добивалась *реставрации собственной династии*, то это лишь значило, что каждый из *двух крупных интересов*, разделяющих буржуазию — поземельная собственность и капитал, — добивался реставрации собственного господства и подчиненного положения другого» [3].

[1] *В. Бутенко*, Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации, т. I, стр. 345 и сл., Спб. 1913.

[2] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VIII, Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта, стр. 324.

[3] Там же, стр. 347 (курсив Маркса).

И действительно, обратимся ли мы к изучению политических взглядов доктринеров, более или менее симпатизировавших английской «конституции» в том ее виде, какой она имела до парламентской реформы; станем ли изучать речи Бенжамена Констана, всегда выступавшего против каких бы то ни было привилегий в пользу землевладельцев; обратимся ли к данным о социальном положении министров Людовика XVIII и крупнейших депутатов, например герцога Деказа, предки которого были «ротюрьерами», Деказа, который был крупным помещиком и учредителем мощного металлургического предприятия в Авейронском департаменте (Деказвиль); виднейших депутатов левой «партии» — *банкиров* Казимира Перье и Лафитта, и т. д., мы убедимся,что в основном центр палаты депутатов в 1817—1820 гг. состоял из представителей крупного *капиталистического* землевладения, отчасти связанного с крупнейшей добывающей и металлургической промышленностью, а *левая* палаты — из представителей интересов банкиров, купцов и крупных промышленников. О представительстве интересов более широких слоев торгово-промышленного мира в эти годы можно говорить лишь ограничительно, условно. Вспомним, что по конституционной хартии 1814 г. членами Палаты депутатов могли быть лишь лица, платившие ежегодно не менее 1 000 франков прямых налогов, т. е. самые богатые люди во всей Франции.

Нетрудно себе представить, как должны были реагировать широкие слои торгово-промышленного мира на те изменения внутренней политики реставрации, которые начались после убийства герцога Беррийского [1] (в ночь с 13 на 14 февраля 1820 г.).

Палата, избранная по новому избирательному закону в 1820 г., состояла преимущественно из *правых*. И в течение семи лет, до 1827 г., большинство палаты неизменно составляли правые.

Попытки карбонариев совершить государственный переворот не увенчались успехом. Карбонада, основанная в 1820 г. студентами и военнослужащими-бонапартистами, не имела никаких связей с широкой народной массой, и все выступления с 1820 по 1823 г. были легко подавлены. В 1824 г. собралась еще более реакционная, так называемая «вновь обретенная палата», в которую вследствие административных насилий и подлогов в дни избирательной кампании прошло только 19 либералов. В том же году умер Людовик XVIII, и на престол вступил вождь ультрареакционеров граф д'Артуа, под именем Карла X. Реакция еще более усилилась. Газеты привлекались к суду — не только за оппозиционные статьи, но даже за «тенденцию», за общее направление. Курсы лекций профессоров Гизо и Кузена были приостановлены. Во главе ведомства народного образования был поставлен епископ. В 1825 г. был издан закон о «святотатстве», карающий смертной казнью за оскорбительное прикосновение к «священным» сосудам и «святым

[1] Герцог Беррийский — племянник короля Людовика XVIII, второй сын графа д'Артуа, бывшего, как известно, главой ультрареакционной партии.

дарам». В том же году правительство выдвинуло законопроект о восстановлении «права первородства» и ультрареакционный законопроект о печати. Национальная гвардия, кричавшая на королевском смотру в 1827 г. «Долой Виллеля, долой иезуитов!», была распущена.

Между тем во Франции начался торгово-промышленный кризис. Активность избирателей усилилась и, вопреки ожиданию правительства, в новую палату, избранную в конце 1827 г., прошло 190 левых депутатов. Карл X пошел на уступки. В 1828 г. из депутатов «правого центра» был избран новый председатель совета министров — Мартиньяк. Но политика Мартиньяка, не удовлетворявшая либералов, показалась королю слишком уступчивой. И в августе 1829 г. на смену Мартиньяку был призван личный друг короля, реакционер и мистик Полиньяк.

Министром внутренних дел был назначен ля Бурдонне, один из вдохновителей белого террора в 1815 — 1817 гг. Правительство Карла X решительно вступило на путь антиконституционной политики.

Заметим, что промышленный кризис в 1829 г. усилился. Особенно тяжелое положение создалось в отраслях *фабричного* производства. «В 1825 г. горячка овладела умами; все начали прясть хлопчатую бумагу; настроено было множество прядилен. Непомерное производство бумажной пряжи произвело великий переворот 1829 г., продолжавшийся до 1831 г.», — так описывали этот явный кризис перепроизводства сами современники. Но правительство попрежнему не внимало голосу промышленников. Министерство торговли как самостоятельное ведомство было ликвидировано.

Ультрареакционная печать, т. е. правительственная пресса, своими демагогическими статьями возбуждала рабочих против фабрикантов-бумагопрядильщиков и «против всех мануфактуристов, которые пользовались машинами», в частности, против известного промышленника Терно [1].

Таковы были итоги сравнительно недолгого периода реставрации. В течение каких-нибудь 14—15 лет во Франции появились заметные результаты процесса возникновения новых классов: крупнопромышленной буржуазии и фабричного пролетариата.

История промышленного развития Франции в 1815—1830 гг. лишний раз подтверждает, что промышленный переворот есть *социальная* (а не только техническая) революция, как впервые показал это Энгельс в одной из своих ранних работ [2]. Как и в Англии, промышленная революция во Франции создала новый и своеобразный продукт развития капиталистического производства — *резервную армию* рабочих. Разница заключалась в масштабах и в темпах аграрной революции, а также в формах пролетаризации

[1] «Journal du Commerce» № 3292, 10. I. 1829.
[2] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. II, стр. 348. Положение Англии, XVIII век.

крестьян. Во Франции как в эти, так и следующие годы сохранилось множество «пролетариев с сельскохозяйственным наделом». Чтобы представить себе, как далеко и быстро продвинулось развитие пауперизма во французской деревне при реставрации, достаточно сравнить некоторые показания современников. Сэ цитировал воспоминания Ив-Бенарда, писавшего, что в начале XIX в. в Анжу не видно было ни оборванцев, ни нищих, толпившихся, бывало, до революции XVIII в. у ворот аббатства [1].

В последние же годы реставрации появились, как говорил экономист Бланки, «легионы бедных детей», собиравших милостыню на больших дорогах Прованса и Бретани. «Число подкинутых детей возрастает с каждым годом в ужасающих размерах», — писали из дер. Верхней Луары в 1829 г. [2].

Пауперизация деревни создавала рынок рабочей силы в промышленных городах, в том числе и в Лионе, где сами современники различали основной, старый кадр ткачей и «population flottante» — текучее рабочее население, которое состояло преимущественно из подмастерьев и подсобных работников.

В технико-экономическом отношении существенно *новым* и чрезвычайно важным продуктом промышленного переворота было появление *системы машин*, превратившей эмбрионы фабрик времен империи в настоящие крупнопромышленные предприятия.

Но промышленная революция во Франции в годы реставрации еще далеко *не закончилась*. «*Переворот в общественном способе производства* (Betriebsweise), этот *необходимый продукт преобразования средства производства*, протекает среди пестрого хаоса *переходных форм*, — писал Маркс [3].

Во Франции были особенно благоприятные условия живучести «переходных форм».

Тяжелые условия жизни, создавшиеся для широкой массы трудящихся и мелкой буржуазии в последние годы реставрации (заметим, что бедственное положение, созданное промышленной революцией и кризисом 1827—1829 гг., отягчилось неурожаями в 1828, 1829 и 1830 гг.) пробуждали революционную энергию этих классов.

Что же касается позиций различных фракций буржуазии, то раньше, чем резюмировать итоги политической борьбы перед 1830 г., и раньше, чем перейти к вопросу о роли буржуазии в *июльской революции*, следует привести здесь чрезвычайно важный отрывок из сочинений В. И. Ленина.

В статье «Об оценке текущего момента» Ленин писал:

«...Нельзя не вспомнить по этому поводу замечательно глубокого указания Энгельса (в письме к Бернштейну от 27 августа 1883 года) на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время, как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление преслову-

[1] «Revue d'histoire économique et sociale» № 1, p. 105—122, 1927.
[2] Национальный архив, F[12] 3622, Haute Loire, 1829.
[3] *Маркс*, Капитал, т. I, стр. 528, изд. 1934 г. (курсив Маркса).

того «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс указал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей *решительную* борьбу феодалов и буржуазии. «Точно так же, — писал Энгельс, — как борьба феодализма с буржуазией не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 годов), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до решительного конца только в республике». Энгельс называет здесь конституционной монархией, между прочим и Францию 1816-го года, когда знаменитая Chambre introuvable, черносотенная, контрреволюционная палата неистовствовала в поддержке белого террора против революции, наверное, не меньше нашей Третьей Думы. Что это значит? Признает ли Энгельс действительно конституционными учреждениями реакционные собрания представителей помещиков и капиталистов, поддерживающие абсолютизм в борьбе с революцией? Нет. Это значит, что бывают исторические условия, когда учреждения, фальсифицирующие конституцию, разжигают борьбу за действительную конституцию и служат этапом в развитии новых *революционных* кризисов» [1].

В свете последнего замечания Ленина и тех фактов, которые характеризуют политическую жизнь Франции в годы царствования Карла X (палата, избранная на основе «двойного вотума» и административного произвола, законы, изданные в интересах контрреволюционного дворянства и церкви, преследования печати, создание кабинета Полиньяка, — словом, все те законодательные акты и учреждения, фальсифицирующие конституцию, которые освещены выше), становится очевидным, что еще задолго до издания ордоннансов создавалась революционная ситуация. Ордоннансы, изданные в июле 1830 г., ордоннансы, фактически отменявшие конституционную хартию, ускорили развитие революционного кризиса, но не были его причиной. И поведение политических представителей буржуазии в последние годы реставрации и в 1830 г. нужно рассматривать и оценивать именно с точки зрения отношения их к борьбе за «действительную конституцию». Успех *орлеанистов*, группировки, стремившейся возвести на трон Франции герцога Орлеанского, был обеспечен, поскольку бо́льшая часть буржуазных политических деятелей жаждала лишь конституционных гарантий и не хотела республики. Крупнейший из так называемых депутатов-«революционеров» маркиз Лафайет, «друг Вашингтона», сомневался в возможности установления республики в Европе. Вейль указывает, что и Вуайе д'Аржансон, ставший впоследствии членом «Общества прав человека», в это время вполне разделял взгляды Лафайета. Гизо и прочие доктринеры, учредившие в 1827 г. общество «Помогай себе сам, и небо тебе поможет», не преследовали никаких иных задач, кроме организации избирательной борьбы.

[1] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 379.

Центром орлеанистской группировки была редакция газеты «Насиональ», во главе которой стояли Тьер, Арман Каррель и Минье. Известно, при каких обстоятельствах появилась газета «Насиональ». В 1829 и 1830 гг. почти вся молодая и пылкая часть оппозиции, писал Вейль, стремилась основывать новые газеты, чтобы сбросить с себя иго газет «Конститюсионель» и «Журналь де деба». Но поистине замечательно, что «молодые и пылкие люди» из «Насионаля», стремившиеся возложить корону Карла X на более умную голову герцога Орлеанского, *бежали* из Парижа в первый момент июльской революции.

Еще до революции 1830 г. появился эмбрион республиканской партии. Но ошибочно было бы думать, что республиканские взгляды прививались только в среде трудящихся и мелкой буржуазии.

Ученики «идеологов» (Кабаниса, Дестю де Траси, Генгенэ и Дону), молодые политические деятели — братья Огюст и Викторен Фабры, основали в 1829 г. газету «Трибуна департаментов».

Вскоре к ним присоединился и Арман Марраст. И хотя Фабры тоже мало верили в возможность установления республики в ближайшие годы, но отношение их к революции было совершенно иным, чем у депутатов центра и левых. Вейль рассказывал о том, как в первый же день июльской революции, вечером 27 июня, собрались члены тайного общества «Трибуны» и как Огюст Фабр призывал своих политических друзей «разбивать фонари и вынимать булыжник из мостовой». Между тем братья Фабры представляли «жирондистское», буржуазное направление среди республиканцев.

Основателями французской Карбонады были студенты-республиканцы. Впоследствии руководство перешло к офицерам-бонапартистам. В составе Карбонады было множество республиканцев и среди этих республиканцев немало буржуазных элементов. Их роль в революции 1830 г. нельзя считать вполне установленной. Но, судя по некоторым данным, провинциальные буржуазные элементы Карбонады сыграли революционную роль в июльские дни 1830 г.

Роль мелкобуржуазных республиканцев в революции не вызывает никаких сомнений. Распайль, Годфруа Кавеньяк, Трела и другие мелкобуржуазные республиканцы принимали активное участие в баррикадной борьбе.

Как видим, политические группировки, сложившиеся до революции 1830 г., отличались одна от другой заметными чертами. Но общие задачи борьбы с реакцией, с правительством, «отстранившимся от нации», как говорили современники, сближали эти группировки. До революции 1830 г. революционная демократия *резко* не отделялась от левых либералов. При таких условиях республиканская «партия», точнее сказать, ее эмбрион не мог развиваться. В этом и заключается одна из главных причин успеха орлеанистской интриги.

Рассказ о событиях июльской революции не входит в план данной работы. Резюмируем лишь вкратце основные моменты истории переворота в Париже и в Лионе.

Убедившись, что в палате депутатов, созванной весною 1830 г., оппозиция представлена большинством членов, Карл X объявил палату распущенной и назначил новые выборы. Но, как и следовало ожидать, после новых выборов число оппозиционных депутатов еще более увеличилось. Тогда Карл X решил совершить государственный переворот. 26 июля 1830 г. правительство опубликовало 4 ордоннанса о восстановлении системы предварительных разрешений для периодической печати, о роспуске вновь избранной, еще не заседавшей, палаты и об ограничении избирательного права земельным цензом. На следующий день несколько газет напечатали протест против ордоннансов, устранявших всю неземлевладельческую буржуазию от выборов.

Между тем на улицах города начались стычки рабочих с полицией и войсками. Замечательно, что в первый момент борьбы ни одна из политических партий реставрации не возглавила движения. Сами рабочие, начавшие революцию, руководили отрядами. Но вскоре в рядах инсургентов появились мелкобуржуазные республиканцы, учащаяся молодежь, бонапартистские офицеры, национальные гвардейцы. Как уже сказано, восстание поддерживали в той или иной форме и отдельные представители «жирондистской» буржуазии. 28 июля инсургенты захватили ратушу. 29 июля революция победила. Но республиканцы, группировавшиеся вокруг Гинара, Теста и др., сделали непоправимую ошибку, доверившись Лафайету, начальнику национальной гвардии. Узнав о происках орлеанистов, они обратились к Лафайету с предложением возглавить временное правительство. Но Лафайет предпочел жалкую роль посредника между герцогом Орлеанским и республиканцами. Он сумел парализовать энергию республиканцев, уговорив их воздержаться от каких бы то ни было насильственных действий в течение 48 часов.

Между тем бой закончился. Рабочие, организационно не связанные с республиканцами, покинули баррикады. Благоприятный момент для разгрома орлеанистов был упущен. Последующие попытки не имели успеха, и герцог Орлеанский вступил на трон Франции под именем Луи Филиппа I.

История июльского переворота в Лионе еще ждет своего исследователя. Первоисточники, доступные автору, совершенно недостаточны для цельного очерка событий. Опираясь на эти первоисточники, можно, однако, опровергнуть тезис современного французского историка Годара, писавшего, что революция 1830 г. в Лионе была совершена либеральной буржуазией [1].

Бесспорна активная роль некоторых элементов буржуазии в подготовке переворота, особенно в провинциальных промышленных городах. Но решающей, действенной силой самой революции в Лионе, как и в других городах, была широкая масса трудящегося населения и, в первую очередь, рабочие.

[1] *Godart*, La Révolution de 1830 à Lyon, p. 24.

О волнениях в Париже лионцы узнали еще вечером 27 июля [1]. Через день, вечером 28 июля, курьер, прибывший из Парижа, подтвердил достоверность слухов. Тогда в одном из лучших кафе предместья Бротто собрались «почтенные жители» города. Поговорив о необходимости организовать национальную гвардию, «почтенные жители» не приняли никаких постановлений [2]. И только 29 июля, когда «более не было сомнений» в достоверности парижских известий, промышленники и торговцы начали закрывать конторы, магазины, мастерские. Рабочее население сначала будто бы равнодушно взирало на суетню буржуазных политиков. Но во второй половине дня на площади Терро, у городской ратуши, и в прилегающих улицах появилась рабочая масса.

Поднялось «все лионское население» [3], т. е. широкая плебейская масса, а вечером из Парижа пришло известие о полной победе инсургентов в столице. Казалось бы, что оставалось лишь, опираясь на народную массу, сбросить местную власть и водрузить трехцветное знамя. Но сама местная власть пошла в наступление. Вечером или ночью 29 июля полицейский комиссар явился в типографию оппозиционной газеты «Прекюрсер» и предложил подчиниться королевскому ордоннансу об отмене свободы печати [4]. Так закончился «первый день лионской революции» — 29 июля. Буржуазия устраивала митинги в аллеях Бротто, ораторы продолжали твердить о необходимости созыва национальной гвардии; но решительные действия были отложены «до следующего дня».

30 июля в 5 часов утра в Бротто собралась огромная народная толпа [5]. Не ясно ли, что именно волна народного движения толкала буржуазию к руководству восстанием?

Вплоть до середины дня 30 июля буржуазные политики, заседавшие в редакции газеты «Прекюрсёр», стремились «сохранить легальную форму». Тем временем префект — высший представитель местной власти — издал приказ, воспрещающий под страхом смертной казни появление на улицах с оружием в руках [6]. Солдаты были выведены из казарм на улицы и площади города.

Тогда народ начал действовать. Рабочие окружают солдат, разрывают мостовую на площади Терро. Вожди буржуазии приступают, наконец, к организации национальной гвардии. Город разделяется на 24 квартала, в каждый из кварталов назначаются по 3 командира (один капитан и два младших офицера). Движение усиливается с появлением депутаций, прибывших в Лион из соседних городов. В ночь с 30 на 31 июля соответствующим офицерам

[1] *Trolliet*, Lettres historiques, p. 4.

[2] Ibid, p. 5, ср *Mornand*, Une semaine de révolution à Lyon, p 11 Версии Морнана и Тролье противоречивы. Ср. также *Buffenoir*, «R d h. de L », 1907

[3] «Le Précurseur», 16—17 III. 1831, письмо Прюнеля к Сульту

[4] *Monfalcon*, Histoire monumentale, III, p. 267; *Trolliet*, op cit, p 8.

[5] *Mornand*, op cit , p 13

[6] *Trolliet*, op cit , p 11.

рассылаются приглашения явиться 31 июля в редакцию газеты «Прекюрсер» в качестве квартальных или районных командиров национальной гвардии. Редакция газеты «Прекюрсёр» превратилась, наконец, в настоящий штаб революционного движения. Организовав национальную гвардию, руководители движения посылают депутацию в ратушу, все еще занятую карлистами. Не сразу приняли и выслушали эту депутацию упорные приверженцы Карла X. Но 3 августа трехцветное знамя появилось, наконец, и над ратушей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦИИ СО ВРЕМЕНИ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ В НОЯБРЕ 1831 г.

7 августа 1830 г. Палата депутатов, избранная до революции, *палата, представлявшая ничтожное меньшинство населения, объ*явила, что «всеобщий и настоятельный интерес французского народа призывает на престол его Королевское высочество Луи Филиппа Орлеанского, герцога Орлеанского, наместника королевства и его потомков мужского колена по праву первородства и с вечным исключением женского поколения и его потомков». Опуская здесь вопрос об отношении европейских держав к воцарению «короля баррикад» (*проблемы внешней политики рассматриваются во второй части* книги), ограничимся замечанием, что за границей никто не верил в преемственность каких бы то ни было «колен» орлеанского дома. Самый умный из министров Священного союза, князь Меттерних, предвидевший падение Карла X, писал в том же, 1830 г. о Луи Филиппе: «Трон 1830 г. представляет какой-то гибрид; история возьмет на себя труд показать его слабость» [1].

Внутри страны сразу же после «трех славных дней» образовались два лагеря противников Луи Филиппа: карлисты-легитимисты справа и республиканцы слева. Начиная с первого открытого акта карлистской оппозиции — отказа многих легитимистов членов Палаты от присяги Луи Филиппу, — сторонники старшей линии Бурбонов непрестанно досаждали «королю баррикад» явными и тайными враждебными действиями. Открытая, иногда очень смелая, критика орлеанистской политики наполняла страницы карлистских изданий, особенно же парижской газеты «Ля котидьен», в которой, по выражению Гейне, «кричали и неистовствовали дворянские сынки и озлобленные монахи». Внутренняя, скрытая жизнь этой оппозиции протекала в тайных союзах. Юг и запад Франции были районами преимущественного распространения кар-

[1] «Mémoires de Metternich», t. V, p. 84. Издатель «Мемуаров» относит это недатированное замечание к «первым дням» июльской монархии.

листской пропаганды Плоды ее созрели очень быстро В течение первых лет июльской монархии происходили упорные карлистские волнения в ряде департаментов Крупные землевладельцы, тяготевшие к феодальным способам хозяйства, рантье из класса помещиков-эмигрантов, богатейшие купцы, занятые во внешней торговле, значительная часть духовенства, наконец, вся администрация, гражданская и военная, скомпрометированная своей верноподданнической службой в годы реставрации, — такова была в основном та социальная среда, которая питала карлистскую оппозицию Но к ней примыкала и некоторая часть интеллигенции и часть кулацкого крестьянства, обогатившегося за счет быстрого разорения деревни в годы реставрации, а кое-где, не исключая и Лиона, карлистам сочувствовали те мелкобуржуазные элементы мануфактуры, которые взирали на угрожающий рост капитализма с реакционной точки зрения цехового мастера стародавних времен

Что касается обширного и пестрого контингента политических врагов свергнутого правительства, то именно в результате июльской революции, переворота, создавшего новое соотношение классовых сил, началось заметное отделение революционной демократии от либерализма Широкие круги промышленной и торговой буржуазии, мелкая буржуазия «во всех ее разновидностях»,

интеллигенция и крестьянство были «совершенно устранены от участия в политической власти», как указывал Маркс Интересы рабочих грубо попирались орлеанистским режимом Чьи же интересы он защищал? Каждый историк-марксист хорошо знает классический ответ Маркса на этот вопрос «При Луи Филиппе, — писал Маркс, — господствовала не вся французская буржуазия, а лишь одна ее *фракция* банкиры, биржевые и железнодорожные короли, собственники угольных копей и железных рудников, лесовладельцы и часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая *финансовая аристократия*. Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные должности, начиная с министерства и кончая табачным бюро» «Тем, что государственный дефицит был в прямых интересах «господствующей фракции буржуазии, объясняется, почему *чрезвычайные* государственные расходы в последние годы царствования Луи Филиппа более чем вдвое превысили чрезвычайные государственные расходы при Наполеоне, *они поглощали* ежегодно около 400 млн фр , тогда как весь вывоз Франции, в среднем, редко достигал 750 млн фр в год» [1].

Интересно взглянуть, как воспользовалась своей властью господствующая фракция буржуазии в течение *первого* же года царствования Луи Филиппа. Рост налогов, государственных расходов и государственного долга в 1830—1831 гг характеризуется нижеследующими сравнениями [2].

Таблица 2

1. Налоги или государственные доходы

Годы	Правительство	Территория Франции	Общая сумма (в франках)
1802	Консулат	108 департаментов	589 500 000
1828	Карл X	86 »	924 410 361
1831	Луи Филипп	86 »	1 629 540 697

2. Государственные расходы (в франках)

В 1802 г	572 451 495
» 1828 »	922 711 602
» 1831 »	1 484 306 493

3 Государственный долг (в франках)

При Людовике XVIII, в 1821 г	3 466 000 000
Луи Филиппе в 1831 г	5 185 438 457

По другим данным, при Наполеоне I, в 1804 г , во Франции на каждую душу населения приходилось 16 франков налога. В пер-

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч , т VIII, стр 4 и 5. Подчеркнуто Марксом
[2] «Le Bon Sens» № 6, 2 IX 1832.

вые же годы июльской монархии — 36 франков [1]. В начале 1831 г. были утверждены три так называемых генеральных совета: мануфактурный совет, торговый совет и совет земледелия. Каждый из трех советов должен был обсуждать предложения, внесенные кем-либо из членов совета или же торговыми и совещательными палатами. Все три совета возглавлялись верховным коммерческим советом, состоявшим при министре торговли. Верховный совет был сформирован из председателей генеральных советов, 11 членов по назначению короля и одного — по выбору министра финансов. Казалось бы, что учреждение этого парламента промышленников, купцов и помещиков должно было «уравнять» представительство различных экономических интересов и открыть для широких слоев промышленной буржуазии путь прямого влияния на правительственную политику. А в действительности всем руководством в области экономической политики завладел блок банкиров, *крупнейших* промышленников и помещиков. Вспомним, что при реставрации были изданы «хлебные законы». Ясно, что июльская монархия должна была пересмотреть законодательство реставрации. Какие же решения были приняты по вопросу о «хлебных законах»? Поправка к закону 1821 г., принятая 15 апреля 1832 г. большинством 218 членов палаты депутатов (против 24), сводилась к фикции, нимало не ослаблявшей значение закона 1821 г.: запрещения заменялись очень высоким запретительным тарифом. Крупные промышленники, заседавшие в палате, «протянули руку земельным собственникам» [2].

Подобные законодательные акты возможны были только потому, что новый избирательный закон лишь незначительно расширял избирательное право. Избирательный ценз был понижен только до 200 франков, и число избирателей в годы июльской монархии не превышало 240—250 тыс. Заметим, кстати, что новая палата собралась лишь в конце первого года июльской монархии. Таким образом, в течение нескольких месяцев во Франции хозяйничали депутаты, представлявшие, как уже было сказано, ничтожное меньшинство населения. Они-то и приняли новый избирательный закон; они и провели 22 марта 1831 г. закон о национальной гвардии, который номинально допускал в ряды национальной гвардии всех французов в возрасте от 20 до 60 лет, реально же — только налогоплательщиков; они-то, депутаты-самозванцы, избранные при реставрации, и возложили на трудящееся население Франции тяжкое бремя новых налогов, они издали муниципальный закон, который, по выражению Луи Блана, «appuya le pouvoir ministériel sur près de 34 000 petites oligarchies bourgeoises» (делал опорой министерства приблизительно 34 тыс. мелких буржуазных олигархий). Вопиющая узурпация народного суверенитета нимало не тревожила либералов. Они стремились лишь к свержению учреждений, «фальсифицирующих конституцию». Революция, которой они боялись и не желали, гарантировала прочность конституции. И либералы времен реставрации стали консерваторами после переворота 1830 г. Банкир Казимир Перье, видный член *левой* «партии» в годы реставрации, писал Одилону Барро, ставшему вождем *династической оппозиции*: «Несчастье Франции (de ce pays) в том, что имеется множество людей, воображающих, как и вы, что в стране произошла революция. Нет, сударь, революции не было, а была лишь простая смена личности главы государства» [1].

Карл X не захотел быть конституционным королем; таковыми будут короли орлеанской ветви, «rien de moins, mais rien de plus» (не меньше, но и не больше того), — говорил Тьер.

Понятно, какие глубокие разногласия должны были последовать между либералами такого типа, как Перье или Тьер, и демократами, которые, не будучи республиканцами, рассматривали июльскую революцию как начало новой эры, как первый шаг по пути более или менее глубоких преобразований. И широчайшая пропасть отделяла их, либералов, от революционной демократии, стремившейся к полному восстановлению народного суверенитета, к завоеванию всех «прав человека и гражданина».

Но в 1830/31 г. очень многие политические деятели еще неясно видели, куда им следует итти. Люди, которые впоследствии стали последовательными буржуазными республиканцами (например, Арман Каррель, редактор газеты «Насиональ», или Ансельм Пететэн, редактор лионской газеты «Прекюрсер», которая воспроизводила политическую линию «Насионаля»), в рассматриваемый период придерживались конституционно-монархических взглядов.

Были такие крупные политические проблемы, одинаковое отношение к которым как-то сближало совершенно различные элементы французского общества. Шарлети писал, что июльская революция была в такой же мере протестом против международных договоров 1815 г., как и протестом против ордонансов. «Воинствующая демократия, противопоставляла королям священный союз народов: такова была идея Карреля, аббата Ламене, Кине». А в секретном донесении, написанном для русского правительства в начале 1834 г., сообщалось, что даже высшие представители французской бюрократии — начальники отделов различных министерств, составлявшие так называемое «*третье правительство*», постоянно мечтали о расширении территории Франции: чуть ли не единственной политической идеей этих высших чиновников, как выражается автор цитируемого мемуара, был «империализм», притом отнюдь не в смысле каких-либо надежд на возвращение императора, а только в смысле присоединения к Франции владений времен империи, т. е. «возвращения» Бельгии, левого берега Рейна и Савойи. Эти чиновники ненави-

[1] Национальная библиотека, Lb[51] 2186, p. 18.

[2] *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870, 2-ème éd., II, p. 70.

[1] *Charléty*, La monarchie de juillet (*Ernest Lavisse*, Histoire de France contemporaine, t. V.), p 5.

дели депутатов и не любили пэров; на своих начальников — министров, они смотрели, как на «прохожих», и только самих себя считали постоянной, несменяемой силой, неподвижной, как Термы, — боги рубежей, выставлявшихся древними на границах [1].

Неустойчивость политических взглядов является, повторяем, особенно характерной чертой периода, предшествовавшего лионским восстаниям. Известно, что министерство, сформированное после июльской революции, в конце первой декады августа 1830 г., было коалиционным. Наряду с членами исполнительной комиссии, образовавшейся в ратуше в дни революции, наряду с Лаффитом и Дюпоном, в него вошли доктринеры Гизо, Брольи, бывший министр Людовика XVIII (министр финансов) барон Луи и др. Как известно, Лафайет остался на посту верховного начальника национальной гвардии, а Одилон Барро был назначен префектом департамента Сены.

Рассказывая о политической борьбе в первые месяцы июльской монархии, историки постоянно пользуются терминами эпохи: «партия движения» и «партия сопротивления». «Партия сопротивления» (Гизо, Брольи, Казимир Перье), объявившая, что «революция кончена», действительно представляла вполне оформившуюся политическую группировку. Но что такое «партия движения»? Кто входил в ее состав? Какую позицию, не на словах, а на деле, отстаивали лидеры — Лаффит и Лафайет?

Кабинет, сформированный в начале августа, просуществовал недолго. 2 сентября 1830 г. составилось новое министерство — кабинет Лаффита [2], продержавшийся до марта 1831 г. И в течение этого времени вполне обнаружилась неспособность «защитника демократической политики», Лаффита, сформулировать демократическую программу, неспособность и нежелание бороться за демократические преобразования.

Позицию Лафайета достаточно характеризует отношение к суду над министрами свергнутого правительства. Суд над арестованными экс-министрами был первым большим политическим делом июльской монархии. Подавляющее большинство французского общества не сомневалось, что государственные преступники будут приговорены к смертной казни. Но Луи Филипп и депутаты, получавшие бесцеремонные пинки от сподвижников Карла X, боялись применить к ним заслуженную меру наказания. Все эти господа, как говорил Стендаль, принимали «свою душевную хилость за цивилизацию и великодушие». И чтобы спасти жизнь арестованных министров, палата депутатов придумала законопроект об отмене смертной казни.

[1] Центральный архив внешней политики; фонд б. министерства иностранных дел (во всех последующих ссылках обозначается сокращенно: Арх. МИД) № 19, 1834.

[2] Лаффит — председатель совета министров и министр финансов; маршал Мезон — министр иностранных дел; граф Монталивэ — внутренних дел; Дюпон — юстиции; ген. Себастиани — морской министр; маршал Жерар — военный министр; Мерилу — министр народного просвещения. Таким образом, в этом кабинете не было ни одного доктринера.

Трудящееся население Парижа ответило на эту затею мощной демонстрацией протеста и попыткой овладеть преступниками, заключенными в Венсенской башне, под Парижем (массовое движение 18 октября 1830 г.). Испуганное правительство отсрочило обсуждение законопроекта. 10 декабря экс-министры были переведены в тюрьму Люксембургского дворца. Возбуждение трудящегося населения в дни судебного процесса, во второй декаде декабря 1830 г., дошло до предела, граничившего с всеобщим восстанием. Бо́льшая часть национальной гвардии требовала казни экс-министров. И верховному начальнику национальной гвардии Лафайету стоило лишь шевельнуть пальцем, чтобы опрокинуть трон Луи Филиппа. Но «герой старого и нового света», или, как называл его Наполеон, «дурень старого и нового света», еще раз протянул руку орлеанистам. В день объявления приговора (преступники присуждались к пожизненному тюремному заключению) меры предосторожности были утроены. А после суда король бесцеремонно расстался с Лафайетом. 24 декабря палата депутатов постановила отменить звание главнокомандующего национальной гвардии. Лафайет был вынужден уйти в отставку. Ушел в отставку и «седовласый» Дюпон. Вместо Трейляра появился новый префект Бод. Приблизительно в то же самое время резко изменились взаимоотношения Луи Филиппа с Лаффитом.

Подводя итог деятельности кабинета Лаффита, Шарлети пишет, что «люди *движения*» более не отличались от «людей *сопротивления*» иначе, как только своими словами» [1]. В замечании Шарлети есть доля истины; ошибка же Шарлети заключается в том, что «люди движения» рассматриваются как откристаллизовавшаяся, монолитная группировка, между тем как в действительности это был конгломерат разнородных элементов, по-разному реагировавших на события социально-политической жизни во Франции и за границей. «Люди движения», подобные Лаффиту, действительно отличались только своими словами. Но, например, чиновники, мечтавшие о восстановлении территориальных владений, утраченных Францией по договору 1815 г., *на деле* способствовали развитию подобных же настроений и стремлений в соответствующих кругах французского общества. И когда Казимир Перье, лидер «сопротивления», пришел к власти, он предписал чиновникам выйти из политического общества «Национальные союзы», — общества, которое быстро развивалось с начала 1831 г. [2].

После июльской революции возникло множество различных политических союзов и клубов. Либералы, подвергавшиеся преследованиям во времена реставрации, объединились в союз, который назывался «Обществом осужденных политических деятелей». В конце 1830 г. сформировалась студенческая организация «Обще-

[1] *Charléty*, op. cit., p. 24.

[2] В марте 1831 г. филиалы «Национальных союзов» существовали в 41 департаменте Франции. Это конституционно-монархическое общество возглавлялось Каррелем, Беранже и Сальвертом.

ство свободы, порядка и прогресса». Студенты стремились к «восстановлению народного суверенитета», поговаривали о вооруженном восстании. Но в их союзе было только 30 человек. «Ассоциация школ», организованная Дюфресом и Леритье, боролась за введение обязательного бесплатного и светского образования. Политические клубы «Друзей отечества», «Возрожденных франков» были хорошо приспособлены для конспиративной работы. Но все они, считая и «Галльское общество», в рядах которого находились карлисты, больше шумели, чем действовали. Значительно сильнее была организация, основанная «Участниками июльской революции, требующими компенсации». В ней насчитывалось около 5 тыс. членов. «Конституционное общество», возникшее в июле 1830 г. и не ставившее перед собой никаких иных задач, кроме борьбы за конституцию, высказывалось за отмену палаты пэров, налоговую реформу и «благоразумную» избирательную реформу. В этом явно буржуазном и очень умеренном обществе подвизался Кошуа-Лемер. В отличие от вышеназванных организаций, «Конституционное общество» не ограничивало сферу своей деятельности Парижем; оно учредило несколько небольших филиальных групп в департаменте Сены и Уазы и в департаменте Кот-д'Ор. С распространением «Национальных союзов» в 1831 г. «Конституционное общество» отступило на задний план и вскоре исчезло.

«Национальные союзы» состояли из левых депутатов палаты, военнослужащих и чиновников — пестрого контингента «партии движения», представлявшего более или менее ярко конституционную оппозицию. Новейший историк тайных обществ в период 1830—1835 гг. Габриэль Перре называет «Конституционное общество» и «Национальные союзы» *пре-республиканскими* организациями. Правильнее было бы сказать, что в каждую из организаций входили эмбрионы будущих республиканских группировок; но далеко не все деятели названных организаций стали впоследствии республиканцами.

Общество «Помогай себе сам, и небо тебе поможет», основанное в 1827 г., было реорганизовано после июльской революции. Обновленная организация старалась связаться с прогрессивными элементами вне Франции, помогала испанским эмигрантам, учредила комитет по бельгийским делам и т. д. Внутри страны общество пыталось распространить применение права петиций. Но и эта организация была не чисто республиканской. Шателен, редактор либерально-монархической газеты «Французский курьер» и Кошуа-Лемер, «не вполне республиканец», но и не сторонник династической оппозиции, соприкасались тут с такими убежденными республиканцами, как Годфруа Кавеньяк и Гарнье-Пажес. Подобно «Национальным союзам», общество «Помогай себе...» учреждало провинциальные филиалы, но парижский комитет не претендовал на роль строго централизующего органа.

Совсем иной тип политической организации представляло *Общество друзей народа*. К сожалению, даже в новейшем исследовании

по истории республиканской партии в период 1830—1835 гг. в книге Габриэля Перре нет новых данных по вопросу о возникновении этого общества. Подобно другим историкам, Перре относит появление Общества друзей народа к моменту июльской революции, собственно даже к 30 июля, когда революция уже совершилась и когда, как неуверенно рассказывает Перре, оно возникло «sous l'impulsion, semble-t-il, de quelques rédacteurs de la partie du journal «*Le pour et le contre*» intitulée «La Révolution», réunis à quelques amis dans les salons Lointier, restaurant politique des premiers jours de la Révolution» [1] (кажется, под воздействием нескольких редакторов той части газеты «*За и против*», у которой был заголовок «*Революция*», редакторов, объединившихся с группой друзей в залах Луантье, в политическом ресторане первых дней революции). Фигуры виднейших деятелей Общества друзей народа — Годфруа Кавеньяка, Юбера, Гинара, Трела, Распайля, Огюста Бланки, Шарля Теста, Ф. Авриля, Паньоля, Антони Турэ, Фази, равно как и их политические взгляды обрисованы в исторической литературе.

Сын члена Конвента и брат палача июньских инсургентов Годфруа Кавеньяк, карбонарий в годы реставрации, баррикадный боец в июльские дни, представляется прямым, энергичным и бесстрашным человеком. О нем еще придется более подробно говорить ниже. Трела — военный врач наполеоновской армии в 1813 г., волонтер в период 100 дней, член верховной венты карбонариев в эпоху реставрации, один из председателей Общества друзей народа в рассматриваемый период, физически слабый, но сильный духом человек; «народолюбец», глубоко потрясенный зрелищем нищеты. Рассматриваемый период — лучший период деятельности Трела, отходившего от политической жизни в сороковые годы, бывшего в 1848 г. вице-председателем учредительного собрания и министром общественных работ (с 12 мая до 18 июня 1848 г.).

Сын трактирщика Распайль, преподававший в годы реставрации философию и богословие в семинарии и вскоре же расставшийся с этим учебным заведением вследствие своего еретического понимания «священного писания», ставший еще до революции 1830 г. широко образованным ученым, автор нескольких самостоятельных работ по естественным наукам, друг бедняков, бесплатно лечивший парижских рабочих и писавший для народа популярные медицинские книжки, ученый, принявший участие в баррикадной борьбе в 1830 г., был также одним из крупнейших деятелей Общества друзей народа, одним из его председателей.

Турэ, юрист и писатель, активный участник июльской революции, был одним из основателей Общества друзей народа и учредителем республиканских изданий. Он несколько раз арестовывался правительством Луи Филиппа. В тюрьме он сочинял объемистые романы с целью популяризации демократических идей.

[1] *Perreux*, Au Temps des sociétés secrètes, p. 9.

Впоследствии его революционная энергия совершенно остыла. 15 мая 1848 г. он написал воззвание к национальным гвардейцам, призывая их к защите «порядка».

Нужно ли воспроизводить хорошо известный образ великого революционера Огюста Бланки, вступившего в Общество друзей народа почти юношей, которому едва минуло 25 лет, но который уже имел три ранения, полученные в 1827 г.?

Распайль (портрет, нарисованный в 1835 г., во время так называемого «апрельского процесса»)

Охарактеризовать *взгляды* Бланки и других крупнейших деятелей Общества друзей народа в рассматриваемый период, с июня 1830 г. до первого лионского восстания, — задача, гораздо более сложная, чем описание главных событий их личной жизни. Достаточно привести два-три образца характеристики их идей в трудах историков республиканской партии, чтобы сразу же бросились в глаза крупные методологические недостатки этих исследований.

Так, например, Чернов, характеризуя идеи Бланки, писал: «Бабувизм не говорит о классовой борьбе... единственной причиной зла он считает неравенство. Бланки же в том социальном манифесте, который он дал в своей речи на судебном процессе 1832 г., особенно подчеркивает именно классовую борьбу». И далее Чернов высказывает предположение, что решительный поворот Бланки в сторону социальных вопросов произошел под влиянием сен-симонизма [1].

Но ведь судебный процесс, о котором говорит Чернов, состоялся после лионского восстания. Ниже будет исследован вопрос о влиянии лионских событий на современников; но и здесь уместно сказать, что речь, произнесенная Бланки в 1832 г., не может служить достоверным критерием в оценке тех взглядов, которые были у него осенью и зимой 1830 г. Другой пример. Резюмируя идеи Годфруа Кавеньяка, Чернов пишет, что, хотя Кавеньяк и «отдавал справедливость той благородной тенденции, которую внушала доктрина Буанаротти», он ее все же отвергал, так как идеи Буанаротти, по выражению Кавеньяка, — «mutilaient l'homme et l'avenir» (калечили человека и будущее). Но сам Чернов указывает, что это выражение относится к *1840 г.* [1]. Не более удачна и характеристика взглядов Распайля [2].

[1] *Tchernoff I.*, Le parti républicain sous la Monarchie de Juillet, P. 1905, p 349, ср также стр 356, где говорится, что «Le communisme de Blanqui est un communisme scientifique qui ne ressemble en rien aux conceptions communistes produites avant lui» (коммунизм Бланки — это научный коммунизм, который ничем не похож на коммунистические концепции, созданные его предшественниками).

Вейль пользуется двумя приемами, которые заметно приближают к объекту исследования, но все же не позволяют вполне рассмотреть интересующую нас картину. Во-первых, Вейль останавливается на характеристике взглядов *стариков* из числа тех идеологов или политических деятелей, которые могли влиять на республиканскую молодежь. Во-вторых, он рассказывает о содержании манифестов, прокламаций и т. п. документов, исходивших от Общества друзей народа. Само по себе резкое подразделение Общества на стариков и молодых, внушенное Вейлю известным замечанием Генриха Гейне, посетившего одно заседание Общества друзей народа и описавшего свои впечатления (ниже будет приведен соответствующий отрывок), не вполне обосновано: в 1831 г. Годфруа Кавеньяку исполнилось 30 лет, Распайлю было 37 лет, Трела — 36 лет, Гипару — 32 года.

Гинар (портрет, нарисованный в 1835 г., во время так назыв. «апрельского процесса»).

Бесспорно, что три старых демократа—Вуайе д'Аржансон, Шарль Тест и Буанаротти, которых Вейль называет «монтаньярами перед лицом жирондистов», подразумевая под именем жирондистов Дону, Лафайета, братьев Фабров и их сторонников, влияли на Общество друзей народа. Буанаротти был уже автором известной книги «Заговор равных» (книга появилась в Брюсселе в 1828 г.). Вуайе д'Аржансон вскоре же после июльской революции публично высказал мысль, что революция «будет бесплодной, если ею не воспользуются народные слои»[3]. В палате депутатов он требовал введения подоходного налога и помощи безработным.

Но связь этих, по выражению Вейля, «идеалистических коммунистов» с молодежью плохо освещена. Вейль называет лишь двух

[1] Ibid, p 254; ср также p 260.
[2] Ibid, p 140, ссылка на «Revue du progrès», 1840, t IV, p 88
[3] *Weill*, Histoire du parti republicain, p 35

«коммунистов»—учеников Буанаротти, Баллона и Матье[1]. Две интереснейшие темы: «Бабувизм в начале тридцатых годов» и «Карбонада после июльской революции», еще ждут своих исследователей.

Что касается различных публикаций друзей народа, то они-то и являются лучшими показателями изменчивости программы и неустойчивости руководящего состава Общества. Сам Вейль указывал, что «вначале даже и эта передовая организация требовала отмены ценза лишь по отношению к избираемым, а не к избирателям». Декларация, датированная Обществом друзей народа 6 августа 1830 г., была составлена в энергичных выражениях, определявших отрицательное отношение к палатам, гласивших о необходимости избрания путем *первичных собраний* других депутатов, действительно способных выразить народные нужды. Но среди лиц, подписавших декларацию, находим лишь одного из вышеназванных деятелей — Трела.

Характерна и история так называемой сентябрьской прокламации Общества друзей народа. Это воззвание, резко заостренное против «буржуазной аристократии», появилось в Париже в первых числах сентября, в дни «лёддитских» волнений типографских рабочих. Справедливые слова о страданиях рабочих и об эгоизме буржуазной аристократии взволновали правительственную и буржуазную прессу. Газета «Журналь де деба» ответила на прокламацию большой статьей. И вскоре появился манифест Общества, в котором «друзья народа» заявляли, что их мысль была извращена[2]. В обстановке обостряющихся классовых противоречий и классовой борьбы брожение внутри Общества усиливалось. В течение нескольких первых недель после июльской революции Общество друзей народа вовсе не было тайной организацией. Напротив, друзья народа были убеждены, что время заговоров прошло (заметим в скобках, что уже одно это обстоятельство указывает, с какой осторожностью можно говорить о влиянии Буанаротти на Общество друзей народа на *данном* этапе развития). Но 25 сентября 1830 г. Общество подверглось нападению орлеанистски настроенных парижских лавочников. Друзьям народа пришлось перекочевать с улицы Монмартр, из манежа Пелльe, в другое помещение и, все еще не превращаясь в настоящее тайное общество, усвоить практику закрытых собраний, о созыве которых перестали объявлять в газетах и афишах [3].

Некоторое представление о пестроте состава Общества друзей народа и о разнохарактерности их взглядов до 25 сентября 1830 г. дает открытое письмо Франсуа де Корселя (одного из главарей французской Карбонады) к Обществу, с которым он расстался, когда появилась известная сентябрьская прокламация. Из письма явствует, что в Обществе были 1) «якобинцы», 2) сен-симонисты, 3) конституционалисты 1830 г. И большинство из них склонялось

[1] Weill, Histoire du parti républicain, p. 36.
[2] Ibid., p. 31.
[3] *De la Hodde*, Histoire des sociétés secrètes, p. 36.

не к практической деятельности, а к болтовне, к тем якобы «принципиальным заявлениям, которые можно бесконечно комментировать, не делая ни одного шага вперед».

После нападения парижских лавочников Общество очистилось от конституционалистов и сен-симонистов. Повидимому, число членов организации сильно сократилось, поскольку Распайль, сменивший Юбера на посту председателя, говорил, что влияние Общества упало *до нуля*. Но характерно, что и в среде «чистых якобинцев» были разногласия. В зале заседаний появились саркастические надписи, которыми обменялись полемизирующие стороны: на одной колонне висел аншлаг «Жабы *болота*», на другой — «Святые монтаньяры». Распайль, стремившийся примирить противоречия, однажды сжег на свече эти надписи. Пользуясь властью председателя, он подобрал новый состав комитетов, учрежденных при Обществе, стремясь усилить просветительную и благотворительную деятельность Общества. Выступления ораторов стали отличаться более серьезным характером.

Каковы же были результаты борьбы Распайля за «единство», борьбы за примат экономизма и «культурничества» над политикой? Вообще, как оценить деятельность Общества в 1831 г. до первого лионского восстания, и можно ли пользоваться описанием заседания друзей народа, имеющимся в книге Гейне «Французские дела»? Ведь Гейне утверждал, что друзья народа думали гораздо более о самозащите, чем о нападении. «В узкой зале, похожей на театр, было скучено более полуторы тысячи человек. Гражданин Бланки, сын одного из членов Конвента, держал длинную речь, полную насмешек над буржуазией, над лавочниками, избравшими королем какого-то Луи Филиппа, воплощенную лавку, и притом — в своих личных интересах, а не в интересах народа, — *народа, который не был соучастником столь недостойной узурпации*. Это была речь, полная ума, искренности и гнева, но проповеди свободы недоставало свободы изложения. Несмотря на всю республиканскую строгость, прежняя светская утонченность не утратила своих прав, и лучшие места около ораторской трибуны были с истинно французским вниманием предоставлены дамам, «гражданкам». От собрания пахло совсем, как от зачитанного, замусленного экземпляра «Монитера» 1793 г. Оно состояло большей частью из очень юных и совсем старых людей».

Чтобы вызвать у читателя улыбку или эмоцию сожаления по адресу друзей народа, Гейне не нужно было искать на своей чудесной палитре еще более ярких красок. Но Гейне непоследователен. Буржуазные историки, охотно цитирующие этот отрывок, как-то забывают, что месяцем раньше, в январе 1832 г., Гейне писал: «Страшно, как эхо самых кровавых дней Конвента, звучали речи тех вождей Общества друзей народа, которые предстали на прошлой неделе перед судом присяжных по обвинению в «заговоре против существующего правительства с целью свергнуть его и основать республику».

Обычно не цитируется и другой отзыв, характеризующий друзей народа. Австрийский дипломат граф Аппони тоже бывал на заседаниях Общества. Неизвестно, какой характер имело заседание, описанное Гейне, было ли оно совершенно закрытым и «будничным» или торжественным, экстраординарным. Австрийский дипломат сам указывает, что ему удалось проникнуть на *закрытое* заседание друзей народа (и не в начале 1832 г., как Гейне, а летом 1831 г.). «Я внимательно слушал превосходных ораторов, — пишет Аппони.— Особенно был хорош один из них, говоривший 2 часа без перерыва. Невозможно говорить лучше... Ораторы чуть ли не до очевидности доказывали, что, если бы принцип июльской революции был признан народами, это привело бы к падению всех королей, что самое слово «король» было *бесчестным* анахронизмом во Франции со времени славных июльских дней. Подобные речи запечатлеваются огненными чертами в памяти молодых людей, которых тут было множество. Студенты — юристы и медики — возвращаются с заседаний, будучи насквозь пропитанными этими принципами, и разносят отраву. Трудно описать энтузиазм присутствовавших тут испанских и итальянских эмигрантов» [1].

Причастность друзей народа к массовым выступлениям парижского плебса в период с сентября 1830 до ноября 1831 г. несомненна.

О характере и причинах парижских волнений в октябре и декабре 1830 г. сказано выше. Здесь лишь уместно заметить, что в обоих случаях друзья народа — конечно, не все, но какая-то их часть — стояли плечом к плечу с парижскими рабочими. 17 октября народ требовал смертной казни для министров Карла X, а Общество друзей народа на следующий день выпустило прокламацию, «марающую» короля Луи Филиппа [2]. Позиция, занятая в декабрьские дни артиллерийскими капитанами Годфруа Кавеньяком и Гинаром, общеизвестна. Они вербовали сторонников во второй батарее, а Бастит и Тома в четвертой. 19 человек, в том числе Кавеньяк, Гинар и Трела, вскоре должны были предстать перед судом по этому декабрьскому делу.

С наступлением нового года экономическое положение страны не улучшилось. Рабочие Парижа и многих других городов тяжко страдали от безработицы. В некоторых отраслях производства еще выше поднялась волна движений лёддитского типа.

В яркой серии этих разнотипных массовых движений особенно замечательны февральские волнения 1831 г. в Париже. Известно, что поводом для них была своеобразная политическая демонстрация-панихида, отслуженная 14 февраля карлистами в церкви Сен-Жермен л'Оксеруа, в аристократическом квартале Парижа, панихида по герцоге Беррийском, казненном в 1820 г. рукой седельного подмастерья Лувеля. Известно, что возмущенный народ ворвался

[1] «Journal du comte R. Apponyi», v. 2, p. 18. Запись в дневнике датирована 22.VI. 1831.

[2] *De la Hodde*, op. cit., p. 37.

в церковь, разрушил фигуры святых, растоптал «драгоценные завесы» и прочую церковную дребедень. Подробно описаны и сцены следующего дня, 15 февраля, когда толпа разгромила дворец ненавистного парижского архиепископа. Но, кажется, все историки, рассказывая об этих событиях, повторяют один за другим неправильную оценку политического значения февральских волнений. «Власти, — писал, например, Рохау, — которые — основательно или неосновательно — опасались нападения на резиденцию короля, расположили вооруженную силу почти исключительно для охраны Пале-Рояля. Но «ожидаемое нападение приняло другое направление» — толпа двинулась к архиепископскому дворцу. Все движение будто бы ограничилось демонстрацией против легитимистов и клерикалов [1]. Между тем современники событий, например отлично информированные послы крупных держав, жившие в Париже, отмечали именно *республиканский* характер движения. «...Мятежники заговорили о республике», — писал русский посол граф Поццо ди Борго в своем донесении министру иностранных дел через два дня после разгрома двора [2]. Граф Аппони охарактеризовал февральские дни как «дни террора», когда с минуты на минуту ждали, что будет провозглашена республика [3].

Несколько месяцев спустя, в июне 1831 г., вновь вспыхнуло революционное движение и, по выражению Аппони, «весь Париж» еще раз «погрузился» в атмосферу террора. Войсковые части опять разбили бивуаки на улицах, набережных и площадях. На перекрестке Сен-Дени и близлежащих улицах толпились группы взволнованных рабочих. На улицах Сент-Фуа, возле пассажа Кер и на улице Боргар появилось много баррикад, кое-где завязалась кровопролитная борьба [4]. Связь этих волнений с деятельностью республиканцев несомненна.

Резюмируя, можно сказать, что хотя Распайль и старался охладить порывы молодых республиканцев (по выражению Вейля, он «вносил в общественную жизнь холодную страсть ученого и мужество апостола»), но их революционная энергия была неукротима. Можно сказать, что, хотя сам Распайль слабо интересовался вопросами революционного движения вне Франции [5], Общество друзей народа, пославшее в 1830 г. батальон союзников в Бельгию, продолжало и в 1831 г. отличаться от других политических союзов

[1] *Poxay*, История Франции от 1814 до 1852 г., стр. 349—350; ср. *Thureau Dangin*, Histoire de la monarchie de Juillet, t. I, p. 229 et suiv.; *Charléty*, Histoire de la monarchie de Juillet, p. 23 et suiv.

[2] Арх. МИД, 1831, № 197, Pozzo à Nesselrode, 17.II.1831. «Enfin les perturbateurs parlèrent de république; alors le gouvernement se hâta d'inviter la garde et les troupes de ligne à combattre une tentative qui tendait à le renverser» (наконец мятежники заговорили о республике; тогда правительство поспешило призвать гвардию и линейные войска к предотвращению покушения, грозившего свержением его власти).

[3] «Journal du comte d'Apponyi», v. 2, p. 14.

[4] «La Gazette des Tribunaux» № 1824, 18.VI.1831, № 1836, 2.VII. 1831.

[5] *Tchernoff*, op. cit., p. 250—251.

именно своими *реальными* связями с польскими, итальянскими и испанскими эмигрантами.

Однако, став влиятельным авангардом так называемой республиканской партии, отстаивая со времени июльской революции совершенно *новые* политические требования (как например, жалованье депутатам — один из пунктов будущей программы чартизма), обратив внимание французского общества на социальный вопрос своим прямым заявлением о том, что они, друзья народа, стремятся к улучшению физических и моральных условий жизни трудящихся классов и добиваются политических прав для рабочих, Общество друзей народа вплоть до лионского восстания оставалось мелкобуржуазной партией. Оно состояло из студентов, преимущественно юристов и медиков, затем из бывших военнослужащих, молодых людей, связанных с торгово-промышленным миром своей службой или родственными узами; в нем были и «мануфактуристы», рабочих же было очень мало. В программах Общества не выдвигались специфически пролетарские требования. Планомерное развитие и укрепление организационных связей с рабочей массой не предусматривалось. К концу 1831 г. состав Общества очистился от чуждых и даже авантюристских элементов (известно, что даже герцог Орлеанский, сын короля, подавал заявление о приеме его в члены Общества). Но подлинного идейного единства не было и быть не могло в данной исторической обстановке. К числу слабостей организации относится недооценка связи с провинцией. Лишь незначительные группы сочувствующих были в Байонне, Монтобане, в Нормандии [1].

* * *

«Рядом с именем Луи Филиппа, — писал Стендаль, — история напишет одно слово — величайший плут из всех kings (королей)» Луи Филипп плутовал, притворяясь «королем-гражданином», одеваясь в костюм буржуа и в то же время, как метко выразился Гейне, скрывая «в своем дождевом зонтике самый абсолютный скипетр». Он плутовал и в прямом, в самом «неполитическом» смысле слова Известно, что, определяя июльскую монархию как «акционерную компанию для эксплоатации французского национального богатства», Маркс называл Луи Филиппа «директором этой компании — Робером Макэром на троне» [2]. С первых лет царствования Робера Макэра крупнейший спекулянт и банкир Ротшильд стал домашним гением короля и его министров. Портретная галлерея этих сановников представляет даже в беглых зарисовках, оставленных современниками изучаемой эпохи, отталкивающее зрелище.

Как уже сказано выше, с 13 марта 1831 г. у власти был кабинет Казимира Перье. Следует поближе ознакомиться с составом этого министерства, так как именно при нем вспыхнуло первое лионское восстание. Социальный облик этого всесильного министра вполне отвечал запросам Луи Филиппа.

[1] *Perreux*, op. cit., p. 13.
[2] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 6.

Характеристике Казимира Перье Гейне посвятил несколько страниц. *Физические* черты Перье и та «банкирообразная внешность», при виде которой «хочется спросить Перье о теперешних ценах на кофе», описаны ярко и правильно Но чтобы представить себе социальный облик Казимира Перье, послушаем человека, хорошо знавшего министра и всю его семью.

«Банкирский дом Перье, — рассказывает Стендаль, — принимал из расчета 5% сбережения служанок, привратников, мелких землевладельцев; это были суммы в 500—800, изредка 1 500 франков; когда появились ассигнации и когда за 1 луидор можно было получить 100 франков, он вернул вклады этим беднякам. Многие из них повесились или утопились». Казимир Перье — это «большой и грязный плут». «Перье во всем лживы, хитры, коварны, подлы, низки». Позорная внешняя политика и беспощадная борьба с внутренними врагами — такова была суть системы Перье и всей системы «*жюст милье*» (juste milieu) (т. е. «золотой середины»), которая восторжествовала с 1831 г. и стала синонимом «орлеанизма». Самого короля современники называли «типом и изобретателем золотой середины» [1]. Луи Филипп не был изобретателем самого термина «золотая середина» как политического понятия. Еще Монтескье писал, что «золотая середина» есть такой «метод управления, правительства, который заключается в том, чтобы посредством умеренности и законов держаться, стоя между притязаниями партий». Но Луи Филипп пустил в оборот этот термин, сказав 29 января 1831 г. на приеме депутации из города Гэйака, что в своей внутренней политике он постарается придерживаться *золотой середины*. И достаточно было нескольких месяцев правления «Геркулеса золотой середины», Казимира Перье, чтобы абстрактный термин наполнился реальным содержанием, чтобы вся Европа поняла реакционную сущность «системы» Перье. Еще до лионского восстания 1831 г. берлинская газета «Берлинер политишес вохенблат» писала: «Партия золотой середины в Париже всю свою доблесть видит в том, чтобы стать сильной, подавляя революционное движение или обезоруживая анархию, короче сказать, поддерживая свободу и порядок внутри и мир на границах» [2].

В год лионского восстания «мир на границах» поддерживал ген. Себастиани, министр иностранных дел в кабинете Казимира Перье. Бездарный дипломат, обессмертивший себя позорной фразой: «Порядок царствует в Варшаве», замечательно обрисован кистью Гейне. Себастиани — это «кокетливый старик с пепельно-серым сердцем и желтым лицом, на котором кое-где видны еще красноватые пятна, подобно тому как на осенних деревьях среди желтой листвы сверкают иногда яркокрасные листья. Да! Нет ничего

[1] «La Quotidienne» № 57, 26 II. 1834, сославшаяся, может быть, из осторожности на «L'Europe centrale».
[2] «Berliner politisches Wochenblatt» № 7, 19.XI. 1831.

отвратительнее этого вздувшегося ничтожества, которое, хотя и объявлено больным, все-таки часто является в палату и садится на министерскую скамью с пошлой улыбочкой на губах и какой-нибудь глупостью на языке... Вся его наука сводится теперь к нескольким избитым дипломатическим штучкам, которые постоянно звенят в его жестяном мозгу».

Граф д'Аргу был министром торговли и общественных работ в том же кабинете. Стендаль характеризует графа д'Аргу как «низкого льстеца генерала Себастиани». А в секретном донесении, написанном для русского правительства, граф изображается как человек посредственного ума, жадный до денег, играющий на бирже своими министерскими бюллетенями в союзе с Ротшильдом.

Морской министр Риньи в том же документе рисуется как «фальшивый интриган», отлично осведомленный своей тайной полицией обо всем, что происходит в королевском дворце и в интимной среде.

Министром юстиции был Барт, превратившийся из карбонария в ярого врага демократии; как государственный деятель Барт — ничтожество.

Маршал Сульт был военным министром, Монталивэ — министром просвещения, барон Луи — министром финансов. Наибольший интерес представляет для нас личность первого из этих трех членов кабинета Перье. При описании финального этапа лионского восстания 1831 г. придется часто называть имя Сульта.

Адольфа Тьера называли «порождением *июльской революции*». В самом деле, многие характеристические особенности «буржуазной эры» как бы кристаллизовались в натуре Тьера как политика и как человека. Не следует лишь понимать это выражение в том смысле, что Тьер участвовал в революции. После переворота Тьер не сразу выдвинулся на высший административный пост. Сенсационное выступление «глубокомысленного» политика состоялось лишь в сентябре 1831 г., когда Париж с волнением узнал о взятии Варшавы царскими войсками и когда Тьер поразил палату депутатов «историческим» и даже «естественноисторическим доказательством» невозможности политической самостоятельности Польши. Но с первых же месяцев июльской монархии сложилась репутация Тьера как беспринципного и продажного администратора. «К несчастью, — писал русский дипломат Медем, живший в Париже в 1832 г., — он (Тьер) не пользуется никаким уважением в обществе, особенно по причине продажности; его упрекают в том, что, будучи помощником статс-секретаря при Лаффите в министерстве финансов, он продавал должности тем, кто дороже платил» [1]. Медем отмечает также неустойчивость взглядов Тьера, его беспринципность в тех случаях, когда дело касается честолюбия.

Не лучшая характеристика дается Тьеру два года спустя в другом секретном донесении, где говорится о его скандальных биржевых операциях и его не менее скандальных семейных делах — женитьбе на дочери своей бывшей любовницы [1].

[1] Арх. МИД, 1832, № 212—213, Médem à Nesselrode. 11. X. 1832.

Положение широкой массы трудящихся и особенно парижских рабочих в период пребывания Казимира Перье у власти освещается документом, автор которого менее всего желал сгущать темные краски. В сентябре 1831 г. новый парижский префект Вивьен представил министру внутренних дел рапорт следующего содержания.

Часть парижских предпринимателей обанкротилась; другие временно приостановили производство. Многие городские дома пустуют. Дела торговцев, продававших предметы роскоши, резко пошатнулись. Гостиницы обезлюдели. Что касается рабочего населения Парижа, то 40 тыс. человек, т. е. почти половина всех рабочих, связанных с мануфактурами и ремеслами столицы, «ничего не могут заработать». 40% рабочих остаются без работы. Трудно даже представить себе, пишет префект, всю тяжесть их страданий. Число нищих и проституток растет с каждым днем. Безысходное отчаяние — причина многих самоубийств. Бедственное положение широкой массы рабочих пагубно отражается на мелкой торговле [2].

* * *

По сравнению с волнениями, происходившими в Париже в октябре и декабре 1830 г., в феврале, июне и сентябре 1831 г. течение социально-политической жизни в *Лионе* было менее бурным. Общество друзей народа явно недооценивало значение республиканской пропаганды в таком крупном и промышленном городе. Можно с уверенностью сказать, что до восстания 1831 г. в Лионе не было влиятельной организации «друзей народа».

Но и Лион не был тихой гаванью орлеанистской администрации. В течение первых девяти месяцев 1831 г. в Лионе случались события, волновавшие местную власть, французское правительство и даже правительства других стран.

Депрессия в шелкоткацком производстве усилилась во второй половине зимы 1830/31 г. Тысячи голодных, безработных ткачей были доведены до отчаяния. И когда в предместье Бротто 19 января 1831 г. собралось до 800 ткачей-демонстрантов, намеревавшихся пойти в город и потребовать работы, многие из них грозили разгромить конторы фабрикантов, банки и монастыри. Однако никаких столкновений не последовало. Ткачи ограничились манифестацией, во время которой они кричали: «Работы или хлеба!»

Столичная пресса обратила внимание на эти волнения. Газета «Журналь де деба», следившая за каждым проявлением револю-

[1] Арх. МИД, 1834, № 19, приложение к переписке, 2. III. 1834.

[2] *Vauthier*, La misère des ouvriers en 1830, «La Révolution de 1848», t. 23, № 112, octobre 1925, p. 607 et suiv.

ционных настроений, с удовлетворением писала, что «политика была тут не причем» [1].

Действительно ли, однако, «политика была не причем» в тех волнениях, которые вспыхивали в Лионе со времени июльской революции до начала борьбы за тариф? Ценные документы, привлеченные в брошюре французского историка Фромана, убеждают нас в том, что и Лион не был исключением в общем росте пробуждающегося классового и политического самосознания французских рабочих в первые месяцы господства буржуазной монархии.

К сожалению, не все цитируемые документы датированы. Но бесспорно, что все они относятся к периоду первого года июльской монархии. Одна прокламация, обращенная к ткачам, заканчивалась словами: «Друзья! Будем тверды, будем стойко держаться и, раз у нас будет сила, мы *сбросим иго мерзкой кучки подлецов и честолюбцев, сделавших революцию только для того, чтобы обогатиться*» [2].

Другая прокламация гласила:

«...Пора нам объединиться, чтобы свергнуть иго крупного капитала, который хочет занять место наших бывших господ. Поклянемся же все сбросить это иго. Лучше умереть, чем терпеть тиранию богачей. Победить или умереть — будет нашим девизом!» [3]

15 рабочих были арестованы по делу о распространении этой листовки.

Почва для восприятия социалистических идей в Лионе была уже достаточно глубоко вспахана плугом капиталистической эксплоатации, когда весной 1831 г. в этот город прибыли из Парижа известные сен-симонисты Лоран, Пьер Леру и Жан Рейно. Лекции Лорана и Леру, начавшиеся в первых числах мая, собирали множество слушателей. Даже просторные здания Лотереи и цирка не могли вместить всех желающих [4]. Ткачи и другие работники лионских мануфактур восторженно и жадно прислушивались к речам сенсимонистских проповедников. Точное содержание лекций, прочитанных в Лионе, нам неизвестно. Но, зная сущность учения Сен-Симона и сен-симонистов, легко можно себе представить, какое впечатление производили слова и мысли об *эксплоатации человека человеком, о промышленной анархии, об ассоциации*, равно как и центральная идея *необходимости улучшения морального, интеллектуального и физического состояния самого многочисленного и самого бедного класса общества*.

* * *

В феврале 1831 г. французское правительство и почти весь дипломатический мир континентальной Европы были встревожены крупным политическим событием: попыткой итальянских и савойских эмигрантов, в союзе с *лионскими* мелкобуржуазными республиканцами и рабочими, вторгнуться в Савойю, чтобы помочь ей сбросить иго сардинского режима. Это была первая *савойская экспедиция*, грозившая Луи Филиппу тяжкими дипломатическими осложнениями.

Неудивительно, что идея революционного вторжения в Савойю встретила именно в Лионе особенно сочувственный отклик и наиболее решительную поддержку.

Как уже сказано, широкие круги французской демократии сочувствовали всем революционным движениям за границей Савойя, как писал Энгельс, — это «провинция с определенным и решительным преобладанием французской национальности, подобно западным кантонам Швейцарии» [1]. С падением Наполеона Савойя, входившая в состав французской территории, освобожденной от оков феодализма, вновь отошла от Франции и стала жертвой реакции, жертвой пьемонтского абсолютизма. Лион — ближайший к Савойе крупный город — стал убежищем многих савойских и итальянских эмигрантов. Часть эмигрантов, как и вся масса лионских рабочих, испытывала тяжкие материальные лишения.

В результате общения лионских, савойских и итальянских демократов возникла мысль о создании в Лионе отряда волонтеров, отряда, который мог бы в критическую минуту оказать Савойе вооруженную помощь. Лионские волонтеры, руководимые Молларом-Лефевром, одним из будущих вождей второго лионского восстания, сначала пытались легализовать свое детище, но, как и следовало ожидать, Казимир Перье решительно воспротивился. Между тем «критическая минута» оживления революционного движения в Италии настала, и отряд добровольцев, принявший наименование *батальона волонтеров Роны*, был сформирован. Он состоял из политических эмигрантов и рабочих. В ночь на 20 февраля 1831 г. батальон двинулся в поход. Замечательно, что его отправным пунктом было то самое рабочее предместье Круа-Рус, где началось первое лионское восстание.

Местная власть в ту же самую ночь узнала о походе [2]. Сильные воинские части: батальон солдат, драгунский эскадрон и вся жандармерия, были брошены в погоню за батальоном [3]. Начальник лионского гарнизона ген. Рогэ, боевой наполеоновский офицер, не служивший при реставрации, старался отличиться на своем новом посту. Пресса господствующих классов восторгалась его распорядительностью и твердостью. Никто, конечно, не предвидел, что этот храбрый генерал, вступивший в армию простым солдатом в 1789 г. и через 10 лет ставший батальонным командиром, а потом

[1] *Festy*, Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet, p. 72—73.
[2] *Froment*, L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831, p. 19.
[3] Ibid., p. 20.
[4] Ibid., p. 23.

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XII, ч. II, стр. 26.
[2] «Le Précurseur» № 1292, 26. II. 1831.
[3] Так утверждал капитан лионской национальной гвардии, статья которого цитируется ниже. Ср. *Dutacq*, op. cit., p. 90, где, повидимому, ошибочно преуменьшаются силы отряда, посланного в погоню за волонтерами Роны.

полковником, генералом и графом империи, дравшийся в Испании, Италии, России (в 1812 г. он был в Москве), герой, командовавший старой наполеоновской гвардией при Ватерлоо и дольше всех не покидавший поля битвы, потерпит через несколько месяцев после савойской экспедиции, в ноябре 1831 г., полное поражение от лионских ткачей. Но не будем забегать вперед.

В то время как Рогэ принимал чисто военные меры противодействия батальону волонтеров Роны, заместитель префекта советник префектуры Фэй (Faye) обратился к населению города с воззванием, в котором он спешил заявить об уважении французского правительства к «священному праву невмешательства». Преуменьшая причастность самих лионцев к экспедиции, он старался все дело представить как выходку неблагодарных эмигрантов, злоупотребивших правом убежища. Однако комментарии лионской прессы приподнимали завесу, опущенную Фэем. Газета «Прекюрсёр» откровенно сообщала, что воззвание, написанное заместителем префекта, было «по-разному» принято лионской общественностью. Больше того, «Прекюрсёр» даже поместил статью Лортэ, «капитана национальной гвардии, пламенного апостола свободы народов», как отзывалась о нем редакция, одновременно порицавшая резкости Лортэ, равно как и самую попытку революционной интервенции.

Лортэ писал: «Наше правительство ведет себя по отношению к итальянским эмигрантам так же, как поступило оно с испанскими беженцами. Вид несчастных, не знающих, куда преклонить свои головы, возбуждает у нынешнего министерства не больше сожаления, чем у министерства Виллеля и его братии». Воззвание же, написанное Фэем, Лортэ рассматривает как доказательство симпатий к реакционной политике Священного союза. «Если бы власти имели хотя бы малейшее чувство такта (sentiment des convenances), — пишет Лортэ, — они могли бы две недели назад предупредить итальянцев (так как уже весь город говорил об этой экспедиции), что будут приняты все меры противодействия» [1].

Судя по корреспонденциям из Савойи, при первых же известиях об экспедиции в Пон-де-Бовуазен началась паника как среди местных офицеров, так и среди служащих таможни. Ценные вещи перевозились в Шамбери. Курьеры, прибывавшие в Шамбери один за другим, осаждали местную власть просьбами о посылке сильных воинских подкреплений.

Так как история первой савойской экспедиции мало освещена в исторической литературе, нелишне привести здесь содержание интересной прокламации, заготовленной эмигрантами для распространения среди савойского населения.

«Жители Савойи, — гласило воззвание, — ваши братья, жертвы самого несправедливого изгнания, приходят к вам, чтобы, соединившись с вами, свергнуть деспотизм, угнетающий наше отечество по обе стороны Альп. Мы приходим к вам, восклицая: *Да здравствует Свобода, да здравствует Родина*! Эти смелые, бодрящие возгласы, впервые раздавшиеся во Франции и уже с энтузиазмом подхваченные Бельгией, Польшей и большей частью Италии не напрасно прозвучат и в ваших прекрасных долинах. На них ответит эхо в среде потомков аллоброгов.

У всех нас одно и то же ярмо, которое надо сбросить. У всех одни и те же цепи, которые надо разбить. У всех одни и те же беды, достойные сожаления. Объединимся, пойдем вперед, и скоро знамя Свободы перекинется через Альпы: наши пьемонтские и лигурийские братья не замедлят последовать нашему примеру и протянуть руку другим жителям возрожденной Италии. Таким путем мы обеспечим всем нашим народам вместе со свободой и будущее процветание, будущую славу. Вернувшись же к пользованию своими правами, вы сами можете свободно решить вопрос о форме государственной власти и предопределить будущие судьбы вашей родины.

Ваши — сосланные или изгнанные — сограждане» [1].

Но задуманный поход не удался. Батальон волонтеров Роны был настигнут в Мексимье. Уступая превосходным силам, посланным из Лиона, волонтеры Роны вернулись в город без сопротивления. Дютак рассказывал, что 200 участников похода под давлением материальной нужды будто бы согласились поступить в африканскую французскую армию [2]. Не более ли правдоподобно предположение, что волонтеры были насильно рассеяны лионской полицией? По крайней мере достоверно известно, что итальянским эмигрантам, жившим в Лионе, было предложено в 24 часа покинуть этот город. Предполагалось выселить даже буржуазные элементы эмиграции, связанные с лионской торговлей или промышленностью [3].

На первый взгляд вся история батальонов волонтеров Роны представляется мимолетным эпизодом. Между тем этот эпизод оказал огромное влияние на лионских ткачей, часть которых близко соприкасалась с волонтерами Роны и даже состояла в рядах батальона. Савойская экспедиция была «прелюдией» ноябрьского восстания, как гласил обвинительный акт по делу о втором восстании в Лионе. После изгнания итальянских эмигрантов число «солдат» батальона, принадлежащих к лионскому населению, могло лишь увеличиться. И хотя, по утверждению некоторых современников, батальон волонтеров после похода существовал лишь «на бумаге» (позднейшие исследователи должны будут проверить это показание), но так или иначе тип боевой организации всегда был перед глазами ткачей; непосредственная же причастность к батальону

[1] «Le Précurseur», 1831, № 1292.

[1] Le Précurseur», 1831, № 1292.

[2] *Dutacq*, Les journées lyonnaises de novembre 1831, «La Révolution de 1848», 1932, p. 90.

[3] «Journal de Francfort» № 70, 11. III. 1831, перепечатка заметки из газеты «Прекюрсёр».

многих ткачей давала им возможность еще задолго до восстания приобрести организационный опыт и в критическую минуту просто перенести в свою среду могучие принципы военной организации. А это было тем более необходимо для лионских ткачей, что вся их широкая масса очень долго оставалась совершенно неорганизованной. Правда, еще со времен реставрации в Лионе существовала ассоциация мютюэлистов. Но ее *непосредственное влияние* на массу ткачей было весьма незначительным вплоть до самой осени 1831 г. Эмбриональный период организации почти не исследован. Известно лишь, что ткач — хозяин мастерской Пьер Шарнье предложил в 1827 г. оригинальный план объединения ткачей — хозяев мастерских. Структура задуманного общества была представлена символически в следующем виде: из большого открытого глаза, помещенного в полукруге, ниспадают 17 лучей. Каждый из них заканчивается глазом меньшей величины. Это был символ взаимоотношений 17 синдиков-старшин, подчиненных одному высшему правителю — «директору». Каждый же из синдиков возглавлял ячейку, состоявшую из 20 человек. Неизвестные нам причины помешали Шарнье сформировать сколько-нибудь значительную организацию. В 1828 г. сам Шарнье вследствие разногласий с большинством членов союза вышел из Ассоциации [1]. Группа ткачей — хозяев мастерских перехватила инициативу, и 28 июня 1828 г. Ассоциация мютюэлистов сформировалась окончательно в том виде, в каком она просуществовала до октября 1831 г. Ее членами могли быть только ткачи — хозяева мастерских, притом только женатые. И хотя общение между 8 тыс. ткачей — хозяев мастерских стимулировалось общими условиями (материальная нужда, служба в национальной гвардии и т. д.), но Ассоциация мютюэлистов росла очень медленно. В начале 1831 г. в ней было менее 300 и лишь к ноябрю 1831 г. — 400 членов. Но как ни слабо развивалась Ассоциация в 1830— 1831 гг., она тоже сыграла свою роль в предистории лионского восстания. Принцип субординации, стройность, гибкость организации, подразделенной на небольшие ячейки, — все это можно было использовать, выдвинув лишь новое руководство и новые задачи.

[1] *F oment*, L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831, p 15.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ШЕЛКОТКАЦКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ГОРОДА ЛИОНА

После Парижа Лион — крупнейший промышленный город. Но в нем не было того огромного разнообразия мануфактур и ремесл, каким отличался Париж. Подавляющее большинство рабочего населения гор. Лиона составляли шелкоткачи, работавшие у себя на дому. Лион отличался и от промышленных городов северо-восточной Франции, где уже задолго до июльской революции 1830 г. появился новый тип капиталистического предприятия — фабрика.

Население Лиона вместе с предместьями Круа-Рус, Гийотьер, Бротто и Вэз достигло к 1830 г. 185 723 жителей [1]. Может быть, эта цифра и не совсем точна, но во всяком случае число жителей города и предместий превышало 185 тыс. чел. [2]. Внутри города обитало около 140 тыс. человек [3]. Читатель представит себе распространенность и значение шелкоткацкого производства в Лионе, если словами одного современника эпохи мы скажем, что «вовсе не будет преувеличением, что одно лишь это производство занимало более 90 тыс. человек».

Классовое расслоение городского населения создало своеобразные типы городских улиц и кварталов.

Лионский квартал Белькур — это замкнутый мирок тщеславных потомков старого барства, где ежедневно слышались жалобы на потери, причиненные дворянству первой французской революцией. Но как ни велик был «трансферт собственности» в годы революции (документы, изданные Шарлети,воспроизводят картину переворота, поскольку речь идет о распроданных национальных имуществах) [4], многие «жертвы революции» сохранили свои великолепные замки с ежегодной рентой от 25 до 30 тыс. франков, утеряв лишь... огромное бремя долгов [5]. Победа буржуазии в июле 1830 г.

[1] «The Times» № 14708, 29.XI. 1881
[2] Национальная библиотека, Lb^{51} 1089, p. 13.
[3] *Cochard*. Guide, p 392.
[4] «Département du Rhône», Documents relatifs à la vente des biens nationaux, L. 1906.
[5] «Lyon vu de Fourvière», p. 186 et suiv.

доставила свежую пищу для желчной болтовни этих пустых людей. Квартал Белькур — это замкнутый мирок живых трупов. В квартале Сен-Клэр тоже почти совсем нет лавок, мелких магазинов. Но тут на каждом шагу конторы, кассы, богатые магазины во втором этаже. В квартале Сен-Клэр жила денежная аристократия, у которой ничего не было «в далеком прошлом». Сен-Клэр — гнездо денежных тузов, в котором живут банкиры, «фабриканты» (не настоящие фабриканты, а мануфактуристы, владельцы раздаточных контор), биржевые дельцы, оптовые торговцы. Тут даже маленькие дети, воспитывающиеся «в страхе перед господом богом и банкротством», на девятом году жизни начинают разбираться в биржевых курсах. Огромные состояния сосредоточены здесь в немногих руках.

Мелкую буржуазию представляла лионская улица Мерсьер, территориально близкая к аристократическому кварталу, но чрезвычайно далекая от него в социальном отношении. Улица Мерсьер — базар мелкой собственности и разнообразных розничных товаров; торговля тут ведется все так же, «как во времена короля Франциска I»: столетия изменили вид некоторых товаров, но не характер торговли. Банкротства здесь редки; но и состояния «наживаются» очень медленно: медленнее, чем в мелкой торговле многих других французских городов. В 10 часов вечера на улице Мерсьер не видно ни одного освещенного окна. Можно подумать, что жители вымерли от чумы. Но все они в добром здоровье, только пораньше легли спать, чтобы не потерять ни одного сантима в утренние часы торговли. Все эти торговцы ситцем и коленкорами, фигурками като-

лических «святых», аптекарским и прочим товаром живут не нуждаясь, но и без роскоши.

Четвертый тип лионских улиц и жилищ найдем, например, в квартале Сен-Жорж. Даже историк, безмерно преданный правительству и буржуазии, доктор Монфалькон, выступивший против рабочих в ноябре 1831 г., признавал, что квартал Сен-Жорж «замечателен скученностью плохо построенных и плохо проветриваемых домов, расположенных в чересчур узком пространстве между рекой Соной и горой Сен-Жюст» [1]. А другой современник эпохи, доктор Виллермэ, прибавлял, что «во всей Европе мало найдется таких же узких улиц, так же плохо проложенных и столь же искривленных, как в квартале Сен-Жорж» [2]. Это рабочий квартал. Здесь ютятся разные ремесленники и шелкоткачи. Даже не все хозяева мастерских имеют по 2 комнаты. Большинство же работников живет в такой тесноте, что во время сна колонка воздуха над каждым обитателем этих нездоровых помещений не превышает 54—63 *см*. В одной комнате спит вся семья хозяина мастерской (отец, мать, 2—3 детей) и компаньоны — 1 работница и 1 рабочий. Солнце никогда не заглядывает в эти жилища.

В квартале Сен-Жан тоже жили шелкоткачи. Здесь было много мастерских, работавших на так называемых жаккардовых станках. Но главная масса шелкоткачей обитала в предместьях, точнее сказать, городках — Круа-Рус и Гийотьер [3], прилегающих к северной и восточной сторонам Лиона.

Два высоких холма, Круа-Рус и Фурвьер, поднимались за чертой города. Своеобразное впечатление производил Лион на путешественника, смотревшего на город с высоты Фурвьер: перед его глазами открывалась живописная панорама беспорядочно расположенных улиц, домов, точно нагроможденных друг на друга «высоких и низеньких, черных и серых, белых и пестрых домов, разукрашенных продолговатыми, квадратными, восьмиугольными и треугольными вывесками».

Своеобразная, пестрая внешность города вполне гармонировала с оригинальной структурой основной отрасли лионской промышленности — шелкоткацкого производства. Лионские ткачи — это пестрый конгломерат работников, классовое положение которых было совершенно неоднородным. Широкая пролетарская масса работников шелкоткацкого производства состояла из подмастерьев (или так называемых компаньонов), учеников, лансеров [4] и работниц, выполнявших вспомогательные операции в ткацких мастерских. Полупролетариат шелкоткацкой мануфактуры был представлен довольно широким слоем ткачей — хозяев мастерских,

[1] *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 29.
[2] *Villermé*, Tableau I, p. 361.
[3] В каждом из этих «предместий» была своя городская мэрия, и мэры назначались приказом короля, а не распоряжением префекта.
[4] Лансерами назывались подростки, бросавшие челнок при производстве некоторых сортов шелка.

имевших по одному или по два станка, обслуживаемых только силами их семей. Явно мелкобуржуазная прослойка ткачей состояла из хозяев мастерских, имевших от трех или четырех до шести и более станков. В мастерских этих ткачей-хозяйчиков, тоже работавших на станках (хотя были и такие хозяева мастерских, которые лишь приготовляли основу ткани, после чего они только наблюдали за работой), и работали подмастерья, ученики, работницы. Ученики не получали никакой заработной платы. Подмастерья получали за каждую штуку сотканной материи только половину причитающейся платы; вторую половину удерживал в свою пользу ткач — хозяин мастерской, в руки которого и поступали непосредственно все денежные суммы, выплачиваемые капиталистами — владельцами раздаточных контор, называвшимися «купцами-фабрикантами».

Описываемая организация производства заставляет нас прежде всего вспомнить то, что писал В. И. Ленин о подобной же, хотя и не вполне идентичной, системе капиталистической эксплоатации:

«Раздавая материал на дома, предприниматели удешевляют таким образом заработную плату, сберегают расходы на помещение, отчасти на орудия, на надзор, освобождаются от не всегда приятных требований к фабрикантам (они не фабриканты, а торговцы!), приобретают рабочих более разрозненных, раздробленных, менее способных к самозащите, приобретают бесплатных погонщиков для этих рабочих — своего рода «заглодов» или «мастерков» (термины нашей текстильной промышленности при системе раздачи пряжи на дома) в лице тех работающих на них кустарей, которые *от себя нанимают еще наемных рабочих* (в 636 семьях чеботарей, работающих на скупщиков, сочтено 278 наемных рабочих)» [1].

Вся эта выпуклая характеристика почти целиком применима к организации шелкоткацкого производства в Лионе. Разница заключается в том, что лионские фабриканты сберегали расходы на орудия не «отчасти», а полностью.

Станки были собственностью ткачей — хозяев мастерских. Только в двух мануфактурах (обе находились за чертой города, одна — в Круа-Рус, другая — в Соважер) все работы выполнялись в одном здании, принадлежавшем вместе со всеми орудиями капиталисту. Но тут вырабатывались не чисто шелковые, а смешанные товары.

Владельцы раздаточных контор, т. е. так называемые купцы-фабриканты, раздававшие шелковую пряжу, наблюдали за производством, посещая мастерские, в которых выполнялись их заказы. Приняв от ткачей — хозяев мастерских готовые ткани, они сдавали многие сорта товаров аппретурщикам для отделки. Кроме аппретурщиков, на тех же купцов-фабрикантов работали красильщики пряжи и тканей. Вполне законченные шелковые товары поступали от купца-фабриканта в руки комиссионеров шелкоткацкого

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 252 (курсив Ленина).

производства, владельцев «чистого» торгового капитала, затрачиваемого на приобретение товаров, для перепродажи их в том же самом непереработанном виде.

Как же следует назвать всю эту своеобразную систему взаимоотношений ткачей-подмастерьев, ткачей— хозяев мастерских, подсобных работников, специалистов-аппретурщиков и красильщиков, купцов-фабрикантов и комиссионеров? Как определить строй лионского шелкоткацкого производства в терминах марксистско-ленинской классификации капиталистических форм промышленности?

Если обратиться к третьему тому «Капитала», то в 20-й главе в том месте, где Маркс говорит о консервирующей роли купеческого капитала в тех случаях, когда купец, а не производитель «непосредственно подчиняет себе производство», мы найдем следующее замечание, касающееся шелковой промышленности во Франции:

«Таким образом, например, еще до половины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — простым купцом, который предоставлял ткачам работать их старым раздробленным способом и который господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали. Такие отношения повсюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития»[1].

Итак, лионский «купец-фабрикант» не был фабрикантом. Сохраняя во всем нижеследующем тексте традиционный термин «фабрикант», мы должны раз навсегда оговорить его условность.

Но в каком смысле нужно понимать выражение Маркса «простой купец»?

Лионские фабриканты покупали товар (пряжу) и продавали его в переработанном виде. Прибавочная стоимость извлекалась путем эксплоатации непосредственных производителей, подразделявшихся на ткачей, мотальщиц, красильщиков, аппретурщиков. Виллерме, наблюдавший Лион в 1835 — 1836 гг., писал, что крашение и снование — это две разные профессии, одна из которых выполняется почти исключительно мужчинами, а другая — женщинами.

В первом томе «Капитала» Маркс упоминает о лионском шелкоткацком производстве именно там, где он говорит о капиталистической мануфактуре. Лионское шелкоткацкое производство фигурирует как «более современный пример» такого способа образования *мануфактуры*, который заключается в комбинации разнородных ремесл «под управлением одного и того же капитала» [2].

Лионское шелкоткацкое производство не было ни ремеслом, ни фабричной промышленностью. Оно не было и внешним отде-

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, ч. 1, изд. 7-е, 1935, стр. 234.
[2] *Маркс*, Капитал, т. I, изд. 8-е, 1936, стр. 271 и примечание 26.

лением фабрики, мануфактуры или торгового заведения, чем по существу является так называемая современная домашняя промышленность [1]. То обстоятельство, что все работы ткачей, красильщиков и аппретурщиков производились *на дому*, отнюдь не противоречит понятию мануфактуры.

Вспомним, что писал В. И. Ленин о работе на дому, правда, по другому поводу, о другой стране: «На этом примере особенно ярко сказывается, что *работа на дому нисколько не устраняет понятия капиталистической мануфактуры*, а напротив, иногда является даже *признаком ее дальнейшего развития*» [2]. Ленин, как это явствует из всех его экономических работ (и что специально оговорено в одном из примечаний к «Развитию капитализма в России» [3], был против выделения работы на скупщика в особую форму промышленности.

Давно сложившееся в капиталистическую мануфактуру, давно превратившее самостоятельных ремесленников в зависимых работников, занятых только одной специальной операцией (окраска и отделка только шелковых товаров, тканье только определенных сортов материй и т. д.), лионское шелкоткацкое производство законсервировалось в зачаточной форме и не выдвинуло (из среды купцов-фабрикантов) организаторов крупных, объединенных мануфактур, нивеллирующих пеструю массу работников и устанавливающих более строгую, более плодотворную систему разделения труда внутри единой, большой мастерской.

Техника ткачества соответствовала строю производства. Подавляющее большинство станков было занято производством так называемых гладких тканей. А гладкие ткани вырабатывались на архаических ручных станках. Только у одного фабриканта действовал механизированный станок его собственного изобретения, станок с автоматическим челноком. Другой фабрикант применял даже паровую машину; но эта машина приводила в движение станки, выделывавшие не чисто шелковые, а смешанные ткани [4]. И лишь в производстве узорчатых тканей, занимавшем в 1831 г. около $^1/_5$ всего числа станков, почти все старинные орудия производства были заменены механизированными жаккардовыми станками.

Жаккардовы станки, как и все прочие станки, были собственностью самих ткачей — хозяев мастерских.

Механизация производства, достигнутая путем комбинации двух изобретений: системы картонов и «автоматизации» движения станка,

[1] *Маркс*, Капитал, т. I, 8-е изд., 1936, стр. 382. «Эта так называемая современная домашняя промышленность, кроме названия не имеет ничего общего с старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она превратилась во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения».
[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 321. Ленин брал в пример щеточный промысел Московской губернии.
[3] Там же, стр. 430—431, примечание.
[4] *Cochard*, Guide, p. 398.

устраняла необходимость в помощнике, так называемом «тирер де ляс», который следил за выполнением узора и непосредственно участвовал в его производстве, продергивая и закрепляя соответствующие цветные нити. Однако «автоматизация» движения станка была неполной: никаких механизированных приводов не было, двигательная сила животных, ветра, воды, пара не применялась, и все «жаккарды» приводились в движение ручным способом.

Роль ткача, работающего на «жаккарде», вовсе не ограничивалась одним наблюдением за ходом работы станка. Работать на «жаккарде» мог лишь опытный ткач-специалист.

В 1824 г. внутри Лиона, т. е. в черте города, было 19 724 шелкоткацких станка. Распределение их по виду продукции показывает нижеследующая табличка (необходимо, впрочем, учесть, что около 900 станков не работали в 1824 г.):

Таблица 3

Наименование изделий	Число станков
Гладкие ткани	11 363
Узорчатые ткани, производимые на жаккардовых станках	3 961
Бархат	710
«Гранд-тир»	84
Газ и креп	871
Тюль	1 006
Чулки	427
Ленты, басон	411

К сожалению, неизвестно, сколько станков было в 1830—1831 гг. в предместьях Лиона и окрестных деревнях.

Соотношение основных социальных элементов шелкоткацкой мануфактуры в 1831 г. в Лионе представляют обычно следующими цифрами: 750 фабрикантов, 8 тыс. ткачей — хозяев мастерских

и 30 тыс. ткачей-подмастерьев. Но нужно учесть и громадный контингент прочих работников, являвшихся составным элементом шелкоткацкой мануфактуры в том смысле, как ее понимал Маркс. Основываясь на данных Кошара, автора «Путеводителя по Лиону», изданного в 1829 г., следует сделать вывод, что численность всей остальной массы работников, связанных с шелкоткацким производством, значительно превышала общее число ткачей.

Снижая сдельные расценки, лионские фабриканты уверяли, что условия шелкоткацкого производства ухудшались в годы, предшествовавшие ноябрьскому восстанию. Историки, писавшие о лионских событиях 1831 г., в той или иной мере способствовали сохранению этой легенды. Обратимся же к первоисточникам и исследуем: 1) размеры иностранной конкуренции в шелкоткацком производстве до 1831 г.; 2) сырьевые условия ткацкой мануфактуры; 3) конъюнктуру в Лионе накануне восстания, осенью 1831 г.

Когда лионские фабриканты говорили об успехах швейцарского шелкового производства, их аргументация казалась особенно убедительной.

Побуждаемый «всеобщими криками» об опасности швейцарской конкуренции, некий коммерсант де Тест, долго торговавший шелковой пряжей, решил лично ознакомиться с положением ткацкого производства в разных странах. И вот что рассказывал этот опытный негоциант в своей книге, изданной незадолго до лионского восстания. Швейцария действительно могла вырабатывать некоторые материи не хуже, чем лионцы, и продавать эти ткани на 12% дешевле. Но размеры швейцарского производства ни в какой мере не угрожали лионцам. Прежде всего, в Швейцарии до 1830 г. почти вовсе не было жаккардовых станков; таким образом, не было конкуренции лионским узорчатым тканям. Что же касается производства гладких материй, то, как оказывается, станки, вырабатывающие эти товары, не были заняты в течение целого года; они были рассеяны по деревням и представляли только подсобную статью в сельскохозяйственных работах[1]. Поэтому швейцарские фабриканты не могли ни ускорить темп производства, ни произвольно увеличивать свои заказы. Следовательно, цифровые данные о количестве станков в Швейцарии обманчивы: они несоизмеримы с цифрами, которыми исчислялось количество лионских станков. А если бы швейцарские фабриканты пожелали искусственно расширить производство путем ввоза иностранной рабочей силы, то немедленно исчезло бы и то преимущество, которым они пользовались, — дешевые «рабочие руки». Кроме того, в Швейцарии почти вовсе не было крутильных фабрик.

В Голландии Антверпен — единственный город, имевший шелковую мануфактуру. И вырабатывался здесь только один сорт изделий — черный шелк. Де Тест лично побывал в Антверпене и

[1] *Léon de Teste*, Du commerce des soies et soieries, 1830, p 149 et suiv.

убедился, что местные «фабриканты» в общем знакомы с производством одноцветных материй. Но из личных бесед с антверпенскими негоциантами он выяснил, что местные рабочие недостаточно искусны в выделке одноцветных материй других оттенков, кроме черного. Как бы то ни было, де Теста удивлял не рост голландской конкуренции, а то обстоятельство, что антверпенские магазины торгуют лионскими шелками [1]. Сверх того, здесь, как и в Швейцарии, почти отсутствовали крутильные фабрики [2].

В Вене было довольно значительное производство шелковых тканей, и гладкие материи производились хорошо, но технические приемы очень устарели; поэтому австрийские шелковые изделия продавались дороже французских, и не только на заокеанском, *но даже на европейском рынке французам нечего было бояться.* австрийское шелкоткацкое производство ограничивалось своим внутренним рынком.

Эльберфельд облюбовал одну узкую специальность — производство шелковых платков. Условия производства не очень благоприятны. Эльберфельдские «фабриканты» рассчитывали получать нужное для них индийское шелковое сырье из Англии, но английские купцы продавали только шелк-сырец, т. е. некрученую шелковую пряжу. Поэтому пришлось отсылать сырец в Италию для крутки, так как своих крутильных фабрик не было. Невыгодность подобной комбинации заставила местных «фабрикантов» приобретать сырец не в Лондоне, а в Неаполе, но итальянский шелк-сырец мало пригоден для выделки фуляра.

Крефельд усвоил другую специальность: легкий шелковый бархат, тафту, так называемый «гро-де-Напль», левантины, газовые косынки. Лишь незадолго до 1830 г. здесь появились и станки Жаккáрда.

В Берлине шелкоткацкое производство уменьшалось ежегодно и сократилось за двадцать лет, предшествовавших лионскому восстанию 1831 г., на 50% [3].

Де Тест решительно высказывался и против преувеличения английской «опасности», указывая на дороговизну рабочей силы в Англии, повышающую себестоимость производства. Мы теперь вплотную подошли к вопросу о стоимости производства штуки материи в Англии и в Лионе. Исследовать этот вопрос по отношению ко всем сортам материй не нужно.

Если обратиться к тарифу, борьба за который была прелюдией ноябрьского восстания 1831 г., то нетрудно выделить наиболее дешевые расценки; очевидно, что ими оплачивались товары, в производстве которых сильнее всего сказывалось влияние иностранной конкуренции. Одна из этих самых пониженных расценок существовала по сорту «гро-де-Напль» гладкой ткани.

Расчет стоимости производства «гро-де-Напль» в Англии и в Лионе находим в справочнике, изданном уже после восстания [1], когда обстоятельства могли измениться лишь к лучшему для Англии: механизация шелкоткацкого производства достигает там с середины тридцатых годов гораздо более заметных успехов, чем до восстания 1831 г.

Таблица 4

Производство материи «гро-де-Напль» из фунта шелковой пряжи в Лондоне и в Лионе

В Лионе	Фунты стерлингов	Шиллинги	Пенсы	В Лондоне	Фунты стерлингов	Шиллинги	Пенсы
8 унций крученой пряжи из расчета по 25 шилл. за фунт	—	12	6	8 унций итальянского сырца для утка	—	11	2
8 унций сырца из расчета по 22 шилл. 6 пенсов за фунт	—	11	3	8 унций пьемонтского крученого шелка для основы	—	12	0,5
Окраска и мотание	—	—	11	Окраска и мотание	—	1	6
Отбросы при окраске и обработке (16:4)	—	6	2	Отбросы при окраске и обработке (16:4)	—	6	2
Подготовка основы и утка	—	1	3	Подготовка основы и утка	—	2	0,5
Выделка 16 аршин из расчета по $4^1/_2$ пенса за аршин	—	6	—	Выделка 16 аршин из расчета по 8 пенсов за аршин	—	10	8
Всего	1	18	1	Всего	2	3	7

Как видим, разница в пользу Лиона равнялась 5 шиллингам 6 пенсам, или во франках по тогдашнему курсу около 7 франков.

Другой пример — сравнение стоимости производства 500 аршин шелкового сатина в Лионе и Спитальфильде. Разница в пользу Лиона достигала чуть ли не 660 франков [2]. Абсолютная цифра,

[1] *De Teste*, op. cit., p., 157: «... et l'observateur s'étonne en voyant dans tous les magasins de la ville les produits lyonnais» (и наблюдатель удивляется, видя во всех магазинах города лионские изделия).

[2] Ibid., p. 161: «Anvers, n'ayant presque pas de moulins à soie, se trouve genée, arretée à chaque instant dans la marche de son industrie» (Антверпен, *почти не имеющий шелкокрутильных мельниц, оказывается стесненным в развитии своего постоянно тормозящегося производства*).

[3] Ibid., p. 171: «... il est aisé de remarquer que celle de Berlin diminue toutes les années à tel point qu'on n'évalue plus à présent que 3000 à 4000 balles de soie sa consommation annuelle, tandis qu'on la portait à 8000 il y a 20 ans». (*легко заметить, что берлинское производство сокращается с каждым годом до такой степени, что в настоящее время годовое потребление шелковой пряжи определяется 3 тыс. — 4 тыс. кип. Между тем, как лет 30 назад оно определялось 8 тыс. кип*).

[1] *Devilliers*, Nouveau manuel complet de la soierie», 2 v. in 16, Paris 1839, p. 288—289.

[2] Подробный расчет, основанный на данных Девильe, приведен мною в статье «Причины восстания лионских рабочих в 1831 г.», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IV, стр. 181.

вероятно, далеко не точна, но в самом характере соотношения себестоимости производства в Лионе и Спитальфильде не может быть сомнений.

Иные историки думали, что, получая пряжу из Бенгала и прочих азиатских колоний, Англия имела значительное преимущество по сырьевым условиям производства, так как колониальный сырец стоил дешевле, чем покупаемый Францией испанский и итальянский шелк.

Объединив данные де Теста [1], Девильe [2] и французской газеты текстильщиков «Журналь де тиссю» [3], мы получим возможность точно установить роль бенгальского импорта в потреблении шелкового сырья.

Таблица 5

Потребление шелкового сырья в Англии

С 1.V 1822 г. по 30.III 1823 г.	Фунты	%
Все количество потребляемого шелкового сырья в Англии	2 353 465	100
Индийского происхождения	1 215 005	51,6
Итальянского »	875 442	36,9
Другого происхождения (Левант и др.)	268 018	11,5
В 1832 г.		
Весь английский импорт шелкового сырца	4 224 897	100
Индийского происхождения	1 814 826	42,7
Французского и итальянского происхождения	1 718 419	40,4
Другого происхождения	591 652	16,9

Отсюда видно, что индийский сырец не играл доминирующей, исключительной роли и его относительное значение не возрастало, а падало.

Обратимся теперь к сравнительным цифровым данным о французской и английской торговле готовыми шелковыми товарами.

Заметим, что цифры французской статистики экспорта неточны. Компетентный современник изучаемых событий, автор справочника по шелкоткацкому производству, писал, что официальные данные торговой статистики не представляют иногда даже одной трети действительной стоимости экспортируемых товаров. Как бы то ни было, подобная неточность лишь усиливает наши выводы.

Вот табличка, которая, при неточности абсолютных чисел, выразительно иллюстрирует движение отношений. Здесь сравниваются французские импорт и экспорт шелковых тканей в стоимостном выражении в миллионах франков.

[1] *De Teste*, op. cit., p. 133.
[2] *Devilliers*, op. cit., v. II, p. 315.
[3] «Journal des Tissus», № 109, 1833.

Таблица 6

Французский импорт и экспорт шелковых материй [1]
(в млн. франков)

	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.
Импорт	1,7	1,8	2,3	2,8	2,4	3,6
Экспорт	115,3	115,4	111,1	111,1	119,3	106,8

Отсюда явствует, что из 6 лет (1827 — 1832) год первого лионского восстания был наиболее благополучным. Рассмотрим и другую, еще более детальную таблицу, где ввоз и вывоз французских шелковых материй дается в весовом выражении. Пользуясь тем же источником, что и при составлении предыдущей таблички, представим здесь сводку интереснейших данных, разбросанных на нескольких страницах «Tableau décennal» за 1827—1836 гг. (см. таблицу 7 на следующей странице).

Используем, наконец, еще одно показание первоисточника эпохи — «Journal des Tissus». Вот какие данные об английском импорте шелковых материй и лент мы здесь находим, притом не в денежном выражении, а в весовом [2].

В 1827 г. таможенный сбор был взыскан со 115 278 фунтов шелковых изделий, в 1828 г. — с 169 530, в 1829 г. — с 121 953, в 1830 — с 126 570 и в 1831 г. — с 148 729 фунтов.

Французский же импорт (из Англии) в 1830 г. равнялся всего лишь 11 704 фунтам.

Лионское купечество боялось потерять прежние позиции на лейпцигских и франкфуртских ярмарках. В действительности, даже позднее, например на новогодней и пасхальной ярмарках 1834 г., все преимущества лионских фабрикантов сохранялись. В той сумме 10 млн. франков, на которую было продано шелковых товаров всеми участниками торга, исключая Таможенный союз, доля французских шелков равнялась двум третям [3], т. е. около 7 млн. франков.

Итак, характеризуя положение французского шелкоткацкого производства на международном рынке, можно сказать, что ввиду обнаружившейся тенденции некоторых стран специализироваться по выделке отдельных сортов многочисленного ассортимента гладких материй, перед лионскими негоциантами возникала задача: позаботиться о том, чтобы некоторые сорта в категории гладких материй производились менее архаическим способом.

[1] «Tableau décennal du Commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères, publié par l'administration des Douanes», part I, p. LIII, LV.
[2] «Journal des Tissus», 28.VI. 1835.
[3] «Archives du Commerce», t. 9, p. 219—222; сообщение о ярмарках 1834 г.

Таблица 7

Французский ввоз и вывоз шелковых изделий с 1827 г. по 1832 г.[1] *(в тыс. кг)*

Наименование изделий	Импорт						Экспорт					
	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.
Гладкие материи	5,8	6,2	7,2	10,3	10,7	17,7	432	425	384	428	496	427
Узорчатые ткани	0,1	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	151	141	134	146	137	136
Материи «Броше»	—	—	—	—	—	—	7	3	4	2	1	3
«Броше», затканные серебром и золотом	—	—	—	—	—	—	0,4	2	2	2	1	1
То же, но затканные фальшивой отделкой	—	—	—	—	—	—	1	1	2	1	0,6	0,6
Тюль	—	—	—	—	—	—	12	10	10	8	5	4
Газ из чистого шелка	0,03	0,05	0,09	0,08	0,03	0,03	12	8	10	11	9	7
Креп	Ничтожно малые количества						42	43	47	36	44	25
Всего	5,93	6,35	7,49	10,68	11,13	18,23	657,4	633	593	634	693,6	603,6

[1] «Tableau décennal» 1827—1836, part. I, p. 279—281; part. II, p. 723—774.

Апологет фабрикантов, первый историк или, точнее сказать, первый фальсификатор истории восстания 1831 г., доктор Монфалькон, старался доказать, что в рассматриваемые годы произошло сокращение внутреннего рынка. Доподлинное исследование этого вопроса едва ли возможно. Экономисты знают, как трудно, даже в современных проблемах конкретной экономики Франции, установить динамику развития внутреннего рынка: никакой статистики внутренней торговли не существует. Поэтому аргументацию Монфалькона можно критиковать лишь с точки зрения применяемого им совершенно неудачного метода.

В самом деле, Монфалькон основывает свой вывод о сокращении внутреннего рынка на следующих вычислениях. С 1825 по 1827 г. сумма французского экспорта всех шелковых изделий равнялась 329 502 481 франку; за тот же период импортировано (Францией) шелкового сырья на 105 434 975 франков (отношение 2 985); с 1828 по 1830 г. сумма того же экспорта равнялась 465 293 893 франкам, а шелкового сырья было импортировано на 105 542 862 франка (отношение 4 409); в 1831 г. сумма французского экспорта всех шелковых изделий составляла 179 349 213 франков, шелкового сырья за тот же год импортировано на 26 981 383 франка (отношение 6 647).

В растущей диспропорции отношений он и усматривает основание для своего вывода. Но не говоря уже о той неудовлетворительной условности, с какой, вообще говоря, могут быть приняты цифры, характеризующие весь шелковый экспорт (т. е. не только материи, но и ленты, составляющие главную статью вовсе не лионского, а сент-этьенского производства)[1], приведенный расчет Монфалькона лишается своего значения, потому что в нем игнорируется роль туземного сырья.

Как выглядит кривая сбора коконов и производства шелковой пряжи в самой Франции за эти годы? Архив не дает ответа на этот вопрос [2].

И, наконец, следует заметить, что решающее значение в развитии шелкоткацкого производства имел экспорт, а не внутренняя торговля.

Перейдем к вопросу о сырьевых условиях шелкоткацкого производства во Франции.

В апологетической буржуазной литературе, изданной в рассматриваемые годы, высказывался взгляд, будто бы перед восстанием 1831 г. цена на шелковую пряжу возрастала. Отклики этого,

[1] Между тем сент-этьенское производство стояло настолько вне всякой опасности иностранной конкуренции, что это совершенно открыто признавала сама совещательная палата гор. Сент-Этьена.

[2] Так, в «Renseignement sur l'ouvraison des soies», имеющемся в картоне F[12] 2390, прямо сказано, что «il n'existe dans les bureaux de I-ère division (министерства торговли) aucuns documents sur l'importance de la production et de l'ouvraison des soies en France (sic) pendant les dernières années qui viennent de s'écouler», (Слова эти были написаны приблизительно в 1827 г.)

абсолютно неверного, суждения появились и в современной исторической литературе. Посмотрим же, какова была истинная картина движения цен на шелк-сырец и крученую шелковую пряжу.

Доктор Боуринг, лично обследовавший Лион вскоре после восстания 1831 г., сообщал нижеследующие цены шелка-сырца в Севеннах (по данным Лионской торговой палаты, во франках и сантимах за 1 фунт alaise) [1].

Таблица 8

Годы	Франки, сантимы
1822	31,00
1823	22,25
1824	23,00
1825	28,00
1826	25,00
1827	23,00
1828	23,25
1829	23,00
1830	22,50
1831	21,50

Де Тест, сам торговавший шелковым сырьем, писал в 1830 г., что обычная цена сырца в это время во Франции была 20 франков за фунт [2].

Что касается цен на крученую пряжу, то, например, январские цены на пьемонтский органсин за 11 лет с 1821 по 1831 г. представлены следующим рядом (во франках и сантимах) [3]: 43,00; 41,00; 40,50; 35,00; 49,00; 43,00;37,00; 39, 50; 37,00; 34,50; 30,00.

Другой пример: во Франции, в департаменте Ардеш, высокие цены на органсин наблюдались в 1817 и 1836 гг., когда фунт органсина стоил 89 франков; а в 1831/32 г. в том же департаменте и тот же товар стоил 54 франка [4].

По нашим архивным данным, средние цены на французский органсин в 1831 г. колебались в зависимости от места в следующих пределах: департамент Ардеш — 53 фр. 55 сант, департамент устьев Роны — 47 фр.; департамент Гар — 50 фр. 50 сант., департамент Эро — 48 фр. 50 сант.; департамент Изера — 57 фр. 15 сант.; департамент Воклюзы — 47 фр. 62 сант.; департамент Дромы — 51 фр.; департамент Вар — 54 франка [5].

Итак, цены на шелковую пряжу падали, а не возрастали.

Так как спрос на пряжу во Франции и в других странах увеличивался, то одновременное снижение ее стоимости должно было привлечь внимание тогдашних экономистов. Боуринг принадлежал

[1] *Bowring*, Second Report, p 9
[2] *De Teste*, op. cit., p. 47.
[3] *Bowring*, Second Report.
[4] *Reynier*, La Soie en Vivarais, p. 82.
[5] Национальный архив, F¹² 2390.

к числу вдумчивых наблюдателей. Поэтому он не только констатировал тенденцию падения цен на пряжу в 1822—1831 гг., но и пытался ее объяснить указанием на быстрый рост производства грежи и органсина в Европе и Азии [1].

Работы Боуринга, однако, не освещают многих вопросов шелкопрядильного производства во Франции, что, правда, и не входило в его задачу. Для нас же очень важно установить, какие изменения произошли *в технике шелкопрядильного производства в течение* первой трети XIX в.

Мысль о необходимости улучшения способов шелкопрядения высказывалась еще в первой половине XVIII в. [2]. Но ни изобретения Вокансона, ни ряд других усовершенствований техники шелкопрядения, появившихся до первой французской революции, не создали переворота в шелкопрядильном производстве, и шелкоткацкая промышленность во Франции продолжала страдать от недостатка высококачественной туземной пряжи [3].

В последние годы царствования Наполеона I во Франции распространилось довольно важное усовершенствование техники шелкомотального производства. Изобретатель Жансуль придумал такую систему парового нагревания котлов с коконами, посредством которой из одного источника тепла равномерно и одновременно нагревались 40 и больше бассинок (т. е. котлов с коконами). А в 1819 г. появилось изобретение Родье, вдвое сокращавшее число работниц на шелкомотальных предприятиях и одновременно улучшавшее качество пряжи [4]. Число крупных шелкомотальных предприятий, равно как и число крутильных фабрик, пользовавшихся усовершенствованными станками, было еще невелико в конце двадцатых годов XIX в. Но перелом, о котором мечтали «отцы» и «деды» лионских фабрикантов, стал реальностью именно в рассматриваемые годы, незадолго до лионского восстания.

Поучительно и сопоставление Лиона как центра шелкоткацкого производства с другими городами Франции. Для примера остановимся на гор. Туре, который тоже был центром шелкоткацкого производства.

Тур с успехом выдерживал конкуренцию с Лионом. Для внутреннего рынка здесь выделывались декоративные ткани (для мебели, церковных украшений). Станок Жаккарда был мало пригоден для этого производства. Как технически, так и экономически турское шелкоткацкое производство было стабильно: число рабочих почти не изменилось с 1814 г.; не упали, если только не повысились,

[1] *Bowring*, Second Report, p. 5.
[2] Национальный архив F¹² 1432 A «Mémoire sur le tirage des soyes et sur l'éducation des vers à soye».
[3] Все вопросы истории шелкопрядильного производства более подробно освещены в других работах автора «Переворот в шелкопрядильном производстве», «Историк-марксист», 1929 г., т. XII и «Промышленная революция во Франции по новейшим работам», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», 1929, кн. IV.
[4] Национальный архив, F¹² 2199, «Mémoire de M. Rodier».

и заработки рабочих. Что касается внешнего рынка (Германия, Голландия), то конкуренция англичан нимало не беспокоила турских негоциантов в 1824 г.; и, вообще, по их мнению, из бенгальского шелкового сырья никогда не выйдут такие красивые изделия, как у них. Одна беда — это необходимость обращаться к посредничеству парижских комиссионеров, на мошенничество которых и жалуется турская торговая палата. Но вот наиболее ценный штрих сравнения. Турское производство отнюдь не подвержено бедствию варирования сдельных расценок в зависимости от большей или меньшей емкости рынка. Число турских рабочих ограничено, и каждый «фабрикант» вынужден устраиваться таким образом, чтобы всегда удерживать за собой своих рабочих. И поэтому между местными фабрикантами установилось молчаливое соглашение: не увеличивать и не уменьшать расценки (как это делалось в Лионе) в зависимости от большего или меньшего оживления в делах [1], т. е. примиряться с временным понижением доходов.

Так как в восстании 1831 г. участвовали не только одни шелкоткачи, то следует взглянуть и на общую картину экономической жизни Лиона.

Отчеты лионской торговой палаты за 1825 и 1826 гг. проливают свет на многие явления, смысл которых до сих пор был непонятен. Как оказывается, лионский край пережил в годы реставрации ряд экономических метаморфоз. Упало значение Лиона как рынка хлопчатобумажного сырья. Когда-то оживленная и обширная торговля полотнами и сукном сделалась второстепенной: потребители (юг Франции) стали обращаться непосредственно в центры производства (на север), и посредничество потеряло почву [2].

«Столь процветавшее» в прошлом шляпное производство, которое соперничало «по богатству и доходности» даже с шелкоткацким, резко сократилось в Лионе к 1830/31 г., не выдержав внешней и внутренней конкуренции. В Лионе осталось лишь 250 мастерских с 2 400 рабочими.

Торговля колониальными товарами ограничилась сферой местного рынка. Постепенно упала и торговля железом.

Изменилось и значение винной торговли: Шалон-сюр-Сон отнял у Лиона значение оптового рынка для вин южного происхождения, а вина для северной Франции, Бельгии и Голландии пошли морским путем.

Лионские негоцианты-виноторговцы превратились в банкиров, снабжающих «фондами» виноторговцев юга и Бургундии.

[1] Национальный архив, F[12] 2293, «Chambre de Commerce de Tours», 1824. « chaque fabricant s'arrange de manière à soutenir les siens, n'ayant pas, comme à Lyon, la facilité d'en retrouver au besoin. Il en résulte une sorte d'accord tacite et l'habitude de ne pas augmenter ou diminuer suivant le plus ou moin d'activité de la vente.

[2] Национальный архив, F[12] 2293, Отчеты Лионской торговой палаты (1825 г).

Упала и крупная оптовая торговля хлебом: Лангедок и Прованс, снимавшие раньше товарный хлеб с рынков Бургундии и Бресса, пользуясь посредничеством Лиона, обратились к другим рынкам. Перемена объясняется тем, что Лангедок стал удовлетворяться собственным урожаем; Прованс же снабжался Бретанью по более низким ценам.

В свете всех этих данных становится понятным низкий уровень учетного процента в Лионе: капитал, высвободившийся из ряда отраслей промышленности и торговли, давил на местный денежный рынок. Большое значение приобретал и тот факт, что прядильщики и крутильщики шелка настолько обогатились, что перестали кредитоваться у лионских фабрикантов. Между тем многие лионские капиталисты, в отличие от парижских, не спекулировали на биржевой игре, так что кризис 1829 г. не ослабил полнокровия лионского денежного рынка [1].

Становится понятным и бесспорное обострение внутренней конкуренции в шелкоткацком производстве. При данных условиях оно должно было привлечь к себе часть свободных капиталов и переменивших свою профессию посредников, а также и часть ремесленников и рабочих, оставшихся без работы.

Остается рассмотреть вопрос о конъюнктуре лионского шелкоткацкого производства перед восстанием 1831 г.

За два года до восстания «фабриканты шелковых материй» представили правительству большой мемуар [2], в котором между прочим подробно освещался так называемый «piquage d'once» (странное выражение — expression bizarre, как признают сами авторы цитируемого мемуара) [3].

Под термином «пикаж д'онс» подразумевались в широком смысле слова все неблаговидные проделки с шелковой пряжей; удерживалось ли это драгоценное сырье производителем ткани как излишек, который он сумеет сэкономить при выделке заказанного куска ткани и полагает законным (обычай вполне это оправдывал) оставить в свою пользу; выгонялось ли оно в «остаток» красильщиком путем законных или незаконных химических приемов; продавалось ли или скупалось по дешевке такое (всегда в глазах фабрикантов «ворованное») сырье; производились ли из этого сырья ткани, продаваемые по «бросовым», удешевленным ценам, — все охватывал и определял термин «пикаж д'онс». Что многие

[1] Национальный архив, F[12] 2293. В первом отчете: «Notre place s'est trouvée en dehors de la crise commerciale—aucun discrédit n'a atteint nos négocians».

[2] Национальный архив, F[12] 2293, большая (62 стр.) рукопись, датированная 4.II.1829; подписана членами анкетной комиссии, избранной на общем собрании «фабрикантов» шелковых материй.

[3] Алязар касался этого явления именно в связи с историей восстания 1831 г. Но, как явствует из ценного исследования, Мецжера, piquage d'once широко практиковался еще в XVIII в. Ср. *P. Metzger*, Etude historique et juridique sur le piquage d'once à Lyon au XVIII siécle, «Revue d'histoire de Lyon», 1912. О происхождении термина см. *Gras*, p 189.

считают «пикаж д'онс» явлением обычного права, не скрывают и сами авторы мемуара. Конечно, это не мешало фабрикантам горячо протестовать. Они оценивают свои потери от «пикаж д'онс» по меньшей мере в 5—6% (сырья), а приток конкурирующих материй, вырабатываемых из такой пряжи, оценивали суммою в 3—4 млн. франков (обычной рыночной стоимости такого количества изделий, в действительности же продающихся много дешевле). Авторы мемуара придают «пикаж д'онс» настолько крупное значение, что уделяют ему 12 страниц, договариваясь в конце концов до просьбы создать специальную статью уголовного кодекса, которая рассматривала бы «пикаж д'онс» как домашнюю кражу.

Оценить важность всех этих жалоб и правильно, без преувеличений, определить значение конкуренции внутри Лиона помогает дальнейшая переписка. Мемуар фабрикантов шелковых материй тщательно изучался. Но, сравнив положение шелкоткацкого производства с состоянием других отраслей текстильной промышленности, правительство указало на преимущества Лиона: «За последнее время» «не было недостатка спроса» на изделия лионских мастерских (черновик ответа датирован 6 августа 1829 г.); правительство уверено, что лионское производство далеко от того, чтобы более других страдать от переживаемых трудных обстоятельств [1]. Что же касается цифровых данных о «пикаж д'онс», то правительство воспользовалось ими лишь для того, чтобы внушить лионским фабрикантам сознание организационной отсталости их производства; организация больших мастерских со специальным надзором за работой избавила бы фабрикантов от этих потерь.

Какое впечатление произвел правительственный ответ в Лионе, нам неизвестно. Но характерно, что сохраняющийся в том же картоне самый поздний мемуар (адресованный графу Монталивэ), датированный 30 декабря 1830 г. (т. е. уже после июльской революции), далек от прежнего многословия: ни о какой иностранной конкуренции тут нет и речи; правда, фабриканты снова жалуются на «пикаж д'онс», но уже «без души» и наряду с таким техническим вопросом, как неудовлетворительность существующей системы нумерации пряжи.

Революция 1830 г. в первое время потрясла и осложнила экономическую жизнь Франции. «Революция 1830 г. имела тот бесспорный результат, что немедленно приостановила обращение капиталов, задержав движение сделок в торговле и земледелии, а равно и во всех отраслях промышленности», — писал современник изучаемых событий, коммерсант Аристид Перейр [2].

И весь 1831 г. был депрессивным для французской экономики в подавляющем большинстве ее отраслей. Но здесь нас интересуют не общие черты экономической жизни Франции, а частный вопрос о конъюнктуре шелкоткацкого производства перед восстанием

[1] Национальный архив, F[12] 2293, на бланке министерства торговли Guérin-Philipon'y, председателю совета прюдомов.

[2] Национальный архив, F[12] 2500.

осенью 1831 г. Особенности шелкоткацкой промышленности, связанной преимущественно с внешним рынком, вполне оправдывают выделение вопроса о конъюнктуре в Лионе в самостоятельную проблему, имеющую очень крупное значение в характеристике классовой тактики фабрикантов.

Фести неуверенно и противоречиво высказался о конъюнктуре шелкоткацкого производства в 1831 году. Шарлети в своей «Истории Лиона» писал, что «первой причиной» восстания 1831 года была экономическая депрессия. Позднее, в другой работе, тот же историк высказал иной взгляд. Не ссылаясь на источники, Шарлети мимоходом заметил, что исключительное «благосостояние» шелковой мануфактуры в 1831 г. было признанным фактом. Обращаясь же к *новейшим* работам по истории лионского восстания 1831 г., мы видим, что Тарле и Годар возвращаются к первоначальной точке зрения Шарлети, а Фроман вовсе не рассматривает интересующую нас проблему. (Ср. работы *Festy*, Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de juillet, p. 100, 120, 123; *Charléty*, La monarchie de juillet, p. 65; *Godart*, Les événements de novembre 1831 à Lyon, «La Révolution de 1848», 1933, № 143; *Froment*, L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831, Paris. 1931. *Тарле*, Рабочий класс в первые времена машинного производства, стр. 243).

Наиболее убедительными были бы такие показания по этому вопросу, которые относились бы к периоду, *предшествующему* восстанию: послушаем же, что писал 10 ноября 1831 г., за 11 дней до восстания, некий негоциант Буше.

«Рабочие, видя, что фабриканты получили заказы и что все рабочие заняты в производстве, но по низким сдельным расценкам, собрались в октябре, чтобы обсудить, какими средствами заставить увеличить их заработки [1].

Буше — крупный торговец шелковым сырьем на парижском товарном рынке, т. е. свидетель, непосредственно не заинтересованный в споре, возникшем между лионскими фабрикантами и ткачами. Он повторил свое указание и после восстания, а именно 18 декабря 1831 г. Обращаясь с письмом к депутату департамента Сены, он просил довести до сведения министра, что истинные причины лионских событий остались вовсе не раскрытыми в речах с трибуны, и еще раз подтверждал, что перед восстанием «каждый рабочий имел больше работы, чем мог бы справиться по своим силам». «Кредит совершенно восстановился», появилось «изобилие

[1] Национальный архив, F[12] 2390. Досье с мало обещающей «рубашкой»: *Soie*, Objet d'un intérêt général pour cette industrie; Seine. M. Boucher à Paris 1831 à 34, propose l'établissement d'une école pratique de l'industrie sétifière»,—находится в массе других архивных документов, классифицированных как «Inventions diverses». В цитируемом мемуаре Буше пишет вполне определенно: «Les ouvriers voyant que les fabricans avaient des commissions et qu'ils étaient tous occupés, mais à des bas prix de façon, se sont reunis en octobre dernier afin d'ayiser aux moyens de faire augmenter les salaires (стр. 4—5 первой рукописи Буше).

денег». Но, при общем оживлении шелкоткацкой промышленности, не последовало повышения сдельных расценок для рабочих, производящих гладкие материи.

Обратимся к другому источнику — мемуару бывшего фабриканта шелковых материй, за несколько лет перед восстанием отстранившегося от промышленности и торговли и претендовавшего на полную беспристрастность. Мемуар датирован 26 ноября 1831 г.[1]. Морель, автор мемуара, с полной откровенностью рассказывал министру о тяжком положении рабочих, которые были заняты в производстве легких гладких материй. Особенно тяжело становилось в периоды отсутствия заказов, что и наблюдалось частью в истекшем (1830) году. Но перед восстанием была совсем иная ситуация: работа была, только она низко оплачивалась [2].

Об оживлении шелкоткацкого производства в октябре 1831 г. писал и враждебно отзывавшийся о ткачах лионский корреспондент английского «Таймса»: «Мануфактуристы ежедневно получали превосходные заказы со всех частей континента», а «также из Англии и Америки» [3].

Наконец, можно сослаться и на показания заинтересованных сторон: ткачей, хозяев мастерских [4] и лионского префекта, старавшегося оправдаться перед правительством и буржуазным обществом в своих административных ошибках в дни борьбы за тариф [5].

Но если положение на внешнем рынке не было угрожающим; если сокращение внутреннего рынка (значение которого, во всяком случае, не выходило из пределов — 25—30% всего шелкового товарооборота) к осени 1831 г. было уже гораздо менее вероятным (документы самих «фабрикантов» молчат об этом), чем в 1830 г.; если были отличные условия на рынке шелкового сырья; наконец, если даже давление внутренней конкуренции в самом Лионе не нарушило организационно-технической рутины, то какие же мотивы заставляли фабрикантов итти на конфликт?

Один из вышеназванных свидетелей отчетливо формулирует классовую волю лионских капиталистов. В своих мемуарах Буше констатирует не только полное отсутствие опасности для лионского производства узорчатых материй, но и в производстве гладких тканей он выделяет все дорогие сорта. Между тем и Буше без юмора пишет о проекте создания «Швейцарии» под Лионом: пусть власти соберут наиболее просвещенных фабрикантов и пусть делегаты фабрикантов найдут в районе 5—15 лье от города обетованную землю, где жить дешево и привольно; тогда останется «лишь» переселить на эту землю наиболее страждущую часть рабочей силы. Счастливая идея обдумана во всех деталях — предусмотрены даже способы раздачи пряжи.

Зачем же прибегать к подобной мере, если дела лионских фабрикантов и без того были неплохи? Ответ находим в том же мемуаре.

Французский шелковый экспорт представлен преимущественно дорогими сортами материй и лент. А если бы удалось удешевить производство также и тех дешевых тканей, которые выделываются в Германии, Швейцарии и Англии, то можно было бы экспортировать на 200 млн. франков! [1]. Конечно, 200 млн. лучше, чем 150.

Вот почему даже при повышенной рыночной конъюнктуре лионские фабриканты удерживали низкие расценки. И «если бы» (!) фабриканты смогли еще более понизить расценки, «продажа их гладких материй удвоилась бы или утроилась», — как наивно пишет Буше.

[1] Национальный архив, F[12] 2293, рукопись J. Morel министру, графу д'Apry.

[2] Ibid, цит. рукопись. «Mais ce n'était point le cas actuel — il y avait de l'ouvrage: seulement il n'etait pas assez payé».

[3] «The Times» № 14709, письмо из Лиона 21.XI.1831.

[4] *Bernard* et *Charnier*. Rapport fait et présenté à M. le Président du Conseil des ministres. Par deux chef d'ateliers.

[5] *Bouvier-Dumolard*, Compte rendu des événements, p. 8—9.

[1] Национальный архив, F[12] 2390, там же, приложение к первому мемуару.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЛОЖЕНИЕ ЛИОНСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ РЕСТАВРАЦИИ И НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1831 г.

Своеобразный строй шелкоткацкого производства, объединявшего пролетариев, полупролетариев и хозяйчиков, обязывает к строго диференцированной оценке положения работников этой мануфактуры.

О продолжительности рабочего дня хозяев мастерских говорят близкие к 1831 г. письма двух «главных» ткачей Фальконнэ и Шарнье.

Ткачи-хозяева начинают свой день между 5 и 6 часами утра и заканчивают в 8 часов вечера, т. е. работают около 14 часов, считая и перерывы для отдыха. Компаньон работает больше: ему дают только 30 минут для отдыха при 16—18-часовом рабочем дне [1].

Конечно, это крайне тяжелые условия труда. Правда, в хлопчатобумажном производстве дети с 7-летнего возраста работали с получасовым перерывом 17 часов в день, а «иногда» они работали по 48 часов «почти без перерыва». Фабричные ткачи работали иногда до 12 и 1 часу ночи. Короче говоря, на фабриках этого времени был не менее продолжительный рабочий день. Но затрата физической энергии ручного ткача была гораздо более значительной. Ясно, что подобные условия труда калечили ткачей и превращали их в слабых, болезненных людей, «вялых в своих движениях, с тусклым, истомленным взором» [2].

Более подробные данные о профессиональной заболеваемости лионских ткачей следует искать не у Виллерме, а у Патисье, получившего для своей книги [3], написанной задолго до восстания, специальную статью Монфалькона. Ценный сравнительный материал дает Thackrach [4].

[1] *Ure*, Philosophie des manufactures, p. 392—395.
[2] «Le Bon Sens», № 13. 31.III.1831 «Question lyonnaise».
[3] *Patissier*, Traité des maladies des artisans et de celles qui résultent des diverses professions, d'après Ramazzini, Paris 1822.
[4] *Thackrach*, The Effects of arts, etc., London 1832.

По данным этих наблюдателей, картина профессиональной заболеваемости в шелкоткацком производстве представляется в следующем виде.

Дети, занятые на так называемых вспомогательных работах, от недостатка свежего воздуха приобретают золотуху и худосочие.

Подростки, вынужденные вращать мотовило для смотки пряжи рукой, страдают деформацией органов и рахитом. Женщины, работающие стоя и постоянно повышающие голос вследствие значительного шума в мастерской, расположены к горловым заболеваниям, болезням желудка, расширению вен и воспалениям легких. Мужчины особенно подвержены заболеваниям лимфатических путей; в молодости и в детстве они — жертвы лимфатических опухолей и рахита, болезней позвоночника и *реже* туберкулеза [1].

Обратимся к вопросу о жизненном уровне лионских ткачей. В этом отношении следует различать не только хозяев мастерских и «компаньонов», но также и профессиональную специальность ткачей. Около 20% рабочих были заняты выделкой узорчатых материй.

Характеризуя положение хозяев мастерских, Фальконнэ и Шарнье рассказывали, что ткачи—хозяева мастерских питались в трактирах; они там завтракали, обедали и ужинали, причем к столу подавалось виноградное вино. Из нижеследующих данных о заработках хозяев-одиночек будет видно, что показание Фальконнэ и Шарнье относится лишь к зажиточной прослойке ткачей — хозяев мастерских. «Компаньоны» столовались чаще всего у своих хозяев из расчета 45—50 франков в месяц, получая четверть литра виноградного вина в день.

Номинальная заработная плата ткачей выражена в показаниях Фальконнэ и Шарнье неясно: не более 1 фр. 50 сант. в день. Цитированный выше мемуар Валле говорит о «едва одном франке» для рабочих, производивших гладкие ткани, и о трех-четырех франках в день для работающих на так называемом станке Жаккарда. Буше в своей записке депутату Сены писал о 6—7 франках дневного заработка ткача узорчатых материй.

Морель сообщил очень ценные данные о расценке производства самых дешевых одноцветных материй: 8—10 су за аршин (aune): «хороший рабочий может выработать 3—4 аршина (aunes) в день», но «по причине праздников, воскресных дней и тех перерывов работы, которые состоят из промежутков времени, протекающих от момента сдачи (готовой) штуки товара до получения новой пряжи, необходимо исходить из расчета не более трех аршин выработки в день. Три аршина по 8 су это — 24 су; половина этой суммы принадлежит хозяину мастерской».

Итак, номинальная заработная плата подмастерьев колебалась в пределах от 60 сантимов до 6 франков в день. Но лучше оплачиваемая часть подмастерьев составляла меньшинство, может

[1] *Patissier*, op. cit. p. 396.

быть одну пятую всех лионских ткачей-компаньонов. Заработки ткачей-хозяев тоже были далеко неодинаковы. Многие хозяева мастерских зарабатывали жалкие гроши. Один из современников эпохи опубликовал данные, которые ему лично сообщил ткач-хозяин мастерской, показавший даже свои счетные книги. Этот ткач имел 2 станка, обслуживавшихся тремя лицами: самим хозяином, его женой и ученицей. Из показанных счетных книг явствует, что с 17/XI 1830 г. по 5/XI 1831 г. мастерская выработала 1 557 французских аршин шелковой гладкой ткани. За каждый аршин выплачивалось не более 40—60 сантимов. Если считать, что «средняя» плата была за это время 50 сантимов (за аршин), то общий заработок можно определить суммой 778 фр. 50 сант. Различные расходы, связанные с производством, исчислялись по 15 сантимов на аршин, т. е. в общем достигали 233 фр. 55 сант. Таким образом оставалось лишь 544 фр. 95 сант., что давало по 1 фр. 49 сант. — 1 фр. 50 сант. в день, и эту-то жалкую сумму надо было разделить между тремя работниками. Подобного заработка едва хватало на скудное пропитание (без мяса и без вина) и ровно ничего не оставалось на одежду, квартиру и т. п. [1].

Обычно утверждают, что Лион отличался особенной дороговизной жизни.

В серии F[11] Национального архива в Париже сохраняются меркуриальные регистры, позволяющие сравнить лионские цены с ценами других промышленных центров и изучить движение цен в самом Лионе за три года, с 1829 по 1831.

Нижеследующая табличка составлена именно по этим регистрам [2] (см. табл. 9 на стр. 85).

Ясно, что Лион не занимал первого места по дороговизне. В Лилле были дороже и хлеб и мясо. В Руане были дороже мясные продукты и топливо.

Сравнивая номинальные заработные платы и приведенные цены (цены центральных рынков), можно без риска принять те показания источников, которые, описывая жизнь лионских ткачей, говорят о «достатке», с каким может еще жить часть ткачей-хозяев [3], а также тех немногочисленных рабочих, которые были заняты в производстве узорчатых материй. Морель говорит даже о «зажиточности» ткачей, вырабатывавших *дорогие* сорта *гладких* тканей. Небезынтересна справка о стоимости трактирного обеда в Лионе в эту эпоху.

Ресторан под идиллической вывеской «Обиталище счастливых» объявлял в октябре 1828 г. нижеследующие цены [4]:

[1] «Le Semeur» № 15, 14.XII.1831.

[2] Национальный архив, F[11] 1862*, F[11] 1838*, F[11] 1850*, FF[11] 1862*.

[3] Ср. *Stendhal*, Mémoires d'un touriste, t. I, p. 162: «En 1828 et 1829 je vis les ouvriers de Lyon aussi bien vêtus que nous, ils ne travaillaient que 3 jours par semaine et passaient gaiment leur temps dans les jeux de boules et les cafés de Brotteaux».

[4] «Indicateur du commerce et de l'industrie», № 117.

Таблица 9

Цены в Лионе и в других промышленных центрах

(в франках и сантимах)

Наименование продуктов	Лионский рынок за 3 года								Другие товарные рынки (вторая половина октября 1831 г.)		
	1829 г.		1830 г.		1831 г.		Руан	Лилль	Мюльгаузен
	первая половина октября	вторая половина октября	первая половина октября	вторая половина октября	первая половина октября	вторая половина октября			
Пшеница (за гектолитр)	22,49	23,39	29,98	29,12	от 24,62 до 25,17	от 24,40 до 24,72	22,23	28,34	25,97
Смесь » »	17,50	18,40	24,20	24,00	19,80	19,60	—	—	19,36
Рожь » »	12,80	13,40	21,09	19,38	14,47	15,20	13,65	15,43	16,83
Горох » »	21,00	22,00	22,00	—	21,00	22,40	23,23	—	25,00
Чечевица » »	30,00	24,00	22,00	—	20,00	19,00	37,00	—	18,00
Бобы » »	13,00	25,00	24,00	22,00	21,00	21,00	17,68	—	—
Хлеб I сорт (за килограмм)	0,425	—	0,50	—	0,45	0,45	0,38	0,55	0,44
» II » »	0,35	—	0,425	—	0,375	0,37	—	0,47	0,38
» III » »	—	—	—	—	—	—	0,30	0,35	0,30
Картофель (за гектолитр)	4,40	4,00	4,00	—	3,60	3,60	—	—	4,50
Говядина (бык) за килограмм	1,00	—	1,00	—	1,00	1,00	1,20	1,10	0,90
Мясо коровье » »	1,00	—	1,00	—	1,00	1,00	0,90	1,00	0,70
Телятина » »	1,00	—	1,00	—	1,00	1,00	1,20	1,10	0,90
Баранина » »	1,00	—	1,00	—	1,00	1,00	1,30	1,10	0,90
Свинина » »	1,10	—	1,10	—	1,00	1,20	1,50	1,20	1,00
Солома (метр. квинтал)	3,50	—	6,50	7,00	4,00	4,00	—	—	—
Дрова дубовые (стер.)	22,00	—	19,00	—	19,00	19,00	—	—	—
» других сортов (стер.)	20,00	—	20,00	21,00	20,50	21,50	—	—	—
Каменный уголь (гектолитр)	2,30	2,35	2,70	2,60	2,40	2,40	4,00	1,90	—

Завтрак за 16 су (т. е. 80 сант.): суп, два блюда на выбор, полбутылки вина, сколько угодно хлеба.

Обед за 25 су (1 фр. 20 сант.): суп, 3 блюда на выбор, десерт, полбутылки вина, хлеба — по желанию.

Повторяем, можно считать вполне допустимым, что все «хозяйчики», все рабочие, выделывавшие *узорчатые* ткани, и часть хозяев-одиночек, выделывавших дорогие сорта гладких материй, жили лучше, чем раздавленные с раннего детства непомерным трудом на фабрике, низкой заработной платой и дороговизной рабочие северо-восточной Франции.

Даже производство дешевых гладких тканей, где существовали самые низкие расценки, давало лионскому ткачу-рабочему до 1830 г. больший заработок, чем ткачам бумажных материй или прядильщикам *на фабрике*. Так, например, с наступлением лета 1829 г., когда шелкоткацкое производство несколько оживилось, «Полицейские бюллетени» отметили повышение расценок (для одноцветных дешевых материй) до одного франка[1]. Применяя вышеприведенный расчет Мореля 3 на 1, получаем 1 фр. 50 сант., остающихся целиком в пользу производителя *наиболее дешевых тканей*.

Посмотрим, наконец, на отношение, в каком находились заработки «среднего» лионского ткача, к уровню заработных плат в других профессиях в том же городе [2].

Сравнение ставок для различных профессий представлено на английский манер в следующем виде (в шиллингах, год 1826):

Таблица 10

Рабочие шелкоткацкого производства	16	шилл.	
» красильного »	21	»	
» шляпного »	20	»	
» бумагопрядильного »	6	»	
» ситцепечатного »	7	»	
» шерстяного »	8	»	
Портные	8	»	
Сапожники	8	»	6 п.
Литейщики	16	»	
Пильщики	10	»	
Плотники	15	»	6 п.
Каменщики	12	»	
Маляры	8	»	
Ножевщики	14	»	6 п.
Ломщики шифера	15	»	6 п.

Итак, будем ли мы изучать движение цен за последнее трехлетие перед событиями 1831 г., сравнивая рост дороговизны в Лионе и в других промышленных центрах; станем ли сопоставлять жизненный уровень лионских ткачей и других, особенно фабричных, рабочих в период 1826—1831 гг., — нигде, ни в чем из этого материала еще не обнаружим *особых* причин, побуждающих именно

[1] Национальный архив, F⁷ 3798, «Bulletin» 23.VII.1829.

[2] «L'industrie» 1826, t. II, 175—176; данные заимствованы из некой «недавно опубликованной английской работы».

лионского ткача к вооруженному восстанию; цены 1831 г. несколько упали по сравнению с 1830 г.; материальное положение известной части лионских ткачей было лучше положения фабричных рабочих и ремесленников многих других профессий. Значит ли это, что вопросы заработной платы и дороговизны не имеют значения в истории восстания 1831 г.? Напротив, значение их *огромно*. Но очевидно, что нельзя ограничиваться «статическим» сопоставлением Лиона и других промышленных центров. Нужно исследовать *движение* цен, расценок; нужно взглянуть на более широкую картину перемен в жизненных условиях ткачей в течение ряда лет.

Послушаем современника изучаемой эпохи, коммерсанта Арнольда Аронсона, автора обширного мемуара «Coup d'oeil retrospectif sur le commerce et l'industrie de 1789 à nos jours». В характеристике наполеоновского периода он сильно подчеркивает недостаток «рабочих рук» — обстоятельство, которое, при недостаточной механизации производства, создавало «золотой век» для искусных рабочих. В глазах капиталиста это огромное «неудобство». Заработок ткачей был так велик, что некоторые из них «сами делались *фабрикантами*» [1].

Ценно, что Аронсон говорит далее именно о шелковом производстве:

«Жаккардов станок еще не был изобретен» [2], разноцветные ткани производились прежними способами, и в этом производстве «искусный рабочий мог выработать от 15 до 20 франков в день». Вспомним же, что в 1830/31 г. даже ткачи-специалисты, работавшие на так называемом жаккардовом станке, получали не более 6—7 франков в день.

Нарушение обычного соотношения между расценками, промышленной конъюнктурой и продовольственными ценами тоже сыграло важную роль. В самом деле, в 1829 г. цены были ниже, чем в 1831 г. Но началось временное оживление производства, и фабриканты тогда *согласились* повысить расценки. Осенью же 1831 г., когда жизнь была дороже, чем в 1829 г., и когда налицо был новый подъем, фабриканты, вопреки обычаю, не повысили заработную плату.

Но кроме того, как уже сказано выше, июльская монархия увеличила налоги. По данным лионского префекта, сумма патентных сборов в 1830 г. равнялась 27 тыс. франков, а в 1831 г. она возросла до 60 тыс. франков, т. е. более чем вдвое [3]. Префект и местная пресса настойчиво указывали на несвоевременность увеличения налогов. Лионский журнал «Обсерватер лионэ» обращал внимание на крайне тяжкое положение *предместий*, где «весь класс обитателей», ткачи — хозяева мастерских, всегда считался по причине своей бедности *не подлежащим* патентному сбору. Но правитель-

[1] Национальный архив, F¹² 2500.

[2] Аронсону следовало бы лучше сказать: «не был распространен»

[3] Bouvier-Dumolard, op. cit., p. 35—36.

ство Луи Филиппа включило их в новые списки и заставило платить налоги [1].

Увеличился и *налог на окна*: до 1 франка 87½ сантимов в 1831 г. против 1 фр. 30 сант. в 1830 г. (по данным «Газет де Франс»).

Обратимся, наконец, к тем материалам, которые подтвердят, что пауперизация широких слоев населения Лиона до 1831 г. не переставала возрастать.

В 1829 г. в одной лишь тюрьме Сен-Жозеф постоянно содержалось до 35—45 заключенных за долги [2]. В одном из номеров газеты «Ле повр Жак Лионэ» помещено открытое письмо заключенных министру юстиции; положение пострадавших изображается как крайняя степень отчаяния и нужды; жена и дети заключенных страдают от холода, отсутствия одежды.

Другой наш источник по вопросу о лионском пауперизме — это архивные данные о ломбардных операциях в Лионе.

Объединяя сведения [3] о движении сумм по ссудам и выкупам в лионском ломбарде, получаем следующие данные:

Таблица 11

Годы	Количество залогов	Количество выкупов	Ссуда (во франках)	Погашение (во франках)	Сумма процентов
1815	28 345	25 608	574 059	547 370	51 690
1816	40 952	32 165	806 437	671 348	96 790
1817	54 635	44 358	1 004 891	847 230	72 623
1818	51 320	54 972	948 244	1 010 236	89 574
1819	60 123	56 033	1 161 904	1 024 668	87 455
1820	61 724	60 529	1 165 544	1 140 477	96 485
1821	63 690	66 877	1 155 763	1 207 865	104 885
1822	71 189	65 269	1 250 530	1 184 111	97 767
1823	77 728	74 882	1 320 319	1 274 383	108 667
1824	—	—	1 399 493	1 516 715	—
1825	—	—	1 412 192	1 298 321	—
1826	—	—	1 599 779	1 402 260	—
1827	—	—	1 712 777	1 615 380	—
1828	—	—	1 697 340	1 671 995	—

Тенденция все большего и большего роста ссудных операций совершенно очевидна. Но сама по себе она еще не характеризует развитие пауперизма. Лионский префект вполне основательно писал министру внутренних дел в 1827 г.: «Я не разделяю, однако, довольно распространенного мнения, что развитие операций яв-

[1] «L'Observateur lyonnais», 1831, t. I, p. 383 (в тексте: стр. 183, что представляет явную опечатку).

[2] «Le Pauvre Jacques lyonnais». Экземпляр, хранящийся в Парижской национальной библиотеке, неполный (нет №№ 1, 4, 6); сохранились номера с 5 декабря 1830 г. по 6 февраля 1831 г.

[3] Национальный архив, F¹⁵ 2626 и F¹⁵ 2627.

ляется верным показателем обнищания рабочего класса... Одни *продажи*, по-моему, могут служить если не положительным, то, по меньшей мере, правдоподобным указанием» [1].

Приведенные цифры как раз и позволяют судить именно об этом характере движения выкупов и залогов.

Еще показательнее и ближе к 1831 г. следующие данные [2]:

Таблица 12

Годы	Сумма по вкладам (в франках)	Продажи (в франках)
1825	1 412 792	99 131
1826	1 599 779	123 809
1827	1 717 277	156 658
1828	1 697 340	169 803
1829	1 508 393	135 918
1830	1 341 654	156 164
Годовая средняя	1 546 206	140 247

Отношение суммы ссуд и продаж в 1830 г. очень характерно. В самом деле, в то время как сумма ссуд в 1830 г. ниже средней, сумма продаж оказывается выше. Поскольку выше почти не рассматривался вопрос о влиянии общего промышленного кризиса в Лионе в 1826—1827 гг. (этот вопрос был частично освещен Трюшоном, сообщавшим, например, что количество кондиционированного шелка в Лионе, превышавшее еще в 1820 г. 534 тыс. *кг*, внезапно упало до 462 тыс. *кг* в 1826 г.). Здесь уместно заметить, что табл. 12 освещает и характерную картину резкого увеличения суммы продаж в названные годы общего промышленного кризиса.

Все эти факты, взятые в общей связи, подтверждают рост пауперизма в Лионе в годы, предшествующие восстанию 1831 г.

[1] Национальный архив, F¹⁵ 2626.

[2] Национальный архив, F¹⁵ 2627.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИОНСКОЕ ВОССТАНИЕ 21 НОЯБРЯ 1831 г.

Видя, что положение шелкоткацкого производства улучшилось, ткачи — хозяева мастерских обратились к фабрикантам с просьбой о повышении расценок. Фабриканты отказали. Тогда, вполне убедившись в том, что «деспотизм, изгнанный из дворцов, нашел себе убежище в конторах капиталистов» [1], ткачи — хозяева мастерских начали организованную борьбу с фабрикантами.

8 октября в городке Круа-Рус (следуя традиции, мы будем называть его предместьем) состоялось многолюдное собрание делегатов ткачей — хозяев мастерских. В течение ближайших 5 дней после сходки ткачи — хозяева мастерских, под руководством Буври, создали новую организацию, сыгравшую крупнейшую роль в истории восстания 1831 г. По замыслу Буври, все 800 ткачей — хозяев мастерских должны были войти в эту организацию, состоявшую из 40 секций по 200 человек. Каждая секция подразделялась на 2 центурии (или «сотни»), а каждая центурия — на 10 декурий (десятков). Декурии возглавлялись так называемыми декурионами, центурии — центурионами, или начальниками секций [2]. Влияние батальона волонтеров Роны очевидно [3]. Из объединения 80 начальников секций (или синдиков) составилась комиссия хозяев мастерских города Лиона и его предместий, или так называемая комиссия рабочих. К 13 октября внутри многолюдной «комиссии рабочих» сформировалось постоянное бюро, названное центральной комиссией. В состав ее были избраны: Буври — председатель, Фальконнэ — вице-председатель, Гийо, Лабори, Розье, Массон-Сибю, Бернар, Шарнье, Маррель, Лавалле и Боннар — члены комиссии.

[1] [*Bernard* et *Charnier*], Rapport fait et présenté à M. le président du Conseil des ministres, p. 2.

[2] *Froment*, L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831, p. 26.

[3] «Journal du maréchal de Castellane», t. II, p. 472. Ген. Кастеллан вступил в Лион вместе с войсками герцога Орлеанского в начале декабря 1831 г. В своем дневнике он отметил существование «центурий». Там же Кастеллан упоминает и о батальоне волонтеров Роны. Правда, Кастеллан писал, что батальон волонтеров Роны существовал только «на бумаге».

На собраниях, состоявшихся 8 и 10 октября, повидимому, никто не говорил открыто об учреждении центурий, декурий и прочих подробностях тайной организации. Легальная и явно выраженная цель сходки 8 октября заключалась в том, чтобы договориться о необходимости введения единого, т. е. общеобязательного для всех фабрикантов, тарифа повышенных сдельных расценок. И еще до появления центральной комиссии, сформировавшейся 13 октября, временная комиссия и временное бюро, избранные 8 октября, занялись обсуждением различных вопросов, касающихся так называемого единого тарифа и способов его реализации. Одновременно была организована специальная подкомиссия для разработки тарифа.

Заседания временной комиссии и временного бюро отличались совершенно мирным характером, и представители местной администрации восторгались лойяльностью ткачей — хозяев мастерских. «Адрес», или, проще сказать, прошение, с которым обратились ткачи-хозяева к префекту, тоже свидетельствовал об умеренности и миролюбии значительной части ткачей — хозяев мастерских. «Господин префект! — писали они, — мастера гладких и и узорчатых шелковых тканей, живущие в городе Лионе и в его предместьях, прибегают к посредничеству своей организации, чтобы попросить вас принять уверения в наших почтительных чувствах и обратить на нас ваше отеческое внимание, заслуживаемое нашим положением...» Далее составители «адреса» говорили о своей нищете, об эксплоатации их фабрикантами. Если потребуется, они полнее расскажут префекту об омерзительном и бесстыдном эгоизме фабрикантов. Пока они воздерживаются от подробностей и ограничиваются просьбой о «благосклонном посредничестве» и «даровании обеим заинтересованным сторонам одинакового и равно заслуженного покровительства». «Веря в вашу любовь ко всему, что касается счастья людей и гармонии, которая должна существовать между всеми классами общества, мы возлагаем на вас, — пишут они в заключение, — все наши надежды».

Между тем возбуждение широкой массы ткачей возрастало с каждым днем. Ясно, что не в руководящих органах ткачей-хозяев находились опасные для власти «мятежные элементы». Префекта и ген. Рого, начальника гарнизона, беспокоили ткачи-подмастерья, ученики, лансеры и беднейшие ткачи-хозяева, т. е. пролетарская и полупролетарская прослойки мануфактуры. В середине октября ткачи-подмастерья попытались создать свою организацию, параллельную организации ткачей — хозяев мастерских. Они решают избрать уполномоченных, подобно тому, как это уже сделали хозяева мастерских, и объединяются в ассоциацию под замаскированным названием Общества благотворительности[1]. *Полиция* предместья Круа-Рус была сильно встревожена движением

[1] *Froment*, op. cit., p. 90.

подмастерьев. Полицейский комиссар писал префекту, что собрание подмастерьев может иметь «более тревожные последствия», чем собрание ткачей — хозяев мастерских. Замечательно, что движение подмастерьев усилилось после 15 октября. Повидимому, тактика ткачей-хозяев в период 8—15 октября не удовлетворяла широкую массу работников мануфактуры. Начальник лионского гарнизона ген. Рогэ вскоре же после собрания 8 октября высказался в пользу уступок ткачам. И, может быть, под влиянием Рогэ совет прюдомов, собравшийся 11 октября, решительно высказался за введение тарифа. На следующий день заместитель лионского мэра, собрал нескольких фабрикантов и ткачей — хозяев мастерских, которые тут же и договорились об основных принципах проектируемого тарифа. Таким образом, раньше чем префект успел рассмотреть прошение ткачей-хозяев, предварительное соглашение между группой фабрикантов и представителями ткачей было достигнуто.

Здесь уместно сказать несколько слов о личности высшего представителя лионской администрации Бувье-Дюмолара. Бувье-Дюмолар прибыл в Лион незадолго до описываемых событий. Только 7 мая 1831 г. он сменил своего предшественника, префекта Пользь-Дивуа, назначенного после июльской революции. Баронский титул Бувье-Дюмолар получил от Наполеона I, в царствование которого и сложилась вся его административная карьера. В период реставрации Бувье-Дюмолар был не у дел, и лишь после продолжительного перерыва, на 52-м году жизни, он снова вступил на административное поприще, по всей вероятности, благодаря личной рекомендации своего родственника, всесильного премьер-министра Казимира Перье. Положение нового лионского префекта было независимым: доход от принадлежавшего ему состояния (40 тыс. франков в год) превышал получаемое жалованье [1]. Неудивительно, что Бувье-Дюмолар «милостиво» принял депутацию ткачей. В самом деле, ткачи просили его не о какой-либо принципиально новой административной мере, но лишь о том, что неоднократно практиковалось в прошлом. В дореволюционный период, около 1779 г., сами фабриканты высказывались в пользу тарифа, как общеобязательной табели сдельных расценок. Но «чиновнику наполеоновской школы» были известны и другие, гораздо более поздние прецеденты. Не далее как в 1811 г., в том же городе общеобязательный тариф был составлен и утвержден тогдашним префектом департамента Роны [2]. Не понимая смысла революции 1830 г. как переворота, который «освобождал» буржуазию от стеснительных традиций, Бувье-Дюмолар считал, что он совершает вполне закономерный акт, расширяя и оформляя основу частично достигнутого соглашения. 15 октября он созвал торговую палату, которая подтвердила необходимость тарифа и тут же избрала из среды фабрикантов 22 представителя для совместной работы с 22 членами уже известной нам подкомиссии ткачей — хозяев мастерских. Составляя тариф, подкомиссия ткачей отказалась от мысли о каких-либо небывалых ставках. Уступчивость ткачей — членов комиссии была так велика, что даже некоторые из существующих расценок, выплачиваемые отдельными фабрикантами, были сознательно снижены по некоторым видам изделий: ткачи — хозяева мастерских не хотели лишать капиталистов «честных барышей» [1].

[1] *Тарле*, цит. соч., стр. 244.
[2] *Bouvier-Dumolard*, Compte rendu des évenements qui ont eu lieu dans la ville de Lyon, Paris 1832, p 12.

21 октября префект собрал у себя представителей обеих сторон. Задача заключалась лишь в том, чтобы утвердить выработанный проект тарифа, согласовав мнения сторон по вопросу о расценках, составленных наспех. Но фабриканты стали ссылаться на неодинаковость условий избрания делегатов. Делегация ткачей, говорили они, избрана всей корпорацией ткачей — хозяев мастерских. Они же — фабриканты — назначены торговой палатой. Тогда префект отсрочил обсуждение тарифа на два дня, чтобы фабриканты успели выбрать правомочных делегатов. Представители ткачей-хозяев спокойно отнеслись к неожиданной выходке фабрикантов. Они сами предложили не спешить с введением тарифа, впредь до выполнения всех ранее полученных заказов по старым расценкам [2]. Но ткачи, собиравшиеся на улицах города, были глубоко возмущены срывом заседания. Кое-где раздавались крики: «В Рону фабрикантов!» Префект старался успокоить взволнованную массу. Между тем один влиятельный фабрикант заявил, что борьба за тариф вовсе не является жизненным интересом всех ткачей. Тариф, говорил он, нужен только тем, кто вследствие своего «беспутства» или своих «*мнимых потребностей*» не может жить экономно. Тогда встрепенулась вся корпорация ткачей. Центральная комиссия постановила устроить мощную демонстрацию в день вторичного заседания смешанной комиссии.

25 октября жители Лиона увидели небывалое зрелище. Многочисленные и стройные колонны ткачей (вероятно, это был первый «парад» центурий и декурий) молча спустились с холма Круа-Рус и, соблюдая правила военного строя, продефилировали по улицам города. Все демонстранты шли на площадь Якобинцев, где помещалась префектура и где должна была состояться вторичная встреча смешанной комиссии. Манифестация несомненно сыграла решающую роль в спорах о тарифе. Но нелишне заметить, что ткачи, собравшиеся у здания префектуры, ушли с площади по первому требованию префекта [3]. После того как площадь Якобинцев была очищена от демонстрантов, работа комиссии возобновилась. Фабриканты, жаловавшиеся впоследствии на давление

[1] «Tableau historique des événements de Lyon, par une des victimes», p. 4.
[2] *Bernard* et *Charnier*, op. cit., p. 5.
[3] Этот эпизод обычно освещается неточно. Ср., например, *Тарле*, цит. соч., стр. 246; ср. также *Фроман*, цит. соч., стр. 79. Между тем, показания самого префекта и ткачей Бернара и Шарнье не оставляют никаких сомнений в том, что демонстранты ушли с площади Якобинцев.

со стороны демонстрантов, чувствовали себя достаточно «непринужденно»: они выторговали в свою пользу ряд новых уступок. После четырехчасового обсуждения тариф был принят. Тогда демонстранты снова появились на площади Якобинцев. Пройдя мимо префектуры с криками: «Да здравствует префект, да здравствует наш отец!», ткачи стали расходиться по домам. На холме Круа-Рус была зажжена иллюминация. Ткачи, обрадованные победой, веселились до утра.

На следующий день, 26 октября, тариф был подписан префектом и заместителем лионского мэра. С 1 ноября он вступал в силу. Но фабриканты решили отстаивать полную свободу эксплоатации. В тарифе они видели принципиально недопустимую уступку. «Тарифы могут иметь самые бедственные последствия как в политическом, так и промышленном отношении», — писал один из современников событий [1]. В «политическом» отношении, пояснял он, «неудобство состояло бы в том, что, приняв тариф, фабриканты в дальнейшем имели бы дело не с разрозненными рабочими-одиночками, а с организованною массою. В «промышленном» отношении неудобство заключалось в единообразии оплаты (по категориям). С принятием тарифа невозможно было бы поощрять более «старательных» рабочих.

Видя сопротивление фабрикантов, ткачи — хозяева мастерских укрепляли свои организационные связи.

Число членов Всеобщей ассоциации ткачей — хозяев мастерских в Лионе и его предместьях быстро возрастало, и в середине ноября лишь меньшинство ткачей — хозяев стояло вне союза, оттеснившего старую ассоциацию мютюэлистов.

В конце октября группа ткачей-хозяев основала свой профессиональный орган, газету «Эко де ля фабрик» [2]. Учредителем газеты был один из виднейших ткачей — хозяев мастерских, Фалькоппэ, вице-председатель центральной комиссии, не принадлежавший к Ассоциации мютюэлистов. В первом же номере «Эко де ля фабрик» (он вышел 30 октября) был полностью напечатан текст тарифа.

Между тем сформировалась активная группа фабрикантов, сопротивлявшихся тарифу. На собрании 104 фабрикантов, состоявшемся 10 ноября, была одобрена и подписана докладная записка правительству, в которой фабриканты горько жаловались на иностранную конкуренцию, обвиняли ткачей в бесхозяйственности и т. д. По образному выражению одного из самых умеренных ткачей — хозяев мастерских, докладная записка фабрикантов *кишела* лживыми утверждениями.

[1] Национальный архив, F[12] 2293, Brière Vallé — министру торговли, 29.XI 1831.

[2] «Эхо шелкоткацкой мануфактуры» — так следует переводить на русский язык это своеобразное название. Слово «fabrique» имело в Лионе особый смысл. Это был термин, под которым подразумевалась лионская шелкоткацкая мануфактура. Поэтому совершенно недопустимо переводить название «L'Echo de la fabrique» как «Фабричное эхо».

Состряпав петицию, фабриканты выбрали делегатов для защиты своих интересов в Париже и при первых же слухах о благосклонном приеме, оказанном делегатам в столице, лионские фабриканты открыто заявили о своем нежелании считаться с тарифом. Со стороны фабрикантов последовал ряд провокационных выходок. Послушаем, что рассказывали о них современники событий: «Фабриканты, не желавшие подчиниться тарифу, отдавали заказы в деревню [1]». «Несколько промышленников не захотели подчиниться и передали свои заказы в соседние департаменты» [2]. Все было спокойно: удовлетворенные рабочие вновь взялись за работу ...«когда 20 фабрикантов, чувствуя за собой поддержку господина д'Аргу, сумели отвратить значительное число своих собратьев от выполнения тарифа» [3]. Коммерсант Морель рассказывал, что «... сверх всего один фабрикант имел, говорят, преступное неблагоразумие ответить, угрожая двумя пистолетами рабочему, просившему о выполнении тарифа: «*Вот тебе тариф*» [4]. Об этом возмутительном факте писали и другие современники [5]. А сын известного парижского священника-протестанта, живший в Лионе во время описываемых событий, рассказывал, что, когда депутация ткачей обратилась к местной власти с жалобой на нелойяльность фабрикантов, нарушавших тариф, один из фабрикантов, занимавший видную командную должность в лионской национальной гвардии, выступил с резким протестом против возобновления переговоров, сказав по адресу ткачей, что «нечего толковать с этой сволочью» [6].

Слух о правительственном неодобрении действий префекта вскоре подтвердился, и тогда сам Бувье-Дюмолар заявил, что тариф не имеет обязательной силы. На сторону противников тарифа склонился и совет прюдомов.

19 ноября тактика фабрикантов увенчалась решительной и очень важной в истории восстания провокационной мерой: 104 фабриканта — авторы докладной записки — сговорились закрыть для ткачей двери своих раздаточных контор [7].

На следующий день, 20 ноября, на площади Белькур состоялся смотр лионской национальной гвардии. Благовидным поводом для парада, приобретавшего в описанной обстановке особый характер, было назначение нового командира, ген. Ордонно. Батальоны национальной гвардии, прибывшие из предместья, насчитывали в своих рядах большое число ткачей — хозяев мастерских. А батальоны, сформированные в центральных районах города, состоя-

[1] Национальная библиотека, Lb[51] 1080.

[2] Национальная библиотека, Lb[51] 1075.

[3] Национальная библиотека, Lb[51] 1076; ор. *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 26.

[4] Национальный архив, F[12], 2293, цит. мем.

[5] Национальная библиотека, Lb[51] 1081.

[6] «The Times» № 14708, 29.XI.1831.

[7] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 49. Замечательно, что ни один из буржуазных историков восстания 1831 г. не упоминает об этом «локауте».

ли преимущественно из богатых лавочников и фабрикантов. Особенно много фабрикантов было в первом легионе национальной гвардии. Итак, на площади Белькур, лицом к лицу столкнулись классовые враги. И как только плебейские батальоны сомкнулись с «аристократическими» частями, из рядов буржуазных гвардейцев послышались насмешливые возгласы. «Аристократы» издевались над скромным обмундированием гвардейцев, прибывших из предместий. Разумеется, ткачи не остались в долгу: они ответили угрозами.

В тот же день вечером в предместье Круа-Рус состоялось тайное совещание ткачей. К сожалению, все еще недостаточно исследованы подробности, касающиеся тактики ткачей в последние дни перед восстанием. В ответ на локаут ткачи постановили объявить всеобщую стачку и организовать новую, еще более внушительную манифестацию 21 ноября. Доказать, что накануне восстания обнаруживались существенные тактические расхождения между соглашательской группой ткачей-хозяев и широкой полупролетарской и пролетарской массой, мы пока не можем. Но только в свете этой гипотезы становятся понятными факты, устанавливаемые, но не анализируемые Дютаком, который рассказывает, что еще 17—20 ноября в лионских предместьях появлялись рукописные прокламации следующего содержания:

«Почтение к законам и к власти! Ненависть к тем бессовестным людям, которые пользуются нашей нищетой и отказываются подчиняться этим самым законам! Пора сломать режим буржуазной сабли... Следует наказать изменников, которые беспрестанно пользуются оружием для подавления безобидных и безоружных рабочих. Да будет сожжен дом или магазин того командира, который поведет обезумевшую горсточку национальных гвардейцев против народа... и да погибнет он сам» [1].

Другая прокламация извещала ткачей о предстоящей стачке и манифестации. И если в предыдущем воззвании наводит на размышление фраза о «почтении к законам», плохо гармонирующая с призывом к свержению «режима буржуазной сабли», то в тексте второй прокламации возбуждает недоумение то обстоятельство, что решение об организации стачки и манифестации, назначенной на 21 ноября, провозглашается «*от имени 15 тыс. рабочих*». Общее число лионских шелкоткачей значительно превышало эту цифру. Число же ткачей — хозяев мастерских было почти вдвое меньше.

Обстановка, создававшаяся 20 ноября, заставила префекта позаботиться о «принятии мер». Ходили слухи, что «все лавочники предместья Круа-Рус предоставляли свое оружие ткачам-подмастерьям...»

Префект решил предотвратить выступление ткачей-демонстрантов вооруженной силой. Сразу после парада 20 ноября он попытался договориться с начальником гарнизона, ген. Рогэ, о совместных действиях полиции, национальной гвардии и войсковых частей. Но Рогэ не принял префекта [1]. Совещание состоялось в префектуре без начальника гарнизона. Было постановлено подавить демонстрацию в самом зародыше. Значительные отряды солдат и национальной гвардии должны были с утра вступить в цитадель «мятежников» в предместье Круа-Рус, а также и в предместье Гийотьер. Все выходы из Круа-Рус в город должны были охраняться войсками.

С угрюмыми и озабоченными лицами расставались друг с другом ткачи предместья Круа-Рус вечером 20 ноября. Все уже были оповещены о предстоящем выступлении. И, повидимому, все отлично понимали, что при создавшихся условиях вторичная демонстрация не закончится так мирно, как первая.

* * *

Поздно настает осеннее утро. Когда косые лучи ноябрьского солнца озарили холм Круа-Рус, ткачи были почти готовы к выступлению. Множество демонстрантов давно уже собралось на площади Круа-Рус. Но вдруг около 10 часов утра лицом к лицу с ткачами столкнулся пикет первого легиона национальной гвардии. Как уже сказано, в составе первого легиона было особенно много фабрикантов. Пикет, внезапно появившийся на площади Круа-Рус, был авангардным отрядом названного легиона, стоявшего в это время у подножья предместья, внутри города, на улице Капуцинов [2]. Столкнувшись с демонстрантами, начальник пикета крикнул легионерам: «Сметите с дороги эту рваную сволочь!» В следующее же мгновение пикет был смят, обезоружен и рассеян ткачами.

Так произошла первая схватка с врагом. Оскорбление и борьба глубоко взволновали рабочее население предместья. Тем не менее ткачи еще не отказались от первоначальной идеи повлиять на фабрикантов путем мирной манифестации. К 11 часам утра вся колонна демонстрантов была построена, и ткачи, взявшись друг с другом за руки, стали спускаться в город. Столкновение с первым легионом национальной гвардии, занявшим улицу Капуцинов, было неизбежно. Но раньше, чем дойти до улицы Капуцинов, ткачам надо было, выйдя из предместья, спуститься по узкой и крутой улице Гранд-Кот, тянувшейся почти от заставы Круа-Рус до площади Капуцинов [3]. Между тем кроме головного пикета, уже рассеянного ткачами, от первого легиона национальной гвардии отделился еще один отряд. Он засел на улице Гранд-Кот. И как только

[1] *Dutacq*, op. cit., p. 73

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 49.

[2] «Le Précurseur», № 1527. В этом номере почти целиком перепечатан рассказ о восстании в той редакции, как он был опубликован газетой «L'Echo de la fabrique». Мы пользуемся в основном именно этим рассказом для восстановления картины начала восстания, считая его более правдоподобным, чем те архивные данные, которые приводит Дютак.

[3] *Cochard*, Guide, p. 508.

колонна демонстрантов показалась в виду отряда, раздался оглушительный залп: безоружные демонстранты были обстреляны пикетом без предупреждения. Колонна дрогнула, демонстранты ринулись назад в предместье и с криками: «К оружию! Нас расстреливают!» — разбежались в разные стороны, по домам и мастерским, чтобы скорее вооружиться, кто чем сумеет — саблями, пиками, вилами, заступами, палками, камнями, частями ткацких станков. Ружей было очень мало. Но с самого начала борьбы ткачи захватили 2 артиллерийских орудия, взяв их у местной национальной гвардии — национальной гвардии предместья, состоявшей либо из ткачей — хозяев мастерских, либо из местных мелких торговцев, симпатизировавших ткачам. Площадь Круа-Рус была быстро размощена и превращена в артиллерийский парк. Воздвигаются баррикады, развертывается *черное* знамя с надписью: «*Жить, работая, или умереть, сражаясь*». Что означал этот лозунг? Не доказывал ли он косвенно, что в период борьбы за тариф ткачи страдали от безработицы? Но ведь выше был представлен ряд свидетельств и фактов, неопровержимо доказывающих, что в октябре 1831 г. безработицы не было. Имея работу, ткачи хотели *жить*, а не прозябать, не погибать от жизни впроголодь. В нижеследующем замечании, высказанном одним из современников событий, можно видеть прямое подтверждение именно *этого* смысла надписи на знамени инсургентов: «...предприниматели снизили сдельные расценки, и рабочие жаловались, что они не могут жить трудом своих рук» [1]. Характерно и то обстоятельство, что в некоторых источниках совсем не упоминается о лозунге: «*Жить, работая, или умереть, сражаясь*», но говорится, что на черном знамени была другая надпись: «хлеба за работу, или смерть в бою» [2].

Описываемые события происходили приблизительно в 11—$11^1/_2$ часов дня. Где же были в это время префект, начальник гарнизона и регулярные воинские части? Враждебные взаимоотношения двух высших лионских начальников — барона Бувье дю Молара и ген. Рогэ — не могли, конечно, не повлиять на ход событий в первый момент гражданской войны. Раздача боевых припасов пехотным частям была произведена лишь около $11^1/_2$ часов дня [3]. Артиллеристы буржуазных батальонов национальной гвардии собрались у городской ратуши к 9 часам утра. Но орудий еще не было: их следовало получить в арсенале и подвезти на место. Не было и пороху: надо было ждать, пока его привезут из порохового склада [4]. Таким образом, ткачи успели достаточно хорошо баррикадировать подступы к своему «штабу», когда — около 12 час.

[1] *Cherpin*, p. 441, в сборнике «Lyon vu de Fourvières» («...Les maîtres diminuaient le prix des façons et les ouvriers se plaignaient de ne pouvoir vivre en travaillant»); см. также «Tableau historique», p. 5.
[2] Национальная библиотека, Lb^{51} 1080.
[3] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., 56.
[4] *Baron*, Histoire de Lyon pendant les journées des 21, 22, 23 XI.1831, p. 68.

дня — две колонны, состоявшие из смешанных частей национальной гвардии и регулярных войск, попытались овладеть предместьем Круа-Рус. Одна колонна наступала со стороны сен-себастьянского подъема. Она состояла из 1 батальона 66-го пехотного полка и 1 батальона национальной гвардии. Полицейский комиссар Себелон возглавлял этот отряд. Основываясь на «протокольном» описании действий этого отряда — описании, составленном самим же Себелоном, Дютак изображает наступление со стороны сен-себастьянского подъема в ложном освещении, поскольку он создает впечатление какого-то частичного успеха Себелона. Нужно иметь в виду, что позиция инсургентов, имевших артиллерийские орудия на командной высоте Круа-Рус, была совершенно неприступна для таких частей, которыми командовал Себелон. Начальником второй колонны был не кто иной, как сам префект Бувье-Дюмолар. Ген. Рогэ остался в городе. Ближайшим помощником Бувье-Дюмолара был ген. Ордонно, вновь назначенный начальник лионской национальной гвардии.

Даже не пользуясь своими артиллерийскими орудиями, ткачи сумели приостановить движение колонны, возглавляемой Бувье-Дюмоларом. Когда смешанные силы колонны вступили на улицу Гранд-Кот, национальные гвардейцы, поднимавшиеся вместе с регулярными воинскими частями, начали, невзирая на протесты префекта, стрелять по окнам рабочих жилищ, тянувшихся длинными рядами вверх по обеим сторонам улицы. Рабочие мгновенно ответили градом камней, черепиц и меткими выстрелами. Префект был подшиблен черепицей в плечо и камнем в голову и кроме того 8 солдат были выведены из строя. Отступив и оправившись от смятения, колонна вновь стала быстро подниматься по улице Гранд-Кот. Авангардные части были уже недалеко от первой баррикады, когда внезапно со стороны рабочих показались 2 офицера национальной гвардии Круа-Рус. Они подошли к префекту и попросили его предотвратить кровопролитную схватку (так освещал этот эпизод сам префект). Бувье-Дюмолар согласился и вместе с ген. Ордонно двинулся вперед, по направлению к баррикаде, приказав помощнику ген. Ордонно сдерживать национальных гвардейцев, не допуская никаких враждебных действий. Благополучно перейдя через баррикаду, префект, в сопровождении нескольких ткачей — хозяев мастерских, симпатизировавших Бувье-Дюмолару, прибыл в ратушу предместья и с балкона мэрии обратился к ткачам, столпившимся около ратуши, с успокоительной речью. Крики возмущенных рабочих долго не утихали. Потом ткачи стали прислушиваться к словам префекта. Успех, казалось, был обеспечен Бувье-Дюмолару. Но вдруг раздался грохот орудийного выстрела. И сразу же в трех различных пунктах послышалась перестрелка [1]. Легионеры открыли огонь, вопреки приказу префекта. Это была еще одна провокация со стороны фабрикантов.

[1] *Lamerlière*, Evénements de Lyon, p. 6.

«Положение мое, — рассказывал позднее префект, — сделалось ужасным». Повсюду раздавались крики: «Отмщение! Нас предали!» Бувье-Дюмолар быстро спустился с балкона, но был схвачен и под градом ударов отведен в один из частных домов под арест.

Подобная участь постигла и ген. Ордонно. Бой возобновился, и вскоре к окну дома, где сидел арестованный префект, ткачи принесли 4 тела убитых товарищей. Префект услышал угрозы по своему адресу. Рабочие говорили: «Вот четыре жертвы. Чтобы отомстить за них, нужна пятая жертва». Однако никто его не тронул. Напротив, некоторые из ткачей-хозяев отнеслись к нему участливо; особенно сблизился с ним синдик *Лякомб*.

Между тем внутри города обычная уличная жизнь уже нарушилась. Площадь Терро превратилась в главную квартиру линейных войск.

В течение дня число баррикад внутри города стало быстро возрастать: их строили на самых различных улицах Лиона. К восстанию ткачей начали присоединяться рабочие других профессий. Из 4 батальонов внутригородской национальной гвардии 2 батальона почти целиком перешли на сторону ткачей [1]. Под командой ткачей — хозяев мастерских выстраивались роты бойцов — рабочих шелковой мануфактуры [2]. Но в первый день борьбы, 21 ноября, восстание все же не приняло всеобщего характера, и бой ограничивался предместьем Круа-Рус и прилегающими улицами [3]. Сильное впечатление производил на жителей города вид первых раненых, которых приблизительно во втором часу дня стали приносить в городскую ратушу. Обычная городская сутолока замерла. Наглухо закрылись двери кафе, театров, магазинов, частных домов.

К концу дня вооруженные части, действовавшие против инсургентов, сильно возросли. 5 артиллерийских орудий беспрерывно обстреливали рабочих.

С наступлением вечера бой стал затихать. Город погрузился в непроницаемый мрак, и только в центральных кварталах с целью содействия солдатам домовладельцы зажигали свечи перед окнами первых этажей и таким образом кое-как освещали путь [4]. Ночью бой прекратился. Обе стороны лихорадочно готовились к встрече следующего дня. Форсированным маршем пришли в Лион батальоны 13-го и 42-го пехотных полков и с раннего утра заняли наиболее важные позиции. Но и к ткачам пришли союзники, встреченные с энтузиазмом: 350 рабочих из предместьев Гийотьер и Бротто длинным обходным путем пришли и соединились с инсургентами Круа-Рус.

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 56.
[2] *Dutacq*, op. cit., p. 78.
[3] *Monfalcon*, Histoire monumentale, p. 281; *Baron*, op. cit., p. 85; «The Times», № 14709; «Tableau historique», p. 7; *Beaumont-Vassy*, Histoire de mon temps, Première série, p. 454.
[4] «The Times», № 14709, 30.XI. 1831.

В первый же день борьбы группа командовавших ткачей-хозяев совершила тяжкую ошибку.

С наступлением темноты несколько начальников секций навестили арестованного префекта. Они предложили ему переодеться и спастись бегством. Но префект предпочел иной образ действий: выйдя из дому и увидев, что на улице, у дверей, при факельном освещении собрались ткачи — хозяева мастерских, он обратился к ним с речью. Отлично изучив слабую струну своих слушателей, он предложил им немедленно же прикончить его жизнь, если он потерял доверие рабочих. Если же нет оснований сомневаться в его преданности рабочему классу, ткачи должны добровольно отпустить его на свободу, чтобы дать ему возможность скорее использовать силу своего авторитета в интересах рабочих. И будто бы вновь раздались возгласы: «Да здравствует префект!» В сопровождении двух десятков рабочих префект покинул Круа-Рус [1]. Так рассказывает о своем освобождении сам префект. Между тем из других источников выясняется, что по окончании его вечерней речи слышались не только крики «Да здравствует префект!», но и голоса, говорившие об измене. Выясняется также, что ткачи отпустили его под выкуп за определенное количество боевых припасов [2]. На тех же условиях был выпущен и ген. Ордонно [3]. Но, когда к Рогэ обратились с просьбой об уплате по обязательствам чести, он, как говорят, ответил: «Я в розницу пошлю рабочим требуемые ими пачки боевых припасов» [4].

* * *

На следующий день, 22 ноября, восстание стало *всеобщим*. К ткачам примкнули рабочие самых различных профессий. Успеху инсургентов содействовало и то обстоятельство, что значительная часть национальной гвардии без сопротивления переходила на их сторону. Конечно, речь идет о той части, которая сочувствовала ткачам; буржуазные же гвардейцы из внутригородских батальонов по большей части отсиживались дома во вторник 22 ноября, т. е. в описываемый *второй* день восстания. «Панический страх охватил почти всех» [5]. Между тем рабочие наступали с железным упорством. Первая атака была сделана в 7 часов утра. Собравшись в большую колонну, ткачи попробовали прорваться в город. Но первая атака была отбита. В 8 часов утра перестрелка возобновилась. Жесточайший огонь был открыт по площади Круа-Рус. Воинские части крепко держались на улицах Кло-Казати и Виллермоз.

Около 9 часов утра в районе улицы Гранд-Кот, ведущей к заставе Круа-Рус, появился ярый орлеанист, доктор Монфаль-

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 7.
[2] «Tableau historique», p. 7.
[3] *Baron*, op. cit., p. 77.
[4] *Lamerlière*, op. cit., p. 20.
[5] *Monfalcon*, Histoire monumentale, t. III, p. 281.

кон, ставший впоследствии одним из первых «историков» описываемого восстания. Интересен эпизод его личного участия в событиях. Как врач городской больницы Монфалькон освобождался от всяких воинских обязанностей. Но прочитав воззвание Рогэ, Монфалькон раздобыл оружие, напялил мундир и явился на позицию, расположенную в конце уже известной нам улицы Гранд-Кот. Тут он встретил отряд из 30—40 национальных гвардейцев, среди которых были хорошо знакомые ему лица (между прочим и книгоиздатель Луи Перрен). Было около 11 часов утра, когда сюда же прибыл служащий мэрии Фредиффон с рукописным воззванием к рабочим. Оно было написано префектом, не потерявшим надежду успокоить ткачей путем компромиссных предложений. Однако, как рассказывает Монфалькон, никто не решался взять на себя миссию парламентера и отнести воззвание на баррикаду. Тогда Монфалькон предложил свои услуги. Ему дали четырех солдат и четырех национальных гвардейцев для сопровождения. Сам парламентер не решился расстаться с ружьем. Надев воззвание префекта на штык, Монфалькон двинулся в путь, вверх по улице Гранд-Кот. «На этой обычно столь шумной и людной улице теперь не слышно было ни звука работающих станков, ни разговоров. Мужчины, женщины и дети, теснясь друг друга, смотрели на нас из своих окон, не произнося ни слова», — так много лет спустя описывал свои впечатления Монфалькон [1].

Парламентер и его провожатые приблизились наконец к «большой, очень хорошо сделанной баррикаде Пьер-Планте» [2]. И вот, когда они подошли к ней на расстояние 20 шагов, раздался «громовой голос одного из рабочих» с приказанием остановиться. Провожатым Монфалькона велят сложить оружие и итти назад. Монфалькона вместе с одним из его спутников приглашают перейти через баррикаду. Предоставим самому Монфалькону рассказывать о последовавшей сцене [3]:

«Я пробираюсь кое-как через переплет бревен и бочек... Около 40 рабочих, вооруженных плохими ружьями, окружают меня, начинают оскорблять, осаждая со всех сторон; отнимают ружье и саблю, срывают эполеты, мундир; за угрозами не замедлили последовать и действия: воззвание префекта растаптывается ногами, и отовсюду я слышу возгласы об отмщении: «Это фабрикант. Он рассчитается за других». Я жалуюсь на дурное обращение, на оскорбления, которыми осыпают меня при исполнении обязанностей парламентера. Постовой начальник мне отвечает: «Если ты парламентер, так зачем же приходишь к нам с оружием в руках». Я начинаю уверять разъяренных людей, что я вовсе не фабрикант. Но

[1] *Monfalcon*, Histoire monumentale», t. III, p. 282.
[2] *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 71. Баррикада, о которой идет речь, находилась, таким образом, в верхнем конце улицы Гранд-Кот, близ заставы Круа-Рус. Ср. *Cochard*, Guide, p. 508: «...Pierres Plantées, près de la barriere de la Croix-Rousse».
[3] *Monfalcon*, Histoire monumentale, t. III, p. 282—283.

тут один злобный мальчишка, успевший залезть в мой патронташ, вытаскивает несколько зарядов и, показывая их рабочим, говорит: «Он твердит нам, что он доктор; а вот какими пилюлями он лечит!» Могучие руки схватывают меня за шею, меня тащат к ручью. И мне уже ясно представился вполне вероятный последний акт этой сцены насилий, как вдруг среди шумного хора восклицаний я услышал: «Не убивайте его, это мой врач, отпустите его». Это был голос одного рабочего, хромого шелкоткача, которого я очень хорошо знал, хотя и не лечил его никогда». Рабочие осматривают ружье Монфалькона, убеждаются, что из него еще ни разу не стреляли: отношение к пленному резко меняется. «Уходи, сказал один толстый *булочник*, лица которого, — продолжает Монфалькон, — я никогда не забуду, уходи, и больше сюда не возвращайся». «Парламентер» поспешил ретироваться. И так как все еще слышались угрозы, то Монфалькон попросил дать ему охрану. Один из рабочих предложил свои услуги и, рискуя своей жизнью, выпроводил Монфалькона далеко за баррикаду. Бой возобновился.

Не выдержав новой атаки со стороны рабочих Круа-Рус (где, как мы только что видели, рядом с ткачами бились и рабочие других профессий), правительственные батальоны сдают одну позицию за другой, и повстанцы из Круа-Рус бурным потоком врываются в город.

Посмотрим же, что делалось здесь, в самом Лионе, пока близ заставы Круа-Рус развертывались описанные события. Как уже сказано, с утра была расклеена прокламация начальника гарнизона, ген. Рогэ, с призывом ко «всем честным гражданам» вступить в ряды защитников «порядка». Но вскоре на улицах появились группы рабочих, обитавших внутри города. Они пытались срывать прокламации со стены. А когда барабанщики начали бить сбор, рабочие переломали барабаны. Отдельные национальные гвардейцы, осмелившиеся показаться перед возмущенным народом, обезоруживались. Жены и дети рабочих, особенно подростки — ученики из мастерских и лансеры, принимали самое жаркое участие в восстании. Жены рабочих щипали корпию, перевязывали раны, воодушевляли повстанцев. Дети строили баррикады и принимали активное участие в бою; так, например, казарма Бон-Пастер была взята женщинами и детьми. На углу улицы Жерб двое солдат были обезоружены группой детей в возрасте от 12 до 15 лет [1]. Толпы рабочих затопляют улицы Портшарле, Бонранконтр, Шонье, Пави; вот, наконец, и площадь Кордельеров, охранявшаяся сильным отрядом войск, переходит к инсургентам; солдаты спасаются бегством, опрометью бросаясь на улицу Бюиссон.

Дружную поддержку оказывала широкая масса внутригородских рабочих, но еще решительнее и организованнее выступили рабочие предместий Бротто и Гийотьер, расположенных на другом берегу Роны. Еще до рассвета в ночь с 21 на 22 ноября тысячи

[1] *Baron*, op. cit., p. 93—96.

рабочих собрались в Бротто [1]. Достаточно бросить лишь взгляд на план гор. Лиона (см. приложение), чтобы понять, как трудно было выйти рабочим Бротто на соединение со своими товарищами из Круа-Рус прямым путем. Бротто стоит на низком берегу р. Роны. Во исполнение же приказа ген. Рогэ артиллерия беспощадно обстреливала Бротто из города с набережной Сен-Клер. Казалось, что рабочим ни за что не удастся овладеть мостами, ведущими в город. Никакая сила, однако, не могла сломить их мужество, и вскоре мост Моран перешел в руки рабочих. Теперь, в свою очередь, рабочие устроили засаду на набережной р. Роны, возле улиц Басс-виль, Па-Этруа и Трэз-па [2].

Отдельные отряды рабочих проникали в частные дома. Окна занятых квартир превращались в бойницы. Расскажем о действиях рабочих на набережной р. Роны устами очевидца событий, лионского буржуа, описавшего кратковременный захват его квартиры:

«Я занимаю квартиру, расположенную во втором этаже большого дома на набережной р. Роны, на углу переулка, в центре города, в наиболее просторном районе. Несколько моих комнат выходят окнами на набережную, столовая же — в переулок. Во вторник в 2 часа дня, когда стрельба все еще продолжалась, мы совершенно покинули комнаты, выходившие на набережную, и укрылись в столовой, где из окон в переулок могли кое-как следить за боем; по правде сказать, мы старались преодолеть наше любопытство и желание рассмотреть бой поближе. Намерения рабочих не внушали доверия, тем более что мы жили как раз в таком квартале, который был населен купцами и промышленниками... Вдруг раздался стук в двери. Швейцар не отпирает; но удары посыпались с удвоенной силой, сопровождаясь при этом ужасным шумом, яростными криками, треском разбиваемых стекол. Швейцар и его жена поднимаются ко мне, дрожат от волнения. «Отпирать ли?» — «Да». — «Нет, не отпирайте», — говорит один итальянец, укрывшийся в нашей квартире. «Надо отпереть», — еще раз убедительно повторяем мы с братом, и я иду на балкон сказать рабочим, что им сейчас откроют. Между тем двери уже взламывают ударами топора. Рабочие бросаются внутрь дома, подходят к нашим дверям. Стучат. Это была самая страшная минута. Но мы решились: мой брат отпирает. Тогда быстро вошли, не прибегая ни к какому насилию, 6 или 8 вооруженных людей. Поспешность, с которой мы открыли двери, их успокоила. «Откройте нам те комнаты, которые выходят на набережную», — сказали они. «А где ваш начальник?» — «Вот наш капитан». — «Капитан, я не оказал вам ни малейшего сопротивления, относитесь же с уважением к моему жилищу и к тем, кто в нем находится». — «Ничего не тронут и вам не причинят никакого зла, ручаюсь вам своей головой. Если же кто-нибудь из моих людей что-нибудь возьмет, пожалуйтесь мне». — «Но вы не можете поручиться за каждого, сделайте же одолжение, принесите ключ от письменного стола и золотые часы, висящие над камином». Он идет, возвращается и подает их мне, говоря: «Я запер спальню, так как мне показалось, что именно там находятся ценные вещи. Мы же расположимся в гостиной». Я попросил одного рабочего принести мне серебряные щипцы, которые были на камине в гостиной, и он тотчас же их принес».

Вскоре в ту же квартиру прибыли подкрепления. Тогда перепуганный хозяин обратился к начальнику отряда с просьбой поставить одного из бойцов в качестве сторожа к дверям. Просьбу удовлетворяют. «Но вдруг, — продолжает лионский филистер, —мы услышали ружейные выстрелы совсем вблизи и, как нам показалось, внутри нашей квартиры. В самом деле, один из рабочих по неосторожности выпустил заряд в гостиной, и пуля засела в стене; *ружье было немедленно же отнято товарищами этого рабочего*». Наконец, спустя некоторое время по причинам, неизвестным для рассказчика, весь отряд покинул квартиру. «После их ухода мы осматриваем наше жилище; ничего не было взято» [1].

Отряд рабочих несомненно передвинулся на более близкую к центру позицию. Инсургенты повсюду одерживали победы. Рабочие из предместья Гийотьер овладели, наконец, кордегардией на площади Белькур и подожгли ее. Запылало и красивое здание, в котором помещалась контора по сбору ненавистного налога «октруа».

22 ноября — во второй день борьбы — часть инсургентов шумно выразила свою готовность совершить политический переворот. Вечером на площади Селестэн раздавались возгласы: «Да здравствует республика!» Во главе множества рабочих, заполнявших площадь, находился известный лионский республиканец *Мишель Анж Перье*, адвокат, участник июльской революции, сотрудник «Глянез», одной из лионских газет, превратившейся именно под влиянием описываемых событий из «легковесного листка, специально посвященного литературе», [2] в орган революционной демократии. Вместе с Перье выступил его друг и соратник, клерк Пеклэ, тоже сотрудничавший в газете «Глянез». Но вскоре оба они вышли из строя, получив ранения в бою.

К концу дня рабочие овладели всеми предместьями, всеми улицами, ведущими от площади Терро к Круа-Рус, и, наконец, всем городом, за исключением продолговатого четырехугольника между площадью Эрбери, Новой улицей и улицами, параллельными площади Терро. Внутри этого четырехугольника теперь сконцентрировались все силы защитников «порядка». К концу вечера или в полночь (с наступлением темноты бой прекратился) [3] инсургенты отбили

[1] «The Times», № 14709, 30.XI.1831.
[2] *Lamerlière*, op. cit., p. 22.

[1] «Le Semeur», № 15, 14.XII.1831.
[2] «Le Procès de la Glaneuse», p 25.
[3] «The Times», № 14709.

две важнейшие позиции: серэнский пороховой склад и арсенал [1]. Перед сдачей порохового склада солдаты успели заклепать орудия и выбросить в р. Сену большое количество пороха. Со взятием же арсенала 6 тыс. ружей перешли в руки рабочих. Кольцо, окружившее ратушу, сжалось еще теснее. Боясь, что вскоре последует полный разгром линейных частей, Рогэ созвал военный совет с участием префекта. В оценке создавшегося положения не было разногласий

Официальный акт гласил: «Сего 22 ноября 1831 г. в 12 часов ночи нижеподписавшиеся представители власти... принимая во внимание, что после двухдневной упорной борьбы, во время которой, к несчастью, было пролито слишком много французской крови, линейные войска частью отступили к городской ратуше, где были окружены огромными вооруженными силами противника; что истомленные и потерпевшие сильный урон линейные воинские части, лишенные военных припасов и продовольствия, ставших недоступными, обнаружили, по сообщению начальствующих лиц, склонность к прекращению бесполезного сопротивления; что многие, даже и важные посты, перешли к повстанцам, что национальная гвардия, насчитывавшая в своих рядах 15 тыс. человек, свелась теперь к сотне вооруженных людей; что при таком чрезвычайно тяжелом положении продолжать защиту городской ратуши, по единодушному мнению господ генералов, было бы безуспешно, что дальнейшее сопротивление неизбежно довело бы повстанцев до крайней степени отчаяния и обрекло бы осажденных, а также и весь город на ужаснейшую катастрофу, — по зрелом и многократном обсуждении вышесказанного единодушно постановляют, что единственный выход из создавшегося тяжелого положения состоит в том, чтобы для предотвращения кровопролития и разгрома города *покинуть городскую ратушу*, дабы занять другую, более удобную позицию вне городских стен, не теряя при этом связи с местной властью. Совет столь же единодушно высказывается за то, чтобы г. префект оставался на своем посту.

Учинено на заседании в городской ратуше, в двух экземплярах. Подписались: Бувье-Дюмолар, граф Рогэ, виконт Сен-Женниес, Флери, Дюплан, Гро, Готье».

Комментировать этот важный документ не нужно. Полное поражение «господ генералов» тут признано ясно.

Приняв решение, Рогэ не медлил с отступлением, он вывел своих солдат кратчайшим путем, через квартал Сен-Клэр. Было

[1] «Le Précurseur» № 1523, 23—24.XI.1831. «Vers la nuit» — так определяется в названном источнике момент взятия порохового склада и арсенала. По «L'Echo de la fabrique» (перепечатка в «Le Précurseur», № 1527), это событие произошло в 2 часа утра, в среду. Барон (*Baron*, op. cit., p. 105) утверждал, что арсенал был взят в полночь. Таким образом следует решительно отвергнуть версию Леви-Шнейдера и Фромана (стр. 88, русск. пер.), писавших, что арсенал сдался лишь в 6 часов утра. В самом деле, невероятно, что арсенал продолжал обороняться после того, как войска уже вышли из города. Ср. также акт, составленный в ратуше.

около 2 часов утра. Отступление совершалось с большими потерями, так как рабочие, не зная об истинном значении маневра Рогэ, приняли бой с авангардными частями и беспощадно обстреливали солдат из верхних этажей. Солдаты прикрывали свое отступление орудийным огнем до тех пор, пока все воинские части не вышли из предместья Брес [1]. Это была последняя схватка — «ужаснейшая битва, происходившая под набатный звон, раздававшийся со всех городских церквей» [2]. Выйдя из города, Рогэ двинулся по дороге к холму Монтесюи, ближайшей высоте, представлявшей очень удобную оборонительную позицию.

Тем временем Бувье-Дюмолар вместе со своими помощниками бежал из ратуши, незаметно проник к себе в префектуру, на площадь Якобинцев. В ратуше остались несколько канцелярских служащих, раненые, врачи и случайно попавший сюда балетный артист. В 3—3$^1/_2$ часа утра лионская ратуша была в руках инсургентов. Тут, в числе инсургентов, овладевших ратушей, были рабочие разных профессий. Руководящую же роль играли шелкоткачи во главе с Ляшапелем, Фредериком, Шарпантье (ткачи-хозяева) и другими членами комиссии рабочих рот.

Характерны уже первые шаги комиссии рабочих рот. Комиссия возвестила о своей готовности охранять неприкосновенность частной собственности. А Ляшапель—фактически хозяин ратуши — заявил, что он считает себя лишь постовым начальником, скромным начальником на посту у городской ратуши. К сожалению, у нас нет данных, позволяющих точно охарактеризовать личность Ляшапеля. Историк Дютак бросил тень на имя этого видного участника восстания, сославшись на переписку нового лионского префекта (сместившего Бувье-Дюмолара в начале декабря 1831 г.), который вскоре после восстания доносил, что имеется возможность «купить» двух местных республиканцев [3]. Одним из них был Ляшапель «друг Лякомба». Так уверял префект. Но не проверено, принял ли Ляшапель деньги от Гаспарэна и сделался ли он предателем.

Вернемся, однако, к последовательному описанию событий. Около 5 часов утра в ратушу прибыли новые люди. Это были Россэ, Дрижар-Дегарнье, Дервье, Фильоль и Гийо — пестрая социально-политическая группировка, в составе которой только один Гийо принадлежал к среде работников мануфактуры. Старший из всех, 59-летний Луи Россэ (род. в Лионе), говорил о себе как о «профессиональном революционере». В молодости он занимался производством обоев [4], т. е., повидимому, был мелким промышленником. В 1815 г. Россэ участвовал в подготовке восстания, которое должно было вспыхнуть одновременно с гренобльским. За это он был арестован и приговорен к 10 годам ссылки, с последующим полицейским надзором. После июльской революции в 1831 г. Россэ резко

[1] «Le Précurseur», № 1527, перепечатка из «L'Echo de la fabrique».
[2] «The Times», № 14709, 30.XI.1831.
[3] *Dutacq*, op. cit., 91.
[4] *Vaulabelle*, Histoire des deux restaurations, 2 éd., t. IV, p. 94—95.

выступал против Прюнеля, лионского мэра. Достоверно известно, что в 1831/32 г. Россэ был убежденным республиканцем. Республиканцем был и Дервье, лионский шляпочник-торговец, участник восстания, присутствовавший на площади Селестэн среди тех инсургентов, которые еще накануне кричали: «Да здравствует республика![1]» Антуан Дрижар-Дегарнье (родом из департамента Алльe) примыкал к Россэ и Дервье. В год восстания ему было 37 лет. Судя по судебным данным, это был торговец, имевший в Лионе лавку железных товаров [2]. Фильоль был кондитером.

Замечательно, что появление группы республиканцев, непринадлежавших к корпорации ткачей и считавших восстание началом политического переворота, не вызвало протестов Ляшапеля. Пользуясь властью постового начальника, он мог бы закрыть двери ратуши перед людьми, идеям которых он не сочувствовал или которых не поддерживала масса.

Не отстранил республиканцев и другой из наиболее популярных вождей восстания, синдик Лякомб, прибывший в ратушу лишь около 7—8 часов утра, но почему-то сразу присвоивший высшую власть (объяснение этого факта, несколько расходящееся с мнением других историков, будет дано ниже).

Одновременно с появлением Лякомба, т. е. утром 23 ноября, когда проснувшиеся обыватели с удивлением увидели, что на карауле у ратуши стоят не солдаты, а рабочие, группа политиков, не принадлежавших к числу работников мануфактуры, пополнилась еще двумя деятелями: в ратушу пришли Гранье и Перенон.

Охарактеризуем беглыми штрихами этих трех новых претендентов на руководство революционным муниципалитетом. Имя Лякомба уже названо выше: именно Лякомб взял под свое покровительство префекта в первый день восстания. Во время боя Лякомб не покидал ответственных и опасных постов. Повидимому, он был во главе инсургентов, осаждавших арсенал. Но еще до прихода в ратушу Лякомб успел встретиться и переговорить с префектом, который пригласил его к себе в ночь с 22 на 23 ноября. Достоверно известно, что позднее Лякомб искал сближения с полицией и что на суде по делу о ноябрьском восстании он выступал не в качестве обвиняемого, а как свидетель. Подобно Ляшапелю, Лякомб принадлежал к прослойке ткачей-хозяев. Но ни Ляшапель, ни Лякомб не входили в состав центральной комиссии, и от ткачей-хозяев типа Буври, Шарнье, Фальконнэ и пр. они существенно отличались тем, что взялись за оружие и возглавили восстание. Лякомб отнюдь не был совершенно «аполитичной» фигурой; он состоял в батальоне *волонтеров Роны*, сформированном с политической целью. Но то обстоятельство, что Лякомб продолжал доверять «добрым» чувствам префекта и даже не отказался встретиться с ним до прихода в ратушу, не могло не парализовать инициативу Лякомба как политического деятеля. Двойственный, двусмысленный образ действия Лякомба в качестве руководителя революционного муниципалитета был уже предрешен.

[1] Фести опубликовал в «Annales des sciences politiques» 1910, p. 103—104, один документ, в котором указывается, что будто бы Дервье выступал п р о т и в инсургентов. Нам представляется недостоверным показание двух свидетелей, которые говорили об этом на суде.

[2] «Gazette des Tribunaux» № 2140, 23, VI.1832; *Lévy-Schneider*, op. cit., p. 180.

Адольф Гранье был редактором газеты «Глянез». В год восстания ему было 28 лет. Борьба ткачей с фабрикантами оказала решающее влияние на этого талантливого журналиста, ставшего одним из наиболее замечательных вождей лионской революционной демократии.

Совершенно особенную фигуру представлял учитель и литератор Перенон, сын торговца шерстью (род. около 1800 г.), получивший хорошее, хотя и незаконченное образование. Перенон рано выступил на поприще литературно-публицистической деятельности в качестве отъявленного легитимиста [1]. С 1819 по 1831 г. Перенон несколько раз выступал в печати с тем или иным бездарным произведением. Но даже и в 1831 г. имя Перенона не было известно никому. Перенон скрывался под различными псевдонимами, а иногда и вовсе не подписывал своих захудалых литературных упражнений. Краткая характеристика этого мракобеса будет закончена, если добавить, что в 1827 г. он полемизировал с администрацией воспитательных домов, добиваясь строгого разграничения «законнорожденных» и «незаконнорожденных» детей, а в 1830 г., уже после июльской революции, Перенон выступал в защиту свергнутого реакционера Полиньяка [2].

Неизвестно, согласована ли была авантюра Перенона с местными карлистами. Можно лишь с уверенностью сказать, что незадолго до лионского восстания политическая активность карлистов усилилась. В октябре 1831 г. герцогиня Беррийская находилась в Лукке. И в это время ее «штаб» заметно пополнился виднейшими руководителями карлистов, прибывшими из Франции. Множество эмиссаров прибыло в Лукку с юга Франции [3]. Связан ли был с ними Перенон, мы не знаем. Как бы то ни было, авантюрист сумел пролезть в ряды революционеров [4]. Он явился к Гранье и, ссылаясь на популярность Гранье в рабочей массе, пригласил его в ратушу. Гранье последовал за «незнакомцем». По прибытии в ратушу Перенон уже не нуждался в рекомендациях: имя и личность Гранье гарантировали ему доверие собравшихся тут руководителей восстания.

[1] Перечень всех или почти всех произведений Перенона см. у Леви-Шнейдера, который впервые осветил темную личность этого карлиста.

[2] *Lévy-Schneider*, op. cit., p. 178 et suiv.

[3] Арх. МИД, 1831, № 101, донесение кн. Горчакова графу Нессельроде, 11.X.1831. В числе лиц, появившихся в это время в Лукке под вымышленными именами, был, между прочим, маршал Бурмон, сын которого был арестован впоследствии в Лионе, в дни *второго* лионского восстания.

[4] Вся эта часть нашей работы была уже написана, когда появилась статья Годара о восстании 1831 г. Не выясняя связи Перенона с виднейшими карлистами, Годар сообщил, однако, очень интересные данные об участии в восстании одного из лжедофинов («La Révolution de 1848», 1933, p. 220).

С появлением Лякомба, Гранье и Перенона приток претендентов на руководящие роли в революционном муниципалитете закончился. Члены комиссии рабочих рот объединились с Россэ, Дрижар-Дегарнье, Дервье, Фильолем, Гранье и Перенoном, сформировав совместно с ними (и с Лякомбом во главе) *временный главный штаб*. Странное наименование нового органа власти обычно объясняют тем, что помещение, в котором заседали вожди инсургентов в ратуше, принадлежало бывшему главному штабу лионской национальной гвардии. Едва ли, однако, можно сомневаться в том, что случайное совпадение было сознательно использовано подавляющим большинством членов революционного муниципалитета. В самом деле, никто не мешал инсургентам занять любое помещение в ратуше. Властью временного главного штаба извозчик Пуарье был назначен на пост коменданта города Лиона; другой инсургент — начальником арсенала [1]. Высшая судебная и административная власть в городе безраздельно принадлежала в этот день временному главному штабу и, тем не менее, все еще сохранялось название, скрывавшее облик такого органа власти, который был не чем иным, как революционной лионской Коммуной. Двойственность тактики Лякомба, колебания других членов комиссии рабочих рот, отсутствие прочных организационных связей у республиканцев типа Россэ с подлинно-рабочей массой, компрометирующая роль Перенона и, наконец, столь же тонкая, как и подлая стратегия префекта подрезали в самом корне жизнеспособность этой Коммуны.

Возвращаясь к описанию событий этого дня, следует прежде всего обратить внимание на деятельность префекта. Позднее сам Бувье-Дюмолар писал, что революционеры, овладевшие ратушей 23 ноября, были «слишком сильны, и господин мэр не мог их выгнать» [2]. Но префекту было необходимо иметь надежную агентуру в ратуше; и он в то же самое утро послал «господина мэра» (подразумевается, конечно, Буассэ, заместитель мэра) на площадь Терро. Амплуа «отца рабочих» было уже занято префектом; поэтому Буассэ оставалось лишь прикинуться «другом рабочих». Под этой маской он благополучно проник в ратушу. Временный главный штаб позволил ему и его помощникам остаться и занять старые насиженные места в канцелярии мэрии.

Для активного противодействия временному главному штабу префект придумал другой маневр. В тот же день около $10^1/_2$ часов утра он объявил о созыве «рабочей» комиссии в префектуре. В специальных афишах префект торжественно возвестил о своей готовности принять делегатов в любое время и даже «как можно скорее», дабы облегчить «несчастное положение ткачей». Делегаты не замедлили собраться: около 1 часу дня они были уже в префектуре. Что это были за люди? И как они были использованы префектом? Раньше, чем ответить на эти вопросы, вернемся в ратушу. После 10 часов утра временный главный штаб заслушал и одобрил две прокламации. Одна из них, составленная Сент-Эвом и Лякомбом, гласила: «Лионцы! В той тяжелой обстановке, в которой находится наш прекрасный город, ваши сограждане, разделявшие опасности вместе с вами, обращаются к вашему патриотизму, к вашей любви к порядку и спокойствию. Ради этого мы приглашаем господ офицеров, унтер-офицеров и солдат, входивших еще до наступления последних печальных дней в состав временно организованного отряда *волонтеров Роны*, немедленно собраться. Центральным сборным пунктом назначается городская ратуша, где их с мучительным нетерпением ожидают сограждане: Лякомб, Ляшапель, Сент-Эв, Пуарье, Ляшапель-младший, Кошэ, Шарпантьé, Шабрие и Гийо».

Этот документ имеет очень большое значение. Во-первых, он ясно говорит о желании группы вождей, состоявшей из ткачей и работников *других* профессий (например, Пуарье был тележником), закрепить и организационно усилить свои позиции. Во-вторых, он опровергает распространенный тезис о полной аполитичности всей так называемой рабочей части временного главного штаба. Выше мы говорили о политических задачах, поставленных батальоном волонтеров Роны в феврале 1831 г. Ген. Кастеллан, прибывший в Лион вскоре же после описываемых событий, писал, что большинство командиров батальона «принадлежало к национальной гвардии и было известно своими республиканскими убеждениями». Он же называл Лякомба «одним из самых влиятельных» вождей, одним из наиболее отважных руководителей боя [1]. Но Лякомб был видной фигурой и в батальоне волонтеров Роны. Этими-то *двумя* причинами, т. е. положением в батальоне волонтеров Роны, а также боевыми заслугами в дни 21 и 22 ноября, и объясняется, по нашему мнению, тот факт, что Лякомб сразу по прибытии в ратушу сменил Ляшапеля и стал во главе временного главного штаба.

Вторая прокламация была, повидимому, составлена коллективно. Возможно, что в основном она была написана Перенoном при участии Гранье и с поправками, предложенными членами временного главного штаба.

Вот полный текст этой явно антиправительственной прокламации:

«Лионцы! Вероломные городские властители фактически потеряли свое право пользоваться общественным доверием; гора трупов разделяет нас с ними. Поэтому никакое соглашение стало невозможным. Лион, славно освобожденный своими сынами, должен иметь градоправителей по собственному выбору. Он должен иметь властителей, не обагривших своих одежд кровью братьев. Наши защитники должны избрать полномочных старшин (синдиков) для того, чтобы вместе со всеми соответствующими корпорациями

[1] *Froment*, op. cit., русск. перев., стр. 98.
[2] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 68.

[1] Ср. *Dutacq*, op. cit., p. 90. Дютак рассказывает, что Лякомб впоследствии предлагал новому префекту купить у него, Лякомба, 300 ружей, принадлежавших батальону волонтеров Роны.

занять руководящее место в представительстве города Лиона и департамента Роны. В Лионе будут организованы комиции или первичные народные собрания; нужды провинциального населения будут, наконец, приняты во внимание, и сформирована будет новая гражданская гвардия... Довольно нам терпеть от министерского шарлатанства!

Солдаты! Вы были введены в заблуждение. Вернитесь к нам, и ваши раненые товарищи скажут вам, братья ли мы вам или нет.

Национальные гвардейцы! Приказания, которые были даны вам вероломными и заинтересованными людьми, скомпрометировали ваши мундиры. Сердца же ваши должны быть сердцами французов. Присоединяйтесь к нам, дабы вместе с нами поддержать порядок. Мы уверены, что каждый из вас по первому же зову займет соответствующий боевой пост.

Все честные граждане немедленно должны помочь восстановлению взаимного доверия, возобновив торговлю.

Радуга истинной свободы воссияла с сегодняшнего дня над нашим городом, и пусть же ничто не затмит ее сияние. Да здравствует истинная Свобода!

Лион, 23 ноября 1831 г.

От имени рабочей комиссии: Лякомб, синдик; Фредерик, вице-председатель; Шарпантье и Ляшапель, синдик» [1].

Как видим, вторая прокламация существенно отличалась от первой: в ней констатировался факт революционного свержения местной власти. Она возвещала о широком демократизме, поскольку ее позитивная часть воскрешала «первичные народные собрания». Но фраза о «нуждах провинциального населения» напоминала карлистскую фразеологию этого периода. Маневр Перенона был вскоре же разгадан, и не далее как через день местная газета «Прекюрсер», воспользовавшись промахом республиканских вождей, постаралась дискредитировать весь временный главный штаб в ядовитой и гневной заметке, где говорилось, между прочим, что всякий поймет цель людей, требующих провинциальных учреждений, людей, органом которых является в Париже «Газет де Франс» (газета карлистов) [2].

Обе прокламации были быстро отпечатаны. Около 12 часов дня, т. е. до прибытия членов «рабочей» комиссии, приглашенных Бувье-Дюмоларом, люди, преданные временному главному штабу, уже расклеивали революционное воззвание в разных кварталах города, возвещая об этом акте барабанным боем. Один из экземпляров воззвания был громогласно прочитан перед окнами префектуры. Приблизительно в то же самое время (около 12 часов дня) в префектуру ворвался отряд революционеров-пролетариев. Вот как отразился этот важный эпизод в кривом зеркале позднейших воспоминаний Бувье-Дюмолара:

[1] *Monfalcon*, Histoire monumentale, t. III, p. 279.
[2] «Le Précurseur», № 1524, 25.XI.1831.

«Банда численностью около 30 человек, дурно выглядевших и одетых в лохмотья, ворвалась в префектуру. Я спустился в кабинет, чтобы принять их. Они вошли с надменным видом и, не снимая шапок, потребовали у меня оружия. «Оружия? У меня его нет!», — сказал я. Они отвечали, что если у меня его нет, то следует разоружить 1-й легион (составленный из фабрикантов квартала Терро); что они хотят покончить с аристократами и что этот бой решительно есть *война тех, у кого ничего нет, против тех, которые что-нибудь имеют*. Положение мое, — продолжает префект, — стало критическим. К счастью, те рабочие главари, которые были утром вызваны мною, явились в эту минуту» [1].

Итак, как видим, в рассказе префекта точно определяется роль «рабочих главарей». Теперь назовем их имена. Это были: Буври, Фальконнэ, Бовердино, Бланше, Бартелье, Биолле, Боннар, Брэт, Бюффар, Б. Жакоб, Карье, Лябори, Ниэль, Пиго, Фаржэ, Шарнье.

Чтобы представить себе их авторитет в среде ткачей — хозяев мастерских, достаточно вспомнить, что двое из этих людей, Шарнье и Буври, были основоположниками Ассоциации мютюэлистов; Буври, Фальконнэ, Лябори, Бернар, Боннар и Шарнье были виднейшими членами центральной комиссии, образовавшейся с целью борьбы за тариф всего лишь за 5 недель до описываемых событий (Буври был председателем этой комиссии, а Фальконнэ — его заместителем).

Появление всей этой группы ткачей в префектуре представляется поворотным моментом восстания. «Добрые дети» Бувье-Дюмолара не ограничились удалением из префектуры надменных инсургентов. Они подписали воззвание, дезавуирующее революционную прокламацию.

«Лионцы! — гласило воззвание. — Мы, нижеподписавшиеся начальники секций, единодушно и публично протестуем против только что появившейся прокламации, побуждающей к непризнанию законной власти, — прокламации, опубликованной и подписанной старшиной (синдиком) Лякомбом, Шарпантье, Фредериком и Ляшапелем. Всех честных рабочих, а также и других граждан, к какому бы классу общества они ни принадлежали, — всех друзей мира и единения, долженствующего быть между истинными французами, призываем присоединиться к нам» [2].

Разногласия, имевшиеся еще до восстания, переросли в настоящий, *глубокий* раскол.

К вечеру того же дня воззвание аполитичной группы ткачей было отпечатано и расклеено на улицах города. Еще два члена центральной комиссии, Массон-Сибю и Розье, присоединились к группе Був-

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 71.
[2] *Bouvier Dumolard*, op. cit., p. 73. Воззвание подписали: Бовердино, Буври, Фальконнэ, Бланше, Бертелье, Биолле, Каррье, Боннар, Лябори, Брэт, Б. Жакоб, Шарнье, Ниэль, Бюффар, Пиго, Фаржэ.

ри-Фальконнэ. Имя Массона-Сибю находим в списке лиц, пославших в редакцию газеты «Прекюрсер» письмо, в котором вся группа заявляла, что «в событиях, случившихся в Лионе, политические и мятежные идеи не имели никакого влияния» и что все они «совершенно преданы Луи Филиппу, королю французов» [1]. Разумеется, временный главный штаб был информирован о действиях префекта. О созыве начальников секций можно было узнать по афишам Бувье-Дюмолара. И, может быть, именно для предотвращения встречи начальников секций с префектом Россэ, старейший из республиканцев, заседавших в ратуше, пошел в префектуру, чтобы отстранить Бувье-Дюмолара. Попытка не удалась. У нас не имеется данных, позволяющих точно объяснить причину неудачи. Сам Бувье-Дюмолар дал почти карикатурное освещение этого эпизода. Он рассказывает, что еще утром (?) 23 ноября «некий господин Россэ был представлен ему главным полицейским комиссаром, предложившим выслушать от Россэ важное сообщение. Когда же старого «профессионального революционера» попросили высказаться, то он будто бы *посоветовал* префекту сложить свои полномочия и передать их ему, Россэ. Префект «с твердостью» отказал, и Россэ удалился. По свидетельству же полицейского комиссара, Россэ «удалился» с яростью. Он говорил, что поднимет на ноги всю революционно настроенную массу инсургентов.

Не объясняется ли и отступление Россэ тем фактом, что по прибытии его в префектуру начальники секций, приглашенные Бувье-Дюмоларом, уже начали собираться?

Россэ вернулся в ратушу во главе отряда инсургентов и потребовал, чтобы Лякомб сосредоточил в своих руках всю власть, «доверенную ему народом», не разделяя ее с прежней администрацией. Но Лякомб все более и более склонялся к разрыву с республиканцами. И вот, около 4 или 5 часов дня произошел раскол в самом временном главном штабе. В это время в ратушу привели арестованного Фредерика. Арест произошел при следующих обстоятельствах. Фредерик возвращался в ратушу после обхода караулов. Возможно, что это была не первая отлучка Фредерика из ратуши в течение описываемого дня. Как бы то ни было, сам Фредерик уверял, что он никогда не подписывал революционную прокламацию и не знал о ее существовании. Поэтому, увидев на обратном пути в ратушу несколько экземпляров прокламации, он стал срывать их со стен. Инсургенты, заметившие эти манипуляции, решились, невзирая на личный авторитет Фредерика как члена комиссии рабочих рот и временного главного штаба, арестовать его и под конвоем отправить в ратушу.

Но Лякомб не одобрил ареста и даже сам отрекся от участия в составлении антиправительственного воззвания. Он немедленно написал *протест* против той самой прокламации, которая была скреплена его именем. К протесту Лякомба присоединились Гийо, Тришэ, Моллар и др. Не было подписи Ляшапеля. Возможно, что не все члены комиссии рабочих рот сразу же перешли на сторону Лякомба и Фредерика. Но положение было уже непоправимо. Фильоль безуспешно пытался терроризировать Лякомба, угрожая пистолетом. В жаркий спор революционеров вмешался, наконец, член прежнего муниципалитета Готье и, невзирая на гневные протесты членов временного главного штаба, стоя на кресле, произнес горячую речь в пользу префекта. И в то время как Россэ и Дервье кричали, что с момента образования революционной власти нет более власти префекта и мэра, из собравшейся толпы послышались возгласы: «Да здравствует префект!» «Шайка болванов, — ответил член штаба Дервье, — вы не хотите нас послушать и вы раскаетесь!» Временный главный штаб распался. Гранье, Россэ и прочие республиканцы разошлись по домам. Скрылся куда-то и сам Лякомб, передав свою власть Гийо, который тоже скоро исчез из ратуши.

* * *

Утром 23 ноября все буржуазные кварталы были переполнены толпами рабочих. Вся торговая жизнь замерла. Лионские щеголи не решались показываться в своих модных шляпах. Но ничто не угрожало «священной» собственности. Когда монетный двор перешел в руки инсургентов, управляющий сообщил своим новым начальникам — рабочим, что в их руках находится огромный капитал — 1 500 тыс. франков. Едва ли нужно пояснять, что предшественники парижских коммунаров 1871 г. постарались доказать, что они «достойны такого доверия»: уважая «собственность правительства», они не тронули ни одного сантима. Исполнители приказаний, исходивших от комиссии рабочих рот, так ревностно охраняли неприкосновенность частной собственности, что едва не расстреляли безвинно одного слугу, который перетаскивал на себе хозяйскую одежду, впопыхах оставленную в магазине.

Обычно рассказывают о бурной сцене разгрома торгового дома Ориоль. Действительно, жертвы засады, устроенной в доме Ориоль, были отомщены. Но в прессе и в исторической литературе сильно преувеличивались размеры опустошения. Разгрому подверглась лишь та часть дома, из которой стреляли по инсургентам: ни верхние этажи, ни самый нижний этаж, где жил богатый лионский коммерсант, не пострадали [1]. Весь дом был оцеплен вооруженными инсургентами. Это были люди «из самого бедного класса, в лохмотьях» [2]... Все ценное бросали в костер, ярко пылавший перед самым домом. С шутками и криками выбрасывали в Рону мешки с деньгами [3].

В роанской тюрьме инсургенты освободили всех заключенных за долги. Уголовные же преступники были оставлены под арестом.

[1] «Le Précurseur», № 1524.

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 80—81; *Baron*, op. cit., p. 111.
[2] «Le Semeur», № 15, 14.XII.1831.
[3] *Baron*, op cit., p. 230.

Некоторые из них поплатились жизнью за попытку освободиться своими силами [1].

Отношение широкой массы населения к антиправительственной прокламации освещалось современниками противоречиво. Все хроникеры, относившиеся враждебно к попытке политического переворота, уверяли, что большинство населения совсем не сочувствовало республиканцам. В брошюре, написанной Перенопом, говорится, что «более 50 тысяч жителей бурно радовались, читая прокламацию, возвещающую о наступлении царства истинной свободы». Но в течение нескольких часов трудящееся население Лиона было совершенно дезориентировано. Утром ему раздавали кокарды с цветами радуги, возвещая о царстве истинной свободы. А вечером появилось множество воззваний, дезавуирующих антиправительственную прокламацию. Здесь уместно воспроизвести еще один документ — воззвание, выпущенное газетой «Прекюрсер» [2]. Поскольку оно характеризует политическую позицию, занятую лионским двойником газеты «Насиональ» в критический момент восстания, не приходится доказывать его первостепенную важность.

«*Прекюрсер*», *конституционная газета гор. Лиона и юга Франции*» — таков был заголовок воззвания. Далее следовал текст: «Французская кровь была пролита французами... После печальных событий, свидетелями которых мы были, возрадуемся, что эта ужасная борьба окончилась Но пусть победители сумеют воспользоваться победой, купленной так дорого, иначе она может стать для них более роковой, чем поражение. Задолго до того, как вопрос стал обсуждаться с оружием в руках, мы уже сказали, что вся наша симпатия на стороне массы тружеников, не обеспеченных от голода самой усидчивой работой. При виде этих трудолюбивых семейств, скученных в нездоровых мастерских и истощающихся в работе без отдыха, вечно терзаемых необеспеченностью завтрашнего дня, наша душа часто волновалась глубокой и скорбной жалостью; мы понимали всю потрясающую силу возгласов, требующих смерти или справедливой оплаты. Но эта оплата может быть достигнута только порядком и свободой для всех. Без порядка, без свободы, без уважения к собственности нет промышленности, нет работы, а будет анархия, разорение, нищета, смерть народов. Несмотря на расхождения, все мы — добрые французы, и борьба частных интересов отнюдь не должна превращаться в противоестественную распрю. Мы преданы июльскому правительству;

[1] «Le Précurseur» № 1527 сообщил о получении редакцией письма от арестованных по уголовным делам и не освобожденных в ноябрьские дни Текст письма, к сожалению, не напечатан Редакция ограничилась замечанием, что письмо было «toute pleine d'irritation et de colere» (полно гнева и раздражения)

[2] Цитируемое воззвание частично было опубликовано в работе Тарле, не знавшего, впрочем, кому оно принадлежало. «Происхождение этой прокламации, о которой не знает ни один из историков, писавших о разбираемых событиях, осталось для меня невыясненным, несмотря на все мои изыскания» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 75).

насторожимся же и не допустим, чтобы враги пожелали использовать наши разногласия с целью возобновления так счастливо потушенной гражданской войны.

Солдат баррикад руководит этой газетой... Представители городской и департаментской власти ни на минуту не покинули наш город. Сплотимся же вокруг них для поддержания порядка. Когда все заодно, никто не может иметь каких-либо опасений. *А. Пететен*» [1].

Замечательно, что даже в момент этой усиленной политической дезориентации, в момент дезертирства руководителей комиссии рабочих рот и полного распада временного главного штаба, многие инсургенты продолжали отстаивать ратушу как центр самостоятельного политического руководства. Поздно вечером 23 или в ночь на 24 ноября место распавшегося временного главного штаба заняли *волонтеры Роны*. Дезертирство Лякомба не смутило созванных им людей: их поддерживала масса, собравшаяся вокруг ратуши. В этой обстановке префект придумал еще один подлый маневр. С наступлением ночи он начал посылать на караульные посты своих людей, переодетых в рабочую одежду. Ему удалось переменить пароль. И вскоре он сам пошел с дозором караулов. Обойдя более 50 постов, он собрал вокруг себя большую группу приверженцев. И лишь в сопровождении отряда он отважился явиться в ратушу. В помещении штаба заседали 5 волонтеров Роны. К сожалению, у нас нет источников, позволяющих охарактеризовать социально-политическое лицо этих людей, их деятельность или по крайней мере их намерения в эту ночь. В описании, принадлежащем перу самого префекта, сцена его встречи с волонтерами обрисована в следующих чертах. Обратившись к новым претендентам на руководство революционным муниципалитетом, он сказал: «Что вы здесь делаете? Я понимаю, что в момент ухода войск, думая, что, сопровождая эти войска, ваши гражданские власти тоже покинули свой пост (отступив вместе с ними), вы еще могли бы организовать временное управление с похвальным намерением; но теперь, когда вам стало известно, что префект и мэр сохранили всю полноту власти, ваше присутствие здесь преступно и не может быть терпимо. Уходите!» Тогда будто бы один из волонтеров «*студент медицины*» встал и произнес лойяльную речь, после чего префект оставил их в покое, предложив покинуть помещение к утру следующего дня. Причину своей уступчивости префект не скрывает. Он пишет: «Я еще не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы их арестовать, не вызвав тем самым кровавого побоища между людьми, которых я с собою привел, *и несколькими сотнями бродяг*, только что виденных мною у входа в ратушу» [2].

Итак, перед нами новый фазис движения: временный главный штаб покинул ратушу, но в ночь на 24 ноября собрались волон-

[1] «Le Précurseur» № 1523, *второй* экземпляр, *изданный* под этим номером.

[2] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 77.

23 et 24 Novembre 1831. Mercredi

LE PRECURSEUR

JOURNAL CONSTITUTIONNEL DE LYON ET DU MIDI.

Lyon.

23 novembre 1831

ÉVÉNEMENS DE LYON

Nouvelles de Paris.

Première page du journal lyonnais «Précurseur» du 23—24 novembre 1831 г.

теры Роны, которых поддерживали и охраняли *несколько сотен* пролетариев. Префекту пришлось еще одну ночь утешаться лишь иллюзией полноты власти; фактически ее не было. Утром 24 ноября Бувье-Дюмолару сообщили, что ратуша все еще не освобождена и что волонтеры Роны не расположены уходить. Но 24 ноября префект уже мог противопоставить волонтерам и их охране внушительный вооруженный отряд. Повидимому, он состоял из смешанных сил: частью из того «резерва», который был тайно собран Бувье-Дюмоларом в префектуре, частью же из ткачей-соглашателей, руководимых аполитичной группой Буври — Фальконнэ [1].

Во главе отряда были активные участники восстания: ткач Мартинон, аппретурщик Бюиссон, капитан национальной гвардии Диано и др. Все эти люди были сторонниками группы Буври — Фальконнэ, расколовшей ряды инсургентов. Но они отличались большой решительностью и готовностью бороться с оружием в руках. Изгнав волонтеров Роны из ратуши, вожди отряда сформировали *новый* временной главный штаб. Борьба за тариф еще не закончилась, и поэтому даже сторонники группы Буври — Фальконнэ считали нужным удерживать в своих руках один из органов власти: *штаб национальной гвардии*. Вновь сформированный штаб был именно этим органом, т. е. не муниципалитетом, как первый, республиканский штаб, а только временным главным штабом *лионской национальной гвардии*. Во главе его стал Бюиссон; членами штаба были Мартинон, Диано, Шабрие (единственный член первого штаба, вступивший в состав штаба Бюиссона), Мишаллэ, Брэт, Ришар, Леклерк, Дамур, Канталь.

* * *

Как видим, с утра 24 ноября начался особый этап движения: победители сохранили за собой один из высших органов местной власти; гарнизон не смел приблизиться к городу. Но власть префекта и мэра была восстановлена, хотя сами защитники «порядка» и считали, что в эти дни Бувье-Дюмолар был «префектом рабочих», а не префектом правительства [2].

Таковы были непосредственные ближайшие результаты раскола. Заметим, что о появлении двух направлений среди инсургентов и их междоусобной борьбе французское общество могло узнать даже из газеты «Монитер»[3].

[1] Это предположение подсказывается сравнением двух версий о составе отряда: одна версия принадлежит Бувье-Дюмолару, другая — Диано.

[2] «Journal du maréchal de Castellane», t. II, p. 466.

[3] «Le Précurseur» № 1530 цитировал газету «Монитер» и таким образом одну из самых важных страниц истории событий, происходивших в Лионе, освещал официальными, *парижскими* источниками. «Монитер» же писал: «Aussi les ouvriers de Lyon se sont-ils promptement divisés en deux partis, l'un rêvant dans son délire les scènes de Bristol, l'autre se rappelant tout à coup avec remords les exemples de juillet et tous deux s'accusant mutuellement, et faisant des patrouilles l'un contre l'autre».

Скажем еще несколько слов о том, как прошел день *23 ноября* в предместьях.

В предместье Гийотьер организовалась комиссия хозяев мастерских — гийотьерских шелкоткачей в составе 7 членов. Достаточно назвать имена руководителей комиссии, чтобы определить позицию, занятую этим органом в борьбе двух основных течений в среде победителей. Председателем комиссии был Розье, товарищем председателя — Боннар. Неудивительно, что эти люди даже не попытались арестовать местного мэра, некоего Рейера, активно боровшегося с инсургентами, особенно в первый день восстания (он сам организовал отряд и послал его в Круа-Рус).

В предместье Вэз было совсем тихо: оно не участвовало в событиях 21—22 ноября, и местный мэр, повидимому, правил здесь безраздельно.

Иная картина наблюдалась в Круа-Рус. С 21 ноября мэр этого предместья был отстранен, и рабочая комиссия, занявшая мэрию, вполне самостоятельно и энергично управляла делами в течение первых двух дней. На третий день борьбы, когда раскол стал очевидным, Риган, мэр городка Круа-Рус, использовал новую ситуацию и, подобно Буассэ, прикинулся «другом рабочих», охотно разделяющим с ними власть. Впрочем, и 23 ноября ткачи были полновластными хозяевами предместья. Риган был вынужден одобрять постановления рабочей комиссии (например, постановление о реквизиции лошадей и припасов, принятое вечером 23 ноября).

На следующий день положение резко изменилось. Опираясь на аполитичную группировку ткачей, Риган получил возможность восстановить свою власть и публично в своих «извещениях» напомнить о себе, как о *мэре* предместья. Но стоит лишь пристально взглянуть на текст этих «извещений», чтобы понять, как неспокойно было в предместье Круа-Рус и в какой напряженной атмосфере происходила борьба двух основных течений среди победителей. В «извещении», датированном 24 ноября, Риган писал:

«Я, мэр города Круа-Рус, ввиду основательных жалоб, заявленных многими местными жителями, лишь случайно не пострадавшими от ружейных выстрелов, беспорядочно производимых из окон различных домов поселка, и учитывая, что имеются опасения по поводу возможного нарушения общественной безопасности этими выстрелами, которые, впрочем, и сами по себе распространяют тревогу среди граждан, призываю жителей нашего города прекратить стрельбу из ружей на улицах, во дворах, садах, а также из окон домов, предлагая гражданам подумать о тяжких несчастных случаях, которые могут последовать, и напоминая — если необходимо — о статьях 471 и 473 уголовного кодекса» [1].

Заметим, что, изгнав волонтеров из ратуши, Бувье-Дюмолар и Буассэ *в тот же день* приняли меры, укреплявшие веру ткачей

[1] «Le Précurseur», № 1524, 25.XI.1831.

в возможность немедленного улучшения их участи. Значение этой иллюзии не нужно комментировать. Ясно, что она была главным средством успокоения массы, равно как и средством изоляции сознательного революционного авангарда.

Заместитель лионского мэра сочинил воззвание, в котором он призывал лионцев к *единению, братству и забвению прошлого* (*полному* забвению прошлого, как было сказано при повторении этого девиза). Призывая граждан сплотиться вокруг «градоправителей, которые пребывают и всегда будут пребывать на своем посту», Буассэ закончил прокламацию конкретным предложением, обращенным к ткачам — хозяевам мастерских. Приведем эту важную часть воззвания текстуально:

«Хозяева мастерских приглашаются безотлагательно представить в мэрию списки занятых у них рабочих для того, чтобы можно было обсудить способы немедленного распределения некоторых вспомоществований нуждающимся. Господа начальники рабочих секций приглашаются немедленно собраться в городской ратуше».

В тот же самый день муниципальный совет Лиона постановил ассигновать 100 тыс. франков «на нужды первой необходимости данного момента и для вспомоществования раненым и их семьям» [1]. Кроме того члены Муниципального совета вызвались открыть подписной лист своих добровольных пожертвований. Один Готье подписался на 25 тыс. франков. Правда, подписной лист вскоре был закрыт. Оправившись от страха, муниципальный совет предпочел заменить личные пожертвования займом из городских средств, займом, который предполагалось затем обратить в дополнительный налог, возложенный исключительно на «богатые классы» [2]. Но об этом новом решении ткачи узнали только через день.

Поощряя тактику «пряника» (замечательно, что и Жордан Леруа, мэр предместья Вэз, тоже пообещал, что с помощью местного муниципалитета бедственное положение нуждающейся части населения будет улучшено), префект старался всемерно использовать возвращенную ему административную власть. С утра появился его приказ, в котором после обычной болтовни о своих «отеческих» чувствах префект требовал:

1) принимать на караульных постах только тот пароль, который будет заверен печатью префектуры;

2) арестовывать каждого, кто попытается распространить иной пароль или лозунг.

Кроме того, все «добрые граждане» приглашались с оружием в руках оказать ему помощь в деле полного восстановления «порядка». А лица, способные выполнять функции офицеров

[1] «Le Précurseur», № 1524, 25.XI.1831. Следует, кстати, заметить, что в этом номере газеты «Прекюрсер» сумма обещанного ассигнования была преувеличена (150, а не 100 тыс. франков). Поправка появилась только на следующий день.

[2] «Le Précurseur», № 1525, 26.XI.1831.

главного штаба, должны без промедления явиться в префектуру [1].

Бувье-Дюмолар надеялся, что ему удастся ввести буржуазные элементы в состав временного главного штаба лионской национальной гвардии и таким образом совершенно подчинить себе Бюиссона. Но когда Бюиссон прибыл в префектуру и увидел собравшихся там «господ», претендовавших на руководство лионской национальной гвардией (как видно, это и были лица, «способные выполнять функции офицеров главного штаба»), он решительно отказался присоединить их к составу своего штаба.

Таким образом, ситуация, сложившаяся с утра 24 ноября, не изменилась. Поэтому неудивительно, что на следующий день, 25 ноября, муниципальный совет поставил на обсуждение вопрос о мерах, обеспечивающих возможность реализации тарифа 1 ноября: возвращение к власти покупалось ценой временного признания победы рабочих в борьбе за тариф. Однако с каждым часом и с каждым шагом «законных» градоправителей все более и более выяснялась неустойчивость новой ситуации. Никто не осмеливался показаться на улицах в тех дорогих мундирах национальной гвардии, которыми еще так недавно кичилась буржуазия (вспомним сцены на смотру национальной гвардии 20 ноября). Но ненавистный налог-октруа уже восстанавливался с характерным аншлагом: «Уважение к закону!» Не осмеливались показаться лишь сборщики мостовых пошлин на тех городских мостах, которые принадлежали частным лицам. Однако в местной прессе уже появились заметки о том, что «даровой проход через мост», принадлежащий частным лицам, является «насилием над собственностью и представляет необыкновенное зрелище, не очень успокоительное для магазинов и окружающих лавок» [2] (открывшихся, кстати сказать, в тот же день, 24 ноября) [3].

Войска, изгнанные из города, продолжали спокойно стоять в Монтесюи. Но вдруг распространились слухи об агрессивных намерениях ген. Рогэ. В этой тревожной обстановке появилось предостерегающее воззвание газеты «Глянез» [4].

Префект был принужден опубликовать в газетах успокоительное письмо ген. Рогэ. «Я повторяю, — писал Рогэ, — что здесь (в штабе генерала) нет ничего, абсолютно ничего враждебного по отношению к Лиону».

26 ноября это письмо появилось в лионских газетах. Но в тот же день население узнало о результатах совещания в муниципальном совете по вопросу о тарифе Проницательные люди должны были без труда разгадать истинный смысл нижеследующей прокламации Буассэ:

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 79
[2] «Le Précurseur», № 1524, 25 XI 1831.
[3] *Lamerlière*, op. cit., p. 35.
[4] *Froment*, русск. пер., стр 103.

«Я, мэр города Лиона, принимая во внимание постановление, принятое вчера городским муниципальным советом о мерах, которые могли бы обеспечить выполнение тарифа, установленного 1 ноября, и считаясь также с теми указаниями, которые были сделаны как фабрикантами, так и ткачами — хозяевами мастерских о необходимости пересмотра нескольких статей тарифа, составленного наспех, равно как и о включении в него некоторых пропущенных статей, *извещаю*, что господа фабриканты шелковых материй будут немедленно созваны для выбора своих представителей в этом деле. Означенные представители займутся обсуждением расценок тарифа совместно с господами хозяевами мастерских — работниками шелкоткацкой мануфактуры, с таким расчетом, чтобы полный тариф был подписан обеими сторонами в срок, считаемый от сего числа и до 15 декабря. Впредь же до истечения срока город берет на себя обязательство — если появится необходимость — выдать из городских средств сумму, нужную для того, чтобы хозяева мастерских — работники мануфактуры могли выплатить соответствующую разницу в расценках по изделиям, сданным в производство с 21 ноября, дабы достичь уровня расценок, установленных тарифом 1 ноября 1831 г.

Учинено в городской ратуше, 26 ноября 1831 г.» [1].

Срок, назначенный для пересмотра, явно выдавал желание затянуть дискуссию и выиграть время.

Этот основной тактический маневр был откровенно признан в секретной переписке главного прокурора с министром юстиции. «Мы опасаемся раскола среди наших победителей ... На бурных сходках в предместье Круа-Рус городу предъявлено требование уплатить 7 млн. контрибуции. Какая дерзость! Правда, предъявление этого требования отсрочено, но именно только отсрочено, а не отвергнуто. (*Мы стараемся выиграть время.*) Это требование может быть вновь выдвинуто с минуты на минуту» [2].

Вне связи с «Извещением» мэра эта цитата была бы, пожалуй, не вполне понятна. Едва ли можно поверить, что бурные волнения на сходках и «опасность» *нового* раскола (ясно, что прокурор писал не о том расколе, который произошел 23 ноября) объяснялись только разногласиями по вопросу о сумме «контрибуции» Не более ли правдоподобно, что подлые условия обсуждения тарифа, предложенные мэром, были главной причиной волнений? Эта догадка как будто бы подтверждается и своеобразными намеками в той статье, которая появилась на следующий день (27 ноября) в газете «Прекюрсер»:

«Осталось лишь одно чувство у лионского народа: скорбь о прошедших событиях да страстное желание предупредить повторение подобных катастроф *общим согласием и взаимными уступ-*

[1] «Le Précurseur», № 1526, 27 XI.1831
[2] *Festy*, L'insurrection de Lyon en 1831 d'après des documents inédits, «Annales des sciences politiques», 1910. (Письмо главного лионского прокурора хранителю печати, 26 XI 1831).

ками. Надо сказать, что большая часть рабочих, с которыми мы беседовали, хорошо понимает общие затруднения, которые создадутся *из-за какого-то тарифа*, как это указывают и сторонники свободы промышленности» [1].

Как бы то ни было, но руководящая группа начальников секций еще раз поддалась пагубному влиянию префекта. В описываемый день, 26 ноября, они приняли участие в заседании муниципального совета и совместно с ним занялись обсуждением вопроса об удовлетворении острых нужд *только тех рабочих*, которые наиболее пострадали от событий, остались без средств и без работы.

Всем остальным надо было итти на поклон к фабрикантам, которые при данных условиях охотно предлагали открыть двери своих контор Раскол, которого опасался прокурор, конечно, был неизбежен И, вероятно, именно этим расколом объясняется происхождение очередного «извещения» мэра (от 27 ноября, подписано Мартеном), гласившего, что некие лица, выдающие себя за уполномоченных начальниками секций, но не имеющие мандатов, являются в частные дома и производят там сборы [2].

С утра 27 ноября в описываемой ситуации не произошло никаких заметных перемен Появилось извещение префекта о неожиданной королевской милости. жадный Луи Филипп приказал отпустить из своих средств 640 тыс франков для размещения заказов лионской шелкоткацкой мануфактуры.

В тот же день к Рогэ была послана депутация (заместитель мэра, несколько членов муниципалитета и группа начальников секций). Генерала приглашали мирно вернуться в город [3]. Иллюзия возможности легализовать победу и добиться реализации тарифа все еще сохранялась.

Но положение ткачей представилось в ином свете к концу того же дня: не о согласии Рогэ услышала депутация, а о том, что «сам» наследник престола, герцог Орлеанский, в сопровождении военного министра и преданных войск прибывает в Лион. Разумеется, роль герцога Орлеанского изображалась ген. Рогэ как роль умиротворителя, скорбящего о бедствиях лионских ткачей Но к вечеру того же дня или, самое позднее, в ночь с 27 на 28 ноября в Лионе узнали, что национальная гвардия соседнего департамента (Изера) поголовно мобилизована, что артиллерийские части д'Оксонна тоже получили приказ о выступлении и что адъютант военного министра уже прибыл в Лион [4]. Подобные сообщения разоблачали истинный смысл похода герцога Орлеанского

В городе началась паника: заговорили о предстоящих поджогах целых кварталов. Тревожные слухи держались упорно, и паника не унималась в течение целых двух дней, 27 и 28 ноября Подвальные окна и все стенные отверстия на уровне человеческого роста и

[1] «Le Précurseur», № 1526, 27 XI 1831.
[2] «Le Précurseur», № 1527, 28 XI 1831.
[3] Ibidem.
[4] «Le Précurseur», № 1527, 28.XI.1831.

ниже были всюду тщательно заложены кирпичом и замазаны известкой [1].

Национальная гвардия все еще не осмеливалась показаться в своих прежних мундирах. Только часть рабочих приступила к работам. Активные противники группы Бюиссона либо арестовывались по его приказу, либо эмигрировали из Лиона.

Таким образом, последовательно выполняя роль бессознательного орудия в руках префекта, Бюиссон оттолкнул от себя всех, кто еще мог бы с оружием в руках выступить на защиту его штаба. Широкая масса инсургентов была возмущена предательской тактикой группы Бюиссона. При появлении Диано в предместье Круа-Рус 29 ноября раздавались возгласы· «шпион», «переодетый фабрикант».

29 ноября по окраине лионского предместья Вэз прошла бригада ген. Кастеллана, прибывшего для соединения с корпусом герцога Орлеанского [2], *и в тот же самый день* временный главный штаб лионской национальной гвардии был бесцеремонно поставлен перед фактом возвращения в ратушу «настоящих» хозяев. Из письма Буассэ к Бюиссону видно, как обнаглели вероломные градоправители 29 ноября. «Я сожалею, господа, — писал Буассэ, обращаясь к Бюиссону и его товарищам, — что мои многосложные занятия не позволили мне удосужиться предупредить вас о принятой — по согласованию с префектом — мере: о возвращении к своим обязанностям г. Вернера в качестве начальника штаба национальной гвардии. Эта мера, о которой вы сами ходатайствовали (?!), привела к вашей отставке, и я пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать вам мое удовлетворение вашими услугами...» [3] Нет нужды до конца цитировать эту гнусность!

Бюиссон с довольным видом проглотил горькую пилюлю. Он даже пытался оформить позорную отставку официальным документом, в котором сами члены временного штаба подвели итоги своей контрреволюционной деятельности

«Комиссия, — писали они, — сформировавшаяся (23 ноября) в городской ратуше и осмелившаяся не признать существующую власть, была изгнана состоящими в наших рядах гг. Диано, Мартиноном, Бюиссоном, Шабри и Мишаллэ. С четверга (24 ноября) мы узрели занимающуюся зарю... Осчастливленные успехом, мы удвоили наши старания Многочисленные посты были расставлены нами. Частые и повсеместно рассылаемые патрули обеспечили неприкосновенность личности и собственности и помогли очистить наш город от большого количества людей, которые были для нас чужими .. Возблистала заря лучшего будущего, и нам приятно покинуть наш пост, оставляя наш город успокоенным и под влиянием благотворного духа, который теперь вернет ему прежнее благосостояние, вызывая лишь воспоминание о той печальной

[1] «Le Courrier du Bas Rhin», № 216, 3 XII 1831
[2] «Journal du marechal de Castellane», t II, p 468.
[3] «Le Precurseur», № 1530, 2 XII 1831.

поре, когда нам было вверено управление временным главным штабом гор. Лиона. Бюиссон, Диано, Мартинон, Шабри, Кангань, Мишаллэ, Дашур, Ришар, Леклерк».

* * *

1 декабря авангардные воинские части корпуса герцога Орлеанского заняли лионские предместья. Передовые посты в некоторых предместьях были подведены к самым городским заставам[1]. *В тот же день префект произвел обыск у Бюиссона.* Барон, притворявшийся отцом рабочих, спешил восстановить репутацию и авторитет «правительственного префекта». Поводом для обыска было то обстоятельство, что Бюиссон не подчинился приказу от 28 ноября о сдаче оружия. Герцог Орлеанский требовал полного разоружения рабочих как обязательного условия своего мирного вступления в Лион. Но как Бюиссон, так и абсолютное большинство инсургентов решительно не хотели разоружаться. Сначала они ссылались на дальность расстояния до арсенала. Тогда префект организовал приемочные пункты в каждом городском районе и подтвердил приказ о сдаче оружия. Но и это не помогало. Попытка же воздействовать на рабочих угрозами вызвала появление множества листов — клочков бумаги, лаконически адресованных: «министрам — душителям свободы», «партии золотой середины», «правительству». На бумажках было написано: «Ты хочешь отнять наше оружие? — Попробуй!» [2]

Герцог Орлеанский был, вероятно, осведомлен о появлении этих грозных предостережений. Как бы то ни было, оба вождя огромного и прекрасно вооруженного корпуса, состоявшего из 20 тыс. солдат пехоты, 6 тыс. кавалерии, нескольких батарей, насчитывавших 20 шестидюймовых гаубиц и 60 разнокалиберных пушек, оба вождя — герцог Орлеанский и маршал Сульт — вполне доказали своим поведением, что они *боялись* лионских рабочих. Собрав 2 декабря своего рода «военный совет» по вопросу о том, как войти в Лион, герцог Орлеанский решил лично возглавить одну из четырех колонн. Но в ту же ночь принятое решение было внезапно отменено: генералу Кастеллану было приказано итти со своими частями впереди колонны герцога Орлеанского [3].

Экспедиция герцога Орлеанского откровенно вдохновлялась палатой депутатов, обратившейся к королю с адресом, в котором депутаты приветствовали «патриотический порыв, воодушевивший наследного принца появиться на поле междоусобной брани французов с целью прекращения кровопролития». Единодушное пожелание депутатов заключалось в том, «чтобы правительство противопоставило ужасным эксцессам всю силу законов». «Необходимо быстрое прекращение этих беспорядков, необходимо, чтобы подобные посягательства решительно подавлялись», — писали депутаты.

[1] «Le Précurseur», № 1530, 20.XII.1831.
[2] *Levy-Schneider*, Le gouvernement insurrectionnel de l'Hôtel de Ville en novembre 1831 et le rôle de Pérenon («Revue d'histoire de Lyon», 1910).
[3] «Journal du maréchal de Castellane», II, p. 477.

Между тем шли дни за днями; огромный корпус, посланный из Парижа, усиленный регулярными частями [1] и отрядами национальной гвардии ближайших к Лиону департаментов (Соны и Луары, Кот д'Ор, Изеры), разместился в Лионе, как в завоеванном городе. Все высоты холмов были заняты артиллерией; на городских площадях были разбиты бивуаки, весь город кишел солдатчиной, не помещавшейся в казармах и расквартированной в частных домах (особенно в предместьях Гийотьер и Вэз) [2]. Но рабочие продолжали игнорировать основное требование правительства: *они не сдавали оружия.* [3]

Как долго сопротивлялись лионские инсургенты и как далек был герцог Орлеанский от желанной для него возможности «решительно подавлять» и «быстро прекращать», видно из нижеследующих показаний современников.

В документе, датированном 7 декабря, сам правительственный комиссар, присланный из Парижа для расследования событий, признал, что «предместья не расположены возвращать оружие» (между тем, по словам того же комиссара, *многочисленные аресты производились ежедневно*) [3].

В заметке, датированной «Лион, 10 декабря», читаем: «Лион представляет ныне страшное зрелище. Наши площади превратились в бивуаки. Огни, горящие по вечерам на холмах... беспрестанно чередующиеся патрули — все это придает Лиону вид завоеванного города. Производится расследование о недавних событиях. Разоружение производится лишь с большим трудом. *Рабочие спрятали свои ружья и нисколько не расположены их возвращать.* Спокойствие, которым мы по видимости пользуемся, имеет волнующий характер: *это почти террор. Рабочие не работают.* Циркулируют слухи, что они должны выступить 15 декабря. Каждую ночь они срывают прокламации» [4]. И лишь 14 декабря генерал Кастеллан, командовавший бригадой в армии маршала Сульта, отметил в своем дневнике, что «разоружение идет лучше». Впрочем, и это была не полная победа: «Рабочие, — пишет ген. Кастеллан, — сдали *часть* похищенного ими оружия» [5].

Между тем герцог Орлеанский уже отбыл из Лиона, так и не дождавшись подчинения рабочих его conditio sine qua non, его «обязательному требованию». Он выехал в Париж 9 декабря. Замечательно, что и другой приказ, символизировавший торжество порядка над анархией, а именно приказ Сульта об отмене обещанного тарифа, был издан одновременно с «Извещением», смягчавшим впечатление, произведенное приказом. 7 декабря Сульт отменил тариф, и в тот же день появилось «Извещение», гласившее, что лионский совет

[1] «Le Courrier du Bas-Rhin», № 1532, 4.X I.1831.
[2] «Gazette de Lausanne», № 110, 16 XII 1831
[3] *Jeanjean*, Nouveaux documents inédits, «L'insurrection de Lyon» («La Révolution de 1848», 1915, № 61, p. 79)
[4] «Gazette de Lausanne», № 110, 16.XII.1831.
[5] «Journal du maréchal de Castellane», t. II, p. 474.

прюдомов займется специальным обследованием мануфактуры, после чего «учредит табель общих расценок производства шелковых тканей с тем, чтобы установить регулирующую основу для третейского суда в спорах между фабрикантами и рабочими, причем означенный табель будет возобновляться всякий раз, когда это окажется нужным» [1]. Цитируемое «Извещение» было *утверждено* новым префектом, Гаспарэном.

Конечно, есть существенная разница между табелью, как основой, регулирующей спорные вопросы, и тарифом, как *общеобязательной* сеткой расценок. Но с точки зрения буржуазии и всех сторонников полной свободы в отношениях между фабрикантами и рабочими, «регулирующая основа» была совершенно излишней уступкой. Вскоре табель действительно была составлена. И впоследствии она сыграла свою роль: совет прюдомов обращался к ней, разбирая споры между ткачами и фабрикантами [2].

Такова, в общих чертах, история финального периода лионских событий. Остается сказать несколько слов о жертвах ноябрьского восстания и о суде по делу его виднейших участников. Число пострадавших инсургентов *огромно*. Более 10 тыс. человек было выслано из Лиона и его предместий. Число убитых и раненых определить очень трудно. Даже ярый орлеанист Монфалькон признавал, что часть трупов была брошена в реку Рону [3]. Понятно, что показания современников о числе жертв крайне противоречивы и недостоверны. Общее число убитых и раненых, по мнению газеты «Журналь дю коммерс», было 600. Английская же газета «Таймс» напечатала корреспонденцию некоего Р. (из Лиона) [4], в которой сообщалось о тысяче раненых, причем в это число не включались раненые, находившиеся на излечении в Круа-Рус. Что касается числа убитых, то, по мнению того же корреспондента, оно равнялось приблизительно двум тысячам, считая и тех инсургентов, трупы которых были брошены в реки Сону и Рону. О сравнительном распределении пострадавших по профессиям можно судить по данным одной брошюрки, в которой сообщался неполный алфавитный список раненых и убитых участников восстания [5].

В указанном списке («Notice par ordre alphabétique des morts et des blessés») итоговое число убитых и раненых — 343. Без какой бы то ни было классификации здесь объединены по алфавиту повстанцы — солдаты, рабочие и буржуа, старики и дети.

Устраняя всех поименованных в списке буржуа, всех военных и еще 6 лиц, роль которых в движении — по их профессиям (коммивояжеры, служащие контор и т. п.) — может казаться проблематичной, мы получаем следующую сводку интересующей нас части списка:

[1] *Bouvier-Dumolard*, op. cit., p. 46.
[2] *Bowring*, Second Report, p. 35.
[3] *Monfalcon*, Code moral, p. 383.
[4] «The Times», № 14711, 2.XII.1831.
[5] Национальная библиотека, Lb[51] 1090.

Таблица 13

Наименование профессии	Общее число убитых и раненых	В том числе по возрасту					
		от 14 до 17 лет	от 18 до 21 года	от 22 до 40 лет	от 40 до 50 лет	старше 50 лет	возраст не указан
Шелковое производство[1] .	68	12	9	32	2	4	9
Поденщики	10	—	2	5	—	3	—
Каменщики	9	—	2	3	—	1	1
Столяры	5	1	—	2	—	2	—
Сапожники	4	—	1	2	—	—	1
Ситцепечатники	2	1	—	1	—	—	—
Без указания профессии	21	1	1	14	—	—	5
Другие профессии (грузчики, кожевники, пильщики, шляпники и т. д.)	25	3	4	12	1	4	1
Итого . .	144	18	19	71	3	14	17

Возможно, что в этом списке были и те немногие граждане, которые пострадали совершенно случайно.

* * *

Суд по делу о ноябрьском восстании состоялся лишь в середине следующего года, между 14 и 18 июня 1832 г. [2]. По понятным причинам дело слушалось не в Лионе, но в другом департаменте (Пюи де Дом), в городе Риоме. Не все виднейшие члены временного главного штаба предстали перед судом. Перенон, Фильоль и Дервье судились заочно: им удалось скрыться. Но кроме членов временного главного штаба к суду были привлечены раненые в бою республиканцы Мишель Анж Перье и Жан Филипп Пеклэ, типограф газеты «Глянез» Шарвэн, а также рабочий Роман и негр Станислас. Обвинение велось в умеренном тоне, со старательным выпячиванием *карлистской агитации*. Политический смысл этого маневра не приходится комментировать. Правда, карлисты пытались использовать движение в своих целях. Они пробовали воздействовать и на солдат, распространяя в кордегардиях «сентиментальные прокламации» и цветы лилии; они пытались повлиять и на инсургентов, подсовывая им в ночь с 22 на 23 ноября белое знамя. Но «цветы лилии» растаптывались и выбрасывались в сточные канавки улиц [3], а белое знамя было разорвано в клочки [4]. Правительство июльской

[1] Объединяю в этой графе не только всех «Ouvriers en soie», но также и всех красильщиков, рисовальщиков, басонщиков, фигурирующих в списке.
[2] «Gazette des Tribunaux», № 2136, 18.VI.1832.
[3] «Le Précurseur», № 1524. 25.XI.1831.
[4] Арх. МИД, 1831, № 271; Woronzow à Nesselrode, донесение из Милана 29.XI 1831, основанное на сообщениях, полученных из Лиона под датой 24.XI.1831.

монархии знало, что карлисты не имели успеха. Однако, подавив республиканское восстание 5—6 июня 1832 г., правительство старалось создать наиболее благоприятную обстановку для разгрома своего второго противника, противника справа.

Речь обвинителя не произвела большого впечатления на присяжных: после непродолжительного совещания суд вынес оправдательный приговор [1]. Но дело рабочего Романа (Romans) было рассмотрено особо. Роман якобы стрелял «из засады». И суд приговорил его к двухлетнему тюремному заключению.

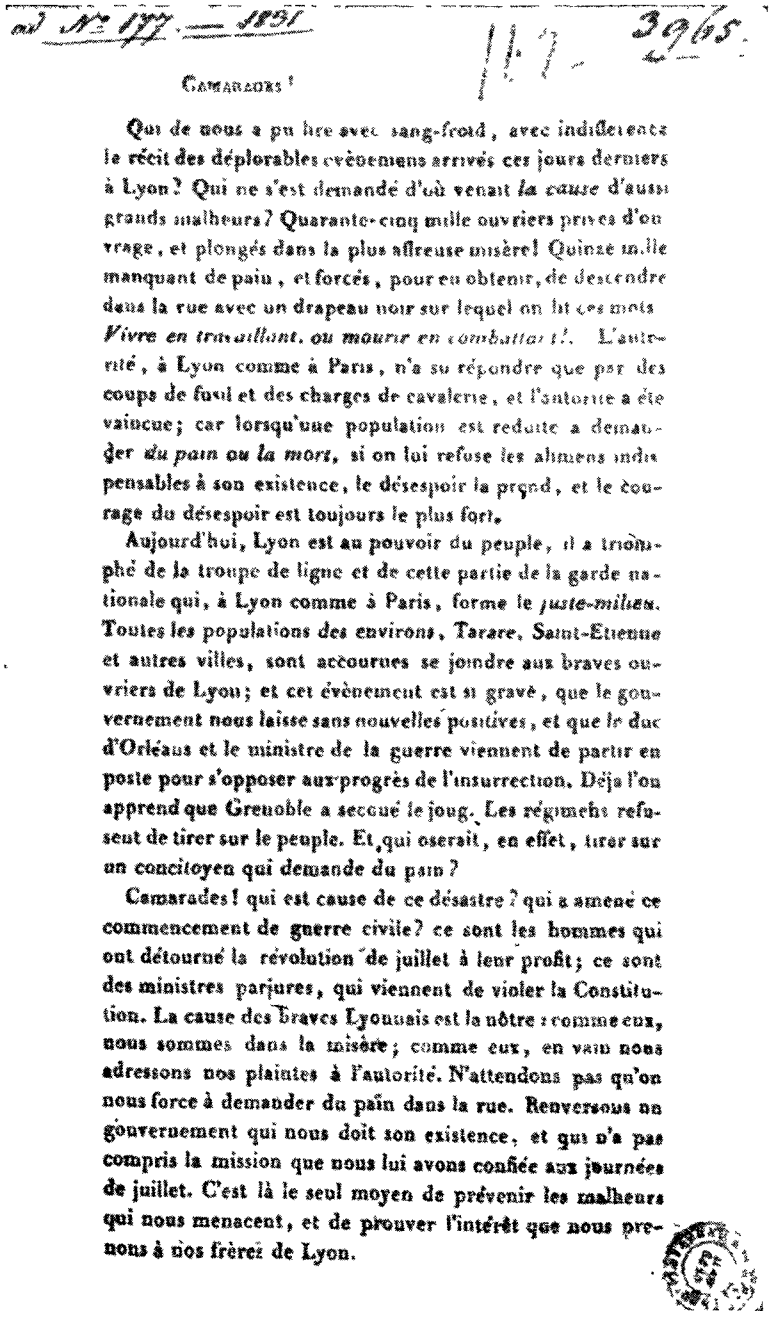
[1] «Gazette des Tribunaux», 23.VI.1832.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТКЛИКИ НА ЛИОНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1831 г. ВО ФРАНЦИИ И В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Первые смутные известия о лионском восстании были получены в Париже 22 ноября. В ближайшие дни, 23—24 ноября, они были подтверждены более подробными сообщениями. Разумеется, различные классы парижского общества по-разному реагировали на каждый новый слух. Республиканские агитаторы использовали ситуацию для усиления пропаганды. Задачи парижской революционной демократии ясно определялись в прокламациях, появлявшихся на улицах Парижа в эти дни. «Товарищи! — гласила одна из них.— Кто из нас может хладнокровно и равнодушно читать сообщения о прискорбных событиях, случившихся в течение последних дней в Лионе? Кто не задумывался над вопросом, откуда появилась *причина* столь великих бедствий? Сорок пять тысяч рабочих, лишенных заработка и подавленных ужасающей нуждой! Пятнадцать тысяч голодающих, вынужденных ради куска хлеба выступить на улицу с черным знаменем, на котором были написаны слова: «Жить, работая, или умереть, сражаясь». Лионские власти, как и правители Парижа, сумели на это ответить лишь ружейными выстрелами и кавалерийской атакой, и вот, — лионские власти побеждены... Ныне Лион в руках народа, восторжествовавшего над линейными войсками и той частью национальной гвардии, которая, как и в Париже, состояла из «золотой середины»... Дело славных лионцев есть наше дело... Не будем же ждать, чтобы и нас заставили выйти на улицу с просьбами о хлебе. Свергнем правительство, которое нам обязано своим существованием и которое не поняло, какую миссию мы ему доверили в июльские дни. В этом— единственное средство предотвратить угрожающие нам бедствия и доказать наше сочувствие к лионским братьям» [1]. Однако парижские рабочие нуждались не столько в пропаганде, сколько в организации. Весть о лионских событиях застигла их врасплох. Республиканцы не были связаны с широкой массой рабочих.

[1] Арх. МИД., 1831, № 200, л. 162, подлинная прокламация, приложение к переписке Поццо ди Борго с Нессельроде, 28.XI.1831.

Camarades !

Qui de nous a pu lire avec sang-froid, avec indifférence le récit des déplorables événemens arrivés ces jours derniers à Lyon? Qui ne s'est demandé d'où venait *la cause* d'aussi grands malheurs? Quarante-cinq mille ouvriers privés d'ouvrage, et plongés dans la plus affreuse misère! Quinze mille manquant de pain, et forcés, pour en obtenir, de descendre dans la rue avec un drapeau noir sur lequel on lit ces mots *Vivre en travaillant, ou mourir en combattant!*. L'autorité, à Lyon comme à Paris, n'a su répondre que par des coups de fusil et des charges de cavalerie, et l'autorité a été vaincue; car lorsqu'une population est réduite à demander *du pain ou la mort*, si on lui refuse les alimens indispensables à son existence, le désespoir la prend, et le courage du désespoir est toujours le plus fort.

Aujourd'hui, Lyon est au pouvoir du peuple, il a triomphé de la troupe de ligne et de cette partie de la garde nationale qui, à Lyon comme à Paris, forme le *juste-milieu*. Toutes les populations des environs, Tarare, Saint-Etienne et autres villes, sont accourues se joindre aux braves ouvriers de Lyon; et cet évènement est si grave, que le gouvernement nous laisse sans nouvelles positives, et que le duc d'Orléans et le ministre de la guerre viennent de partir en poste pour s'opposer aux progrès de l'insurrection. Déjà l'on apprend que Grenoble a secoué le joug. Les régimens refusent de tirer sur le peuple. Et qui oserait, en effet, tirer sur un concitoyen qui demande du pain?

Camarades! qui est cause de ce désastre? qui a amené ce commencement de guerre civile? ce sont les hommes qui ont détourné la révolution de juillet à leur profit; ce sont des ministres parjures, qui viennent de violer la Constitution. La cause des braves Lyonnais est la nôtre : comme eux, nous sommes dans la misère; comme eux, en vain nous adressons nos plaintes à l'autorité. N'attendons pas qu'on nous force à demander du pain dans la rue. Renversons un gouvernement qui nous doit son existence, et qui n'a pas compris la mission que nous lui avons confiée aux journées de juillet. C'est là le seul moyen de prévenir les malheurs qui nous menacent, et de prouver l'intérêt que nous prenons à nos frères de Lyon.

Революционная прокламация, появившаяся на улицах Парижа в дни первого лионского восстания. (Фот. с подлинника, хран. в Центр. архиве внешн. политики в Москве.)

Между тем из Лиона стали поступать утешительные для правительства сообщения. Опаснейший момент, когда лионский телеграф по неизвестным причинам вдруг перестал работать [1], когда парижскую фондовую биржу начала трепать лихорадка (сначала под влиянием успокоительных сведений фонды даже повысились на 80 сантимов, но конъюнктура резко изменилась, когда спекулянты заметили, что лица, имевшие лучшую информацию, начали сбывать бумаги, купленные утром [2], и когда кое-кто из представителей господствующих классов уже приготовился к бегству из Парижа[3],— этот самый страшный момент миновал. Но вплоть до финального фазиса восстания положение в Париже было тревожным. Аресты, начавшиеся в городе при первых же известиях из Лиона, долго не прекращались. В числе арестованных были и иностранцы: итальянские и польские эмигранты. Из видных деятелей польской эмиграции были арестованы Шодзко и Жаба [4]. Ген. Себастиани горько жаловался русскому послу в Париже, графу Поццо ди Борго, на Лелевеля, отзываясь о нем, «как об одном из величайших злодеев всего мира». Поццо ди Борго спешил порадовать царя сообщением, что так именно и выразился о Лелевеле ген. Себастиани [5]. Арестуя поляков, парижская полиция напала на след бонапартистского заговора. По словам Себастиани, заговорщики были выданы одним польским эмигрантом, арестованным в эти дни [6]. Правительство с лихорадочной поспешностью готовилось к разгрому лионских инсургентов. По его приказу, в парижских оружейных магазинах были куплены все ружья, находившиеся в продаже. Министр уверял русского посла, что таким путем правительство приобрело до 20 тыс. ружей.

Было решено увеличить состав парижского гарнизона до 25 тыс. человек. Какую огромную армию правительство выдвинуло против Лиона, кто возглавлял эту армию и как палата депутатов «вдохновляла» правительство, рекомендуя ему решительные меры, мы уже рассказали выше. Здесь уместно лишь заметить, что, концентрируя силы карательной экспедиции, правительство было вынуждено

[1] «Karlsruher Zeitung», № 331, 29.XI.1831; «Entweder weil der Telegraf von Fourvieres zerstort worden, oder weil das Wetter zu nebelig war...».

[2] «Le Précurseur», № 1526, 27.XI.1831, сообщение парижского корреспондента, под рубрикой «Nouvelles de Paris».

[3] *Тарле*, цит. соч., стр. 258: «Еще 24 часа, и мы бы отсюда (из Парижа) уехали. Все было готово», — так говорил впоследствии некий «член оппозиции» лионскому префекту Бувье-Дюмолару. Этот факт, однако, не подтверждается нашими материалами, и, поскольку он устанавливается лишь со слов префекта, в данном случае можно усомниться в его достоверности.

[4] Арх. МИД, 1831, № 46, эксцерпты из перлюстрированных писем польских эмигрантов, письмо Радолинского из Парижа от 30 ноября 1831 г.

[5] Арх. МИД, 1831, № 200, Pozzo di Borgo à Nesselrode, 20 ноября 1831 г.

[6] Арх. МИД, 1831, № 20, Pozzo di Borgo à Nesselrode. Post scriptum к предыдущему донесению, датирован 30 ноября 1831. Ср. характерные «недомолвки» в мемуарах Жиске, парижского префекта, производившего описываемые аресты (Mémoires de M. Gisquet, Bruxelles, 1841, t. II, p. 29 et suiv.).

снять войсковые части из Северного и других департаментов Франции, спешно перебросив их в Бургундию[1]. Между тем у правительства не было уверенности в «благонадежности» других районов Франции. Кроме того, с часу на час можно было ожидать тяжких осложнений международного положения Франции. За границей писали, что «если в лионском восстании обнаружится политическая тенденция, то можно быть почти уверенным, что Голландия с оружием в руках будет отстаивать свои права на Бельгию и таким образом, может быть, даст сигнал к всеобщей войне» [2].

Настроения широких слоев столичного населения выразил парижский корреспондент «Прекюрсера», писавший, что «выражение скорби запечатлено теперь на всех лицах и все сердца встревожены страхом. На бирже, в театрах, на улицах, в салонах — все с тоской задумываются над вопросом: неужели же Франции не суждено когда-либо успокоиться от ее великих *политических потрясений*? Самые преданные друзья правительства баррикад ныне сознают, что оно чересчур щадило средние классы за счет рабочих классов. На них, на рабочих, была возложена бо́льшая часть косвенных налогов, соляной налог, табачная монополия и те фискальные сборы, которые так несообразно называют благотворительным акцизом» [3].

Парижские рабочие оказались неподготовленными к вооруженному выступлению. Но они не замедлили оказать материальную поддержку лионским товарищам. К 29 ноября они собрали из своих скудных средств некоторую денежную сумму, передав ее в редакцию газеты «Насьональ» для пересылки раненым лионским рабочим [4].

* * *

На севере Франции, в промышленном городе Руане, лионские события горячо обсуждались местными рабочими, но серьезных выступлений здесь как будто бы не было [5]. В восточной части Франции, в гор. Страсбурге, положение было очень напряженным. На смену ген. Лаллеманда, подозревавшегося в бонапартистских симпатиях, был послан маршал Мортье [6]. Военные власти боялись «повторения лионских событий» в Страсбурге. По слухам, все пушки страсбургской крепости были заряжены. Вокруг Страсбурга, «во всей области», военщина кишела днем и ночью [7]. В западном районе, повидимому, тоже боялись волнений, например в Бретани просили

[1] Арх. МИД, 1831, № 104 Anstett à Nesselrode (из Франкфурта-на-Майне), 30.XI.1831.

[2] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 308, 30.XII.1831.

[3] «Le Precurseur», № 1527, 29.XI.1831.

[4] «Le Precurseur», № 1530, 2.XII.1831.

[5] «The Times», № 1470, 1.XII.1831; ср. также № 14712, 3.XII.1831; ср , однако, «Der Freischutz», № 50, 10.XII.1831; сообщение, что местные власти были настолько встревожены, что сочли нужным «принять меры предосторожности».

[6] Арх. МИД, 1831, № 200, Pozzo di Borgo à Nesselrode, 28 XI.1831.

[7] Арх. МИД, 1831, № 60, Moltke à Nesselrode (из Карлсруэ), 4.XII.1831.

о присылке подкреплений [1]. На юге, в большом районе вокруг Лиона, если верить негласной переписке высшего начальства, картина была такая: в гор. Ниме и в департаменте Гар все было спокойно; префект названного департамента писал своему коллеге, префекту департамента Эро, что хотя различие вероисповеданий и порождает иногда бурные столкновения, но это, по крайней мере, «препятствует объединению черни против буржуазии» [2]. Спокойствие царило и в департаменте Од. Один из местных супрефектов доносил своему начальству (29 ноября), что, несмотря на мгновенное распространение слухов о восстании в Лионе, ноябрьские события якобы не оказали «никакого влияния» на поведение рабочих. Другой супрефект того же департамента считал вполне вероятным существование организационной связи между рабочими гор. Лодев и лионскими инсургентами; но все же и в этом городе не было никаких волнений. Тихо было и в департаменте Изеры, смежном с департаментом Роны. Но в приморском районе, в департаменте устьев Роны, усилилось брожение, и в начале декабря началось движение, подавленное, впрочем, довольно скоро маршалом Молитором. В город Марсель были введены сильные войсковые части, и, таким образом, вся группа южных департаментов: устьев Роны, Вара, Воклюза и Гара, была терроризована. Судя по некоторым данным, сельскохозяйственное население южной Франции очень сильно волновалось и до лионских событий: крестьяне-налогоплательщики нападали на сборщиков податей и контролеров, сжигали регистрационные книги и т. д. [3]. Ясно, что под влиянием лионских событий подобного рода волнения сельского населения усилились. В другом районе Франции, в департаменте Кот д'Ор, пришлось приостановить перепись населения, предпринятую по распоряжению министра финансов. Местный префект считал, что «приостановка этой работы была необходима, поскольку брожение, которое охватило бы виноградарей при производстве переписи, могло вылиться в открытый мятеж при получении известий о событиях в Лионе» [4]. О классовых и политических симпатиях широких слоев населения в ноябре-декабре 1831 г. говорят и те факты, которые относятся к истории похода карательной экспедиции. По пути из Парижа в Лион в различных городах Франции эту экспедицию встречали толпы манифестантов, кричавших: «Долой министров!» В Шалоне под самыми окнами помещения, в котором остановился герцог Орлеанский вместе с маршалом Сультом, раздавались возгласы: «Долой ордонансы, долой министров!» [5]

[1] Арх. МИД, 1831, № 104, Austett à Nesselrode (из Франкфурта-на-Майне), 30.XI.1831.

[2] *Jeanjean*, Nouveaux documents inédits («La Révolution de 1848»), 1915, p. 67—68.

[3] «Le Précurseur», № 1527. 1831,

[4] *Froment*, op. cit , русск. пер , стр. 107.

[5] «Courrier du Bas Rhin», № 216, 3.XII.1831, перепечатка заметки из газеты «Patriote de la Côte d'Or»; ср. также «Karlsruher Zeitung», № 337, 5.XII.1831.

Замечательно, что тут же слышались и крики: «Долой паровые машины!» [1] Лишь буржуазные элементы провинциальной национальной гвардии присоединялись к армии герцога Орлеанского.

* * *

Ознакомившись с французской и иностранной прессой рассматриваемого периода, а также и с некоторыми другими источниками, позволяющими судить об отношении к лионским событиям во Франции и за границей, можно полнее осветить картину влияния лионских событий на современников.

Начнем с обзора лионской прессы. Мнимопролетарская, мниморабочая сущность газеты «Эко де ля фабрик» ясно обнаружилась после вооруженного восстания 21—23 ноября. «С сокрушенным сердцем и с трауром на челе, с трауром по нашим братьям и друзьям, — писала «Эко де ля фабрик», — мы отдаем отчет о событиях, случившихся в нашем городе. И да избавит нас бог от односторонних жалоб (à Dieu ne plaise que nos larmes soient exclusives), наши слезы будут выплаканы за всех. Если эгоизм или заблуждение нескольких человек и вовлекли наш город в непредвиденное ими бедствие, то эта ошибка искуплена. Итак, мы будем писать без злобы и пристрастия. *Забвение прошлого*! — Вот то, что мы не перестанем повторять, и мы отдаем отчет о всех событиях спокойно, оплакивая лишь тот факт, что так много крови, столь чистой крови было пролито вовсе не в борьбе за оборону наших очагов, не в борьбе за святое дело родины» [2].

Как видим, газета ткачей—хозяев мастерских, обращаясь к рабочим, стремившимся совершить «революцию для себя», призывала их к примирению с классовым врагом. Ясно, что редакция «Эко де ля фабрик» была своего рода штабом соглашательского течения, не понимавшего и не желавшего понять великое значение борьбы 21—23 ноября.

Еще ярче, еще откровеннее выражала свой оппортунизм лионская левооппозиционная газета «Прекюрсер». Мы уже знаем, какую характерную прокламацию выпустила она 23 ноября. Обратимся к другим, более поздним номерам «Прекюрсера», доказывающим, что в рассматриваемый момент этот орган был еще конституционно-монархической, а не республиканской газетой: «Мы хотим, чтобы на этом наследственном троне царствовал Луи Филипп и его, а не чья-либо другая династия, ибо не найдется ни одной династии, которая могла бы дать лучшие гарантии... Мы не хотим мятежа...» [3] Так спустя несколько дней после восстания писал Ансельм Пететен, когда его стали обвинять в сочувствии инсургентам (1 декабря «Прекюрсер» был даже конфискован) [4]. Ансельм Пететен уверял,

[1] «Journal du maréchal de Castelane», t. II, p. 466.
[2] «L'Echo de la fabrique», цит. по газете «Le Précurseur», № 1527, 1831.
[3] «Le Précurseur», № 1532, 4.XII.1831.
[4] «Le Précurseur», № 1531, 3.XII.1831.

что еще в первый день восстания он написал статью, в которой решительно высказался против вооруженного выступления, против «жалоб, опирающихся на оружие», считая их недопустимыми в «цивилизованной стране» [1]. События 21—23 ноября рассматривались газетой «Прекюрсер» как «*чисто лионское дело*».

Как отнеслась к восстанию лионская газета «Гляпез», мы уже знаем. Именно под влиянием событий 21—23 ноября она превратилась из беспартийного литературного листка в орган революционной демократии [2]. Вспоминая позднее о событиях 1831 г., руководители этой газеты писали: «Мы счастливы, что мы первые провозгласили республику» [3]. Но с арестом Гранье издание «Гляпез» в 1831 г. прекратилось и было возобновлено лишь в 1832 г.

Столичная печать с первых дней восстания вплоть до его финального момента неустанно комментировала лионские события. Внимание общества «с трудом отвлекалось» иными темами [4]. При всем разнообразии мнений, высказанных прессой о событиях в Лионе, прежде всего явно выступает общее стремление использовать восстание и его уроки для своих партийно-классовых целей.

«Котидьен» — газета махровых легитимистов — писала: «Что же это за правительство, которое, изменив важнейшей из доверенных ему миссий, само ищет защиты, вместо того чтобы всегда быть готовым к защите (других)... Правительство, которое, вместо того чтобы избавить общество от кризисов, ограничивается ролью глашатая вспыхивающих бедствий и которое беспрестанно обращается к гражданам с призывом: «Беритесь за оружие для своего спасения...» Правительство, которое не покровительствует, не защищает, не управляет; словом, правительство, которое, вместо того чтобы дать гарантию (общественного порядка), самим фактом своего существования является агентом социального разложения (est un dissolvant social) и... заставляет Францию жить в тревоге, а Европу — готовит к вооруженной обороне» [5]...

Дискредитируя правительство во имя «порядка», легитимисты демагогически заявляли о своих «симпатиях» к трудящимся.

Пресса левой оппозиции тоже пользовалась возможностью применения тактики «булавочных уколов». Газета «Курье Франсэ» высменивала попытку правительственных органов замять политический скандал и представить исход лионских событий в оптимистическом освещении. «Так пусть же правительство и не обвиняет рабочих, а наоборот, возблагодарит их», — иронически советовал «Курье Франсэ». «Но почему же, — продолжает он, — сначала кричали, что дело дошло до вопроса о самом существовании общества, почему взывали к поддержке палат, почему нам угрожали социальной

[1] «Le Précurseur», № 1532, 4.XII.1831.
[2] «Le Procès de la Glaneuse», p. 25.
[3] «Réquisitoire», p. 44, цитаты из «Glaneuse» от 9.III.1834.
[4] «Courrier du Bas-Rhin», № 218, 6.XII.1831, корреспонденция из Парижа, датированная 3.XII.1831.
[5] «Le Précurseur», № 1531, 3.XII.1831, перепечатка из «La Quotidienne».

революцией? Да потому, что сначала умирали от страха; теперь же, когда увидели, что опасность миновала, хотят загладить следы страха бахвальством» [1].

«Насиональ» — «самая беспощадная и самая независимая газета во Франции», как преувеличенно-лестно аттестовал ее Гейне в начале 1832 г., «Насиональ», газета республиканцев-доктринеров, в рассматриваемый момент — сторонников конституционной монархии, иронизировала по поводу злобных выпадов консервативной прессы, готовой объявить бунтовщиками даже сотрудников «Насиональ» за сочувствие к участи инсургентов [2]. Нельзя, конечно, переоценивать симпатии газеты «Насиональ» к рабочим. «Насиональ» и «Прекюрсер» — это политические близнецы, во многих отношениях сходные до неразличимости. Но так как при сравнении газет «Насиональ» и «Прекюрсер» всегда подчеркивается сравнительная умеренность первой и большая «революционность» второй, здесь следует заметить, что тон декабрьских номеров «Насиональ» был действительно очень резким. Перед вступлением в Лион войск маршала Сульта, т. е. когда еще никто не знал, как завершился финальный фазис восстания, газета «Насиональ» писала: «Если мы точно информированы, то намерения, высказанные в салонах министров или еще выше, очень суровы. О лионских инсургентах говорят так, как император Николай говорил о варшавских мятежниках. Следует же довести до сведения правительства, что очень немногие позволят ему действовать по отношению к лионскому восстанию так, как действовал русский самодержец в Варшаве» [3].

Бонапартистская газета «Революция» воспользовалась первыми же известиями о лионском восстании для того, чтобы сразу же открыть свое «лицо»: 24 ноября она впервые появилась с выразительной эмблемой — с большим бонапартистским орлом, и была сразу же конфискована.

При всем разнообразии мнений, высказанных по поводу восстания, в одном отношении большинство столичных газет более или менее солидаризировалось. Мы имеем в виду оценку значения лионских событий. Замечательно, что попытка газеты «Прекюрсер» представить ноябрьское восстание как чисто местный конфликт не встретила сочувственного отклика в парижской прессе. «Материальный результат — местный; причины, к несчастью, существуют повсюду...» — писала газета «Журналь дю коммерс» [4]. Газета «Мессажэ», полемизируя с «Прекюрсером», указывала, что только спор о тарифе является чисто лионским делом; наряду же с этим «внутренним вопросом» существует общая социальная проблема, вопрос общественного спокойствия и сохранения (социальных устоев) [5]. Еще резче высказалась буржуазная газета «Тан». Она требовала создания единого фронта *против рабочих*: «Когда собственность находится под угрозой, больше не должно быть (особых) политических мнений, оттенков министериализма и оппозиции. Необходимо немедленно оказать свое содействие там, где его просят... Всякий мятеж — большой беспорядок, и нет такого гражданина, который мог бы сказать, что его личность или собственность не потерпела удара... Движения рабочих *заразительны*, между тем известно, насколько возбуждены *крестьяне департаментов* Дрома и Изера» [1].

[1] Ibid., перепечатка из газеты «Le Courrier du Bas-Rhin», № 218, 6.XII.1831.
[2] «Le National», 29.XI.1831, цит. по книге Барона.
[3] «Le Précurseur», № 1531, 3.XII.1831, перепечатка из «Le National».
[4] *Тарле*, цит. соч., стр. 269—270.
[5] «Le Précurseur», № 1532, 4.XII.1831, перепечатка из «Messager».

Но самую замечательную оценку значения лионских событий дала династическая газета крупной буржуазии — «Журналь де деба». «Незачем утаивать, — писала она, — ибо к чему служат притворство и умолчание? Лионское восстание открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом, который ничего не имеет... Нужно, чтобы средний класс знал хорошо, каково положение вещей; нужно, чтобы он хорошо знал свое положение. Под средним классом есть население пролетариев, которое волнуется и содрогается, не зная, чего оно хочет, куда оно идет. Что ему до этого? Ему плохо... Оно хочет перемен. Вот где опасность для современного общества, и отсюда могут выйти варвары, которые его разрушат...» [2] И далее буржуазный публицист откровенно формулирует отношение своего класса к средствам, обеспечивающим классовую самозащиту и классовое господство. «...Средний класс оказался бы одураченным, если бы, увлеченный какими-то демагогическими принципами, он глупо дал бы оружие и права своим врагам; если бы он впустил пролетарский поток в национальную гвардию, в муниципальные учреждения, в избирательные законы, — во все, что есть государство...»

Изучая отношение сен-симонистов к восстанию в Лионе, необходимо различать два вопроса: 1) как реагировала на лионские события парижская «церковь»; 2) как отнеслись к восстанию лионские сен-симонисты. Первый вопрос следует осветить несколько шире, рассмотрев отношение парижской «церкви» к борьбе лионских ткачей с фабрикантами в октябре 1831 г. До восстания известная часть ткачей-хозяев несомненно находилась под сильным влиянием сен-симонизма. Кое-какие отголоски этого влияния сохранились даже после второго лионского восстания, если верить доктору Виллермэ, посетившему Лион в 1835 г.

Конфликт ткачей с фабрикантами был первым серьезным испытанием для сен-симонистов. Продолжая твердить о своих симпатиях к трудящимся, последователи великого утописта еще в октябре 1831 г. доказали, что в действительности они стоят на стороне предпринимателей. «Не следует скрывать от себя, — писала газета «Глоб» в дни борьбы за тариф, — что сделка между лионскими рабочими и фабрикантами, только что заключенная стараниями пре-

[1] «Le Temps», 26.XI.1831, цит. по книге Барона.
[2] *Тарле*, цит. соч., стр. 267—268. Приводим лишь отрывки из имеющейся в книге Тарле большой и очень ценной цитаты из «Журналь де деба» от 8.XII.1831.

фекта департамента Роны, едва ли может достаточно гарантировать прочность (соглашения); обсуждение интересов обеих сторон не могло быть свободным, потому что есть нечто непреодолимое даже в самом мирном голосе уполномоченных 100 тыс. человек, требующих хлеба, и особенно нам, являющимся представителями низших классов, надлежит спросить—было ли возможно при этих обстоятельствах не пожертвовать интересами фабрикантов во имя общественной безопасности?» [1] Взамен тарифа сен-симонисты предлагали развитие кредитных учреждений, уничтожение налогов и пошлин.

А в дни ноябрьского восстания парижские «отцы» сен-симонистской церкви выступили в защиту «порядка». Они старались внушить рабочим то «чувство порядка, мира и согласия», которым были преисполнены сами. Так они писали 25 ноября, после победы лионских рабочих. На следующий день в «Глоб» появилась еще более выразительная статья: «Нужно успокоить одних и одобрить других, стать умиротворителями между теми, которые имеют и которые не имеют. Соединимся, чтобы предотвратить разделение общества на два лагеря, условимся говорить с каждым на том языке, который будет услышан, чтобы вытравить из глубины сердец семена вражды». Ясно, что парижская «церковь» понимала глубокое социальное значение лионского восстания. Но ее тактика заключалась в том, чтобы затушевать обнажившиеся классовые противоречия.

Об отношении *лионских* сен-симонистов к событиям 21—23 ноября можно судить по переписке двух представителей этой школы — Франсуа и Пейффера — с Анфантеном.

Оба они не принимали участия в бою, и сфера их общения с повстанцами ограничивалась лишь территорией палат, устроенных для приема раненых в ратуше и в городской больнице. Пейффер перевязывал раны в больнице, Франсуа — в ратуше. Столь скромные роли были избраны якобы потому, «что они были слишком мало известны в городе» [2]. И будто бы они доводили своих слушателей до слез. Но стоило рабочим вновь выйти на улицу, как «запах пороха возвращал им всю их ярость!» Драгоценнейшим штрихом в этой наивной зарисовке событий является сообщение о том, как сами рабочие понимали смысл борьбы 21—23 ноября. Пейффер рассказывает, что «раненые, а также и те рабочие, которые их сопровождали, говорили: капиталисты совершили революцию для самих себя. Они были злы на попов и на дворянство, и вот они избавились от них, они заняли те местечки, которых добивались... А народом они воспользовались лишь для того, чтобы совершить революцию, но потом уж больше о нем не заботились. *Теперь же мы хотим совершить свою революцию, революцию для себя*». Пейффер заканчивает

[1] «Globe» 31.X.1831, цитируется в «Religion Saint-Simonienne». «Evénements de Lyon».

[2] «The Times», № 14708, 29.XI.1831, оба письма были полностью напечатаны в «Таймс». Первое письмо, которое только и цитировалось в книге Тарле, было написано Пейффером. Второе письмо написал Франсуа.

письмо оценкой вероятных последствий восстания, т. е. подходит к вопросу о его значении. Он выражает уверенность, что «причастие кровью» заставит могущественные классы подумать об улучшении участи трудящихся. Все лионское дело «*представляет симптом освобождения рабочего класса*». Другой сен-симонист, Франсуа, в письме, написанном в день соглашения префекта с начальниками секций, писал, что «факты, которые прошли перед нашими глазами, мы рассматриваем как открытое проявление тенденции нашей социальной жизни к той окончательной организации, при которой каждая из частей будет получать законное вознаграждение за продукты земли»[1].

Чувствуя, что новая обстановка требует применения новой тактики, лионские сен-симонисты писали в Париж, просили «отцов» дать указания. «Отцы» оказались бесплодными начетчиками... Ниже будет рассмотрен вопрос об отношении ткачей к сен-симонистам после восстания 1831 г. В свете позднейших фактов яснее обрисуется влияние ноябрьского восстания на судьбы самого сен-симонизма. Но уже все сказанное почти позволяет сделать вывод, что ноябрь 1831 г. — *поворотный момент* в истории сен-симонизма. Люди, подобные Бюиссону, еще в конце ноября могли прислушиваться к неясным увещаниям (вроде проповедей Родрига), «во имя бога живаго и беднейшего класса», гласившим, что инсургенты — жертвы плохой организации общественной жизни [2]. Эти люди еще надеялись, что после разгрома революционного штаба «возблистает заря лучшего будущего». Но, убедившись, что возблистало лишь золото фабрикантов, они с отвращением отвернулись от сентиментальных проповедников классового мира.

Скажем несколько слов об отношении Общества друзей народа к восстанию в Лионе. Историки, писавшие о восстании 1831 г., уже касались этого вопроса. Леви-Шнейдер отмечал, что лионское восстание активизировало деятельность Общества друзей народа. Руководители Общества поняли, какую мощную силу представляет рабочее население Лиона. И они немедленно послали в Лион своих агитаторов. Тарле цитировал характерные отрывки из брошюры «Голос народа», выпущенной Обществом друзей народа в декабре 1831 г. Но, определяя отношение республиканцев к восстанию, Тарле допустил неясную постановку вопроса, которая повторена и в работе Фромана. «Легитимисты, — пишет Тарле, — ...протестовали с чисто демагогическими целями, так как лозунгом этой партии в тот момент было — использовать рабочий класс против либеральной буржуазии в интересах восстановления старшей линии Бурбонов и низвержения Луи Филиппа; а республиканцы, напротив, были заинтересованы в том, чтобы по возможности сгладить весь чисто пролетарский оттенок движения, замаскировать чисто экономический характер лионского дела с целью не испугать мелкобуржуазные элементы республиканской партии и вместе с тем не

[1] «The Times», № 14710, 1.XII.1831.

[2] «Recueil des prédications», t. II, p. 231, «27 novembre 1831».

утратить в рабочем классе будущего союзника в борьбе против той же июльской монархии» [1].

О *каких* республиканцах идет речь? Революционная часть республиканцев не маскировала «экономический характер лионского дела» и даже усиленно подчеркивала социально-экономическую сторону движения. Другой вопрос — достаточно ли глубоко понимали республиканцы значение социально-экономических проблем до восстания? Бесспорно, что на данный вопрос нужно ответить отрицательно. Под влиянием же ноябрьского восстания их отношение к социально-экономическим проблемам *изменилось*. Вспомним о прокламации, которая приведена в начале главы. О том же повороте говорят и материалы, цитируемые Тарле и Фроманом. Автор брошюры «Голос народа» писал: «Впрочем, не только в Лионе голодают, не слышите ли вы со *всех* сторон ропот: лучше пусть нас убивают штыками, чем так жалко существовать. Граждане... разделены противоположными классовыми и индивидуальными интересами». Строение общества таково, что «одни владеют, другие покоряются необходимости служить или восстают» [2]. Неужели эти фразы маскируют социально-экономическую сущность восстания 1831 г.?

Еще ярче и глубже запечатлелось значение лионского восстания в сознании Огюста Бланки. В январе 1832 г. слушался известный «процесс пятнадцати». Выступление Огюста Бланки перед судьями описано во многих исторических работах. Но здесь нелишне будет еще раз процитировать ту часть речи Бланки, которая ярко отражает влияние восстания 1831 г.

«Как трудно пролетариату открыть глаза на своих угнетателей! — говорил Бланки. — Если в Лионе он восстал как один человек, так это потому, что вопиющий антагонизм интересов не давал больше места иллюзиям даже самому упрямому ослеплению. Тут-то обнаружилась вся бездна ненависти и жестокости, которые таят в себе души этих торгашей!...

Обязанность лионского рабочего, этого человека-машины, состоит в том, чтобы плакать слезами голода, день и ночь создавая для удовольствия богачей ткани из золота, шелка и слез. Но столь жестокая тирания чревата опасностями, она порождает озлобление, мятеж. Чтобы избежать этих опасностей, пытаются примирить Каина с Авелем. Из того, что капитал составляет необходимое средство производства, делают выводы об общности интересов и следовательно солидарности между капиталистами и рабочими. Сколько пышных фраз вышивается по этой канве во имя братства! Овцу стригут для ее же пользы. Пусть она скажет спасибо за это! О, наши эскулапы умеют золотить пилюлю...

[1] *Тарле*, цит. соч.; ср. *Фроман*, цит. соч., русск. пер., стр. 119—120: «Республиканцы, те маскируют пролетарский характер движения, чтобы не испугать мелкобуржуазные элементы своей партии, не отталкивая вместе с тем и рабочих, своих будущих союзников в борьбе против июльской монархии». Нижеследующий же текст явно противоречит этому общему определению позиции республиканцев.

[2] *Фроман*, цит. соч., русск. пер., стр. 120.

Эти скучные проповеди еще находят дураков, но мало. Каждый день бросает новый яркий свет на мнимую ассоциацию паразита и его жертв. Логика фактов красноречива: она говорит о борьбе на жизнь и смерть между прибылью и заработной платой» [1]. Итак, под влиянием лионского восстания 1831 г., процесс кристаллизации ядра «социальных» республиканцев и даже республиканцев-социалистов резко усилился.

* * *

Интересно присмотреться к влиянию изучаемых событий на некоторых мастеров художественной культуры.

Великий французский композитор Гектор Берлиоз находился в Италии в ноябрьские дни 1831 г. Право на заграничную поездку Берлиозу дала премия, полученная за произведение, законченное в дни июльской революции. Сам Берлиоз рассказывал о благотворном влиянии орудийного гула и ружейной стрельбы на его творчество [2]. Знаменитая «Фантастическая симфония», сочинявшаяся с 1829 г. [3], была в основном написана до отъезда за границу. Но лишь за границей, в Италии, в июле 1831 г. был написан «мелолог», представлявший продолжение и конец «Фантастической симфонии», как писал сам Берлиоз [4]. Замечательно, что в начале того же года Берлиоз жаждал найти новые источники вдохновения. Весной 1831 г. он писал о своем желании сойтись с калабрийскими разбойниками, чтобы послушать «концерт ужасающих криков, аккомпанируемых оркестром пистолетных и ружейных выстрелов» [5]. Фантазируя об участии в калабрийских шайках, Берлиоз все же действительно сблизился с мятежными итальянцами, правда, не с разбойниками, а с *карбонариями*. Но вот на родине Берлиоза, во Франции, вновь загремели ружья, пистолеты, орудия: лионские рабочие подняли восстание. Запоздалые сообщения газет — единственный источник осведомления Берлиоза о событиях. Берлиоз не смыкает глаз по ночам: он глубоко взволнован описанием битвы, тревогой за своих лионских друзей, от которых долго нет писем, взбудоражен музыкальными новостями дня. «Пятьсот тысяч проклятий!—восклицает Берлиоз в письме из Рима от 8 декабря 1831 г.,— надо же было мне замуроваться здесь, в этой мрачной и антимузыкальной стране, в то время, как в Париже исполняют *симфонию с хором*... и *Роберта* (Роберта-Дьявола), в то время, как лионские рабочие забавляются, как дьяволы. Я, может быть, тоже был бы в Лионе и принял бы участие. Впрочем, кажется, что англичане в Бристоле еще лучше позабавились; по крайней мере их дело произвело

[1] *Froment*, op. cit., p. 82—83.

[2] *Berlioz*, Lettres intimes, Paris 1882. Переписка с Humbert Ferrand, p. 76, письмо из Парижа от 23.VIII.1830.

[3] *Mémoires de H. Berlioz*, 2 éd., 1881, t. I, p. 18.

[4] *Berlioz*, Lettres intimes, p. 101, письмо из Рима, 3.VII.1831 г.

[5] Ibid., p. 91, письмо из Флоренции, 12.VI.1831.

более сильное впечатление. Больше характера было проявлено в этом деле» [1].

Сомнения, которые могли бы возникнуть по вопросу о том, какую же из борющихся сторон имел в виду Берлиоз, говоря о своем вероятном «*участии*», отпадают, поскольку в том же письме композитор обращается к Фердинанду Иллеру и спрашивает его: «Разве могли бы вы выступить против этих несчастных, которым только что настал черед пользоваться жизнью?» Но прошло еще несколько дней. Волнение композитора улеглось, он успел «одуматься», и когда Иллер прислал ему большое письмо, повидимому, целиком посвященное политическим вопросам, Берлиоз резко выразил свое неудовольствие по поводу того, что «Лион» занял слишком много места в полученном им письме. «Когда мы находимся, наконец, в святилище, — писал Берлиоз в ответном письме от 8 января 1832 г., — то какое нам дело до мятежных криков, раздающихся вне храма. Мне непонятен ваш фанатизм в этом деле. Вы спрашиваете меня, какая же разница между парижскими баррикадами и баррикадами в Лионе (т. е. какая разница между июльской революцией и лионским восстанием 1831 г.; вспомним, что очень многие, особенно легитимистские газеты, ставили буквально тот же самый вопрос. — *Ф. П.*)? — Та разница, отвечает Берлиоз, которая отличает большую силу от меньшей, голову от ног. Лион не может противоборствовать Парижу. Следовательно, Лион напрасно возбуждает недовольство Парижа. Париж ведет за собой Францию; следовательно, он может итти туда, куда ему нравится. Довольно!» [2]

В ноябре 1832 г. Берлиоз проездом останавливался в Лионе, в этом почти родном городе (композитор родился в соседнем департаменте, д. Изеры, границы которого подходят к самому Лиону). Но в своих письмах — по крайней мере в тех, которые для нас доступны, — он пишет о лионском театре, о балете, о лужах на улицах и... ни одного слова о ткачах. А пять лет спустя Берлиоз стал автором реквиема, посвященного памяти *жертв* покушения Фиески, — памяти врагов пролетариата [3].

Очень интересны некоторые парижские письма Шопена. Одно из них характеризует не только личное отношение композитора к революционному движению, но рассказывает и о самых *событиях* — о декабрьских волнениях в Париже, которые, как и волнения в Гренобле, были запоздалым откликом на лионское восстание в ноябре 1831 г.

В обширном письме Шопена к Т. Войцеховскому от 25 декабря 1831 г. читаем: «Знай, что в настоящее время в Париже господствует великая нужда... ты встречаешь здесь множество оборванцев... и часто можешь услышать угрозы по адресу Луи Филиппа... Низкий класс общества крайне озлоблен и был бы готов в любой момент совершить переворот, чтобы положить конец своей нужде...» [1]

Рассказав о манифестации в честь Раморино и поляков, Шопен переходит к описанию «мятежа», вспыхнувшего несколько дней спустя после манифестации, рассказывает о тех сценах, которые он сам наблюдал с глубоким волнением и интересом. «Через несколько дней огромная толпа, состоявшая не только из юнцов, но всего простонародья, собравшегося у Пантеона, бросилась на другой берег Сены, к Раморино. Чем далее шла толпа по улицам, тем более мощным становился поток людей, подобный лавине»... Но вот толпа подошла к мосту Пон-неф, столкнулась с кавалерией. «Многие были ранены, но, несмотря на это, перед моими окнами собралась еще бо́льшая толпа из людей с бульваров, чтобы соединиться с прибывающими из другой части города. Полиция оказалась бессильной перед наступающей толпой». Тогда прибыла инфантерия, потом гусары. Гвардейцы усердно содействуют линейным частям. Начинаются аресты «Свободная нация!» — иронически восклицает Шопен. «Ты не можешь себе представить, пишет он ниже, какое впечатление произвели на меня ужасающие голоса недовольного народа! На следующий день ожидалось продолжение «мятежа», как они это называют; однако увальни (die Trottel) пока спокойны. Лишь Гренобль последовал примеру Лиона, и чорт знает, что еще произойдет в мире».

* * *

Еще Маркс отмечал влияние французского революционного движения в 1830/31 г. на буржуазных экономистов в Англии. «Ученая перебранка о том, как выгоднее для накопления распределить вырванную у рабочих добычу между промышленным капиталистом и праздным землевладельцем и т. д., — читаем мы в «Капитале», — смолкла перед июльской революцией (1830 года). Вскоре после этого ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пустил красного петуха сельский пролетариат Англии. По эту сторону канала рос оуэнизм, по ту сторону — сен-симонизм и фурьеризм Тогда пробил час вульгарной политической экономии» [2].

Вопрос о непосредственном влиянии лионского восстания 1831 г. на английских рабочих обсуждался во многих газетах того времени (английских и иностранных). Перепуганные современники, касавшиеся этой темы, вспомнили, что всего лишь за 3 недели до лионских событий в Англии происходили «бристольские беспорядки», и говорили откровенно, что если в Англии вспыхнет такое же восстание, как в Лионе, оно будет иметь совсем *иной* исход: последствия его будут гораздо более опасными для буржуазного общества [3]. Достаточно изучить крупнейшую английскую газету «Таймс»

[1] *Berlioz, H.*, Correspondance inédite, 2 éd., P., 1879, p. 89 et suiv., письмо из Рима, 8. XII. 1831 (Berlioz à Ferdinand Hiller).
[2] *Berlioz*, Lettres intimes, p. 107 et suiv., 8.I.1832.
[3] Ibid., p. 176, письмо от 11.IV.1837.

[1] *Chopins* gesammelte Briefe, Leipzig 1911, S 151.
[2] *Маркс*, Капитал, т I, стр 503, изд 8-е, 1936 г.
[3] «Le Précurseur», № 1531, 3 XII 1831; ср «Courrier du Bas-Rhin», № 216, 3.XII.1831; ср. «Allgemeine Zeitung» 9.XII.1831.

в период ноябрьских событий в Лионе, чтобы представить себе, как велик был интерес к лионским событиям у англичан. Сжато освещая многие важнейшие темы европейской политики, эта газета очень долго писала о лионском восстании, щедро предоставляя большие рубрики для комментариев лионских событий.

Подобная же картина наблюдалась и в Бельгии. «Лионское восстание, — писал один современник, — производит сильное впечатление в Бельгии и заставляет испытывать опасения за сохранение порядка в этой несчастной стране, в стране, жители которой очень склонны подражать пагубному примеру своих французских соседей. *Война бедного против богатого* — знамя, которое только что было поднято в Лионе, легко могло бы собрать множество приверженцев, и эта война была бы проведена с удвоенной яростью» [1].

О впечатлении, произведенном лионскими событиями в других европейских странах — в Германии, Швейцарии, Испании и России, свидетельствует вся доступная нашему обозрению пресса, посольские донесения, сочинения современников. Не будем здесь перечислять те газеты, которые ограничивались преимущественно описанием событий и только повторяли комментарии французских газет [2]. Приведем лишь одну цитату, доказывающую, что не только «Журналь де деба», но и публицисты из лагеря германских реакционеров, т. е. представители другой национальности и другого класса, тоже сумели понять восстание 1831 г. как крупнейшее историческое событие.

«События, случившиеся в Лионе, дают повод к серьезным размышлениям о современном положении Франции, и, каков бы ни был их окончательный исход, налицо неоспоримые, очевидные факты, имеющие исключительно важное значение для будущего этой страны. Прежде всего достоверен тот факт, что во втором городе королевства мог вспыхнуть и победить подобный мятеж и что чернь, которая обычно груба, непослушна, несдержанна и самовластна, здесь... соблюдала известного рода военный порядок и дисциплину, которые хотя бы даже лишь в будущем могут оказаться более опасными и более чреватыми последствиями, чем дикие бесчинства минутной анархии. Непреложно, далее, и то обстоятельство, что плебейская масса после трехдневной борьбы не только сломила линейные воинские части..., но одним ударом дискредитировала хваленое, ставившееся в пример всей Европе, универсальное орудие — национальную гвардию» [3].

Немецкий реакционер, написавший эту статью, пользуется, подобно французским легитимистам, возможностью подчеркнуть,

[1] Арх. МИД, 1831, № 46, Maltitz à Nesselrode, 3.XII.1831.

[2] Ср., например, испанскую «Gaceta de Madrid» № 153, 13.XII.1831 и след., где перепечатываются статьи из «Gazette du Lyonnais» и других провинциальных и столичных французских газет; швейцарская и германская пресса использована в предшествующей главе. Интересные цитаты из «Санкт-Петербургских Ведомостей» приведены *А. И. Молоком* в его вступительной статье к брошюре *Фромана* — Рабочее восстание в Лионе в 1831 г.

[3] «Berliner politisches Wochenblatt», № 10, 10.XII.1831.

что со времени падения «законного правительства» во Франции положение рабочих резко ухудшилось. Он знает, что бывшие неплательщики налога после июльской революции были обременены податями. В заключение он дает очень рельефную, хотя, конечно, далеко не вполне верную, характеристику исторического значения лионского восстания. «То обстоятельство, что лионское восстание не имеет какой-либо политической окраски, придает ему ужасное значение и силу, так как оно доказывает, что новый враг, более страшный, чем все остальные, выступил против теорий, фикций и всякого рода принципов, и что к трем уже имеющимся противникам «золотой середины», республиканцам, роялистам и бонапартистам, присоединился четвертый, более могущественный, чем все котерии революции. Пролилась первая кровь в битве бедных с богатыми, и система центрального правительства и чиновничьей иерархии при первом напоре... так опозорилась, что должны возникнуть основательнейшие опасения за будущее, если даже это восстание, как следует, конечно, предполагать, не распространится или не приведет к продолжительной гражданской войне».

Попытка французского правительства скрыть политический характер движения в Лионе не могла обмануть иностранных дипломатов. Русский дипломат барон Мальтиц с явным недоверием сообщал, что «граф Себастиани очень заботливо старается уверить господина де Брессона, что лионские восстания не имеют никакого политического характера» [1]. Спустя несколько дней Мальтиц вернулся к тому же вопросу. «Вопреки официальной версии французского правительства,— писал он,— правительства, которое *«не хочет или не может признаться»*, материальные и моральные последствия лионских событий будут более значительными [2].

Ясно, что не в речах министров нужно было искать ключ к пониманию лионских событий. Правда, сам Казимир Перье с трибуны заявил, что «молодой наследник и сама июльская монархия *постарели* от этого испытания»[3]. Но когда он попытался «доказать», что восстание не имело никакой политической окраски и что все дело заключалось *«только»* в том, что в Лионе произошла война между бедными и богатыми, грозный премьер-министр стал посмешищем в глазах Европы. Европейские правительства уже из донесений своих дипломатических представителей узнали, что лионские инсургенты «пытались организовать нечто вроде правительства». Да ведь и сам «Монитер» признал существование *двух направлений* в среде лионских инсургентов. Естественно, что выступление Казимира Перье в палате вызвало множество насмешливых замечаний со стороны современников — французов и иностранцев. Интересно отметить, как реагировал на выступление Казимира Перье «один из признанных представителей тогдашнего европей-

[1] Арх. МИД, 1831, № 46, Maltitz à Nesselrode, 3.XII.1831.

[2] Арх. МИД, 1831, № 46, Maltitz à Nesselrode, 11.XII.1831.

[3] *Casimir Périer*, Communication faite au nom du gouvernement à la Chambre des députés, p. 9.

ского радикализма» — знаменитый немецкий публицист и крити
Людвиг Берне. Отношение Берне к ноябрьскому восстанию 1831 г
действительно заслуживает пристального внимания, и не может бы
двух мнений о ценности постановки этого вопроса в работе Тар
Но мы не можем признать вместе с Тарле «растерянность» Людви
Берне и его «непонимание» лионских событий. Этой характеристи
противоречит прежде всего *начало* большого и интересного письм
Берне (от 1 декабря 1831 г.). Берне писал:

«Французское правительство до сих пор не объявило офици
ально, одолело ли оно лионское восстание или нет. Они говорят
что туман мешает действиям телеграфа. Нет ничего услужливе
такого тумана, еще никогда не оставлявшего в критическом поло-
жении ни одного из министров. Спокойствие, господствующее в на-
стоящее время в Лионе, восстановилось само собой, но город вс
еще в руках народа. Герцог Орлеанский послан туда как анге
мира, маршал Сульт — как ангел смерти. Теперь мне любопытно
как станут действовать вместе пальмовая ветвь и меч. Маршал
Сульт может ошибиться: времена Наполеона прошли, и громовы
бюллетени не испугают теперь и зайца; герцог Орлеанский тоже
может ошибиться: высокомилостивые заявления потеряли уже во
Франции свою волшебную силу; народу нужны не фразы, а налич-
ные деньги. Министры склоняются в пользу употребления силы;
но боязливость короля, конечно, воспрепятствует тому, чему ни-
когда не воспротивилось бы его благоразумие и справедливость» [1].

Как видим, Людвиг Берне предугадал исход событий. Несмотря на сопротивление ткачей приказам о сдаче оружия, маршал Сульт *не посмел* применить насильственные меры.

Далее Берне писал: «Этот Казимир Перье выражал свою радость по поводу того, что в кровавых лионских событиях не было и речи о политике, а все дело ограничилось убийствами, грабежами и пожарами! По его словам, все это волнение было не что иное, как война бедных с богатыми, людей, которым нечего терять, с людьми, имеющими собственность. *И эту страшную истину, которую именно потому, что она истина, следовало бы опустить на дно глубочайшего колодца, этот безумный человек поднял высоко и показал всему миру! Темные стремления народа он озарил светом; его необузданный порыв в данную минуту он возвел в принцип и потому сделал его существование прочным и долговременным; его близоруким заботам о насущной только нужде открыл картину вечных лишений.* Высшую степень безумия врачи смело могут назвать теперь *государственной политикой.* Возможности сказать богатым людям: смотрите, вам угрожают бедствия, — в видах вашей безопасности вы должны стоять на моей стороне, — *этим жалким торгашеским интересам одного дня Казимир Перье приносит в жертву счастье Франции, Европы, может быть, на целое столетие».*

[1] *Л. Берне*, Сочинения в переводе П. Вейнберга, СПБ, 1869, т II, стр. 101.

Приведя только подчеркнутые нами фразы, Тарле пишет: «Берне так поверхностен, так решительно ничего не понимает в положении, что он прямо в отчаянии. Казимир Перье погубил «может быть на сто лет» счастье Франции, счастье Европы. Ибо, не проговорись Казимир Перье, народ сто лет не догадался бы о социальном характере своего восстания: таков прямой логический вывод из этих курьезных филиппик Берне».

Но ведь вслед за своей неудачной антитезой Берне продолжает: «Правда, война бедных против богатых *началась*, и горе тем государственным лицам, которые слишком неразумны или слишком испорчены для того, чтобы понимать, что следует вступить в борьбу не с бедными людьми, а с бедностью». И ниже Берне еще раз говорит о «страшной войне бедных с богатыми», которую он предвидит так ясно, как будто она уже совершается на наших глазах».

Далее, на целых 5 страницах Берне ратует за демократизацию государственного строя во Франции и других европейских странах. О Лионе больше не говорится ни слова. Но превращение вопроса о лионских событиях в «гвоздь, на который вешается картина», представляется совершенно закономерным явлением. Берне воспринимает и интерпретирует уроки лионского восстания с точки зрения мелкобуржуазного радикала.

Очень интересен вопрос об отношении *польских эмигрантов* к восстанию в Лионе. К сожалению, у нас почти не имеется источников для исследования этой проблемы. Можно лишь утверждать, что *часть* поляков, находившихся в Германии, была сильно возбуждена известиями о лионском восстании.

«Лионские события предоставили этим бесноватым случай выявить самым непристойным способом их удовольствие по этому поводу». Так писал русский дипломат о польских офицерах, живших в Данциге. Узнав о восстании в Лионе, они во всеуслышание заявили, что «по прибытии во Францию они не преминут принять участие во всех волнениях, которые будут вспыхивать в этой стране» [1].

Перепуганный французский посол в Берлине тотчас же уведомил генерала Себастиани о нежелательности появления «бесноватых» на территории Франции. Никакие меры предосторожности не помешали, однако, некоторым польским эмигрантам принять активнейшее участие во французском революционном движении в самые ближайшие годы (1832—1834).

[1] Арх. МИД, 1831, № 46, Maltitz à Nesselrode, 15.XII.1831.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОМЫШЛЕННАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦИИ В 1832—1834 гг. И РАЗВИТИЕ ШЕЛКОТКАЦКОЙ МАНУФАКТУРЫ ЗА ЭТОТ ПЕРИОД

Промышленная жизнь Франции в 1832 г. характеризуется изменчивостью конъюнктуры и резким различием условий развития отдельных отраслей производства. Январь 1832 г. как будто бы еще очень мало отличался от предшествовавших месяцев, депрессивных для большинства отраслей промышленности. В феврале, особенно в текстильном производстве, конъюнктура заметно улучшилась Но весной положение опять ухудшилось, и лишь в конце 1832 г. произошел решительный поворот в сторону общего подъема производства

В 1833 г. промышленный подъем продолжался, «доверие восстановилось повсеместно» [1], и во многих важнейших отраслях хозяйственной жизни итоги этого года ознаменовались — поскольку речь идет о первом четырехлетии июльской монархии — рекордными показателями.

Рост внешней торговли характеризует нижеследующая табличка:

Таблица 14

Внешняя торговля Франции в 1830—1834 гг.

(в млн франков) [2]

Годы	Общая сумма экспорта и импорта товаров разного происхождения	Торговля товарами французского происхождения		
		импорт	экспорт	Всего
1830	1 211	489	453	942
1831	1 131	374	456	830
1832	1 349	505	507	1 012
1833	1 459	491	559	1 050
1834	1 435	504	510	1 014

[1] «Archives des découvertes et des inventions nouvelles», Paris 1833, Avis des éditeurs.

[2] *Levasseur*, op. cit., p. 92.

О росте металлургического производства, хлопчатобумажной и шерстяной промышленности в те же годы можно судить по данным потребления минерального топлива, хлопка и шерстяного импорта.

Таблица 15

Годы	Потребление минерального топлива (в тыс. *т*) [1]	Потребление хлопка (в тыс. *кг*) [2]	Импорт шерсти для внутреннего франц рынка (в тыс. *кг*) [2]
1830	2 494	—	—
1831	2 298	28 216	3 836
1832	2 520	33 623	4 621
1833	2 737	35 534	9 305
1834	3 214	36 881	9 220

Производство многих хлопчатобумажных изделий, в частности, например, коленкоров, внезапно стало возрастать с такой быстротой, что уже летом 1833 г. в прессе текстильщиков высказывались опасения по поводу вероятного кризиса перепроизводства [3].

Железнодорожное строительство едва лишь начиналось. Но замечательно, что первые, робкие шаги в этом направлении были сделаны именно в 1833 и 1834 гг.: в 1831 г. было только 38 *км* эксплоатируемого железнодорожного пути; в 1833 г.—82, а в 1834 г.—149 *км*. В следующие же годы развитие железнодорожной сети почти приостановилось: в течение четырех лет (1834 — 1838) железнодорожный путь увеличился лишь на 34 *км*.

Рассказывая о появлении висячих мостов в тех местах, где раньше были примитивные паромы, Бальзак писал в своей «Провинциальной музе»: «Ведь Орлеанский дом повсюду заботился о материальном благополучии, но почти так, как те мужья, которые делают подарки своим женам на счет приданого» Одним штрихом великий реалист восстанавливает целую страничку истории первых лет июльской монархии. Сцены, описываемые Бальзаком в названном романе, происходят в середине тридцатых годов; и действительно, для 1833/34 г. особенно характерны те обманчивые знаки внимания правительства к промышленному миру, которые выразились, например, в таких актах, как анкета 1834 г., промышленная выставка в том же году и т. д. Подобные мероприятия правительства мало содействовали росту промышленных предприятий, и независимо от воли правительства к 1833—1834 гг. в Эльзасе появились бумагопрядильные фабрики, оснащенные десятками тысяч прядильных станков; там же возникли первые крупные бумаготкацкие фаб-

[1] Ibid., p. 164.

[2] Ibid., p. 191.

[3] «Journal des Tissus», № 3, 1833.

рики, имевшие по 200, 300, 400 механических ткацких станков. Стоимость продукции стеклоделательных мануфактур достигла 22 млн. франков[1]. Развитие химической промышленности ознаменовалось новыми и очень крупными достижениями. Обозреватель промышленной выставки 1834 г. писал, что «во Франции, может быть, лучше, чем где-либо, умели приспособить успехи химических познаний к пользе искусств и промышленности».

Кислоты, соли, краски и другие изделия, продемонстрированные на выставке 1834 г., отличались, как уверял тот же обозреватель, «такой степенью совершенства, что не оставляли желать ничего лучшего». Выдающиеся успехи французской химической промышленности были отмечены англичанами [2].

Экономический подъем 1833 г. являлся, конечно, новым этапом *промышленной революции*. В течение одного лишь года и только в одном городе Рубэ было установлено 25 паровых машин; распространилась механизация производства камвольной пряжи; так называемые жаккардовы станки стали широко применяться в центрах шерстяной и хлопчатобумажной промышленности для производства *смешанных* (из шерсти, хлопка и шелка) изделий [3].

Правительство июльской монархии не было творцом описываемого промышленного подъема. Устраивая анкетные обследования или так называемые коммерческие допросы, оно пыталось внушить промышленникам веру в искренность и серьезность своих «забот» о промышленных интересах Франции; правительство банкиров, заинтересованное в упрочении союза с Англией (по причинам, которые будут подробно освещены ниже), старалось — под давлением англичан и крупного французского торгового капитала — убедить промышленников в целесообразности *отмены* таможенных воспрещений. Но большинство фабрикантов с негодованием относилось даже к самой постановке вопроса о тарифных реформах. Некоторые промышленники прозрачно намекали на возможность серьезных политических волнений в стране; как бы «примиряясь» с перспективой своего разорения после отмены тарифных воспрещений, промышленники спрашивали членов анкетной комиссии: «... а что же вы сделаете с 800 тыс. рабочих, которые придут к вам просить работы, когда мы будем вынуждены остановить фабрики?» Один промышленник с горечью рассказывал, что с 1827 по 1834 г. он уже несколько раз подвергался коммерческим опросам (в 1827, 1829, 1831 и 1832) по поводу предполагаемых перемен в тарифе. «Дайте отдохнуть в течение 5 лет от коммерческих опросов, перестаньте играть

[1] В том числе: производство *оконного стекла* на 9 млн. франков; *зеркал* — на 4 млн. франков, *посуды* — на 1,5 млн. франков, *хрустальных изделий* на 2,4 млн. франков.

[2] «The Edinb. New Philosophical Journal, 1833, p. 197—198, «French Ultramarin». В этой заметке сообщается о способе изготовления искусственного ультрамарина, изобретенном французом Гимэ (Guimet). Открытие Гимэ дало возможность широко заменять этим ультрамарином более дорогие краски.

[3] «Journal des Tissus», № 3, VI.1833.

промышленностью как игрушкой»; прекратите анкетные обследования, так как они создают «неуверенность во всем», — таковы были открытые и настойчивые требования французских промышленников. Красивые висячие мосты перебрасывались через реки; но каналостроение попрежнему не удовлетворяло острых потребностей расширения сферы внутреннего рынка. Суда с грузом шли по французским каналам со скоростью 4—5 миль в день, между тем как в Англии подобный же транспорт шел по 20 миль в день [1]. Наконец, вся французская промышленность нуждалась в снижении учетного процента, т. е. в удешевлении и «демонополизации» кредита.

Подводя итог, можно сказать, что промышленный подъем 1833 г. обострил все классовые противоречия во Франции. Экономист Бланки мог бы и в 1833 г. сказать, что «недостаточно только производить, нужно еще иметь рынки сбыта». Но правительство банкиров так же мало заботилось о рынках для сбыта коленкора, как сама промышленная буржуазия — об участи рабочего класса; правительство финансовой аристократии так же враждебно относилось к требованиям удешевления кредита, как фабриканты к требованиям повышения заработной платы.

* * *

Положение *шелкоткацкой мануфактуры*, сохранявшей и в 1832—1834 гг. значение доминирующей отрасли экономической жизни гор. Лиона, требует самого тщательного исследования.

Еще осенью 1832 г. Буври писал в «Эко де ля фабрик». «Теперь, когда механические усовершенствования угрожают вторгнуться во все отрасли промышленности и даже в сельское хозяйство; теперь, когда так заметно возрастает численность населения, с удивлением видишь, что высшие умы не задумываются над опасностями, которые могут постичь страну, насчитывающую 15—20 млн. пролетариев, вытолкнутых на улицу нищетой и отчаянием, вопиющих: *работы или смерти*» [2].

Не означает ли появление подобных заметок в лионской прессе, что после восстания 1831 г. шелкоткацкая мануфактура превратилась в фабрику? Нимало. Книга Виллерме, обследовавшего Лион после второго восстания, не оставляет сомнений в том, что технико-экономический строй шелкоткацкого производства в *основном* не изменился.

Посетив Лион весной 1835 г. и летом 1836 г., Виллерме установил, что в городе (точнее сказать, близ города) было одно крупное шелкоткацкое предприятие — так называемая мануфактура Соважер, где работали 400—500 ткачей. Но это крупное предприятие

[1] «Журнал мануфактур и торговли» № 3, 1834, стр. 94.

[2] *Alazard*, Le mouvement politique et social à Lyon, «Revue d'histoire moderne», 1911, p. 33.

производило преимущественно *смешанные* материи (бумажно-шелковые и пр.), а не чистые шелковые ткани. В собственно шелкоткацком производстве станки попрежнему были собственностью ткачей — хозяев мастерских, и так называемый фабрикант, «по правде говоря, был только негоциантом», как писал Виллерме [1]. Но консервативность основ мануфактурного шелкоткацкого производства не исключала таких нововведений в период 1832—1834гг , которые чувствительно отражались на положении пролетарской прослойки мануфактуры или по крайней мере некоторых групп в этой прослойке.

В 1832—1834 гг. появлялись изобретения, усовершенствовавшие подсобные, второстепенные технические процессы, например, именно в эти годы была изобретена «машина» для наводки муаре (волнистого лоска).

Вся «машина» состояла из двух валиков, на одном из которых был выгравирован рисунок «муарэ». Этот валик был деревянный. Второй валик, металлический, медленно и равномерно вращался посредством «вокансоновой цепи». Материя вкладывалась между валиками и сильно сжималась. Так достигалась ровная и четкая перепечатка волнистого лоска на готовую шелковую ткань. Конечно, не все ткани подвергались подобной отделке. Но знаменательно, что описанный способ применялся, например, в производстве наиболее дешевых, низкооплачиваемых сортов: «гро де Тур» и «гро де Напль» [2].

Заслуживает внимания и опыт механизации перемотки пряжи в ткацкой мастерской. Старый способ ручной перемотки на одну шпульку требовал напряженного внимания, осторожного и умелого обращения с пряжей, которая часто разрывалась. Иначе говоря, старый способ не допускал замены опытных работников или работниц неквалифицированными подростками. Так называемые «новые шпульки» могли быть доверены даже ребенку. Они автоматически останавливались, когда нить пряжи разрывалась, причем всегда оставался достаточно длинный конец для связывания. Работая с механизмом «новых шпулек», один подросток мог в течение 4 часов выполнить такую работу, которая при старом способе требовала целого рабочего дня взрослой работницы [3]. Возможно, что были и другие нововведения подобного же типа. О распространении жаккардовых станков в Лионе в 1832—1834 гг. можно судить по данным, относящимся к марту 1834 г. Соотношение станков, производивших узорчатые ткани, к общему числу шелкоткацких станков в Лионе, в предместьях и окружающих деревнях представлялось тогда в следующем виде [4]:

[1] *Villermé*, Tableau, t. I, section III, p. 341.

[2] «Archives des découvertes», 1831—1832, «Machine à moirer les étoffes de soie employée à Lyon».

[3] «Archives des découvertes, 1833, p. 312, «Cannetières nouvelles».

[4] *Bowring*, Second Report, p 34. Среди станков для производства узорчатых тканей могли быть и не жаккардовы станки, станки старого типа, но их число было совершенно незначительным в 1833/34 г.

Таблица 16

	Число всех станков (в тыс.)	Число станков для производства узорчатых тканей (в тыс.)
В г. Лионе	16	4
В предместьях	9	около 4,5
В окрестных деревнях	7	почти не имеется
Итого . .	32	около 8,5

Итак, около 27% всего числа станков лионской мануфактуры были заняты производством узорчатых тканей.

Сравнивая эти данные с цифрами, приведенными выше, в первой части работы, можно сделать два вывода:

1. Число станков для производства узорчатых тканей сравнительно увеличилось.

2. Прирост числа станков для производства узорчатых тканей достигнут путем расширения внегородской сети мастерских.

Эти выводы можно подкрепить показаниями источников, в которых даже *преувеличивается* описываемый сдвиг в сторону расширения узорчатого производства и вообще в сторону механизации производства.

В русском «Журнале мануфактур и торговли» за 1835 г. мы читаем: «В 1825 и 1826 гг. в окрестностях Лиона учредилось уже несколько механических станков, но переворот 1831 г. решительнее обнаружил и раскрыл это направление промышленности. Вследствие этой перемены начали в значительном количестве приготовлять легкие ткани, которых прежде недоставало в лионской фабрикации». Несколькими строками выше тот же автор писал, что «узорные материи составляют главную статью лионской промышленности...» [1]

Связь предместьев, деревень и прочих селений с «метрополией» мануфактуры — Лионом — рельефно выражают нижеследующие данные, представленные лионскому префекту в 1833 г (см табл 17).

Итак, в департаменте Роны было около 31 тыс. станков Но на лионских мануфактуристов работали и в *других* департаментах. Предполагалось, что таких станков, находившихся в соседних департаментах, но работавших по заказам лионских предпринимателей, было около 9 тыс. Лионская мануфактура, насчитывавшая до 40 тыс. станков, занимала, следовательно, около половины всех шелкоткацких станков (включая и ленточные) во Франции

Замечательно, что в табличке «распределения станков» фигурирует один из центров *муслинового* производства, Тарар Обратившись к книге Виллерме, побывавшего в Тараре в 1836 г., можно

[1] «Журнал мануфактур и торговли» 1835 г., ч. III, № IX «Краткое историческое и статистическое обозрение лионской промышленности»

Таблица 17

Распределение станков по предместьям и окрестностям Лиона [1]

Лионский округ	Число станков	Лионский округ	Число станков	Округ Вильфранш	Число станков
Лион	16 857	Сен-Лоран де Шамуссэ	214	Анс	11
Круа-Рус	6 259	Лимон	320	Бельвиль	11
Гийотьер	2 300	Морнан	82	Боже	11
Вэз	404	Сен-Симфориан	31	Буа д'Уэн	99
Л'Арбрель	1 022	Невиль	784	Музоль	99
Кондрие	50	Живор	104	Сен-Низье д'Азерг	99
Сен-Женис-Лаваль	958			Тарар	1 170
				Тизи	26
				Вильфранш	2

убедиться, что действительно был такой момент, когда производство шелковых и шерстяных тканей сократило в Тараре размеры производства бумажных муслиновых изделий. Очень характерно, что этот момент относится к 1834 г. [2]. Впоследствии, в 1835—1836 гг., муслиновое производство восстановилось за счет расширения сети мастерских в ближайших к Тарару деревнях. Как видим, лионские фабриканты очень старательно искали возможностей противопоставить «требовательным» лионским ткачам рынок более дешевой рабочей силы (около 1834 г. в Тараре появились жаккардовы станки).

Материалы, собранные известным английским знатоком французской экономики, доктором Боурингом, лично обследовавшим лионские производства в 1833/34 г., позволяют установить крайне интересную картину распределения ткацких станков в Лионе по отдельным мастерским ткачей-хозяев: 614 ткачей имели по 4 станка каждый, 82 ткача по 5 станков, 53 — по 6 станков, 8 — по 7 станков, у 12 ткачей было по 8 станков, 2 имели по 9 станков и 2 — по 10, у 4 ткачей было по 12 станков и, наконец, 1 из ткачей-хозяев имел 13 станков. К сожалению, Боуринг не сообщает подобных же сведений о нижнем пласте этой многоступенчатой пирамиды, т. е. о тех ткачах-хозяевах, которые имели меньше 4 станков и положение которых существенно отличалось от положения «аристократической» верхушки, эксплоатировавшей по нескольку подмастерьев, учеников и работниц.

Общее же количество лионских мануфактуристов, фирм, ткачей-хозяев и подмастерьев в 1834 г. определялось следующими цифрами: «купцов-фабрикантов» в гор. Лионе с предместьями было 1000—1200; торговых фирм — 500; ткачей — хозяев мастерских около

[1] *Chemin-Dupontès*, примечания к французскому изданию известной книги *Портера (Porter)*, Progress of the nation.

[2] *Villermé*, op. cit., t. I, p. 184

8 тыс.; подмастерьев (т. е. так называемых компаньонов, которые, между прочим, назывались также «ouvriers»—*рабочие*, в отличие от ткачей-хозяев) — около 30 тыс. [1].

Ткач — хозяин мастерской часто жил в собственном доме. «Мебель и орудия принадлежат ему лично, за исключением remisses and reeds, которые в производстве гладких материй почти всегда принадлежат мануфактуристу» [2], писал Боуринг. Как и перед ноябрьским восстанием, подмастерья и ученики преимущественно жили в одном доме с ткачом-хозяином. Продолжительность рабочего дня подмастерья, по тем же сведениям, колебалась в пределах 16—18 часов в сутки. Боуринг считал, что *в среднем* продолжительность работы ткача равнялась 16 часам в сутки; но он признавал, что когда спрос на шелковые ткани сильно возрастал, то работа в продолжении 18—20 часов в сутки делалась обычным явлением [3] в лионской мануфактуре. Особенно продолжительной была летняя работа, когда станки стучали с 4 часов утра до 10 часов вечера.

Общее движение номинальной заработной платы в период 1832—1834 гг. характеризуется явно выраженной тенденцией к значительному снижению. Этот факт категорически признает и доктор Боуринг [4]. По вычислениям Гранье, редактора самой левой лионской газеты «Гляпез», члена временного главного штаба в ноябрьские дни 1831 г., заработная плата подмастерьев, занятых в производстве низко оплачиваемых сортов, была не выше 1 фр. 20 сант. в день, что фактически (при вычете нерабочих дней) сводилось лишь к 89 сантимам среднего дневного заработка [5]. Такова была, повидимому, низшая точка колебаний заработной платы ткача-подмастерья; два-три франка в день соответствуют противоположной и наивысшей точке, которой, однако, достигала заработная плата лишь некоторой части подмастерьев, работавших в производстве новых, модных товаров. Очень важно беглое замечание Боуринга о том, что к 1834 г. даже производство узорчатых тканей не давало более никаких преимуществ: по мнению Боуринга, расценки по гладким и узорчатым тканям успели к этому времени сравняться. Эта важная перемена представляется вполне вероятной в свете вышеприведенных данных о распространении жаккардова станка вне Лиона, а поэтому, основываясь на наших архивных данных о расценках 1831 г., мы должны констатировать *очень*

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 170.

[2] *Bowring*, Second Report, p 37.

[3] Ibid «The average hours of labour at Lyons and its neighbourhood are sixteen; but when the demand is active, it is usual for the weavers to work eighteen or twenty» (продолжительность рабочего дня в Лионе и его окрестностях приблизительно равна 16 часам, но когда спрос усиливается, работа ткачей по 18—20 часов в день становится обычным явлением).

[4] *Bowring*, op cit , p 36 «On the whole there has been a considerable tendency to decline in the rate of wages at Lyons» (в целом была значительная тенденция к снижению уровня заработной платы в Лионе).

[5] «Procès de la Glaneuse» — речь Гранье

значительное снижение номинальной заработной платы в производстве, охватывавшем около 27% всех шелкоткацких станков в Лионе, предместьях и окрестных деревнях департамента Роны.

Ученики, как и в 1831 г., жили и питались непосредственно у ткачей-хозяев. Размотчицы оплачивались сдельно, получая 4 франка за килограмм (органсина); сновальщицы получали от 1 до 2 франков за килограмм. Красильщики шелка получали от 2 до $2^1/_2$ франков в день. Производство шелковых лент, как мы уже знаем, не играло сколько-нибудь выдающейся роли в Лионе. Но все же внутри города насчитывалось около 500 ленточных станков. Поэтому нелишне здесь сообщить о заработной плате лионских ткачей лент. В производстве наилучших сортов этих изделий подмастерья получали от 2 до $2^1/_2$ франков в день.

Крайнее несоответствие этих заработков дороговизне жизни, особенно же несоответствие заработков по низкооплачиваемым сортам материй, будет совершенно наглядным, если мы учтем, что подмастерье должен был ежедневно тратить только на один стол около 90 сантимов, причем завтрак и ужин ткацкого подмастерья состоял обычно только из хлеба и сыра [1].

Изучая положение ткачей — хозяев мастерских, т. е. цеховой массы полупролетариев и хозяйчиков, можно отметить лишь одно благоприятное обстоятельство, отличающее ситуацию 1834 г. от предшествовавшего периода: это — падение арендной платы за жилые помещения. По данным Боуринга, в 1834 г., в результате чрезмерно быстрого развития домостроительства, можно было легко найти помещение, соответствующее обычным требованиям ткача, за 100—150 франков в год. Но, конечно, и эта плата была все еще очень высокой для ткачей-одиночек или, например, ткачей, имевших всего 2 станка. Бюджет ткача — хозяина мастерской, имевшего в 1834 г. всего 2 станка, более или менее определяется следующими цифрами. Весь годовой «заработок», считая при этом не только заработок в собственном смысле слова, но и ту сумму, которая остается от пользования трудом двух подмастерьев, составлял 900 франков. За вычетом 150 франков арендной платы за помещение и 80 франков расхода на 2 компаньонов, остается лишь 670 франков, т. е. всего лишь по 1 фр. 80 сант. на день [2]. Из этого расчета явствует, что мелкие хозяйчики, эксплоатировавшие всего лишь 1—2 подмастерьев, жили нисколько не лучше, чем полупролетарии-одиночки, обслуживавшие всю мастерскую исключительно силами своей семьи, — обстоятельство, в высшей степени важное для понимания активности мютюэлистов, которыми могли быть только ткачи — хозяева мастерских.

[1] *Bowring*, op. cit., p. 36. Боуринг приводит следующий примерный расчет ежедневных затрат на продовольствие: $1^1/_2$ фунта хлеба — 30 сантимов; $^1/_4$ литра вина — $12^1/_2$ сантимов; обед — 25 сантимов; сыр — 10 сантимов; ужин — 10 сантимов, ср. также стр. 37.

[2] *Bowring*, ibid., p. 35. Годовой доход от 3 станков, по данным Боуринга, равнялся 1 500—1 600 франков.

Но даже и та категория ткачей-хозяев, которой удавалось сводить концы с концами в расходах на предметы первой необходимости, вовсе не была удовлетворена уровнем расценок: «Каждый трудящийся имеет право требовать, чтобы его заработка хватало не только на предметы первой необходимости, но чтобы оставался и некоторый излишек с тем, чтобы использовать его, по доброй воле каждого, на сбережения, а если захочется, то и для удовлетворения кое-каких и тех «мнимых потребностей», которые вменялись нам в столь тяжкую вину и которые, однако же, присущи современной цивилизации», — так писал ткач-хозяин Буври в газете «Эко де ля фабрик» [1], тем самым намекая при этом на возмутительный упрек в «нерасчетливости» и излишних тратах, упрек, брошенный предпринимателями в 1831 г. К сожалению, нет возможности сколько-нибудь обстоятельно осветить положение лионских рабочих, занятых в других отраслях промышленности. Судя по корреспонденциям и заметкам, печатавшимся в газете «Бон санс», заработная плата снижалась в эти годы даже в таких отраслях, которые вовсе не были затронуты машинизацией. Летом 1833 г. «Бон санс» сообщала о падении заработной платы в производстве шляп и у рисовальщиков по фарфору [2].

Могла ли влиять на снижение заработной платы лионских ткачей опасность иностранной конкуренции и была ли реальной эта опасность?

Мануфактуристы продолжали твердить об опасностях иностранной конкуренции, продолжали оправдываться ссылками на конкуренцию каждый раз, когда снижали расценки. Напротив, обе газеты лионских ткачей: «Эко де ля фабрик» и «Эко де травайер», считали, что опасность иностранной конкуренции совершенно не реальна, что она не более как «обман зрения» [3]. Чтобы не ограничиваться ссылкой на мнение названных газет (как делает Алязар), обратимся к нижеследующей таблице, позволяющей проследить движение иностранного ввоза различных сортов шелковых тканей, кружев и флерета в течение восьмилетнего периода, 1827—1834 гг (см. табл 18).

Из этой таблички явствует, что по сравнению с доноябрьским периодом 1831 г. некоторая разница все же имеется по статьям английского и бельгийско-голландского ввоза гладких сортов тканей, разница, не столько характерная для всего трехлетнего периода, 1832—1834 гг., сколько для одного 1832 г. В импорте узорчатых тканей заслуживает внимания один лишь английский ввоз. В 1833 и 1834 гг. увеличился ввоз иностранного газа и крепа, но в те же самые годы произошло еще более заметное снижение импорта иностранного флерета [4].

[1] *Alazard*, op. cit., p. 38. Цитируется статья Буври, напечатанная в одном из сентябрьских номеров «Эко де ля фабрик» 1832 г.

[2] «Le Bon Sens», 2.VI.1833. заметка «Des machines» (par Beranger, ouvrier).

[3] *Alazard*, op. cit., p. 33.

[4] «Tableau décennal», première partie, p. 279—281—283.

Таблица 18

Французский импорт шелковых тканей (исключая ленты) (в *кг*)[1]

Название тканей	Импортирующие страны	Годы							
		1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834
Гладкие шелковые ткани	Пруссия	5 277	4 593	3 439	4 268	3 706	4 637	4 071	3 737
	Германия	119	84	162	80	72	19	237	195
	Бельгия, Голландия	95	106	26	66	49	2 164	2 137	2 876
	Англия	195	1 087	3 507	5 852	6 742	10 808	7 808	5 545
	Сардиния	50	68	—	29	65	10	28	27
	Тоскана	—	—	10	5	4	7	1	3
	Швейцария	30	320	110	32	55	49	296	961
	Другие страны	55	15	21	22	20	23	184	90
	Всего (в *кг*)	5 821	6 275	7 275	10 354	10 713	17 717	14 762	13 434
	Ценность ввоза (в франках)	640 310	690 360	800 250	1 138 940	1 178 430	1 948 878	1 623 820	1 477 740
Узорчатые ткани	Пруссия	146	40	50	255	345	449	331	470
	Англия	1	—	94	5	5	52	95	541
	Др страны	41	82	107	52	66	42	176	117
	Всего (в *кг*)	188	122	251	312	416	543	623	1 128
	Стоим ввоза (в франках)	22 560	14 640	30 120	37 440	49 920	65 160	78 240	135 360
Газ и крепы	Пруссия, Англия, Швейцария и др страны Всего (в *кг*)	33	54	93	84	44	40	161	155
	Ценность этого ввоза (в франках)	3 696	5 856	10 320	9 360	4 592	4 332	17 456	17 772
Кружева	Ценность всего ввоза из разл стран	2 904	3 839	31 100	29 339	12 673	8 961	17 641	16 150
Флерет	Всего из разных стран (в франках)	—	—	2 982	462	93 282	—	48 846	43 176

[1] «Tableau décennal», première partie, p. 279—281—283.

Словом, некоторое возрастание иностранной конкуренции отличает ситуацию 1832—1834 гг. по сравнению с доноябрьским периодом 1831 г. Но сопоставим размеры импорта шелковых тканей во Францию с французским экспортом в те же годы.

Таблица 19

Импорт и экспорт шелковых тканей в 1830—1834 гг.[1]

(в млн. франков):

	Годы					За десятилетний период 1827—1836
	1830	1831	1832	1833	1834	
Французский импорт	2,8	2,4	3,6	3,7	3,4	2,8
Французский экспорт	111,1	119,3	106,8	138,9	112,1	121,4

Как видим, отношение иностранного ввоза к французскому вывозу в 1832—1834 гг., представляющему 80% всего французского производства [2], продолжает оставаться таким же ничтожным, как и в 1831 г.

Летом 1833 г. цены на многие шелковые изделия повысились, и тем не менее спрос на шелковые товары был очень велик. Группа коммивояжеров, выехавших из Лиона с большой партией шелковых изделий для продажи их в Бельгии и Голландии, была вынуждена задержаться в Париже, так как еще до отъезда за границу все их товары были уже проданы [3]. По данным одного французского статистика (современника изучаемой эпохи), среднее количество шелка, кондиционированного в Лионе в 1806—1820 гг., равнялось 380 тыс. *кг*; в период же 1830—1833 гг. это среднее годовое количество поднялось до 565 000 *кг* [4]. По другим данным, точное количество сырья, потребленного в Лионе в 1832 г., равнялось 660 тыс. *кг*, а в 1833 г. — 800 тыс. *кг*. Особенно сильное оживление наблюдалось в декабре 1833 г.: в течение одного лишь этого месяца лионская мануфактура потребила столько же (шелка), сколько в предшествующие пять месяцев вместе взятых [5]. Спустя несколько лет сами лионские коммерсанты признавали, что опасность иностранной конкуренции преувеличивалась в 1833—1834 гг [6].

---

[1] «Tableau décennal», première partie, p. LIII, LV.

[2] *Bowring*, op. cit., p. 19.

[3] «Journal des Tissus», № 2, 1833.

[4] *Chemin-Dupontès*, примечания к книге Портера, p. 287.

[5] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 103, 2.V 1834.

[6] «Chambre de Commerce de Lyon», Exposition des produits des fabriques de soieries étrangères 1848, Lyon 1846, Notice de l'exposition, p 3—4 «Иллюзии исчезли, преувеличения рассеялись; шелкоткацкая мануфактура (Лиона) получила более верное представление о состоянии шелковой промышленности за границей».

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ в 1832—1833 гг. И РОСТ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГОР. ЛИОНА ПОСЛЕ НОЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1831 г.

После лионского восстания 1831 г. «Геркулес золотой середины», Казимир Перье, совершал все новые и новые подвиги. Неотступно следуя своей системе, он довел страну до такого положения, которое заставило Генриха Гейне с горечью признать, что «Франция еще никогда не стояла так низко в глазах других стран, даже во времена Помпадур и Дюбарри. Теперь все видят, что есть еще нечто более жалкое, чем господство фавориток». Вся внутренняя и внешняя политика «партии сопротивления» содействовала росту республиканского движения. К сожалению, до сих пор не освещена деятельность Общества друзей народа в первые месяцы 1832 г. Но совершенно несомненна его причастность к крупнейшему политическому событию 1832 г. — *июньскому восстанию*. История этого восстания еще ждет своего исследователя. Оно так мало изучалось историками, что даже самое выражение «июньские дни», поскольку речь идет о 1832 , а не о 1848 г., кажется странным для неспециалиста, постоянно встречающего в прессе и прочих изданиях рассматриваемого периода именно эти слова: «Les journées de juin» — «*июньские дни*», представляющие одну из важнейших дат в истории классовой борьбы пролетариата и в истории республиканской партии.

Яркое описание героизма парижских рабочих, поднявших 5—6 июня 1832 г. *красное знамя*, дал Гейне. Точно воспламененный вулканическим порывом их революционной энергии, Гейне написал волнующий рассказ о том, как «лучшая кровь Франции» была пролита на улице Сен-Мартен, как под конец борьбы «горсть республиканцев в каких-нибудь 60 человек защищалась против 60 тыс. линейных войск и национальной гвардии и дважды отбивала их», как старые наполеоновские солдаты, оценивая битву на улице Сен-Мартен, признавались, что она принадлежит к величайшим героическим подвигам новейшей истории, и как он сам, узнав о захвате солдатами одного дома и о том, как республиканцы, державшиеся во втором этаже [1], не желая сдаться, покончили с собой, так что победители «овладели лишь комнатой, наполненной трупами», как сам он, Генрих Гейне, выслушав этот рассказ, пошатнулся от внутреннего волнения и «заплакал, как дитя».

Обращаясь *к итогам* героической борьбы в Париже, можно сказать, что июньские дни имели значение поворотного момента в истории рассматриваемого периода. Это был момент «траура и размышлений, когда каждая партия — следует признать — лучше поняла, по какому пути она должна следовать, чтобы восторжествовали ее принципы» [2]. Так позднее писали в газете, появившейся вскоре после июньских дней и учрежденной, повидимому, с намерением отвлечь рабочих от революционной борьбы. Для этого зачастую к подписям сотрудников газеты, названной «*Бон санс*» («Здравый смысл»), пристегивались эпитеты «рабочий», «рабочие» и т. п. Газета возглавлялась редактором, вполне подходящим для подобного амплуа — господином *Кошуа-Лемером*.

Правительство Луи Филиппа и партия золотой середины в июньские дни «лучше поняли» свой путь в смысле панического усиления репрессивных мер. Общеизвестно, что в июньские дни было объявлено осадное положение — крайняя мера, не встретившая сочувствия со стороны маршала Сульта. Арестованных было так много, что в тюрьмах нехватало помещений и нужно было строить новые здания [3]. Полиция приступила к методическому разоружению парижского плебса. Это был один из самых досадных и тяжких результатов июньского поражения. До 1 августа 1832 г. полиции удалось отобрать у трудящегося населения Парижа 80 тыс. разных объектов вооружения: около 20 тыс. ружей, множество сабель, пик, стилетов, кинжалов [4]. В истории следующего парижского восстания, вспыхнувшего в апреле 1834 г., огромное значение имело то обстоятельство, что рабочие были плохо вооружены.

Июньское поражение было тяжелым ударом для всего авангарда так называемой республиканской партии. У правительства даже появилась уверенность, что республиканская партия совершенно раздавлена. «Республиканцы больше не существуют как партия», — писал *Жиске* 5—6 дней спустя после июньских событий. К сожалению, историк, имевший доступ к обширным архивным материалам по истории тайных обществ, не осветил вопроса о деятельности Общества друзей народа *после* июньских дней. Он ограничивается буквально несколькими строками. Общество, пишет

[1] *H. Heine*, Samtliche Werke in vier Bánden, S. 112. В подлиннике «erste Etage», но по-русски следует переводить «второй этаж», а не «первый»

[2] «Le Bon Sens», 6 IV.1834, 16 supplément, Tribune des prolétaires, письмо, подписанное «*Stourm, ouvrier*».

[3] Арх. МИД, 1832, № 212—213, Medem à Nesselrode, 1.VIII.1832.

[4] Там же, лист 169. Ср. Жискэ (*Gisquet*, op. cit, t. III, p. 118); он указывает значительно меньшие цифры.

Перре, «*как будто бы* на первых порах реорганизовалось на некоторое время. По меньшей мере это явствует из письма д'Эперси к редактору «Трибуны». Юридически распущенное после декабрьского процесса 1832 г., фактически распавшееся «вследствие невозможности его членам устраивать общие собрания», оно, *кажется*, все-таки просуществовало некоторое время. «Мы видим, что в апреле 1833 г. Дежарден, — продолжает Перре, — председатель этого Общества, и некий Дену предстали перед судом присяжных, первый за нарушение статьи 291, второй за предоставление своей квартиры без разрешения муниципалитета Впрочем, Общество уже находилось в стадии упадка... В самом деле, в середине 1833 г. о нем уже не слышно» [1].

Июльский союз, руководимый Лафайетом и состоявший преимущественно из иностранных эмигрантов, просуществовал до 1834 г., но, как и Общество новой школы, не проявлял себя значительными выступлениями. Уцелело и Общество помогай себе сам, но оно попрежнему ограничивалось легальными формами борьбы, притом только *избирательной* борьбой. Влияние этого Общества в Париже упало, лишь в провинции оно имело реальное значение.

Между тем появились *три новых* больших союза:

1) *Ассоциация для борьбы за свободу печати*,

2) *Общество прав человека и гражданина*,

3) *Вольная ассоциация для борьбы за народное просвещение*.

Основа *Вольной ассоциации для борьбы за народное просвещение* существовала еще до *июньских дней* 1832 г. Сразу после июльской революции появилась Политехническая ассоциация, основанная воспитанниками политехнической школы. В 1831 г. из Политехнической ассоциации выросла Ассоциация для бесплатного обучения народа. И с момента возникновения Политехнической ассоциации до июньских дней 1832 г. самые различные политические деятели, от герцога де Шуазель и Александра Деляборда до Лешевалье, которого видели с ружьем в руках на одной из июньских баррикад. играли руководящую роль в этом преимущественно просветительном союзе. После июньских дней Ассоциация для бесплатного обучения народа не проявляла никаких признаков жизни. Но к началу 1833 г. она все же восстановилась, приняв вышеназванное наименование (Вольная ассоциация для борьбы за народное просвещение); Ф. Араго, Одиа, Ферроп, позднее Кабэ были ее руководителями.

Более подробно нужно охарактеризовать *Ассоциацию для борьбы за свободу печати* и *Общество прав человека и гражданина*.

Руководящий аппарат Ассоциации для борьбы за свободу печати был разбит на 6 комитетов:

1) *центральный комитет*, следивший за деятельностью всех прочих комиссий и комитетов;

[1] *Perreux*, op. cit., p. 50.

2) *анкетный комитет*, занимавшийся информацией по всем судебным (и, особенно, политическим) делам; в нем состояли Кабэ, Марраст, Гинар, Паньер и Бернар;

3) *комитет защиты*, ведавший делами судебной защиты (Жоли, Дюпон, Мари, Бусси и Ритье);

4) *комитет по оказанию помощи заключенным* (Comité de secours des prisons et des finances), в котором состояли Корменэн, Одиа и Буассэ;

5) *законодательный комитет*, руководимый Лафайетом, Гарнье Пажесом, А. Каррелем, Консейлем и Дежарденом;

6) *комитет по делам печати*.

Во главе Ассоциации для борьбы за свободу печати осенью 1833 г. находились: д'Аржансон — председатель, Одри де Пюираво, Кавеньяк, Этьен Араго, Андрэ Маршэ и Фенэ. В состав правящего комитета входили также Распайль, Наполеон Лебон, Родд и Грувель.

Как видим, влияние *буржуазных* республиканцев и мелкобуржуазных демократов-оппортунистов решительно преобладало в этой Ассоциации.

Еще большего внимания заслуживает *Общество прав человека и гражданина*. В августе 1830 г. появилась брошюра «Декларация принципов Общества прав человека и гражданина». Известно, что в *Обществе друзей народа* была независимая секция, носившая это название. Повидимому, ее основал безвременно умерший робеспьерист Кон (Caunes), журналист, состоявший в том комитете Общества друзей народа, который был учрежден для связи с рабочими и для привлечения их в Общество [1].

После июньских дней Общество прав человека и гражданина возродилось. Но через несколько месяцев оно слилось с Обществом друзей народа. Слияние произошло «не без затруднений и неудовольствий». Иначе и быть не могло. Робеспьеристы не находили общего языка с той прослойкой «умеренных», которая всегда была в Обществе друзей народа. Замечательно, что Годфруа Кавеньяк вновь занял примиренческую позицию.

В 1833 г. объединенная ассоциация, поглотившая Общество друзей народа, стала быстро разрастаться. В феврале 1833 г. в Париже было около 4 тыс. членов Общества прав человека и гражданина. Но с ростом организации тотчас же стали обнаруживаться коренные расхождения между различными группами секций и внутри секций. В начале апреля 1833 г. 37 секций, руководимых Наполеоном Лебоном, Лягардом и Гарнарэном, решили учредить самостоятельный комитет, избранный из активных, энергичных членов Общества прав человека и гражданина. Так возникли два центра: «комитет Лебона» и «комитет Распайля». Политическая физиономия «комитета Лебона» до *некоторой* степени определяется решительными выступлениями Лебона против интриг и «чудовищных ком-

[1] Ibid., p. 63.

бинаций фаеттистов, бонапартистов и людей «Насионаля» [1]. К середине 1833 г. борьба различных группировок до такой степени обострилась, что несколько секций Общества прав человека и гражданина даже пришли к решению *убить Годфруа Кавеньяка* за его оппортунизм (это решение не отменялось секциями в течение месяца).

«Годовщина июльской революции», уверял Вейль, «вызвала сближение группировок».

Действительно, в июле 1833 г , перед годовщиной июльской революции, несколько секций попытались примирить враждующие группировки. Но эта попытка не имела бы, вероятно, никаких последствий, если бы вскоре не последовал арест Распайля и его многих сторонников — членов комитета Только тогда Лебону удалось сформировать так называемый *комитет одиннадцати*. Едва ли, однако, и в этот момент победы «якобинской» прослойки Общества было достигнуто полное единство взглядов. Еще весной 1833 г. член Общества прав человека и гражданина Иоахим Ренэ-Теофиль Гайяр *де Керсози*, бывший кавалерийский офицер и карбонарий в годы реставрации, поднявший 26 июля 1830 г. восстание в своем полку в Понтиви, как только там узнали об издании ордонансов, «яростный и упрямый бретонец Керсози», *первый баррикадный полководец* (как отзывался о нем Энгельс в 1848 г.), «благородный безумец» Керсози (как называл его Стендаль), аристократ-«отщепенец», которого орлеанистская камарилья и в первую очередь сам тусклоглазый герцог Орлеанский постарались оклеветать [2] и изгнать из армии, — повторяем, еще весной 1833 г. этот революционер проявил склонность к организации самостоятельной и *активной* ассоциации. Вскоре, повидимому еще до июня 1833 г. [3], Керсози учредил и возглавил так назы-

Керсози — портрет, нарисованный в 1835 году во время так наз. «апрельского процесса».

[1] *Perreux*, op cit., p. 237

[2] Кювилье-Флери *(Cuvillier-Fleury*, Mémoires, p. 112) утверждал со слов герцога Орлеанского, что, будто бы, Керсози являлся к нему, наследному принцу, и обещал порвать свою связь с республиканцами, если правительство повысит его в чине.

[3] *Perreux*, op. cit., p. 239.

ваемый *комитет действия* внутри Общества прав человека и гражданина. Впоследствии же, окончательно убедившись в оппортунизме руководителей Общества прав человека и гражданина, Керсози вышел из центрального комитета этой ассоциации и превратил комитет действия в самостоятельный и, так сказать, воениизированный союз — Общество действия, тайный союз, состоявший из квинтурий, центурий, декурий и групп «просветителей». К сожалению, еще невозможно восстановить полностью картину взаимоотношений между Обществом действия и Обществом прав человека и гражданина во второй половине 1833 г. и в течение первых трех месяцев 1834 г. Что касается *взглядов* Керсози, то известно лишь, что они не отличались устойчивостью; характерно, что временами Керсози сближался с Распайлем, а иногда был более близок к Лебону. Следует заметить, что мировоззрение вождей Общества прав человека и гражданина очень трудно установить.

Нет исчерпывающего исследования по этому вопросу. Брошюры, издававшиеся Обществом, имели общий заголовок «Общество прав человека и гражданина». Но если в одной из них говорилось, например, что «Мы христиане в духе Иисуса Назарейского, ибо Иисус был не кем иным, как добродетельным республиканцем, провозгласившим по внушению верховного существа новый закон, основа которого заключалась в том, чтобы поставить всех людей на один и тот же уровень», то можно ли на основе этой цитаты повторять вслед за историком Вейлем, что подобные произведения свидетельствовали о религиозном характере Общества? В большинстве изданий Общества повторялись идеи якобинцев. Но были группировки, взгляды которых не укладывались в рубрики «Монитера 1793 г.» и прочих изданий революции XVIII в. В брошюре Марка Дюфресса шла речь о кооперативных ассоциациях рабочих, которые должны владеть в будущем обществе *машинами*, пользоваться государственным кредитом и т. д. При совершенно недостаточном внимании Общества к рабочему вопросу, все же появлялись брошюры, сигнализировавшие о процессе превращения рабочего класса из класса в себе в класс для себя, чего не могло быть в XVIII в. В Обществе прав человека и гражданина было больше рабочих, чем в Обществе друзей народа. И, разумеется, не все оттенки мнений были представлены в изданиях Общества. Кроме того не все эти издания были известны историкам республиканской партии Чернову, Вейлю, Перре, черпавшим материал для характеристики Общества прав человека и гражданина преимущественно из одного общего источника — доклада Жиро, представленного суду пэров по делу об апрельских восстаниях 1834 г. [1]. Доклад состоял из четырех больших томов с приложением множества брошюр и прочих документов по истории Общества. Так как и нам придется очень часто пользоваться докладом Жиро, то нелишне охарактеризовать

[1] Вейль писал: «Я буду постоянно пользоваться этим докладом в настоящей главе (об Обществе прав человека), и к нему именно надо обращаться, когда я не делаю никакой ссылки» Ср. также новое фр изд , стр 86.

личность докладчика. Луи Гаспар Амеде Жиро, или, как обычно называют его, Жиро из департамента Эны, был сыном барона Жиро, финансиста и политического деятеля времени Директории и Первой империи. Сам Луи Жиро, родившийся в 1781 г., еще при Наполеоне I занимал сравнительно высокие посты (заместителя государственного прокурора в Турине и в Лионе). После июльской революции с августа до ноября 1830 г. Жиро был префектом полиции в Париже, в 1831 г. — председателем палаты депутатов, в 1832 г. — министром народного просвещения и культов, затем членом палаты пэров и председателем государственного совета. Это был «коренастый мужчина, мягкотелый, с порядочным брюшком, короткими ножками и сердцем из папье-маше», похожий, как писал Гейне, на «брауншвейгца, из тех, что торгуют на базарах трубками, или на друга дома, приносящего детям крендельки и ласкающего собак». Будучи президентом палаты депутатов, Жиро «всегда умел продлить или сократить заседания согласно интересам короля».

Обращаясь к документам, которые служили Жиро для характеристики политической программы Общества прав человека и гражданина в период первых семи месяцев 1833 г., мы прежде всего встречаемся с директивой (ordre du jour) центрального комитета, содержание которой сводится к резкому противопоставлению 500 тыс. сибаритов 31 млн. илотов, представляющих Францию июльской монархии. После провозглашения республики будет совсем другой строй. Страна получит дешевое правительство. Рабочие будут совместно с предпринимателями устанавливать размеры своей заработной платы. Крестьянин больше не будет сваливать на дорогу часть своих товаров из-за нелепых дорожных сборов. Солдаты станут гражданами, равными со своими начальниками вне строя, военный суд будет реформирован, пенсия избавит престарелых воинов от нищенства. Бремя налогов будет облегчено; страна избавится от бездельников, и косвенные налоги будут заменены налогами на роскошь. В школах будет введено бесплатное обучение.

Документ, о котором идет речь, не датирован, но Жиро с уверенностью относит его к началу 1833 г.

Второй «ordre du jour», фигурирующий в докладе Жиро, относится к середине 1833 г. В нем замечателен прозрачный намек на связь республиканцев с июньским восстанием 1832 г. Напоминание же об июньской битве делается не для возбуждения сентиментальных эмоций, но с другой целью: «Кипарисы свободы не нуждаются в том, чтобы их орошали слезами, их надо орошать кровью». Сравнивая силы партии до июня 1832 г. с теми, которыми она располагала в текущий момент, т. е. летом 1833 г., комитет констатировал значительное усиление партии, основная идея которой — борьба за республику — уже укоренилась во Франции, по убеждению комитета. Этот успех объясняется появлением единства и дисциплины, отсутствовавших ранее. В заключение поясняется смысл понятий: республика, республиканцы. «Республика хочет каждому обеспечить возможность полного и свободного развития своих физических и умственных способностей» [1]. «Республиканцы — это люди, желающие завоевать для всех права всех» [2].

Пользуясь празднованием третьей годовщины июльской революции, комитет Общества прав человека и гражданина издал еще одно обращение («ordre du jour»), в котором предложил организовать «перманентные заседания» в течение 3 дней. Подводя итог трехлетней деятельности французского правительства, комитет приходил к выводу, что вся политика развивалась в направлении, противоположном желаниям французского общества.

Осенью 1833 г. Общество прав человека и гражданина вступило в новый фазис развития: произошла реорганизация, в результате которой вполне кристаллизовалась внутренняя структура Общества и кроме того сложилась та группировка членов Общества, которая, опираясь на большинство, возглавила организацию и в основном оставалась на этом посту вплоть до второго лионского восстания и разгрома Общества. В директиве о предстоящей реорганизации комитет обрисовал преимущества новой структуры. Трехлетний опыт, писал комитет, убедил Общество в том, что «чем более многочисленны высшие комитеты, тем сильнее тормозятся колеса и тем более могут человеческие слабости порождать соперничество и, смело скажем, тем больше шансов будет иметь полиция для слежки, подслушивания и внедрения своих агентов». На этом основании центральный комитет предложил произвести перевыборы руководящих органов, повсюду перестроив аппарат так, чтобы каждый комитет возглавляла *тройка*, пользующаяся достаточно сильной властью. Формула взаимоотношения руководителей и широкой массы членов была выражена следующими словами: «Пусть Общество наблюдает за ними, но не мешает их работе».

Первичной ячейкой Общества являлась секция, в которой могло быть не менее 10 и не более 20 человек. Первичная ячейка управлялась *начальником секции*, его помощником и тремя квинтурионами.

Несколько секций объединялись в кварталы, а кварталы — в аррондисманы. Во главе каждого квартала и аррондисмана были комиссары (квартальные или районные).

Вся организация возглавлялась центральным комитетом, состоявшим из 11 членов, избираемых абсолютным большинством. По истечении каждых трех месяцев часть центрального комитета обновлялась: смена производилась в порядке старшинства. Но выходящие члены центрального комитета могли переизбираться.

Каждая секция имела свое название. Характерны, например, следующие наименования секций: «Мирабо», «Барнав», «Робеспьер», «Сен-Жюст», «Марат», «Буанаротти», «Бабеф», «Марий», «Брут», «Костюшко», «Лувель», «Мелье», «Руссо», «Дидро», «Гора», «Жертвы

[1] *Girod*, op cit., t I, p. 33
[2] Ibid., p 34.

Марсова поля», «Падение жирондистов», «Взятие Лувра», «21 января», «Лионское восстание», «Европейское восстание», «5 и 6 июня», «Союз народов», «Равенство», «Народный суверенитет», «Отмена косвенных налогов», «*Организация труда*», «Отмена нечестно приобретенной собственности», «Мир — хижинам, война — дворцам», «Рабочие», «Бельвиль», «Менильмонтан» и др. [1].

Начальники секций руководили заседаниями своих ячеек, собирали партийные взносы (суммы их не были фиксированы), оглашали на собраниях директивы и прочие материалы, поступавшие от центрального комитета. Помощники начальников секций замещали отсутствующих руководителей, хранили у себя дубликаты именных списков членов ячейки. Квинтурионы поддерживали связь между членами организации по указанию начальника секции, собирали сведения о кандидатах, помогали устраивать внеочередные заседания. Весь аппарат избирался абсолютным большинством членов секции. Часть времени каждого заседания секции всегда отводилась на коллективное изучение партийных материалов.

Квартальный комиссар посещал заседания подведомственных ему секций, распределяя по секциям партийные материалы, принимал суммы, собранные в пользу Общества, и немедленно сдавал их партийному кассиру, который еженедельно отчитывался в поступающих к нему сборах.

Районный комиссар инспектировал работу квартального комиссара, сообщал ему (и секциям) о решениях центрального комитета. Главная же функция районного комиссара заключалась в политическом воспитании рядовых членов Общества и в пропагандистской работе вне партии, среди лиц, еще не вступивших в Общество. Он же доставлял в центральный комитет подробные ответы о состоянии секций вверенного ему района. Раз в неделю в каждом аррондисмане или районе устраивались объединенные совещания всех начальников секций с квартальными и районными комиссарами.

Прием новых членов производился на заседаниях секций, слушавших рекомендации кандидатов и сведения об их средствах к существованию. Для отвода кандидата было достаточно двух голосов. Абсолютное согласие вступающего члена Общества с требованиями устава и политической программой организации было обязательным условием приема.

В судебных материалах по делу об апрельском восстании 1834 г. было множество интересных документов, освещающих внутреннюю жизнь Общества прав человека и гражданина. Интересны, между прочим, те персональные характеристики, которые были найдены у арестованных комиссаров. Так, например, некий *Галле*, заместитель начальника секции, сапожник, 22 лет, участник лионского восстания 1831 г., аттестовался как «очень энергичный» и «вполне грамотный» (bonne instruction) член Общества [2]; другие члены организации и даже целые секции характеризовались как мягкотелые, небоеспособные, ненадежные элементы. Общество прав человека и гражданина не было тайной организацией; но многие документы были зашифрованы. Ключ к одному из шифров был найден при аресте Берье Фонтэна [1].

[1] «Réquisitoire», p. 16.
[2] «Réquisitoire», p. 31.

Основным документом попрежнему оставалась известная Декларация прав человека и гражданина, представленная Конвенту Робеспьером. Комитет Общества был глубоко убежден в том, что в этой декларации «*все*» выражено полностью: права, обязанности, средства, гарантии, цель всякого общества, «всякой цивилизации» и т. д. и т. п. (перечисление всех общественных благ, предусмотренных декларацией, занимало несколько строчек).

Что же касается программы ближайших требований и задач, то она была резюмирована в 12 пунктах особого «*Изложения республиканских принципов Общества прав человека и гражданина*». Этот документ был составлен и издан вновь избранным центральным комитетом Общества. *Вкратце* содержание 12 пунктов сводилось к следующему:

1) временное, избираемое и ответственное центральное правительство;

2) национальное собрание, представляющее и гарантирующее «законные интересы» и избранное путем всеобщего голосования;

3) муниципальная организация, комбинирующая свободу общин с единством государственного управления;

4) национальная гвардия, комплектующаяся из всех граждан, без различия их материального положения;

5) система общественного воспитания, внушающая молодому поколению передовые взгляды, облегчающая усовершенствование орудий труда и поднимающая народного учителя на более почетное место;

6) финансовая система, не отягчающая бедняка, труд и промышленность, но помогающая им; система, гарантирующая демократизацию кредита;

7) судебная организация, гарантирующая развитие института суда присяжных, упрощение судебного кодекса и другие судебные реформы;

8) административная организация, предоставляющая правительству возможность выбора чиновников, наиболее преданных ему и наиболее способных к реализации правительственных преобразований;

9) промышленная организация, реализующая принцип лучшего разделения труда и распределения товаров, двух принципов, которые «ускоряют эмансипацию рабочего класса»;

10) использование права союзов для развития средств, подразумеваемых в предшествующем пункте, и для соединения лич-

[1] Ibid , p. 14. Цифры: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 0 соответствовали буквам o, d, f, g, h, j, k, l, m, a; но цифры 1 и 0 обозначались также и другими буквами (ou, u — для единицы; e, i — для нуля).

ной свободы с реформой «гибельных последствий изолированности»;

11) пересмотр всех политических институтов, за исключением института народной санкции;

12) европейская федерация, основанная на общности принципа народного суверенитета, на взаимных гарантиях в семье европейских народов, абсолютная свобода торговли и полное равенство отношений.

В ноябре 1833 г. примиритель Кавеньяк был избран председателем Общества прав человека, Беррье-Фонтен — секретарем; Вуайе д'Аржансон, А. Гинар, Наполеон Лебон, Ж. Виньерт, Одри де Пюираво, Бомон, Дежарден, Тито и Керсози — членами центрального комитета. Дежарден и Тито вскоре сложили свои полномочия. Их заменили Делант и Рекюр. Издания Общества открыто распространялись среди трудящегося населения. Известные политические деятели открыто заявляли о своих симпатиях Обществу. Осенью же 1833 г. весь политический мир Франции узнал о появлении манифеста, в котором Общество публично заявляло, что его политические идеи выражает *Декларация*, представленная Робеспьером Конвенту.

Едва ли нужно говорить, что пресса тотчас же откликнулась на этот акт. Газета «Курье Франсэ» напоминала, что Декларация Робеспьера была «анархическим» произведением, сурово отвергнутым Конвентом. И цитируемая газета приходила к заключению, что либо Общество плохо знает историю, либо его руководители настолько ослеплены, что даже образы двух «тигров», Кутона и Робеспьера, не возбуждают в них содрогания. Подобный выпад со стороны «Курье Франсэ» неудивителен. Но замечательно, что люди, стремившиеся сидеть между двух стульев, колебавшиеся «между монархией и республикой», сразу же заговорили о своей солидарности с «Курье Франсэ». Кошуа Лемер, редактор газеты «Бон санс», написал статью, в которой открыто признал, что в рассуждениях «Курье Франсэ» столько же «патриотизма», сколько и «основательности». Сам Кошуа Лемер спешил заявить, что «новые издатели этого фанатического документа (т. е. Декларации Робеспьера) не только заставляют нас отступить на 40 лет назад, но они провозглашают принципы, которые отбрасывают нас ко времени дикого состояния» [1].

Многочисленные демократические читатели газеты «Бон санс» были поражены откровениями господина Кошуа Лемера. Они бомбардировали редакцию полемическими статьями и письмами [2].

С осени 1833 г. Общество прав человека развивалось еще быстрее. Несмотря на резкое осуждение новым центральным комитетом неудачной португальской экспедиции, связь с иностранными революционерами не ослабевала, и интерес Общества к политическому движению вне Франции не остывал.

[1] «Le Bon Sens», № 27, X.1833. Статья под названием «Республика Робеспьера» подписана инициалами *C. L.*

[2] «Le Bon Sens», Supplement extraordinaire, 24 XII 1833.

Поляки, немцы, итальянцы и другие иностранцы вступали в Общество прав человека и гражданина и некоторые из них играли руководящую роль. Так, например, некий австрийский подданный Шампиньи, сын гравера, жившего в Милане и бывшего там совладельцем ювелирного магазина, юный энтузиаст, никогда не выходивший из дому без кинжала, состоял в Обществе в качестве *начальника секции* [1].

В секциях Общества прав человека и гражданина замышлялись покушения на жизнь жандарма Европы, Николая I. Член Общества, корсиканец Франчески, сын генерала наполеоновской армии, выехал в 1833 г. из Франции вместе со своим другом Пьераччи (по паспорту Пьераччи числился слугой Франчески) для убийства Николая I. Оба революционера были как будто бы эмиссарами поляков-эмигрантов. Французская полиция уведомила русского посла в Париже об этом замысле [2].

К сожалению, вся эта сторона деятельности Общества, непосредственно вскрывающая его интернациональное значение, до сих пор не исследована.

Развитию Общества в самой Франции, в Париже и департаментах особенно способствовали два условия:

1. Влияние фурьеристской пропаганды, которая углубила и расширила понимание принципов *ассоциации*, понимание всех преимуществ организации разрозненных сил. Ниже мы постараемся доказать, что хотя сен-симонизм тоже оказывал в эти годы известное влияние, но оно уже заметно отступало на задний план, между тем как именно фурьеризм достигал кульминационной точки своего развития.

2. Мощный подъем *рабочего движения* в период, совпавший с реорганизацией Общества.

Известно, что Фести пришел к следующим выводам в своей работе:

а) первые месяцы 1832 г. были периодом сравнительного затишья стачечной борьбы.

б) в течение первых 8 месяцев 1833 г. также наблюдались лишь слабые проявления стачечной борьбы;

в) с начала же сентября 1833 г. Париж — арена мощного рабочего движения [3].

Проверяя этот тезис по доступным первоисточникам, мы убедились, что утверждение Фести соответствует действительности. Но так называемые «продовольственные беспорядки» все еще вспыхивали в разных районах Франции в первой половине 1832 г. Как и

[1] Арх. МИД, 1834, № 20, Ribaupierre a Nesselrode 15.V.1834, приложения, информационные письма из Парижа от 22 и 26.II.1834. Автор цитируемого документа был лично знаком с Шампиньи.

[2] Арх. МИД 1833, № 161, Pozzo a Nesselrode, 28. IV. 1833.

[3] *Festy*, op cit, p. 197, 206

в предшествующие годы, женщины принимали большое участие в этих движениях. В марте 1832 г. происходили волнения в Гренобле [1]. В мае — «мятеж» в Динь и Сейн [2]. В конце того же месяца—продовольственные беспорядки в Нанси (25—27 мая) [3]. 4 июня—волнения в Гап [4]. Движения подавлялись вооруженной силой, инициаторы выступлений арестовывались.

Осенью 1833 г., как правильно указывал Фести, в провинции тоже были значительные стачечные волнения (Фести, однако, не дает полного перечня всех стачек в департаментах). Правительство, неуклонно державшее курс на реакцию, официально известило о подготовке специального законопроекта о запрещении стачек. Но в ноябре волна стачечного движения поднялась еще выше. Сообщая интересные данные о некоторых парижских стачках, например о движении типографских рабочих в ноябре 1833 г., объединившихся для выработки тарифа, избравших свой «типографский комитет», сообщая, что главные руководители стачки — Депе, Паскье-Лабрюйер и Лемонье — были членами Общества прав человека и гражданина, Фести в своей общей характеристике ноябрьского этапа недооценивает его значения. Он говорит, что другие стачки не представляют такого же интереса и что о них достаточно сказать несколько слов [5]. И перечисляя затем стачки кожевников, боровшихся за 11-часовой рабочий день, гвоздильщиков, требовавших повышения заработной платы, веревочников, требовавших сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы, вскользь упомянув о седельных мастерах, о мясниках, перчаточниках, токарях, мебельщиках и т. д., Фести ограничивается одним обобщающим замечанием. Он говорит, что все эти стачки были наступательными. Но пресса изучаемого периода сообщает более интресные и более характерные подробности.

Парижские сапожники выбрали делегатов, которые провели нечто вроде анкеты. Они составили именные списки всех парижских сапожников-рабочих. Выяснилось, что в Париже имеется много фирм, нанимающих по 400—500 рабочих и работающих только для иностранного рынка. Под руководством своих делегатов парижские сапожники организовали союз, разделявшийся на роты (compagnies), секции и дивизии (divisions) [6].

Парижские токари-мебельщики, не получив согласия на повышение заработной платы, объединились в артель с той целью, чтобы работать без посредников. Они начали продавать свои изделия непосредственно торговцам мебелью, по производственным ценам [7].

[1] «Gazette des Tribunaux», 18.III; 25 IV; 9—11.VII; 8—9.VIII. 1832.
[2] «Gazette des Tribunaux», 30. V. 1832
[3] «Gazette des Tribunaux», 5.VII.1832.
[4] «Gazette des Tribunaux», 15 VI.1832
[5] *Festy*, op. cit., p. 263.
[6] «Le Bon Sens», № 45, 10.XI 1833.
[7] «Le Bon Sens», № 47. 24. XI. 1833.

Подобный же акт и по тем же самым мотивам совершили кожевники, открывшие свои артельные мастерские. Каретники и седельщики объединились в середине ноября [1].

Важное значение имеет сам по себе *размах* движения. Едва ли насчитывалось 3—4 отрасли производства, не принявшие участия в общем движении.

Заметка, в которой оценивалась экономическая конъюнктура во Франции осенью 1833 г., не оставляет сомнения в том, что в данный момент был *всеобщий* подъем стачечного движения и сильнейший порыв к *организации* классовой борьбы. В статье под названием «Рабочие коалиции», напечатанной в «Бон санс» 10 ноября, констатируется промышленное возрождение Франции. «Общественное процветание проявляется повсюду» — пишет автор, подписавшийся инициалами V. R. Между тем рабочие, видевшие со времени июльской революции только одни лишения, низведены к тому «минимуму заработной платы, который был им навязан в момент кризиса» [2].

Вот почему и в провинциальных городах мы видим ту же картину — подъем рабочего движения.

В декабре 1833 г. парижские движения начали затихать; но в провинциальной Франции волнения продолжались [3]. 1833 год закончился для Общества прав человека и гражданина большим активом как в смысле значительного прилива новых членов (в Париже и в департаментах), так и в отношении роста его авторитета в рядах рабочего класса. Общество прав человека и гражданина широко воспользовалось правом распространять свои издания на улицах, рассылая по городу своих «глашатаев», которые «выкрикивали» названия брошюр. По словам главного прокурора Перси, ежедневно 3 тыс. членов Общества прав человека и гражданина выходили на парижские улицы в качестве «глашатаев» [4]. Вероятно, названная цифра преувеличена. Но бесспорно, что распространение изданий Общества «глашатаями» было делом большой политической важности. Партия золотой середины поняла опасность этой формы пропаганды, и палата вотировала закон против глашатаев.

* * *

Одним из непосредственных политических результатов ноябрьского восстания 1831 г. было появление в *Лионе* республиканских эмиссаров, членов *Общества друзей народа*. К сожалению, этот важный эпизод — деятельность Общества друзей народа в Лионе—не привлек внимания новейшего историка тайных обществ Габриэля Перре. Располагая богатейшими архивными материалами, Перре

[1] «Le Bon Sens», № 6, 17.XI.1833.
[2] «Le Bon Sens», № 45, 10 XI.1833.
[3] «Le Bon Sens», № 50, 15.XII.1833.
[4] «Le Bon Sens», № 41, 12. X. 1833. Цитируется речь Перси по делу Деланта.

почему-то не поставил перед собой задачу тщательного исследования политической жизни в Лионе непосредственно после ноябрьского восстания.

Ситуация, сложившаяся в Лионе к началу 1832 г. и сохранявшаяся, повидимому, без особенно глубоких изменений до осени 1832 г., характеризуется сильными колебаниями мелкобуржуазных демократов, боявшихся тесного сближения с той частью рабочего населения Лиона, которая «поговаривала» в декабре 1831 г. о новом восстании; что же касается буржуазных республиканцев, то едва ли можно сомневаться в их *поправении* после ноябрьских событий. Наконец, вполне понятная в этой обстановке настороженность рабочих [1] и своеобразное отношение к политической борьбе со стороны ткачей-хозяев дают в основном объяснение нижеследующих фактов, не комментируемых или почти не комментируемых в исторической литературе:

1. Лионский филиал Национальных союзов исчез вскоре же после своего появления.

2. Ассоциация борьбы за свободу патриотической печати, по словам Перре, *первая* во Франции организация этого рода, возникла в Лионе *не ранее* августа 1832 г.

3. Попытка бывшего барселонского алькада (городского судьи) Ро возродить и реорганизовать лионскую Карбонаду в 1832 г. не увенчалась успехом.

4. Наряду с республиканскими организациями, по своему типу не отличавшимися от аналогичных ассоциаций в других городах Франции, в Лионе появилась организация «чисто лионская» (Perreux) *Общество прогресса*, вербовавшее своих сторонников из «средних классов» и «добропорядочных» (honnêts) рабочих — Общество, пытавшееся найти среднюю линию между умеренной, буржуазной «Ассоциацией печати» и «крайностями» передовой части лионских республиканцев.

Из всех вышеназванных организаций жизнеспособными оказались только две. Во главе буржуазной Ассоциации в пользу патриотической печати стояли Лортэ, Жюль Сеген, де Сейн, Дривон, Сен-Боннэ; все они были поклонниками федеративной республики американского типа, боролись за полную независимость от центрального комитета. В начале 1833 г. в состав лионского комитета вошли «более передовые» деятели: Бертолон и Мартен. К каким последствиям привело начавшееся «полевение» организации, мы увидим ниже.

Общество прогресса было основано в середине 1832 г. тем самым Ро, который неудачно пытался возродить лионскую Карбонаду. Но вместе с Ро в качестве учредителя Общества выступили Лагранж и Лортэ. Имя Лортэ, этого умеренного «теоретика», убежденнейшего федералиста, достаточно выразительно характеризует

[1] *Ср. Weill*, русск. перев., стр. 94: «Лионские рабочие не сразу примкнули к демократической партии» и т. д.

оппортунизм новой, сначала тайной, а потом совершенно открытой и, как подчеркивали ее основатели, *легальной* организации. Общество прогресса «зародилось» в редакции газеты «Прекюрсер». Поскольку в состав общества привлекались, наряду с чисто буржуазными элементами, только «добропорядочные рабочие», не являлась ли вся эта организация, по замыслу ее учредителей, орудием политического буржуазного воздействия на соглашательскую часть работников лионской мануфактуры? Общество прогресса подразделялось на секции, каждая из которых должна была насчитывать не менее 9 и не более 19 членов «подписчиков» (souscripteurs), плативших ежемесячные членские взносы (не менее 50 сантимов). Секция возглавлялась «сборщиком». Объединение 3—10 секций составляло *дивизию*. Во главе организации стоял административный комитет, в состав которого входили председатели дивизионных советов. Подобно ассоциациям, организованным для борьбы за свободу печати, Общество прогресса ставило своей целью оказывать материальную помощь газетам, преследуемым за «политические преступления». Но кроме того намечались культурно-просветительные задачи и организация взаимопомощи. Для этой цели были избраны 2 комиссии.

Лагранж, — портрет, нарисованный в 1835 г. во время «апрельского процесса».

Но, повидимому, Общество прогресса слабо реализовало все эти благие намерения: Перре не нашел следов сколько-нибудь значительной активности Общества. Поразительно, что Перре ничего не говорит об эволюции Общества прогресса. Политическая программа Общества прогресса в период, непосредственно предшествующий 1834 г. [1], сводилась к следующим требованиям: центральное правительство, временное и ответственное; национальное собрание, «представляющее все законные интересы» (дословно: избранное всеми законными интересами); суд присяжных; промышленный строй, обеспечивающий возможность улучшения участи рабочих путем «более справедливого распределения продукта труда»; или же посредством «прогрессивного снижения арендной платы», взимаемой за пользование орудиями труда, или же, наконец,

[1] Перре характеризует эту программу по уставу этой организации, появление которого он относит предположительно к началу 1834 г.

путем упрощения взаимоотношений между производителем, рабочим и потребителем, упрощения, являющегося результатом свободного права союзов, и т. д. После апрельского восстания Ляграпж утверждал, что Общество прогресса было распущено задолго до восстания, приблизительно в октябре 1833 г. Но было бы неосторожно положиться на это показание, имевшее, может быть, апологетический характер [1].

К сожалению, остается совсем не освещенной история других обществ, существовавших в Лионе, до появления Общества прав человека и гражданина. Мы имеем в виду *Общество свободных людей* и *Общество независимых филантропов*. Основателем Общества независимых филантропов был Мариюс Шастен. Едва ли эта организация когда-либо была многолюдной.

Как бы то ни было, с осени 1833 г. все ранее существовавшие республиканские организации отступили на второй план перед новой, более сильной ассоциацией — лионским филиалом Общества прав человека и гражданина.

Но раньше, чем перейти к рассказу о деятельности лионского Общества прав человека и гражданина, познакомимся с одной брошюрой, бросающей свет на картину разногласий в среде лионских республиканцев в период, непосредственно предшествующий возникновению Общества, а именно с брошюрой Дюфетеля. Она иногда отмечалась в литературе, но, кажется, никто не пытался подробно охарактеризовать ее содержание [2]. Между тем она несомненно заслуживает внимания как работа современника, пытавшегося охарактеризовать все основные оттенки «республиканизма» в Лионе в указанный период. Бог создал нас для борьбы (pour agir), поучает Дюфетель, и мы хотим действовать, бороться. «Наша миссия — это борьба». Себя и своих единомышленников Дюфетель противопоставляет «доктринерам», у которых слово «никогда» не обращается в дело. Дюфетель — враг «доктринеров». Однако, по его убеждению, момент осуществления этого «дела» должен быть предуказан господом богом. А в данное время (1832 г.) «бог не может предуказывать», потому что «революция еще не вполне завершилась в сознании людей». Дюфетель восторгается Конвентом, как совершенно своеобразным, «единственным в мире» собранием. Конвент приобретает это значение в своей восхитительной квинтэссенции — *якобинском клубе*. Одной из важнейших заслуг Конвента Дюфетель считает постижение «скверны» и «антисоциального» содержания догмы материализма. Дюфетель пользуется историческим сравнением для определения своего республиканского credo. Форма или идея республики может «прикрывать аристократию крупных собственников и злобных кровопийц (sanguinaires brouillons). История знает разные типы республик. Один пример — американская республика. Другой — французская республика в том виде, какой она имела «*до раскола Горы*»[1].

[1] *Perreux*, op. cit., pp. 102—103.

[2] Вейль (*Weill*, op. cit. русск. перев. стр. 95) недостаточно четко и даже неправильно характеризует Дюфетеля как «демократа-сектанта, робеспьериста».

Ясно, что Дюфетель — оппортунист, лишь прикрывающийся железной маской якобинца. Религиозные идеи Дюфетеля причудливо переплетаются с проповедью эстетизма. «С религиозным вопросом соприкасается вопрос об искусстве, — пишет Дюфетель. — Если вы изгоняете из вашей республики религию и искусство, вы изгоняете красивое, что, конечно, уже само по себе довольно большое бедствие для населения, жадного до умственных и нравственных наслаждений. Но при этом вы изгоняете не только одно красивое. Вы совершаете нечто большее: вы разрушаете один из устоев полезного». В заключение Дюфетель как бы резюмирует свои идеи в одной формуле: «Монотеизм, бессмертие души, моногамия... Всеобщее, но *непрямое* избирательное право, одна, но часто переизбираемая палата. Правительство, составленное большей частью из промышленников и агрономов, со свободным и всеобъемлющим использованием (богатств) страны».

Высказываясь о разных оттенках или течениях среди республиканцев, Дюфетель разделяет всех республиканцев-материалистов на *последовательных* и *непоследовательных* материалистов. Последовательные материалисты «доходят почти до Жерминаля и останавливаются перед отсечением главы Демулена». «Я даже не знаю, — говорит Дюфетель, — понимают ли они (республиканцы-материалисты), насколько могуч был тот социальный инстинкт, который заставлял Робеспьера отделяться от эберистов, и как он, на которого смотрели как на «мужа Гильотины», умерщвлял тех, которые хотели напоить слишком большим количеством крови его жадную супругу». Последовательные материалисты — отважные борцы за свободу. Дух чистых монтаньяров в них не проник. «Мы должны отдать им должное, — продолжает Дюфетель, — они стоят за единство власти. Но, захватив власть, эти последовательные материалисты немедленно же издали бы самые непопулярные законы». Непоследовательные материалисты не интересуются социально-экономическими проблемами, никакая великая система улучшения благосостояния масс их не увлекает Они — порождение доктринеров, к которым и примыкают всей системой своих взглядов. В их умах мало французского, они являются представителями «американской школы» Они не оригинальны и лишены революционной смелости. Лафайетт — глава этой беспомощной школы с аристократическим оттенком.

Учреждение Общества прав человека и гражданина в Лионе представляет, конечно, одно из *важнейших* событий в истории или, лучше сказать, в предистории второго лионского восстания. В июле 1833 г. в Лион прибыл Годфруа Кавеньяк. Повидимому, он был уже давно осведомлен о разногласиях в среде лионских демократов. Совещание учредителей лионского филиала Общества прав человека

[1] *Dufaitelle*, Les doctrines républicaines absoutes, Lyon 1832, p. 5.

и гражданина состоялось в редакции «Прекюрсер» под председательством Жюля Сегена. Ресурсы республиканской партии в Лионе были признаны недостаточными, эффективность пропаганды — ничтожной и антиправительственное выступление — несвоевременным. Собрание приняло решение усилить пропаганду и, что особенно важно, прочно *связаться с рабочей массой*. Вожди республиканцев поняли и наконец открыто заговорили о том, что без участия широкой массы лионских рабочих антиправительственное выступление лионских демократов будет обречено на неудачу даже в том случае, если Париж возьмет на себя инициативу во время восстания. Учредители лионского филиала постановили централизовать деятельность местных республиканцев, создав для этой цели такой административный орган (из всех «живых сил партии»), который был бы способен возглавить народное движение и «обеспечить завоевания». Рассказывая об этих решениях, Луи Блан правильно заметил, что в данном случае речь шла о создании такого органа, который должен был одновременно представлять собой и *комитет сопротивления и временный муниципалитет*. Другими словами, в редакции «Прекюрсер» был поставлен вопрос о создании в Лионе боевого центра. Было решено законспирировать этот центр, скрыв имена состоящих в нем лиц даже от избирателей. Каждый участник выборов комитета заполнял избирательный бюллетень, но председатель н е г л а с н о подытоживал результаты голосования. Как выяснилось позднее, в состав названного конспиративного центра были избраны: Жюль Сеген, Мишель Анж Перье, Жюль Фавр, Бон, Бертолон, Антид Мартен, Ривьер (младший), Шарассэн, Пужоль и Лортэ. Два члена этой десятки, Антид Мартен и Бертолон, были избраны Кавеньяком в качестве корреспондентов для сношений с парижской и другими организациями.

Конспиративный центр сформировался, таким образом, из деятелей, большинство которых склонялось к оппортунизму. *Бертолон* (César Bertholon), родившийся в Лионе 18 января 1808 г. в семье негоцианта и впоследствии сам ставший богатым купцом — торговцем шелковыми товарами, *не был* привлечен в качестве обвиняемого по делу о лионском восстании 1834 г. и выступал на суде лишь как свидетель, сочувствующий подсудимым. Позднее Бертолон был редактором и собственником газеты «Цензор», участвовал в республиканском движении 1847 г., после февральской революции был помощником правительственного комиссара в Вьенне (департамент Изеры), затем — левым депутатом Конституанты, участвовал в движении 13 июня 1849 г., после 2 декабря 1851 г. был интернирован в Алжире, после амнистии вернулся во Францию и после падения Наполеона III назначен на должность префекта департамента Луары.

Бон (Eugène Baune) — «оратор с сильным голосом и образной речью», родился 5 сентября 1799 г. в Монбризоне (департамент Луары). Окончив в том же городе промышленную школу, он вступил в Карбонаду в годы реставрации, стал журналистом и политическим деятелем. В первом лионском восстании он не участвовал; но лионские события оказали на него сильное влияние. В 1832 г. появилась брошюра Бона по вопросу о борьбе с пауперизмом [1]. Вступив в Общество прав человека и гражданина, Бон стал вождем лионского филиала. После восстания Бон был арестован, но бежал до окончания судебного процесса; после амнистии вернулся во Францию, был редактором «Реформы», в 1847—1849 гг. — горячим сторонником Ледрю-Роллена; по поручению временного правительства охранял «порядок» в долине Роны и «сдерживал» рабочих в Сент-Этьене и Лионе [2].

Бон, портрет, нарисованный в 1835 г. во время «апрельского процесса».

Организовав лионский филиал Общества прав человека и гражданина, Годфруа Кавеньяк вернулся в Париж. Лионский комитет, или «невидимый комитет», должен был перейти от слов к делу. Между тем вскоре же после отъезда Годфруа Кавеньяка из Лиона обнаружилось, что «комитет-невидимка» не только не работал, но и *не хотел* работать [3]. Итак, в самом начале деятельности лионского филиала Общества прав человека и гражданина были сделаны две крупные ошибки. Понимая, что в борьбе за республику решающей силой является рабочая масса, учредители лионского комитета все же не привлекли лионских рабочих к выборам этого, по замыслу, *боевого* центра. Вторая ошибка заключалась в том, что, стремясь объединять «все живые силы» партии, организаторы комитета в действительности объединяли самые разнородные, революционные и оппортунистические элементы ограниченного и хорошо известного контингента мелкобуржуазных политиков и «политиканствующих» буржуазных интеллигентов. Трудно было выварить революционную соль из пресной воды лионского «болота». Наряду с участником ноябрьского восстания

[1] *Baune*, Essai sur les moyens de faire cesser la détresse, Lyon 1832.

[2] Будучи депутатом Лежислативы, Бон голосовал с крайней левой, участвовал в движении 13 VI 1849 г. и после отъезда Ледрю-Роллена и раскола Горы был лидером б о л ь ш и н с т в а Горы; в ночь на 2.XII. 1851 г. Бон был арестован, затем — изгнан из Франции.

[3] Жиро *(Girod*, op. cit., t. I, p. 153) утверждает, что лионское Общество прав человека и гражданина функционировало регулярно с сентября 1833 г. Алязар *(Alazard)* относит момент организации легального комитета к октябрю того же года.

М. А. Перье в комитет вошли такие люди, как Жюль Фавр, способные лишь погубить всякое революционное дело.

Вплоть до конца 1833 г. не отличалась активностью и *легальная* лионская организация Общества прав человека и гражданина Эта организация окончательно сформировалась лишь осенью, в сентябре или октябре 1833 г. Легальный комитет состоял из 5 членов. В него вошли Бон, Бертолон, Югон, Мартен и Пужоль, т. е. частью те же самые лица, которые были избраны в состав «невидимого комитета». Устав, принятый лионским Обществом прав человека и гражданина, в основном совпадал с уставом парижской организации. Обычно указывают, что разница заключалась лишь в двух условиях: 1) членские партийные взносы — 50 сантимов в месяц — были в Лионе обязательны; 2) по лионскому уставу требовалось не просто «принимать декларацию 1793 г., но нужно было *присягать* ей, этой робеспьеристской программе.

Необходимо, однако, отметить, что основной программе, принятой лионским Обществом, предшествовало небольшое, но очень важное и характерное «введение» («préambule»). Достаточно сказать, что в этом «введении» были выражены такие идеи, как «*уничтожение эксплоатации человека человеком*», отмены «возмутительных привилегий кучки тунеядцев, которые давятся излишествами и богатствами, украденными у массы неимущих рабочих» [1].

Устав был утвержден в конце 1833 г. Не забудем, что «гласно» основная цель Общества прав человека и гражданина в Лионе, как и в Париже, определялась как «tout pacifique» (совершенно мирная). С принятием устава и включением в состав открытого лионского комитета двух новых членов: Альбера и Сильвенкура (встречаются две транскрипции этого имени: Сильвен Кур и Сильвенкур), лионский филиал Общества прав человека и гражданина окончательно конституировался. При полной бездеятельности конспиративного «невидимого комитета» фактическое руководство всей лионской организацией сосредоточивалось в руках Бона — председателя вышеназванного легального комитета, и Мартена — выполнявшего функции секретаря.

Как ни медленно развивалось лионское Общество прав человека и гражданина—с июля по декабрь 1833 г., появление этой организации заметно отразилось на развитии других республиканских ассоциаций. В правлении лионской Ассоциации в пользу свободы печати еще в начале 1833 г. произошли перемены: руководящий комитет был переизбран, и места умеренных буржуазных демократов заняли Мартен и Бертолон, «более передовые» и решительные деятели. Но, как мы уже знаем, к началу 1834 г. оба они — Мартен и Бертолон — вошли в состав лионского комитета Общества прав человека и гражданина. И впоследствии произошло слияние Ассоциации в пользу свободы печати с Обществом прав человека и гражданина.

Совершенно ясно, что тактика «слияний» засоряла Общество

[1] Réqui itoire, p 43.

прав человека и гражданина фразерами, скрытыми и явными оппортунистами различных оттенков. Но способствовала ли эта тактика быстрому численному росту организации? Судя по данным о декабрьских выборах 1833 г., на этот вопрос следует ответить отрицательно: голосовало всего лишь 288 человек; даже если предположить, что бо́льшая часть секционеров-избирателей отсутствовала, общее число членов лионской организации все же должно представляться сравнительно незначительным [1].

Совсем иная картина наблюдалась несколько позже, весной 1834 г. Лионский префект Гаспарен считал, что в декабре 1833 г. было 2 тыс. секционеров, а в феврале 1834 г. — 4 тыс. Габриэль Перре утверждает, что данные префектуры сильно преувеличены. Но Перре не отрицает, а даже подчеркивает, что в начале 1834 г. в развитии Общества наступает поворотный момент, характеризующийся прежде всего быстрым ростом числа членов Общества.

* * *

Каково было влияние республиканской прессы в Лионе?

Интересно и важно ознакомиться поближе с лионской республиканской газетой «Глянез», которая, как мы уже знаем, еще в 1831 г. превратилась из беспартийного литературного листка в орган *революционной демократии*. Издание газеты, прерванное в 1831 г., возобновилось с того момента, когда Гранье, освобожденный после риомского процесса, вернулся в Лион. Вместе с ним из Риома прибыл бывший помощник риомского мэра Эдуард Альбер, предоставивший для издания «Глянез» свои денежные средства. Кроме того, Эдуард Альбер (вместе с Фертоном) выполнял роль ближайшего помощника Адольфа Гранье и даже замещал его в должности редактора в тот период, когда Гранье был арестован.

Социальные идеи Гранье, точнее сказать, основная идея и ее источник, определяются, между прочим, содержанием его речи, произнесенной в 1833 г. перед судьями, обвинявшими этого талантливого журналиста в печатании антиправительственных статей. Процитировав судьям известную максиму Жан-Жака Руссо: «Нужно, чтобы богачи давали беднякам возможность жить; в ином случае — бедняки поглотят богатых», Гранье сказал: «Эта истина.. *резюмирует насущную проблему эмансипации пролетариата*».

А «пролетариат» в понимании «Глянез» — это *большинство* нации. Поясняя свое понимание слова «*республиканец*», «Глянез» писала: «Республиканец — это человек, желающий народного правительства, народом представленного. Республиканцем является тот, кто, будучи одушевлен сильнейшим чувством справедливости, всегда готов на всевозможные жертвы, вплоть до пожертвования жизнью, в борьбе за улучшение положения несчастных рабочих, земледельцев, словом, тех пролетариев, которые составляют *огром-*

[1] *Perreux*, op cit., p. 106.

ное большинство нации» [1]. Обращаясь к характеристике наиболее ярких статей, напечатанных в 1832—1833 гг , прежде всего остановимся на краткой заметке от 14 октября 1832 г. В этой заметке «Глянез» выразила свое отношение к вновь сформированному кабинету Брольи-Гизо-Тьера. «Брольи! Гизо! Тьер! Вот имена, которые, наконец, оглашены «королевством седьмого августа». Вот новое министерство... Итак, это — не ложный слух, это — не одна из тех выдумок, читая о которых, отказываешься верить: «Монитер» рассеял всякие сомнения. Контрреволюция сбрасывает маску и поднимает голову; она провозглашает имена своих героев. Новая династия тоже хочет иметь свое «министерство Полиньяка»... Королевское правительство ведет открытую игру, и мы благодарим его за это... Даже самые близорукие будут знать, чего следует держаться... Фарс сыгран! Чудесно, господа! Но подождем окончания спектакля. Вы безнаказанно попробовали совершить государственный переворот, и вы уже думаете, что можете смело пойти на что угодно. Подождите ж несколько месяцев, а может быть, и несколько дней. Посмеемся и мы, в свою очередь, и да будет угодно богу, чтобы мы смогли сказать вам: «Фарс сыгран!» [2]

Два дня спустя та же тема, т. е. вопрос о новом кабинете и о вероятных последствиях реакционного политического курса, обсуждался в заметке под лаконическим заголовком: «Они». Заметка заканчивалась назидательными сравнениями и прозрачными намеками: «Пусть мысленно перенесутся в прошлое, пусть вспомнят 8 августа 1829 г. Тогда, как и теперь, двор явно отстранился от нации. Тогда, как и теперь, оставаясь изолированным, двор хотел оказать сопротивление силе обстоятельств. Он вступил, как и теперь, на путь ретроградных мероприятий и открыто выразил свое намерение насильно противодействовать удовлетворению прогрессивных потребностей цивилизации. Как и теперь, он возбудил по отношению к себе антипатию страны... Положение определилось. Необходимо, чтобы последовали вытекающие из него результаты».

В одном из номеров «Глянез» была напечатана остроумная политическая «сказка» [3]. Сюжет ее несложен. В одной стране, называвшейся Островом простофиль, царствовал жадный, лицемерный и злой принц. У него были широкие плечи и длинные руки с кривыми пальцами [4]. А на голове, похожей на *грушу*, торчал огромный пучок фальшивых волос [5]. Монарх обладал чудовищным аппетитом:

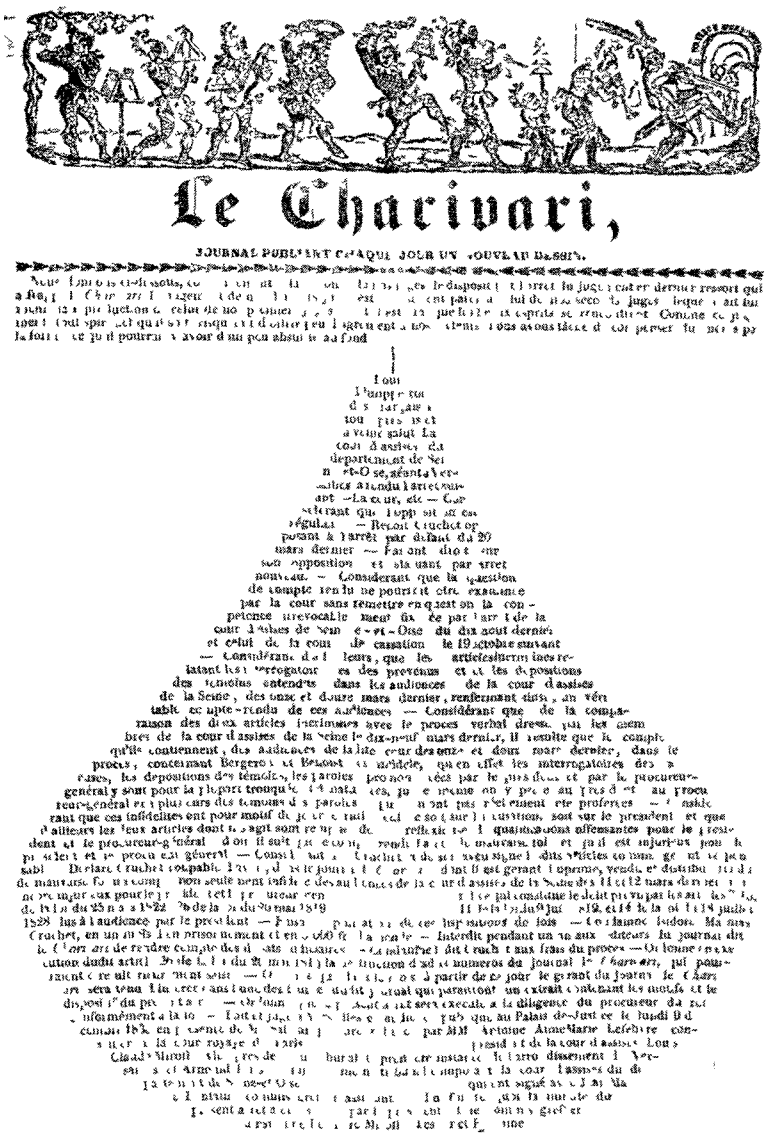
[1] *Alazard*, op cit , p. 277, «La Glaneuse» от 7.I.1833.

[2] «La Glaneuse», № 95 14.X 1832, цит. по «Proces de la Glaneuse», где полностью напечатаны все самые смелые статьи, за появление которых и был арестован Гранье.

[3] «La Glaneuse», № 101, 28 X 1832, Ibid.

[4] Мы переводим буквально: «длинные руки с кривыми пальцами». Но можно было бы перевести «загребистые, вороватые лапы», так как французская поговорка «avoir les mains crochues» означает быть нечистым на руку, воровать

[5] Едва ли нужно пояснять, что каждый читатель сразу же узнавал в образе этого людоеда портрет короля.

Le Charivari,

JOURNAL PUBLIANT CHAQUE JOUR UN NOUVEAU DESSIN.

Первая страница газеты «Ле Шаривари». Извещение о судебном осуждении газеты «Ле Шаривари». Текст извещения напечатан в форме груши — карикатурной эмблемы головы короля Луи Филиппа.

он один съедал больше, чем 100 тыс. его подданных. Поэтому его прозвали *толстым*, *жирным* и *глупым* людоедом. *Толстый*, *жирный* и *глупый* людоед отягощал своих подданных непомерными налогами Но все доходы казались ему недостаточными, и вот *толстый*, *жирный* и *глупый* людоед [1] начал задумываться о способах приискания новых источников обогащения. Ничего не придумав, он впал в отчаяние. Тогда принцесса Аталатала [2] поведала ему, что на Острове простофиль есть чудесное созданье, «маленькое-маленькое созданьице», ну, словом, *Третъ* (по-французски: «*Тьер*») взрослого человека, прозванного Мальчик с пальчик. Надо лишь найти его и привлечь ко двору. Мальчик с пальчик сумеет набить золотом королевские сундуки. Он божественно пишет и чудно считает: если надо *платить*, он докажет, что 2+2=15, а если надо *получать*, докажет, что 4+4=3. Все придворные бросились разыскивать чудесного мальчика. И вскоре же он был найден Гизотротэном Мальчик с пальчик принялся за работу. *Толстый*, *жирный* и *глупый* людоед еще больше обогатился; разжирели и придворные. А Мальчик с пальчик возмужал и с тех пор преспокойно живет в клетке, помещающейся au juste-milieu Острова простофиль [3].

Через несколько дней газета опубликовала «речь», которую, якобы, произнес некий подписчик орлеанистской лионской газеты «Курье де Лион», вообразивший себя, под влиянием постоянного чтения верноподданнических статей, самим королем, Луи Филиппом Орлеанским. Таким образом «Глянез» остроумно вложила в уста своего политического врага напыщенную речь, в которой под оболочкой самовлюбленной похвальбы сверкали яркие блестки сарказма. Мнимый король с гордостью говорит о своей внешней политике, об отношении к Австрии, которую он надеется обезоружить... своею мудростью, о России и о расправе царя с поляками. Лже-король клянется, что «Польша не погибнет», изменится лишь состав ее населения. вместо поляков там будут жить только одни русские. Речь заканчивается «восторженными» отзывами «короля» о министрах: о Тьере, которому «король» гораздо охотнее доверяет государственные, чем собственные, фонды, и пр.

В одном из ноябрьских номеров того же (1832) года помещена заметка о вопиющем неравенстве жизненных условий короля и широкой массы населения («Обеды короля и обеды народа»). В том же номере напечатан «сценарий» трехактной пьесы (с звукоподража-

[1] Подчеркнутые эпитеты повторяются в этой миниатюрной «сказочке» не менее 10 раз Само по себе сочетание этих трех эпитетов сразу же заставляет вспомнить о Луи Филиппе. Ср. описание праздника mardi-gras в Париже, в 1832 г., у Г. Гейне.

[2] Колкий намек на влиятельную сестру короля, Аделаиду, которую подозревали в интимной близости к Аталэну, члену придворного совета

[3] Непереводимая игра слов: au juste milieu буквально: в *самой середине*. Вместе с тем, как уже было сказано выше, выражение juste milieu (которое мы условились переводить словами «золотая середина») обозначало политическую партию, точнее, блок политических группировок, служивших опорой июльской монархии.

тельными названиями каждого акта: I. Crac! II. Pcht! III. Bahound! Некий торговец колониальными товарами женится на девушке по имени Франсуаза Либерте [1], старшей и законнорожденной дочери Попюлюса [2]. Муж-грубиян разрывает платье своей жены «платье-хартию». В третьем акте выступает «папаша Лафейет» (Lafeuillette — ясный намек на Лафайета). Став во главе детей Попюлюса, Лафейет расправляется с грубияном, оскорбившим Франсуазу Либерте: «Слышите ли вы гул орудийной стрельбы, возвещающей победу?» Этим поучительным вопросом, сопровождаемым звукоподражательным междометием: Bahound! Bahound! (Бум! Бум!), заканчивается «сценарий».

Язвительная насмешка, прозрачная политическая побасенка и т. п. литературные формы пропаганды чередовались на страницах «Глянез» с гневными, бичующими филиппиками, написанными энергичным, откровенным языком. Такова, например, статья, написанная по поводу назначения маршала Сульта на пост председателя совета министров. Придя к власти, Сульт заявил, что в своей политике он будет следовать по стопам предшественников — будет продолжать политическую линию «кабинета 13 марта». После двух-трех язвительных замечаний о безволии Сульта, «Глянез» обращается к декларации нового председателя совета министров. Мы знаем ее, пишет «Глянез», знаем ту «систему», которой намерен следовать господин Сульт, идя по стопам своих предшественников: «во внутренней политике — ожесточенная борьба с печалью, полное пренебрежение к ее интересам и ко всем проявлениям сочувствия к народу. Система коррупции, взяточничества. Преследования всех, кто стоит за дело революции. Убийства, финансируемые из фондов тайной полиции. Во внешней политике — постыдное забвение государственных интересов, усмирение народов, которые начали борьбу, положившись на наши обещания; позорное содружество с палачами этих народов. Унижаемая, оскорбляемая Франция, втаптываемая в грязь».

В феврале 1833 г. «Глянез» выступила с резкой критикой 12-й статьи конституции, которая, как известно, гласила о неприкосновенности «священной особы короля» «Вы говорите, что личность короля неприкосновенна... Под защитой этой бессмысленной фикции король может быть скупым, нечестным, вероломным, может быть вором и убийцей. А если осмелишься сказать, что он убийца, тебя заточат в темницу» [3].

Гранье дважды привлекался к суду за эти статьи. По второму процессу Гранье был приговорен к пятнадцатимесячному тюремному заключению и 4 тыс. франков штрафа. Сначала Гранье был заключен в тюрьму Перраш, где он мужественно продолжал писать. Лионская полиция попыталась вырвать перо из его рук: по просьбе

[1] Либерте — по-французски свобода.

[2] Латинское populus — во французском произношении: попюлюс — значит народ.

[3] «La Glaneuse», № 1415, 7.II.1833, *ibidem*

полицейского комиссара Пра и Вашоп-Эмбера. Адольф Гранье был переведен в Клерво, в департамент Обы, в тюрьму для уголовных преступников [1].

Из других периодических изданий, выходивших в Лионе в период между первым и вторым восстаниями, особенного внимания заслуживают газеты «Эко де ля фабрик» (Эхо шелкоткацкой мануфактуры) и «Эко де травайер» (Эхо работников). К сожалению, мы можем судить о них лишь по отрывкам, перепечатывавшимся в других газетах, и по тем цитатам и оценкам, которые имеются в работах двух историков, изучавших лионскую прессу рассматриваемого периода: Фести и Алязара. Как ни скудны эти ресурсы, они все же позволяют критически отнестись к некоторым оценкам, высказанным Фести и Алязаром.

Попробуем прежде всего суммировать те ценные данные, которые в различных главах монографии Фести сообщаются о газете «Эко де ля фабрик».

Первый этап развития, или роста газеты «Эко де ля фабрик» — это период ее возникновения: октябрь — ноябрь 1831 г. Редактор газеты Фальконнэ, ткач (хозяин мастерской), не состоявший в Ассоциации мютюэлистов. История возникновения газеты и ее позиция в ноябре 1831 г. уже достаточно обрисованы выше.

Второй этап — приблизительно вся первая половина 1832 г. Видаль сменяет Фальконнэ. Газета все еще не является органом мютюэлистов [2]. Она не дает цельного освещения условий труда и жизненных интересов лионских шелкоткачей, отражая в данный период лишь «одну из тенденций»[3] развития профессиональной жизни работников шелкоткацкой мануфактуры. Газета целиком сохраняет свой облик чисто «экономического» беспартийного органа. Провозглашая (в январе 1832 г.), что *единственная* цель газеты заключается в борьбе за улучшение участи «трудящегося класса, гибнущего в в смертельных муках нищеты», редакция «Эко де ля фабрик» с *удивлением* относится (в феврале того же года) к идее учреждения профессиональной ассоциации, объединяющей наиболее нуждающихся работников мануфактуры — «компаньонов» (ткачей-подмастерьев)»[4].

Третий этап — приблизительно со второй половины или последующих месяцев 1832 г. до июля 1833 г.; с 5. VIII 1832 г. газету редактирует Мариюс Шастэн, адвокат, бесплатно сотрудничавший в «рабочей» прессе, фурьерист, но не «правоверный». Подавляющее большинство акционеров состоит, как и раньше, из ткачей — хозяев мастерских. К числу акционеров принадлежат 6 членов совета прюдомов. Видную роль в редакции газеты играет набойщик Ривьер-младший, пропагандист фурьеристских идей. Из лиц, не принадлежавших к составу «работников мануфактуры», в числе акционеров

[1] «Le Bon Sens» № 34, 18 III 1833.
[2] *Festy*, op. cit., p. 104.
[3] Ibid., p. 147.
[4] Ibid., p. 160.

состояли: 2 негоцианта, один врач и... известный английский экономист Боуринг [1].

В конце 1832 г. заметно проявляется недовольство ткачей по поводу умеренности, робости газеты «Эко де ля фабрик» [2]. В то же время, по данным Фести, «уже в декабре 1832 г. частично исчезло... так часто проявлявшееся пренебрежение «Эко де ля фабрик» к *политическим вопросам* [3]. Редактор газеты (gérant) Берже становится мютюэлистом.

В середине 1833 г. местная власть третирует газету «Эко де ля фабрик» как главный штаб стачечников-ткачей [4]. В редакции газеты производится обыск.

Четвертый этап — с июля 1833 до начала 1834 г. После реорганизации Ассоциации мютюэлистов (подробнее об этом факте мы скажем ниже) «Эко де ля фабрик» становится органом мютюэлистов [5]. Одновременно изменяется политическая ориентация некоторых руководящих работников газеты: умеренность «Прекюрсера» их более не удовлетворяет. В начале сентября 1833 г. «Эко де ля фабрик» решительно высказывается о своей солидарности с газетой «Глянез» [6]. В редакции «Эко де ля фабрик» происходит раскол. Часть акционеров покидает этот орган и учреждает (в октябре 1833 г.) новую газету «Эко де травайер», возглавляемую Сиго, Фальконнэ и Шастэном.

Пятый этап — с января 1834 г. «Эко де ля фабрик» не ограничивается сочувствием политическому направлению газеты «Глянез» и ролью пассивного агента республиканской агитации; она сама ведет на своих страницах «открытую и страстную пропаганду» [7].

Итак, в течение двух лет, с конца 1831 до начала 1834 г., лицо газеты «Эко де ля фабрик» до неузнаваемости изменилось: из беспартийного, т. е. фактически орлеанистского, органа она превратилась в рупор революционной республиканской пропаганды. Сфера идеологического и организационного влияния газеты сильно расширилась, и в начале 1834 г. ее название «Эко де ля фабрик», т. е. «Эхо шелкоткацкой мануфактуры», уже не соответствовало ее действительной, более значительной роли.

Устанавливая вехи на пути, пройденном газетой «Эко де ля фабрик», мы пользуемся фактическими данными, собранными Октавом Фести и Алязаром. Но, опираясь на эти данные и немногочисленные выборки из газет «Эко де ля фабрик» и «Эко де травайер», имеющиеся в нашем распоряжении, мы приходим к иным оценкам и выводам по ряду вопросов. Прежде всего следует подчеркнуть, что «Эко де ля фабрик» ни на одном из этапов своего развития не

[1] Ibid., p. 173, note.
[2] Ibid., p. 163.
[3] Ibid., p. 176.
[4] Ibid., p. 167.
[5] Ibid , p. 172.
[6] Ibid., p. 177.
[7] Ibid., p. 301.

была пролетарской, чисто рабочей газетой. Хозяевами газеты были ткачи — собственники мастерских. В борьбе с капиталистами они постепенно сколачивали блок «единого фронта» работников лионской мануфактуры. Таким образом, интересы чисто рабочей массы гор. Лиона с известного времени тоже были частично представлены в этой газете. Но это обстоятельство, разумеется, вовсе не устраняло *существенного* различия между собственником средств производства, т. е. ткачом — хозяином мастерской, и рабочими: подмастерьями, лансерами, учениками и пр.

Чтобы понять эволюцию газеты «Эко де ля фабрик», нужно учесть также и то различие, которое существовало между двумя категориями ткачей-хозяев, т. е. прослойкой «хозяйчиков» и более широким слоем ткачей-полупролетариев. Поскольку до известного времени редакция «Эко де ля фабрик» не испытывала давления со стороны широкой полупролетарской массы, она вполне «закономерно» сближалась с редакцией «Прекюрсера». Но осенью 1833 г. политическое направление газеты «Эко де ля фабрик» изменилось; в ее редакции произошел раскол, появилась новая газета — «Эко де травайер». Едва ли можно объяснить все эти факты, не учитывая возраставшего влияния беднейшей части Ассоциации мютюэлистов. Как бы то ни было, мнение Октава Фести по вопросу о причинах раскола неприемлемо. Констатируя, что Фальконнэ не состоял в Ассоциации мютюэлистов и что, учреждая «Эко де травайер», Фальконнэ желал лишь противопоставить ее газете «Эко де ля фабрик» как орган, *независимый от Ассоциации мютюэлистов*, Фести все же считает, что главной причиной раскола были «личные вопросы».

Характеризуя же направление газеты «Эко де травайер», Фести и Алязар противоречат друг другу. Алязар утверждает, что проблема взаимоотношений между трудом и капиталом ставилась и освещалась в новой газете *резче*, чем в «Эко де ля фабрик»; иначе говоря, в противоположность Фести, он утверждал, что «Эко де травайер» была более «передовой» газетой.

Высказываясь же о редакторе «Эко де травайер», Мариюсе Шастэне, Алязар характеризует его как яростного «противника привилегий класса буржуазии» [1].

Но статья, напечатанная в «Эко де травайер» по поводу годовщины восстания 1831 г., убеждает нас в том, что по крайней мере вплоть до ноября — декабря 1833 г. новая газета была, скорее, орудием притупления классового самосознания, чем средством революционной пропаганды.

«Благодаря мужеству героев, погибших во время восстания, — гласит заметка, — *Ноябрь* начал эру освобождения рабочих. Храбрые в бою, они были великодушными после победы. В похвалу им скажем: нищета локтями сталкивалась с богатством, не произнося слова «раздел». Превосходный пример нравственности богатыря-народа! А вы, которые пережили погибших, вы, более счастливые и не менее доблестные граждане! Ваши враги позабыли о вашем милосердии в тот день, когда миновал страх перед вашей силой. Но ваша *умеренность* собрала вокруг вас, в борьбе за ваше дело, всех тех, в чьей груди бьется сердце человека... Пролетарии всех классов, не забывайте о том, что в течение этих трех дней вы объединились братством оружия и общностью опасности. Сохраняйте же попрежнему ваше единство. От единения зависит ваша *сила*» [1].

[1] *Alazard*, op. cit., p. 34.

* * *

Историками, изучавшими развитие сен-симонизма и фурьеризма во Франции, уже давно обнаружен тот факт, что «к началу тридцатых годов» относится период упадка влияния сен-симонистов и усиления роли фурьеристской школы. В 1832 г. была закрыта газета «Глоб». В сен-симонистской «церкви» произошел окончательный раскол. В том же году сформировалась «социетарная школа», и фурьеристский «Фаланстер» начал быстро распространяться.

Обращаясь к работам, в которых исследуется материал по вопросу о влиянии сен-симонизма и фурьеризма в гор. *Лионе*, мы могли бы ожидать, что на страницах этих специальных исследований мы найдем более точные определения по ряду вопросов, освещенных (более или менее «приблизительно») в *общих* трудах по истории социализма. Однако, как ни ценны те данные, которые собрали Фести и Алязар (мы широко используем их ниже), нельзя сказать, что вопрос об отношении лионских рабочих к сен-симонизму после 1831 г., равно как и вопрос о сравнительном значении сен-симонистской и фурьеристской пропаганды, освещены ими правильно и четко. По выражению Фести, «фурьеристское учение способно было «соблазнять» рабочих так же и даже более, чем сен-симонистская доктрина». Подобную же формулировку мы находим и в работе Алязара. Он пишет, что влияние фурьеризма в 1832—1834 гг. было «aussi décisive», т. е. столь же сильным, решительным, как и влияние сен-симонизма. Поразительно, что оба историка совершенно игнорируют уроки ноябрьского восстания 1831 г. Определяя значение этого восстания, мы в первой части позволили себе высказать тезис, лишь частично обоснованный конкретно-историческим материалом. В самом деле, только теперь, исследуя историю периода 1832—1834 гг., можно вполне убедиться, что «ноябрьское восстание 1831 г. — поворотный момент в истории сен-симонизма».

Присмотримся прежде всего к тем фактам, которые, повидимому, и внушили вышеназванным историкам оценку влияния сен-симонизма в Лионе после 1831 г. Вот эти факты:

1) в 1832 г. «Эко де ля фабрик» защищала сен-симонистов от нападок орлеанистской газеты «Курье де Лион»;

[1] «Le Bon Sens» № 48, I.XII.1833, перепечатка из газеты «L'Echo des Travailleurs».

2) в том же году «Эко де ля фабрик» печатала сообщения сен-симонистов и статьи, свидетельствовавшие о симпатиях и благодарности этой газеты по отношению к сен-симонистам;

3) в течение первых 8 месяцев 1833 г. статьи, в которых проявлялось сочувствие сен-симонизму, не переставали появляться на страницах «Эко де ля фабрик».

Разумеется, все эти данные могли бы свидетельствовать о влиянии сен-симонизма на рабочих, если бы «Эко де ля фабрик» действительно была *рабочей* газетой, но мы уже знаем, что она была органом ткачей — хозяев мастерских и что вплоть до осени 1833 г. «Эко де ля фабрик» не разделяла взглядов революционной газеты «Глянец». Напротив, с известного времени она сблизилась с буржуазным «Прекюрсером», и эта связь сохранилась до тех пор, пока «Эко де ля фабрик» не превратилась в газету мютюэлистской Ассоциации. Продолжала ли «Эко де ля фабрик» печатать статьи, «симпатизирующие» сен-симонизму *после* этой метаморфозы? В работах Фести и Алязара нет никаких данных, позволяющих ответить утвердительно на этот вопрос.

Вместе с тем факты, установленные этими историками, свидетельствуют о том, что даже и в предыдущий период, т. е. до осени 1833 г., «Эко де ля фабрик» была далека от увлечения сен-симонизмом. Сама газета заявляла, что она разделяет не все сен-симонистские идеи [1]. И наряду с заметками, «симпатизирующими» сен-симонизму, «Эко де ля фабрик» еще в 1832 г. печатала восторженные отзывы о «сельскохозяйственной и промышленной ассоциациях, предложенных г. Ш. Фурье». А с января по август 1833г. набойщик Ривьер-младший пользовался страницами «Эко де ля фабрик» для активной фурьеристской пропаганды.

Таким образом даже ткачи-«хозяйчики» (т. е. мелкобуржуазная, а не полупролетарская часть ткачей-хозяев мастерских), повидимому, все более и более заметно освобождались от влияния сен-симонизма после 1831 г.

Просматривая номер за номером газеты, которые по своему направлению или интересам *должны* были бы отмечать все сколько-нибудь важные успехи близких или чуждых рабочему классу идей, мы убеждаемся, что в период 1832—1834 гг. сен-симонизм был совсем не «актуальной темой». Например, газета «Бон санс» не сочла нужным сколько-нибудь подробно комментировать сообщение об отъезде сен-симонистов из Парижа в Лион, хотя и извещала своих читателей о тех оскорблениях и нападениях, которым они, сен-симонисты, подвергались при появлении в Шарантоне [2] и Монтрё [3]. Сообщения о выступлениях сен-симонистов чрезвычайно редки. Какой интерес, в самом деле, могло представлять известие о том, что в Лионе в день казни некоего Гер сен-симонисты задрапировали в черную ткань один из своих домов и вывесили плакат с надписью:

[1] *Festy*, op. cit , p. 157.
[2] «Le Bon Sens» № 18, 5.V. 1833.
[3] «Le Bon Sens» № 12, V. 1833.

«Довольно крови» [1]. Эпизод, единственный интерес которого заключается разве лишь в том, что он характеризует глупость и паникерство лионской полиции, поспешившей «составить протокол».

В ином свете вырисовывается роль фурьеризма в эти годы. Характеризуя влияние сен-симонизма *до* 1831 г., Фести ссылался, между прочим, на «петицию», адресованную в палату депутатов и напечатанную в газете «Глоб»; эта «петиция» была подписана неким «Шарлем Беранже, рабочим-часовщиком» [2]. Фести, повидимому, не знает, что тот же самый «Беранже, рабочий-часовщик», выступил в 1833 г. как убежденнейший приверженец *фурьеристской* школы. В одном из номеров газеты «Бон санс» под видом «письма в редакцию» была помещена большая заметка под заголовком: «О системе Фурье» [3]. В начале «письма» автор говорит об известных фантастических и полуфантастических «пророчествах» Фурье (например, о лимонадных морях и т. п.). По мнению Беранже, читатели сочинений Фурье напрасно придают серьезное значение *этой* стороне учения: сам Фурье, пишет Беранже, не относится серьезно к подобным идеям. «Главное же в системе Фурье («ce qui domine chez M.Fourier»), — это ясно выраженное и очень похвальное желание покончить с неурядицей и злоупотреблениями, царящими в обществе». Кроме того «никогда никто лучше, чем он, Фурье, не постигал всех преимуществ, которые могут быть порождены *ассоциацией*». Беранже отлично понимает, что Фурье учил о переходе к совершенно иному, «лучшему социальному строю».

Напоминая о «коротких» и «разнообразных» сеансах трудовых процессов, проповедуемых Фурье, Беранже сопровождает это замечание характерным комментарием: «...в самом деле, понятно ведь, что бедный индустриал, прикованный с утра до вечера и с детства до старости к одному и тому же месту, механически работающий под давлением жизненных условий, испытывает ко всему этому глубокое отвращение». Досужие люди ничего этого не знают. «Но рабочие-то знают!» В заключение Беранже подчеркивает, что в отличие от всех «сочинителей утопий» Фурье так ясно формулирует цель своего учения, что она сразу становится понятной для каждого: до такой степени она ясно выражена. Беднейшие классы нуждаются не в тех абсурдных поучениях, которые пригоршнями раздают им другие мыслители. Они нуждаются в *обильном минимуме жизненных* средств. И, по мнению Беранже, фурьеристская идея сельскохозяйственной ассоциации указывает практически возможный путь к достижению этого *обильного минимума*.

В Лионе имя Фурье было известно еще со времен революции и империи. Фурье дважды и подолгу останавливался в этом городе, оказавшем на него — mutatis mutandis — такое же решающее влияние, какое Манчестер оказал, позднее, на Энгельса. Видя бедственное положение *широкой* массы работников лионской мануфак-

[1] «Le Bon Sens», № 3, III., 1833.
[2] *Festy*, op. cit., p. 82. note.
[3] «Le Bon Sens», 2 VI 1833, 6-eme supplément industriel du journal.

туры, Фурье обратился к «анализу» причин нищеты, а отсюда и к построению целой системы социальных идей. В 1832—1834 гг. виднейшими пропагандистами фурьеристского учения были Ривьер-младший, Бербрюгже и уже известный нам Мариюс Шастэн, редактор газеты «Эко де травайер», который, однако, не был последовательным фурьеристом. Он пропагандировал преимущественно идею «ассоциации» и идею «аболиции» пролетариата посредством авансирования каждому из социетариев необходимого минимума продовольственных средств, средств производства и жилищных условий.

В сентябре и декабре 1833 г. Бербрюгже выступал с публичными докладами, в которых освещал учение Фурье как теорию уничтожения пауперизма, теорию, реализация которой «гармонизирует» 3 класса общества: «богатый, средний и бедный, прелестью свободного и усердного (passionnée) сотрудничества в одних и тех же работах». По словам Бербрюгже, его доклады собирали большую аудиторию. Бербрюгже писал Фурье в 1833 г., что ему удалось рассеять существовавшие до этого времени в Лионе «глупые предубеждения» против фурьеризма. Фурьеристская пропаганда нашла сочувственный отклик и на страницах газеты «Глянез». Она упрекала правительство в том, что народные деньги тратятся на сооружение фортов вокруг Лиона, вместо того чтобы обратить эти средства на устройство фаланстера.

* * *

Обращаясь к рабочему движению в гор. Лионе за период 1832—1833 гг., следует сказать, что лионские рабочие находились под сильным воздействием описанных идеологических факторов. Еще более влияли материальные условия: тяжкие условия труда, меняющаяся экономическая конъюнктура и т. п. явления, освещенные выше. Вместе с тем само рабочее движение оказывало сильнейшее решающее воздействие на политические идеи и тактику республиканцев, сближавшихся с массой рабочих или, по крайней мере, с некоторыми прослойками работников лионской мануфактуры.

Прежде всего обратим внимание на тот чрезвычайно характерный факт, что за несколько месяцев до реорганизации Ассоциации мютюэлистов пролетарская часть работников мануфактуры попыталась создать с в о ю профессиональную организацию: так называемую Ассоциацию феррандиньеров [1]. Она появилась в феврале 1832 г. Организационный период был, повидимому, продолжительным. Только в мае 1832 г. была избрана «мать» [2] (т. е. тот руководящий центр организации, который должен был получить свои полномочия от достаточно широкого контингента членов).

[1] Слово «феррандиньер» даже в тот период было старинным термином; оно происходило от «férandine», термина, обозначавшего некогда, задолго до лионских восстаний, один из сортов ткани (*Festy*, op. cit., p. 160).

[2] *Festy*, op. cit., p. 161.

Устав общества феррандиньеров, этого чисто *рабочего* профессионального союза, предусматривал регулярные ежемесячные членские взносы по одному франку в месяц и вступительные взносы по три франка. Цель союза — борьба за улучшение условий труда. По уставу феррандиньеров, ткачи не должны были работать больше чем с 6 часов утра до 9 часов вечера в осенний и зимний периоды (с 1 сентября по 1 апреля), а весной и летом — более чем с 5 часов утра до наступления ночи. Ночная работа, за исключением экстренных случаев и при условии дополнительной оплаты, воспрещалась [1].

К сожалению, нам очень мало известно о деятельности феррандиньеров. Работы Фести и Алязара не дают удовлетворительного ответа на спорный вопрос о численности членов этого общества. Известно, что один из современников эпохи, де Жерандо, утверждал, что союз феррандиньеров численно превосходил Ассоциацию мютюэлистов.

Алязар категорически утверждает, что мнение де Жерандо было ошибочным. Он пишет: «К несчастию, до 1834 г. феррандиньеры были немногочисленны». Из списка, хранящегося в Лионском архиве, явствует, что в 1832 г. в Лионе было 55 вновь принятых членов, в 1833 г. — 15, а в 1834 — 39. Но едва ли может быть сомнение в том, что организацию беднейшей части работников мануфактуры нужно рассматривать и изучать отнюдь не с точки зрения документов, подтверждающих формальные моменты (¼ франка единовременного взноса — сумма немалая для ткача-компаньона). Основываясь исключительно на тех списках, о которых идет речь в работах Фести и Алязара, трудно объяснить нижеследующие факты:

1) в августе 1832 г. общество феррандиньеров устраивало вечер («un bal») в одном из кафе, в Бротто [2];

2) в конце января 1834 г. в погребальном шествии (ткачи хоронили одного из своих товарищей) участвовало «более тысячи» феррандиньеров [3];

3) в манифестациях, предшествовавших апрельскому восстанию — подробнее о них мы скажем ниже, — феррандиньеры имели *равное* представительство с мютюэлистами.

Ясно, что они не могли бы претендовать на право равного представительства, если бы число феррандиньеров действительно приближалось к тем ничтожным цифрам, о которых говорят сохранившиеся поименные списки.

Что касается Ассоциации мютюэлистов, то более или менее заметное расширение состава этой Ассоциации произошло, повидимому, не ранее конца 1832 г. В октябре сформировался так называемый «третий централ» — третья центральная ложа Ассоциации.

[1] *Alazard*, op. cit., p. 31—34, 45.

[2] *Festy*, op. cit., p. 161. Попутно следует отметить, что на эту вечеринку прибыли 3 корпорации «de compagnons du Devoir». Незваные гости пришли протестовать от имени всех корпораций «du Devoir» против присвоения феррандиньерами наименования «компаньоны».

[3] «Le Bon Sens», № 6, 9.II.1834.

Каждая «центральная ложа» состояла из представителей от 11 малых лож, численностью по 20 человек. Таким образом в конце 1832 г в Ассоциации было около 660 человек.

По свидетельству Пететена, в феврале следующего, 1833 г. число мютюэлистов возросло до 1 000—1 200 человек. Однако едва ли можно сомневаться в том, что и в этот момент Ассоциация мютюэлистов тащилась в хвосте движения работников шелкоткацкой мануфактуры Как мы уже знаем, вся первая половина 1832 г. характеризуется (во всей Франции) слабым развитием стачечной борьбы. Во второй половине 1832 г., в связи с начавшимся подъемом производства, стачечная борьба в ряде промышленных центров возобновилась. Совсем иную картину представляет шелкоткацкая мануфактура. Лишь в феврале 1833 г. в Лионе началось действительно значительное движение: «довольно сильное брожение», как выражалась одна из газет, пояснявшая кстати, что с ноября 1833 г. не произошло *никакого* улучшения участи ткачей, попрежнему стоящих перед альтернативой: «Жить, работая, или умереть, сражаясь» [1].

Февральские волнения 1833 г. представляют характерный эпизод, ярко освещающий два момента: 1) умеренность и легальность тактики одной из групп работников шелкоткацкой мануфактуры, 2) активность и нелойяльность одной из групп предпринимателей, не пожелавших подчиниться решению совета прюдомов.

Летом 1833 г., в момент еще более высокого подъема шелкоткацкого производства, мютюэлисты совместно с феррандиньерами возобновили борьбу за повышение расценок. Взаимоотношения между ткачами и частью фабрикантов сильно обострились. В первой половине июля группа фабрикантов сговорилась: 1) отклонять все просьбы о повышении расценок на те ткани, которые уже находились в производстве; 2) не вступать ни в какие переговоры с «посредниками» между ними и теми ткачами, которые на них работают.

В ответ на коалицию группы фабрикантов ткачи, частью под влиянием Ассоциации мютюэлистов, частью же по собственной инициативе, прекратили работу[2].

Три ткача были арестованы. Тогда несколько членов совета прюдомов, в том числе и ткачи — хозяева мастерских, обратились к местной власти и добились освобождения арестованных. Но оппортунистическая тактика ткачей — членов совета прюдомов крайне раздражала широкие слои Ассоциации мютюэлистов. Устав Ассоциации мютюэлистов и ее организационная структура явно не отвечали задачам и формам борьбы, в которую теперь снова и решительно вступила активнейшая часть ткачей — хозяев мастерских. Вместе с тем опыт более ранней борьбы за тариф убедил в необходимости организационной подготовки при составлении так называемого «единого тарифа». В специфических условиях шелкоткацкого производства выработка этого тарифа была очень сложным делом.

[1] «Le Bon Sens», № 8, 24.II,1833.
[2] *Festy*, op. cit , p. 167.

Не решаясь на коренную реорганизацию Ассоциации, ее актив все же попытался влить новое вино в старые мехи. К началу августа были сформированы «категории» и синдикаты внутри прежней организации.

«Категории» составлялись из ткачей, занятых производством определенных сортов тканей, с таким расчетом, чтобы 14 категорий могли охватить и предотвратить всю разнообразную и обширную номенклатуру шелковых изделий [1]. Члены «категории» выбирали синдиков. Из объединения синдиков и составлялись синдикаты. Все синдики продолжали числиться в своих ложах. О результатах избрания синдиков сообщалось в центральные ложи. Синдикаты должны были поддерживать связь с центральными ложами, через посредство которых члены малых лож и узнавали, например, о месте и времени собраний синдикатов.

В то же время, т. е. в июле — августе 1833 г., доступ в Ассоциацию мютюэлистов был открыт для неженатых ткачей-хозяев, достигших 25 лет. Если мы вспомним о том, что именно к этому времени относится переход газеты «Эко де ля фабрик» в руки мютюэлистов и ее сближение с газетой «Глянец», то станет ясным, каким важным моментом в кредистории второго восстания являются *лето и осень 1833 г.*

Между тем в 1832—1833 гг. не только шелкоткачи, но и работники других профессий сплачивали свои силы. Фести рассказывает в своей книге о своеобразной ассоциации лионских печатников, организовавших в январе 1833 г. Общество взаимного обеспечения на случай потери работы, учрежденное в пользу рабочих печатников. Инициатором этой организации был Грюардэ. В «открытом письме» к стачечникам-каменотесам, напечатанном в «Эко де ла фабрик», шелкоткачи писали: «Союз, сплачивающий рабочий класс, возник чуть ли не вчера. Ныне же он нерасторжим. Порожденный успехами просвещения и основанный на неоспоримом праве, праве ассоциации, этот союз с течением времени все более и более упрочивается. Священный союз народов будет порожден не менее священным союзом работников» [2].

Связь лионских ткачей с лионскими же рабочими других профессий и с иногородними рабочими установилась еще до осени 1833 г. В городе Сент-Этьене в 1832 г. была организована мютюэлистская ассоциация ленточников. К сожалению, неизвестно, какие причины помешали сближению лионских феррандиньеров с сент-этьенскими товарищами, встречавшими их как будто бы недружелюбно.

Надо иметь в виду, что даже и после восстания 1831 г. некоторые лионские рабочие были способны устраивать междоусобные стычки.

[1] Считая недостаточным то объяснение причин организации категорий синдикатов, которые дает Фести, мы обращаем внимание читателя на «Тариф 1831 г.», документ, свидетельствующий о сложности и обширности этой номенклатуры.
[2] *Alazard*, op. cit , p. 39. Фести *(Festy*, p. 181) приводит только часть этой интересной цитаты.

В сентябре 1833 г. произошло кровавое побоище между сапожниками-подмастерьями и рабочими-кожевниками. Понадобилось вмешательство воинских частей, чтобы ликвидировать этот конфликт [1]. Несколько раньше, 28 августа того же года, произошло кровавое столкновение «леддитского» характера. Четырнадцать рабочих, собравшись под руководством некоего Лафона, напали на грузчиков, сгружавших баржу с сеном близ арсенала, и разогнали артель, применявшую новый способ подъема судов вверх по реке [2].

С конца октября в Лионе поднялась мощная волна стачечного движения. Одновременно с парижскими товарищами прекратили работу лионские портные и сапожники. Далее последовали стачки переплетчиков, слесарей, плотников, каретных мастеров. В атмосфере этой напряженной борьбы возникли новые организации. В начале ноября 1833 г. волочильщики золота, работники кружевного производства и басонщики объединились в союз, названный Обществом объединенных братьев и созданный для совместной борьбы с «чудовищным снижением заработков» [3]. Повидимому, эта ассоциация состояла из очень энергичных и передовых деятелей. Характерно, что не мютюэлисты пригласили их примкнуть к «единому фронту», а, наоборот, именно они, «юнисты», попросили Ассоциацию мютюэлистов «о высоком соизволении» позволить юнистам итти «в ногу» с мютюэлистами по пути к «эмансипации». Юнисты писали: «Мютюэлисты! уже повсеместно известно, что сент-этьенцы объединились с вами. Благоволите же присоединить к вашему союзу и наш союз... Объединимся. Вокруг нас соберутся другие братские ассоциации, чтобы ускорить разрешение промышленной проблемы».

10 ноября 1833 г. на банкете, устроенном в Живоре, состоялась встреча, скрепившая союз лионских мютюэлистов, ленточников Сент-Этьена и мютюэлистов Сен-Шамона (Сен-Шамон — город ленточного производства, в котором, подобно Лиону и Сент-Этьену, были две организации: ткачей — хозяев мастерских и подмастерьев). На банкете присутствовало 230 депутатов от названных корпораций. В конце 1833 или в начале 1834 г. к союзу мютюэлистов присоединились, по примеру юнистов, так называемые «конкордисты», члены союза сапожников, называвшегося «братья согласия» [4]. «Примите семью конкордистов», — писали они, обращаясь к мютюэлистам. Инициатива и в этом случае не принадлежала Ассоциации мютюэлистов.

Между тем рост этой Ассоциации не приостанавливался. С осени 1833 г. в нее вступили молодые ткачи-холостяки. С увеличением числа членов Ассоциации мютюэлистов влияние полупролетарских элементов неизбежно должно было возрастать, поскольку число ткачей-хозяйчиков было очень ограниченным и стабильным. «Внутренний переворот» [1] в Ассоциации становился неизбежным, и он совершился, наконец, в декабре 1833 г. Этот переворот состоял в том, что высшим руководством в Ассоциации овладели передовые члены организации. Еще в начале декабря «для оказания помощи» совету председателей центральных лож был учрежден исполнительный совет, состоявший из 22 человек — по 2 представителя от каждой из центральных лож. Между исполнительным советом и советом председателей центральных лож возникло разногласие на почве оппортунизма членов этого второго совета. Вскоре после учреждения исполнительного совета в Ассоциации мютюэлистов обсуждался вопрос о необходимости приостановки работ в производстве бархата. Совет председателей центральных лож высказался против объявления стачки ткачей бархата. Тогда исполнительный совет потребовал смещения членов совета центральных лож. Большинство членов Ассоциации мютюэлистов поддержало исполнительный совет. Весь совет центральных лож был смещен. Новых выборов не последовало, и таким образом исполнительный совет стал безраздельно управлять всей Ассоциацией. Внешним проявлением описанного сдвига явился уже известный нам факт: поворот газеты «Эко де ля фабрик» к активной пропаганде республиканских идей, т. е. вступление ее в пятый фазис той эволюции, которая была описана выше.

Кроме стачек, банкетов и тех организационных успехов, которые характеризуют, например, эволюцию Ассоциации мютюэлистов, возникновение междугородних связей и пр., важным показателем сплоченности лионских рабочих и их готовности к борьбе были различные манифестации. Шествие феррандиньеров, о котором мы упомянали выше, было вовсе не единственной манифестацией этого рода. Подобное же шествие было организовано в конце ноября 1833 г. по случаю погребения одного сапожника, скончавшегося в городской больнице. Около 900 человек провожало гроб на кладбище Луайас. Сообщая об этом факте, пресса обратила внимание на то обстоятельство, что рабочие шли организованным строем, «взводами», численностью по 20 человек в каждом [2]. Впереди этих взводов шли «начальники» секций. Порядок движения, строгая, чисто военная субординация свидетельствовали, как отмечала печать, о наличии «хорошо обдуманной организации».

В том же месяце по случаю второй годовщины ноябрьского восстания ткачи заказали в церквах предместьев Круа-Рус и Сен-Жорж заупокойные службы в память погибших товарищей. Эти моленья-манифестации вызвали огромное стечение рабочих [3].

Чисто профессиональные манифестации чередовались и смешивались с политическими, республиканскими. В начале ноября того же года состоялась республиканская манифестация на кладбище

[1] «Gazette des Tribunaux», 27 X. 1833.
[2] «Le Bon Sens», № 40, 6 X.1833.
[3] *Alazard*, op. cit., p. 30—34.
[4] «Фрер де ля конкорд» — ассоциация, которая, по мнению Фести, отпочковалась от Общества полного согласия (Société du parfait accord).

[1] «Нечто в роде внутреннего переворота», как выражается Фести, не анализирующий, однако, причины этого переворота (*Festy*, op. cit., p. 310).
[2] «Le Bon Sens», I.XII. 1833.
[3] «Le Bon Sens», № 48.

Луайас, где был погребен генерал Мутон-Дюверне, жертва реакции 1815 г. На кладбище прибыли делегаты различных лионских организаций. Члены Общества прав человека республиканцы Тион, Тифен и Венсан произнесли речи на могиле. Венсан говорил: «Дюверне! Сегодня мы оплакиваем твою могилу, а завтра быть может настанет день национального отмщения» [1].

* * *

Подведем некоторые итоги.

Изучая социально-экономический строй лионской мануфактуры в 1832/33 г., мы убедились, что в *основном* он не претерпел никаких изменений. Конъюнктурные колебания, как и в предшествующие годы, были очень значительными: упадок производства в 1832 г. и новый подъем в 1833 г. представляют два момента, столь же резко отличающиеся один от другого, как отлив и прилив морской стихии. В отличие от периода, предшествовавшего 1831 г., иностранная конкуренция по *некоторым* изделиям шелкоткацкого производства становится явлением, заслуживающим внимания. Но ни размеры конкуренции, ни удельный вес этих «некоторых» статей во всей массе разнообразных лионских шелковых товаров не соответствовали *преувеличенному* представлению об «опасностях», грозящих лионским фабрикантам.

Между тем в 1832/33 г. число механизированных (так называемых жаккардовых) станков несколько возросло; появились и кое-какие другие технические нововведения. Учитывая значение различных факторов, разоривших крестьянство в 1831—1834 гг., можно повидимому, утверждать, что в эти годы рынок рабочей силы в Лионе испытывал еще более сильное давление со стороны «резервной армии», чем в предшествовавшие годы. В середине 1833 г. лионским ткачам удалось добиться временного увеличения расценок. Но это завоевание было очень непрочным. К началу 1834 г. положение их вновь изменилось к худшему. Имеются прямые указания на ухудшение условий труда в других отраслях лионской промышленности в конце 1833 г.

Зимой 1833/34 г. контраст жизненных условий лионской буржуазии и широкой массы городского населения крайне обострился.

Случалось, что по вечерам, когда устраивались балы, толпы голодных рабочих и работниц собирались у подъездов особняков и негодующими возгласами встречали расфранченных «львиц» лионского «общества» и их поклонников.

В борьбе за улучшение своих жизненных условий работники лионской мануфактуры сумели к началу 1834 г. сплотить свои силы. Ассоциация мютюэлистов выросла, окрепла и отстранила оппортунистический совет центральных лож. Наряду с ассоциацией ткачей — хозяев мастерских появились другие профессиональные союзы, не существовавшие до 1831 г. Установилась связь лионских профессиональных союзов с иногородними организациями подобного же типа. Под влиянием фурьеристской пропаганды обострилось понимание переживаемых страданий, как явлений, имманентно связанных с данным *общественным строем*, которому можно противопоставить какой-то иной, принципиально новый социальный порядок. Опыт ноябрьского восстания 1831 г., парижское республиканское восстание 1832 г. и республиканская пропаганда 1832/33 г. превратили «аполитичных» ткачей — хозяев мастерских в убежденных сторонников республиканского строя, понимающих значение политического переворота как одного из главных условий разрешения социальной проблемы.

Наряду с профессиональными организациями в те же годы появились политические организации. Развитие их тормозилось многими объективными условиями. Но к концу 1833 г. лионский филиал Общества прав человека и гражданина — самой сильной республиканской организации (из всех существовавших во Франции в 1830—1833 гг.) — окончательно конституировался.

Но вся сумма перечисленных фактов еще не дает полноценного освещения итогов общественного движения в Лионе к началу 1834 г. Мы охарактеризовали здесь ряд положительных результатов этого движения. Но своеобразная социально-экономическая почва, которая их порождала, вместе с тем создавала и ряд отрицательных явлений. Ассоциация мютюэлистов консолидировалась как союз ткачей-хозяев, следовательно, противоречие между широкой массой чисто пролетарской части работников мануфактуры и остальными социальными прослойками не уничтожилось, но, напротив, усиливалось, поскольку появились две организации: мютюэлистов и феррандиньеров (притом не только в Лионе, но и в соседних городах).

Фурьеристская пропаганда глубоко внедрила идею «ассоциации» в сознание современников: революционных демократов, республиканцев, писавших в газетах «Глянез», «Трибюн», прочих секционеров Общества прав человека и гражданина, работников мануфактуры и ремесленников (ткачей-хозяев, компаньонов, портных, сапожников и пр.). Но в то же время фурьеристская система внушала республиканцам веру в возможность «примирения» интересов труда и капитала. Достаточно сказать, что даже газета «Трибюн» пропагандировала «ассоциацию труда и капитала», в которой труд «имел бы свою долю прибыли». И разве не способствовало увлечение фурьеризмом (вспомним, что в редакциях всех трех газет: «Эко де ля фабрик», «Эко де травайер» и «Глянез», находились активные пропагандисты фурьеризма) известному ограничению размеров и содержания социалистической пропаганды? Поскольку фурьеризм создавал иллюзию разрешения основных социальных проблем и пользовался популярностью в массе трудящегося населения, республиканцы удовлетворялись содержанием этого учения и не искали ничего лучшего. Как бы то ни было, все республиканские брошюры, которые появились в Лионе в 1832—1834 гг. (до апреля) и о которых мы знаем по исследованиям французских историков, подтверждают,

[1] *Girod*, op. cit., I, p. 152.

что лионские республиканцы не пытались искать каких-либо иных, принципиально новых ответов на актуальные вопросы социальной тематики, волновавшей массу. Основная идея «Республиканского катехизиса» (изданного «Гляпез») сводилась к формулировке, уже вполне осознанной огромным контингентом рабочих: «Для того чтобы разрешить социальную проблему, следует прежде всего разрешить политический вопрос». Смело и ярко была написана брошюра Жозефа Бефа, «пролетария», бывшего редактора эфемерной газетки «Фюрэ», приговоренного к трехлетнему тюремному заключению и огромному штрафу (2 500 франков). Не менее замечателен и памфлет Гриньона: «Размышления рабочего-портного, или Обращение к рассанкюлоченному Равенству, временно, благодаря 219 мошенникам, являющемуся королем французов». Король французов недвусмысленно третируется Гриньоном в качестве вора, и ему предсказывается «участь тиранов»: «Еще несколько дней, и твоя чудовищная, ненавистная власть будет свергнута. Еще несколько дней, и народ, который ты обворовываешь, проснется. Пробудившийся лев сбросит ярмо. Тебя же заставят предстать перед лицом всемогущего и непреклонного судилища».

Мы видим, что в этих брошюрах не было недостатка смелости. Но по крайней мере впредь до появления более тщательного исследования лионских брошюр 1833/34 г. мы должны констатировать, что буквально ни одного *равного* по смелости, *социалистического* произведения не имелось в числе лионских республиканских изданий 1832/34 г.

Появление лионского филиала Общества прав человека и гражданина мы охарактеризовали как факт крупного положительного значения. Но вместе с тем следует учитывать и все слабые, отрицательные стороны этой организации. Достаточно сопоставить этапы развития лионского Общества прав человека и гражданина и этапы развития рабочего движения в Лионе, чтобы понять сравнительное *отставание* организационного роста республиканской партии. Заметное оживление республиканской пропаганды наступает лишь в январе 1834 г.

Следуя примеру парижских и руанских республиканцев, лионцы тоже попробовали распространять свои республиканские брошюры при помощи «глашатаев». Утром 13 января 1834 г. на площади якобинцев появился первый из этих «глашатаев». От прочих обывателей он отличался теми же признаками, что и «глашатаи» в других городах, т. е. характерной клеенчатой шляпой и соответствующей надписью на пей [1]. Вместе с глашатаем появилась группа республиканцев (около 30 человек), вооруженных заостренными тростями.

Появление полиции привело в смущение некоторых республиканцев. Но один из них тут же на глазах полиции смело начинает раздавать прохожим принесенную литературу. Его арестуют и уводят в ратушу. Республиканцы решают вторично выслать «глашатаев» в ближайшее воскресенье и, в случае необходимости, отразить насилие силой. Но накануне этого вторичного выступления появилось постановление лионского мэра (Прюнеля), разрядившее атмосферу конфликта. «Глашатаи» могли свободно раздавать или продавать республиканские издания, при условии их предварительного просмотра соответствующими лионскими властями. По утверждению «бесподобного» орлеаниста Монфалькона, третировавшего постановление мэра как вредную уступку республиканцам, легализованные «глашатаи» сумели быстро распространить около 12 тыс. экземпляров различных брошюр. Спустя несколько дней республиканцы решили заменить клеенчатые шляпы своих «глашатаев» красными «фригийскими» колпаками. Но префект решительно воспротивился этой манифестации. И так же, как в дни борьбы за организацию республиканского банкета в 1833 г., часть лионских «вождей» отступила перед постановлением префекта. «Прекюрсер», республиканская газета, редакция которой была колыбелью лионского Общества прав человека и гражданина, поспешила осудить предполагаемую демонстрацию «фригийского колпака» и отмежеваться от инициаторов этого выступления.

Весь этот эпизод лишний раз убеждает в том, что разногласия между различными группами республиканцев ни в какой мере не устранялись тактикой «слияния», создавшей лишь вредные иллюзии единства и силы партии. Наряду с субъективными недостатками виднейших лионских республиканцев, наряду с пренебрежительным отношением к основным социальным проблемам (рабочий и аграрный вопросы), крупнейшим отрицательным явлением в развитии республиканской партии следует, конечно, признать эту пагубную тактику в организационном вопросе: вожди лионской революционной демократии широко открывали двери оппортунистам и очень плохо «сливались» с рабочей массой.

Таковы были, в общих чертах, итоги общественного движения в Лионе к началу февраля 1834 г. — другими словами, ко времени того знаменательнейшего события, которое бесспорно можно рассматривать как экзамен организационной и политической зрелости лионской демократии. Мы имеем в виду всеобщую стачку ткачей в феврале 1834 г.

[1] *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 196—197.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИОН И СЕНТ-ЭТЬЕН В ФЕВРАЛЕ И МАРТЕ 1834 г.

С февраля 1834 г. взаимоотношения партии золотой середины и революционной демократии вступили в новый фазис, исключавший возможность продолжения борьбы старыми средствами. Февраль был чреват волнующими событиями; важнейшие из них: всеобщая стачка ткачей в Лионе, «беспорядки» в Сент-Этьене и Париже и вторичная савойская экспедиция.

Правительство июльской монархии стало готовиться к разгрому революционного движения. Половину своей стотысячной армии оно расставило в тех местах Франции, которые считались наименее благонадежными [1]. Мысль об издании закона против стачек была оставлена. Это мероприятие показалось недостаточным, и правительство при активнейшем содействии Тьера занялось подготовкой другого, гораздо более действенного и важного закона, грубо нарушавшего хартию. Речь шла о воспрещении каких бы то ни было профессиональных и политических объединений.

Орлеанисты ясно осознали свои задачи и с февраля 1834 г. твердой поступью пошли по пути к их скорейшему решению. Но можно ли сказать, что вождям революционной демократии были присущи такие качества, как решительность, уменье ориентироваться в меняющейся обстановке, политическая дальновидность и пр.? В истории февральской стачки мы найдем ответ на этот вопрос.

В начале первого квартала 1834 г. произошло некоторое сокращение шелкоткацкого производства. Ниже мы рассмотрим спорный вопрос о конъюнктуре этого триместра в целом. Здесь же достаточно указать, что даже газета «Эко де ля фабрик» не отрицала некоторой заминки производства в начале 1834 г. Но фабриканты нашли выход из затруднений: они понизили расценки даже на те изделия, которые хорошо продавались. Снижение коснулось плюшевых товаров. Между тем в течение нескольких лет расценки по плюшевым тканям и без того сильно упали (с 5—6 до $2^1/_2$—3 франков за аршин). Не считаясь с этим обстоятельством, фабриканты, занятые производством плюша, объявили о новом снижении расценок, по 25 сантимов с каждого аршина.

[1] Арх. МИД, 1834, № 144, Pozzo à Nesselrode, I III 1834.

Конфликт, возникший между ткачами плюша и фабрикантами, был тотчас же рассмотрен советом прюдомов, который и решил дело в пользу фабрикантов. Тогда синдикат плюшевых тканей обратился к исполнительному совету Ассоциации мютюэлистов с просьбой санкционировать частичную стачку: остановить станки, вырабатывавшие плюш. Просьба была удовлетворена. 7 и 8 февраля, по постановлению исполнительного совета, остановилось 800 станков. Тем временем расценки снизились и на шали. Синдикат шалей не решился остановить все станки, производившие этот товар. Он хотел наказать лишь инициаторов понижения заработной платы, надеясь, что такая осторожная тактика скорее увенчается успехом. Но фабриканты не шли ни на какие уступки. Тогда ткачи решили противопоставить блоку нескольких десятков фабрикантов всю силу своих организаций (мютюэлистов и феррандинёров). Весьма вероятно, что Ассоциация опасалась всеобщего снижения расценок. Как бы то ни было, исполнительный совет предложил всем малым ложам обсудить его решение об объявлении *всеобщей* стачки. 13 февраля предложение было принято. 1 297 мютюэлистов голосовали за стачку, 1 044 — против стачки. Как видим, победило лишь незначительное большинство. На следующий день кое-кто из ткачей-хозяев попробовал продолжать работу. Но штрейкбрехерские покушения были немедленно ликвидированы, и 14 февраля в разных частях города почти одновременно остановились все станки.

Всеобщая стачка как новое средство борьбы всей корпорации за интересы одной ее части, напряженная политическая конъюнктура, провокационные выходки орлеанистской печати, заявлявшей, например, что «в тысячу раз меньшим злом было бы настоящее восстание, чем постоянное ожидание восстания», — все это стремительно превращало частный социально-экономический конфликт в острый политический кризис. Пролетарские элементы мануфактуры требовали решительных выступлений. Юные лансеры в первый же день забастовки устроили демонстративную «игру в восстание», в clos Casati [1]. Лионский филиал Общества прав человека и гражданина предложил своим секциям начать «перманентные заседания». Но тут-то и обнаружилось, как далеки были многие вожди и целые прослойки лионской демократии от желания начать восстание или хотя бы использовать ситуацию для резкой политической демонстрации. Прошло два дня. Четыре десятка руководителей лионских республиканцев заседали «днем и ночью». И лишь 17 февраля местная карлистская газета, с жадностью ловившая всякую новость, неприятную для правительства, могла установить, что внешние признаки политического кризиса (сборища на площадях Терро, Бернардинов и в Круа-Рус, революционные песни, республиканские возгласы) впервые проявились вполне определенно. На следующий же день,

[1] «La Quotidienne», № 51, 20.II,1834. Перепечатка из лионской «Gazette du Lyonnais».

18 февраля, в городе создалось убеждение, что вопрос о заработной плате совершенно отодвинут в сторону (так думал, например, Луи Перрен, известный лионский издатель) [1]. Однако большинство мютюэлистов отнюдь не ставило перед собой каких-либо иных задач, кроме борьбы за повышение расценок. Выяснилось даже, что меньшинство, выступавшее против стачки, приобрело к 18 февраля новых сторонников. Ассоциация мютюэлистов воспретила ткачам—хозяевам мастерских отпускать учеников и лансеров на улицу [2]. Между тем в среде лионских республиканцев тоже произошел раскол. Часть вождей заняла выжидательную позицию: ждали ответа из Парижа, куда была послана делегация для совещания с Кавеньяком, Гинаром, Гарнье Пажесом и Кабе. Другая группа вождей не только не готовилась к каким-либо выступлениям, но высказалась даже за прекращение стачки ткачей. В качестве «группы частных лиц» эти вожди обратились к «господам членам исполнительного комитета Общества мютюэлистов» с открытым письмом, в котором осуждалась тактика исполнительного комитета. Полный список имен, фигурировавших под этим письмом, кажется, никогда не приводился в исторической литературе. Мы находим здесь 10 подписей: Ш. Депюли, Филибар Перрен, Жозеф Эстьенн, Ривьер-младший, Мишель Анж Перье, Леон Фавр, Теодор де Сейн, Контен, Огюст Бонну и, наконец, Ансельм Пететен, редактор газеты, опубликовавшей письмо [3]. После всего сказанного о позиции газеты «Прекюрсер» в ноябрьские дни не приходится удивляться, что буржуазный республиканец Пететен находился именно в этой группировке. Но замечательно, что тут мы видим и М. А. Перье, героя восстания 1831 г. и члена «невидимого комитета», этого, по идее, боевого партийного центра; тут же мы встречаем и Т. де Сейна, члена открытого и тайного комитетов Общества прав человека и гражданина; Ривьера-младшего, активного пропагандиста фурьеристских идей, и т. д.

Несколько времени спустя еще два члена «невидимого комитета» присоединили к письму свои подписи. Это были Арлес Дюфур и Жюль Фавр.

Третья группировка республиканцев решила действовать. Она попыталась «раскачать» республиканские организации в городах Сент-Этьене и Сен-Шамоне. Как реагировали на эту попытку в Сент-Этьене, будет видно из нижеследующего очерка. Здесь же следует сказать, что, не дожидаясь поддержки названных городов, кучка лионских республиканцев возглавила ряд антиправительственных демонстраций, состоявшихся 17 и 18 февраля. Вот что рассказывали об этих демонстрациях современники и очевидцы событий.

17 февраля вся площадь перед городской ратушей была занята толпой народа. В седьмом часу вечера 400 человек организованно

[1] «Lettre de L. Perrin à Th. Mermet», 18.II.1834, «Revue d'Histoire de Lyon, t. IV (1905), p. 150—151.
[2] «La Quotidienne», № 53, 22.II.1834. Перепечатка из лионской газеты «Réparateur».
[3] «La Quotidienne», № 54, 23.II.1834

отошли в сторону и двинулись по набережной Сент-Антуан, распевая карманьолу, старый революционный мотив, но с новыми словами [1]. Демонстранты шли на площадь Белькур, и, когда они прибыли в этот аристократический квартал, число их увеличилось до 1 200 человек. Шествие колонны было внезапно остановлено оратором — одним из вождей демонстрантов. «Мы хотели устроить манифестацию, — сказал оратор. — Мы хотели доказать нашим согражданам, что наше дело есть народное дело. Надеемся, что это доказано. Остается лишь убедить наших клеветников в том, что *мы сами враги беспорядка*. Поэтому разойдемся, а завтра все должны явиться на тот же сборный пункт, как и сегодня».

18 февраля демонстрация повторилась. Вождь демонстрантов стал в центре площади и крикнул: «Пусть добрые граждане приблизятся ко мне». Тогда оба крыла колонны совершили чисто военный маневр: они построились, как воинская часть, когда ей командуют: «Направо и налево, делайте круг!»

Оратор заговорил. В заключение он опять предложил демонстрантам разойтись по домам и отдохнуть.

Третья встреча была назначена на площади Префектуры в 7 часов следующего утра. Надменное отношение власти к рабочим и республиканцам сменилось чувством страха. На улицах появились пикеты солдат. Впрочем, эти пикеты были немногочисленны. Не потому ли, что власти боялись влияния республиканцев на солдат и предпочитали не выпускать их из казарм? Следует заметить, что в дни февральских волнений публично проявились симпатии некоторых воинских частей к ткачам, или «каню», как они назывались. «Газет лю Лионне» с негодованием описывала встречу рабочих с драгунами на площади Терро. Рабочие крикнули: «Да здравствуют драгуны!» Драгуны ответили: «Да здравствуют каню!» и, взявшись с ними за руки, прошлись в этом положении по улицам [2].

Фабриканты же были так перепуганы, что многие из них спешно выехали из Лиона. Немало лионских фабрикантов появилось в г. Треву, в соседнем департаменте [3].

К 18 февраля из Парижа прибыл лионский мэр, доктор Прюнель. Роль Прюнеля в истории лионских движений можно было бы сравнить с ролью отца Гамлета, если бы не этот февральский эпизод: в дни восстаний 1831 и 1834 гг. Прюнель отсутствовал, и вообще значительную часть времени он проводил в Париже. Для краткой характеристики этого деятеля достаточно привести отзыв Стендаля, который писал, что «господин Прюнель — человек тонкий, ум которого мне очень нравился, ужасно безобразный и впоследствии прославившийся как продавшийся депутат»...

Следует заметить, что в марте 1831 г. Прюнель решительно возражал против сооружения фортификаций и превращения Лиона в крепость. Как известно, фортификации были задуманы, а потом

[1] «La Quotidienne», № 55, 24.II.1834.
[2] «La Quotidienne», № 54, 23 II 1834.
[3] «La Quotidienne», № 56, 25.II.1834.

и выстроены в Париже и в Лионе главным образом для борьбы с восстаниями. Проект сооружения фортификаций вызвал в обоих городах сильнейшее движение протеста демократических слоев населения. Как «человек тонкий» Прюнель понимал, какую популярность он приобретал, выступая против проекта, и он написал Сульту письмо, в котором указал на тяжкие экономические последствия превращения Лиона в крепость [1]. Прибыв в Лион, Прюнель опубликовал курьезное воззвание, в котором он даже не решился признать республиканский характер движения. Тысячная толпа, собравшаяся перед ратушей, издавала, писал он, «возгласы, смысл которых нельзя было уловить». Никаких угроз по адресу республиканцев в воззвании не было, и лионская буржуазия возмущалась мягкостью Прюнеля. Между тем начались аресты [2]. Власть осмелела, узнав, что большинство мютюэлистов не поддерживает политических лозунгов и настроено в пользу прекращения стачки.

19 февраля в Ассоциации мютюэлистов произошло вторичное голосование, и 1382 члена этой организации высказались за возобновление работ. Только 545 ткачей — хозяев мастерских стояли за продолжение стачки. Но иначе отнеслась к этому вопросу вся корпорация феррандиньеров. Пролетарская, наименее обеспеченная часть работников мануфактуры агитировала за доведение всеобщей стачки до победного конца. И когда ткачи—хозяева мастерских приступили к работам, феррандиньеры, продолжавшие бастовать, разбежались по мастерским, чтобы остановить станки [3]. Произошли даже кровавые столкновения между мютюэлистами и феррандиньерами. Но положение было непоправимо. Местная власть могла смело применять силу оружия для расправы с феррандиньерами: соглашательская прослойка «каню» объективно стала союзником префектуры.

23 февраля все станки как в городе, так и в предместьях возобновили работу, приняв условия, выдвинутые фабрикантами.

Как же оценивали мютюэлисты опыт этой всеобщей стачки? Замечательно, что газета «Эко де ля фабрик», вступившая в январе на путь активной республиканской пропаганды, напечатала после февральской стачки такую статью, под которой охотно подписался бы любой соглашатель из лагеря буржуазных республиканских фразеров, являвшихся лишь помехой революционного движения. По мнению «Эко де ля фабрик», февральская стачка лучше всего показала, как необходимо рабочим «*мирно* заниматься промышленной организацией» [4]. «Эко де ля фабрик» рекомендовала своим читателям «еще раз обдумать идеи фаланстерской школы», советуя почитать брошюру, написанную фурьеристом Бербрюгже.

Рассказывая об исходе февральской стачки, Фести подчеркивал то обстоятельство, что ассоциация типографских рабочих и так называемые юнисты оказали материальную помощь пострадавшим забастовщикам. Названный историк усматривал в этом факте признак укрепления солидарности «рабочих». Но мы убедились, что февральская стачка доказала и слабость «солидарности», отсутствие единства. На наш взгляд, главное значение февральских событий в Лионе и заключается именно в том, что они убедительно продемонстрировали незрелость, недальновидность и небоеспособность вождей лионской революционной демократии, оппортунизм значительной части мютюэлистов и те отрицательные стороны фурьеристской пропаганды, о которых мы уже сказали выше.

* * *

События, происходившие в Сент-Этьене, ближайшем к Лиону промышленном городе, в феврале и апреле 1834 г. можно понять при внимательном изучении особенностей местной жизни.

Город Сент-Этьен расположен в 60 *км* от Лиона. На 64 тыс. жителей этого города (с предместьями) приходилось около 23 тыс. рабочих. Из них 8 тыс. человек были заняты в ленточной мануфактуре, 5 тыс. — в оружейном производстве, 5 тыс. — в металлургической и металлообрабатывающей промышленности, остальные — в других профессиях. Обычно указывают, что Сент-Этьен, подобно Лиону, был не фабричным, а мануфактурным городом. Мы отнюдь не оспариваем правильность этого утверждения, но, подчеркивая сходство между лионской шелкоткацкой мануфактурой и сент-этьенской мануфактурой шелковых лент, нельзя не отметить и некоторых существенных отличий. Сент-этьенские фабриканты (владельцы раздаточных контор) снабжали ткачей не только сырьем, но также образцами и «картонами»[1]. Поскольку этот обычай был общепринятым, можно утверждать, что так называемый жаккардов станок был широко распространен в Сент-Этьене в 1833 г. Беспрерывное снижение расценок продолжалось уже в течение 7 лет, предшествующих 1834 г. Изучая движение цен на сырье и опираясь на признания самих коммерсантов [2], можно утверждать, что Гоннар, исследователь местных материалов, допустил ошибку, объяснив снижение расценок удорожанием сырья. В течение целого ряда лет сохранялась блестящая рыночная конъюнктура. Правда, внутреннюю конкуренцию в самом городе сильно обостряли те рыцари быстрой наживы, которые по дешевке скупали так называемое краденое сырье, «отжатое» красильщиками в свою пользу. Но именно эти проделки в соединении с широким применением жаккардова

[1] «Le Précurseur», Supplément au «Précurseur» des 16 et 17.III.1831.
[2] «La Quotidienne», № 54, 23 II 1834.
[3] «La Quotidienne», № 57, 26 II.1834.
[4] *Festy*, op. cit., p. 311.

[1] *Gonnard*, Les passementiers de Saint-Etienne en 1833 (Revue d'hist de Lyon, 1907, p. 88). Ср. *Gras*, op cit, p. 586.
[2] Национальный архив, F^{12} 2298. Extrait des délibérations совещательной палаты гор. Сент-Этьена гласило, между прочим, что «les rubans de cette fabrique de St. Etienne conservaient encore leur supériorité sous le double rapport des prix et de la bonne confection». Цит. документ относится к 1829 г., когда уже начиналось снижение расценок.

станка и хорошими условиями рынка быстро обогащали сент-этьенских фабрикантов. Некоторые из них занимали по 100 станков. Из 400 избирателей Сент-этьенского округа (а избиратели являлись, как известно, самыми богатыми жителями Франции) 33 принадлежали к корпорации местных фабрикантов шелковых изделий (лент, галунов и шелковой пряжи). Весьма вероятно, что и корпорация ткачей — хозяев мастерских в Сент-Этьене отличалась от соответствующей прослойки в Лионе относительно бóльшим числом зажиточных хозяйчиков. Что касается иностранной конкуренции, то лишь с 1832 г. она стала отличаться заметным развитием. Так например, французский импорт швейцарских лент в 1831 г. оценивался суммой 1 081 800 франков. В следующем году он увеличился до 1 482 120 франков. Между тем импорт швейцарских шелковых *материй* не увеличился, а сократился с 18 300 до 12 тыс. франков [1].

Фести осветил развитие организации мютюэлистов в Сент-Этьене, показав черты сходства в движениях лионских и сент-этьенских ткачей. В период возникновения (1832 г.) Ассоциация сент-этьенских басонщиков — хозяев мастерских не преследовала никаких иных задач, кроме взаимопомощи. Затем начался фазис борьбы за повышение расценок. Оппортунистическое руководство вскоре стало испытывать давление со стороны более решительных ткачей-хозяев. Позднее Ассоциация басонщиков — хозяев мастерских реорганизовалась и приняла новое наименование: Сосьете женераль де пассемантье, не разрушив, однако, старой организации (мютюэлистского общества басонщиков), которая сохранилась внутри Сосьете женераль как подчиненная организация. Движение в пользу введения общеобязательного тарифа началось в мае 1833 г [2]. С первых же шагов обнаружился весь оппортунизм, вся умеренность синдиков, избранных, разумеется, из среды «почтенных» ткачей-хозяев. Исследователь местных архивных материалов Гоннар отмечает важную черту: недоверие ткачей-рабочих к ткачам — хозяевам мастерских. Особая «биржа труда» (bureau de placement), управляемая «матерью» басонщиков, должна была играть роль посредника между простыми ткачами-рабочими и ткачами — хозяевами мастерских [3]. Ткачи-хозяева, отказывавшиеся вступать в обновленную ассоциацию басонщиков, подвергались воздействию со стороны работающих у них ткачей, прекращавших в этом случае свою работу. Так поступили, например, с неким Дюфуром, хозяином мастерской, бывшим, кстати сказать, муниципальным советником в Монто.

Однако политическое развитие басонщиков находилось на очень низком уровне. Ответственность за эту политическую отсталость ложилась, конечно, на местных республиканцев и особенно на главу организации, Марка Коссидьера, того самого Коссидьера, который после февральской революции 1848 г. был префектом полиции в Па-

[1] «Le Fédéral», № 7, 24.I.1834. «Extrait du Constitutionnel Suisse de Zurich».
[2] *Festy*, op. cit., p. 185. Ср. *Gras*, op. cit., p. 590, где сообщается о более ранних выступлениях с требованием тарифа.
[3] *Gonnard*, op. cit., p. 91.

риже. «Чувственный и остроумный, старый завсегдатай бесчисленных кафе и кабачков, живший сам и дававший жить другим, при этом по-военному отважный, скрывая под добродушным видом и свободой манер *большую проницательность, лукавую рассудительность* и тонкий дар наблюдения, он обладал известным революционным тактом и революционной энергией... Он тотчас же организовал себе военную силу, обеспечил за собой газету, стал устраивать клубы, распределил роли и вообще действовал в первый момент с большой уверенностью. В 24 часа он превратил префектуру в крепость, в которой он мог не страшиться своих врагов. Но все его планы остались либо простыми проектами, либо сводились на практике к голым безрезультатным плебейским выходкам... 15 мая он благоразумно воздерживается от выступления и старается весьма недостойным образом выгородить себя в палате депутатов; 23 июня он оставляет инсургентов на произвол судьбы» [1]. Такова позднейшая характеристика Коссидьера, Коссидьера эпохи февральской революции. В основном она верна и для 1833—1834 гг., когда рисовальщику Марку Коссидьеру, женевцу по происхождению, было 26—27 лет [2] *и когда у этого атлета бурные приливы революционной энергии* чередовались с периодами бездействия и лени. Важную черту в политической биографии Коссидьера представляет то обстоятельство, что он очень долго, по крайней мере до начала 1834 г., предпочитал Карбонаду другим республиканским организациям. Тифен, друг и соратник Коссидьера, *даже после восстания* 1834 г. утверждал, что он принадлежал не к Обществу прав человека, а к Карбонаде [3]. Как бы то ни было, карбонарские группировки, существовавшие в городах Сент-Этьене и Монбризоне, в январе и феврале 1834 г. стали целиком или частично превращаться в секции Общества прав человека. Доктор Лефран учредил разветвления этого общества в гор. Сен-Шамоне, а Берлие — в гор. Монбризоне. Сам Коссидьер агитировал в Рив де-Жье, Сен-Бонне-ле-Шато и др. Общее число членов секций и филиалов в департаменте Луары не установлено Касаясь вопроса о сент-этьенской организации Общества прав *человека и гражданина в начале февраля* 1834 г., «Глянец» сообщала, что сент-этьенцы *надеются* иметь в ближайшее время больше 50 секций, т. е. более тысячи членов.

Как истинный карбонарий Коссидьер едва ли понимал необходимость сближения с широкой рабочей массой. Правда, в конце 1833 г. он написал воззвание, в котором связывались задачи политической борьбы республиканцев с задачами борьбы за улучшение участи рабочего класса. Воззвание разоблачало попытку местной власти создать своего рода «зубатовские» союзы басонщиков, союзы «независимых работников или тех, кто хочет быть независимым» [4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. VIII. Критика и рецензии «О книгах А. Шеню и Л. де ля Одда», стр. 305.
[2] «Biographie des accusés d'avril», p. 54
[3] *Girod*, op. cit., t. I, p. 317.
[4] *Gonnard*, op. cit., p. 100

Но никаких прочных связей с рабочей массой у Коссидьера не было, и, таким образом, февральские волнения, вспыхнувшие в Лионе, застали вождя сент-этьенских республиканцев врасплох. Тифен, бывший в этот момент в Лионе, напрасно ждал ответа на свои письма, адресованные Коссидьеру. Извещая его о начале всеобщей забастовки лионских ткачей, Тифен в энергичных выражениях пер-дюшенского «стиля» настаивал на немедленном ответе [1]. Но «лентяй» Коссидьер выступил лишь тогда, когда подавляющее большинство лионских мютюэлистов уже высказалось за прекращение стачки. Это решение мютюэлистов было принято 19 февраля. А Коссидьер лишь вечером 20 февраля появился на улицах Сент-Этьена во главе республиканцев-демонстрантов, числом около 150. Волнения продолжались всю ночь. На следующий день около 5 часов дня, когда все сент-этьенцы уже знали об окончании забастовки в Лионе, сторонники Коссидьера собрались в кафе, встретились здесь с Нико и Корреа, лионскими делегатами, и вечером повторили манифестацию с пением Карманьолы и криками «Да здравствует республика!» они прошли мимо городской ратуши. Полиция арестовала руководителей, в том числе Коссидьера и Россари, владельца кафе, в котором собирались республиканцы. Толпа пыталась освободить арестованных; в полицию кидали камнями. Но запоздалое выступление сент-этьенских республиканцев, не имевших организационных связей с рабочими, не встретило поддержки со стороны широкой массы трудящегося населения.

* * *

Февральские волнения создали повод для продвижения законопроекта о запрещении союзов и превращения его в официально оформленный закон. Республиканская пресса немедленно же откликнулась на это контрреволюционное покушение.

Еще за пять дней до начала обсуждения законопроекта в палате депутатов, а именно, 6 марта 1834 г., лионская газета «Глянец» сообщила о том «негодовании», которое возбуждает готовящееся покушение у «франкмасонов, мютюэлистов, юнистов, феррандиньеров, конкордистов, членов Общества прав человека, Союза независимых и всех членов множества других открытых или тайных обществ». Но правительство не обращало внимания на протесты республиканцев. Дискуссия по вопросу о новом законе продолжалась в палате депутатов с 11 по 26 марта. Едва ли нужно говорить, что с каждым днем политический кризис все более и более обострялся. Лионские фурьеристы, размечтавшиеся о «мирном развитии промышленной организации», должны были прозреть и изменить тон и содержание своих выступлений. И в самом деле, на страницах «Эко де ля фабрик» появились угрожающие статьи. «Люди, стоящие теперь у власти..., хотят создать себе закон о подозрительных, направленный против рабочих, но народ разобьет их законы... Правительство сеет семена грозы. Ну, что же, пусть оно пожнет бурю, и новый... июль отлично может второй раз дать Европе зрелище драмы, не менее славной и еще более плодотворной по своим результатам, чем июль 1830 г.» [1]. Лионский филиал Общества прав человека и гражданина не только протестовал против этого закона «о подозрительных», но и открыто провозгласил о своем намерении не подчиняться закону: «à exister comme par le passé, quoi qu'il advienne» (существовать так же, как и раньше, что бы ни случилось). Не менее решительно высказалась и Ассоциация мютюэлистов: 2 544 членов этой организации подписали протест, недвусмысленно выражавший их готовность любыми мерами отстаивать завоеванное «право союзов».

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 318.

В последних числах марта умер один лионский ткач. Его погребение превратилось в внушительную манифестацию единства и организованности ткачей. Они шли на кладбище стройной колонной. Союз феррандиньеров и Ассоциация мютюэлистов были равномерно представлены в этой колонне: в каждом ряду было по 2 мютюэлиста и по 2 феррандиньера [2]. Полицейский комиссар Менуйяр, появившийся в сопровождении отряда солдат, попытался вмешаться в манифестацию. Между прочим он требовал снятия отличительных знаков компаньонажа (ношение которых было воспрещено специальным ордонансом). Но в рядах манифестантов не произошло никакого замешательства; не обращая внимания на требования комиссара, они спокойно продолжали итти своей дорогой.

Приближался критический момент развязки политического кризиса. В начале апреля должен был состояться суд над мютюэлистами, привлеченными по делу о февральской стачке. А в конце первой декады апреля законопроект о воспрещении ассоциаций должен был поступить на обсуждение палаты пэров.

Раньше чем перейти к описанию этих нескольких дней, вплотную подводящих нас к апрельскому восстанию, остановимся вкратце на том вопросе, который только теперь, в свете общего очерка лионской жизни в феврале и марте 1834 г., может быть вполне правильно поставлен и разрешен. Мы имеем в виду вопрос о конъюнктуре шелкоткацкого производства в первом квартале 1834 г. и в частности накануне апрельского восстания, т. е. в марте и первых числах апреля 1834 г.

Присматриваясь к статистическим данным о торговле шелковыми тканями в 1833 и 1834 гг., мы бесспорно должны признать, что годовые итоги 1834 г. были менее благоприятными для фабрикантов, чем итоги предшествующих 12 месяцев. Вывоз шелковых тканей в 1833 г. оценивался рекордной цифрой — 138,9 млн. франков; ценность экспорта 1834 г. не превосходила 112,1 млн. франков. Но какое же значение имеет эта последняя цифра в оценке *весенней* конъюнктуры?

[1] *Festy*, op. cit., p. 319. Сокращенно цитируем неполный отрывок, приводимый Фести из «Эко де ля фабрик» от 16.III.1834.

[2] «Le Bon Sens», № 15, 13.IV.1834.

Раньше чем ответить на этот вопрос, мы должны обратить внимание на то обстоятельство, что на итогах 1834 г. в сильнейшей степени отразились перебои производства, непосредственно не обусловленные состоянием рынка.

Шелкоткацкие станки совершенно не работали ни во время февральской стачки, ни в дни апрельского восстания. Многие ткачи погибли в этом продолжительном и ожесточенном бою; аресты и эмиграция еще более сократили контингент работников мануфактуры. Кроме того после разгрома апрельского восстания вовсе не последовало того подъема производства, о котором мечтали фабриканты. Прошло *полгода* с тех пор, как апрельское восстание было подавлено, и между тем «нормальная» торгово-промышленная жизнь Лиона все еще не восстанавливалась.

Современник, вполне заслуживающий доверия, писал в *октябре* 1834 (в одном из своих лионских писем), что в городе «почти нет никакой тороговли» и что «рабочие эмигрируют в Швейцарию». Ясно, что осенняя депрессия 1834 г. сыграла крупнейшую роль в снижении годовых показателей экспорта.

Таким образом, едва ли мы ошибемся, если скажем, что итоги первого квартала 1834 г. представляют отнюдь не наименьшее слагаемое в общей годовой сумме. Положение лионских негоциантов на новогодней и пасхальной ярмарках в 1834 г. в Лейпциге было попрежнему блестящим. Конечно, тут продавались также и шелковые изделия городов Крефельда, Эльберфельда и Берлина. Но в той сумме (10 млн. франков), на которую был продан шелк *всеми* участниками торга, доля французских негоциантов равнялась *двум третям* [1].

Но как мы уже сказали, в начале первого квартала все же произошла некоторая заминка в делах лионской мануфактуры. Фабриканты поспешили использовать эту заминку в своих интересах. Ткачи ответили на эту меру всеобщей стачкой. В следующий же момент — в марте и начале апреля — экономическая борьба переросла в социально-политический кризис. И как бы мы ни оценивали ситуацию, сложившуюся после февральской стачки, не может быть сомнений в том, что на этом этапе, т. е. в марте и в начале апреля 1834 г., *важнейшим* фактором, определявшим конъюнктуру, был тот комплекс социально-политических причин, который при любых рыночных условиях приобретал доминирующее значение.

Послушаем, что говорили сами современники о положении шелкоткацкой мануфактуры в конце марта и в начале апреля 1834 г.

«Всякий раз, когда правительство пытается задержать одним из своих насильственных мероприятий государственный переворот, партия золотой середины кричит, что республиканцы губят промышленность и торговлю, замораживают все торговые сделки.

[1] «Archives du commerce», t. 9, p. 219—222.

То, что происходит теперь в Лионе, ясно доказывает, как неправильно это утверждение. С тех пор как появился на свет и стал обсуждаться закон, воспрещающий ассоциации, многие шелкоткацкие станки из-за недостатка торговых сделок остались без работы и вынуждены были остановиться; но не по причине отсутствия заказов, а *лишь по той причине*, что мануфактуристы не хотели предпринимать каких-либо дел, которые легко могли бы быть уничтожены катастрофой. Ежедневно все большее и большее количество ткацких станков прекращает свою работу, и вовсе нельзя предвидеть, где и когда окончится эта печальная прогрессирующая деградация». Так писал орган буржуазных республиканцев, газета «Прекюрсер», *за несколько дней до восстания* [1]. Комментируя приведенный отрывок, реакционный корреспондент немецкой газеты неудачно полемизировал с «Прекюрсер». Вслед за фабрикантами, жалобы которых ему были отлично известны, этот корреспондент подчеркивал не только значение депрессии в Североамериканских соединенных штатах, но и еще более влияние политической борьбы 1831 и 1834 гг. Он писал: «Прекращение новых приобретений происходит не из-за чего-либо иного, как *частично* из-за ужасного торгового и финансового кризиса, тяготеющего теперь, как кошмар, над Североамериканскими соединенными штатами и так парализующего развитие торговли; *частично же или еще больше* от сильного потрясения, постигшего нашу лионскую промышленность с ноября 1831 г. и вновь с февраля текущего года».

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что общая экономическая конъюнктура во Франции в начале марта оценивалась весьма оптимистически. Из Парижа писали о «достаточном оживлении промышленности» и благоприятных результатах урожайного 1833 г.» [2].

В заключение отметим еще один любопытный штрих: хлебные цены в первом триместре 1834 г. не возрастали, а падали. Во второй половине июля 1833 г. четырехфунтовые хлебцы продавались в Париже по 12 су, причем даже эта цена считалась несколько сниженной *по сравнению с предшествующим периодом* [3]. В феврале 1834 г. такие же хлебцы стоили (в Париже) по 11 су [4]. А в начале апреля (на том же рынке) четырехфунтовый хлеб первого сорта стоил 10 су; второго сорта — 7 су [5].

* * *

Вернемся, однако, к рассказу о том движении в Лионе, которое было вызвано известием об утверждении палатой депутатов пресло-

[1] «Allgemeine Zeitung», № 161, 22.IV.1834. Перепечатка цитируемой статьи из «Прекюрсер» и комментарий лионского корреспондента, сотрудника «Allgemeine Zeitung», датировано 4.IV.1831.
[2] Арх. МИД, 1834, № 144 Pozzo à Nesselrode, 1.III.1834.
[3] «Le Bon Sens», № 34, 18.VIII.1833 («c'est un peu de baisse...).
[4] «Le Bon Sens», № 6, 9.II.1834.
[5] «Le Bon Sens», № 14, 6.IV.1834.

вутого законопроекта, нанесшего смертельный удар «праву союзов».

Готовясь к развязке политического кризиса, лионские революционеры не ограничились манифестациями и декларациями протеста. В последних числах марта появилась новая организация, которая по замыслу ее учредителя должна была централизовать все движение и все силы «сопротивления». Эта организация возникла по инициативе революционной части Ассоциации мютюэлистов. 30 марта исполнительный совет сообщил ложам Ассоциации о своем решении связать организации мютюэлистов со всеми другими профессиональными объединениями и учредить Объединенный комитет (Comité d'ensemble). Замечательно, что даже и в эту критическую минуту исполнительный совет натолкнулся на сопротивление оппортунистически настроенных мютюэлистов, попытавшихся 31 марта произвести реорганизацию Ассоциации и таким образом сорвать директиву исполнительного совета. Но сопротивление оппортунистов было сломлено, и к 5 апреля Объединенный комитет окончательно конституировался [1].

В него вошли не только представители чисто профессиональных объединений, но, повидимому, и всех прочих лионских союзов и обществ. Председателем Объединенного комитета был избран Бон. От Ассоциации мютюэлистов в Объединенный комитет был делегирован председатель исполнительного совета Жирар; от ассоциации портных — председатель ассоциации Маринье. Основываясь на следственных материалах по делу о восстании 1834 г., Жиро утверждал, что Лягранж тоже входил в состав Объединенного комитета [2]. К сожалению, даже в современных исследовательских работах не имеется более точных и полных указаний по вопросу о составе Объединенного комитета, насчитывавшего, повидимому, не менее 12 членов.

Но современные историки прямо или косвенно *подтвердили* правильность освещения Луи Бланом одного чрезвычайно важного момента в истории Объединенного комитета. Вожди лионского Общества прав человека и гражданина не только не были инициаторами учреждения этого единого и *боевого* центра, но, даже и вступив в него, продолжали тащиться в хвосте движения. Поэтому мы позволим себе процитировать весь отрывок, в котором Луи Блан ярко изображает взаимоотношения мютюэлистов и мелкобуржуазных республиканцев в *ответственнейшие* дни накануне схватки. «Рабочие организации, — говорит Луи Блан,— были одушевлены в этот момент неописуемым энтузиазмом. Они обвиняли комитет Общества прав человека и гражданина в мягкости, неповоротливости; они пламенно желали захватить руководство в свои руки. «Берегитесь!— говорили вожди мютюэлистов господам Бону, Мартену и Альберу. — Если ваши секции не выйдут на улицу, мы появимся на арене

[1] *Festy*, op. cit., p. 322.
[2] *Girod*, op. cit., t. I, p. 215.

борьбы без вас». И когда кто-нибудь говорил: «Но у нас нехватает оружия», то тысячи голосов отвечали: «Оно имеется у солдат. И, как это бывало в июле и в ноябре, солдаты откажутся убивать своих братьев». Бросившись в этот неудержимый водоворот, комитет Общества прав человека и гражданина не знал, что ему делать: подталкивать ли колесницу или сдерживать ее движение. Снедаемый одновременно и гневом и тревогой, он был подавлен неумолимой быстротой хода событий. Да, впрочем, в себе самом он носил расслабляющее начало. Между господами Альбером, Мартеном и Югоном существовало родство чувств и взглядов, которое Бон полностью не разделял. Что касается Бертолона, выехавшего из Лиона в недалекое путешествие, то битва опередила его возвращение в город; а Пужоль был при смерти» [1].

Очень характерен и тот малоизвестный факт, что *накануне* суда над мютюэлистами, 4 апреля 1834 г., лионский комитет Общества прав человека и гражданина сложил свои полномочия и предложил устроить перевыборы. Формальным поводом для перевыборов было появление незначительного оппозиционного меньшинства.

5 апреля шесть мютюэлистов, привлеченных судом за организацию февральской стачки, должны были предстать перед судом. Исполнительный совет использовал все легальные средства для воздействия на судей. Еще раз за два дня до начала процесса 20 членов исполнительного совета обратились к прокурору с письмом, в котором они заявили о своей полной солидарности с 6 обвиняемыми товарищами. А в день открытия суда вся Ассоциация была мобилизована: каждые 5 членов секции (т. е. 25% всего состава Ассоциации) должны были согласно директиве исполнительного совета явиться в зал суда или, за недостатком мест, дежурить во дворе судебного здания, Палэ де Жюстис, расположенного на площади Сен-Жан, вблизи набережной реки Соны.

Другая четверть всего состава Ассоциации должна была явиться на площадь Сен-Жан, а все остальные члены Ассоциации дежурить по месту расположения секций или лож.

Утром 5 апреля огромная толпа появилась во дворе Палэ де Жюстис и на площади Сен-Жан. Тут были и мютюэлисты, и члены Общества прав человека, и неорганизованные элементы трудящегося населения. Испугавшись огромного стечения народа и бурного проявления симпатий к осужденным со стороны присутствующих в зале суда и во дворе судебного здания, председатель суда вызвал воинские части. Но еще не дождавшись прибытия всех посланных по его требованию отрядов, Пик, председатель суда, прекратил судопроизводство.

Ткачи были разочарованы и возмущены. Они надеялись, что дело будет рассмотрено в тот же день, без проволочек. Кроме того мютюэлисты были раздражены угрозой «закрыть двери». Но более

[1] *Louis Blanc*, op. cit., t. IV, p. 245—246.

всего их возмутили предательские показания одного из свидетелей по делу о февральской стачке. Едва лишь этот «свидетель» переступил порог судебного зала, он был немедленно же схвачен и тут же избит ткачами. Жандармы пробовали вмешаться в эту расправу Один из них обозвал ткачей «сволочью». В следующее же мгновение он был обезоружен. Теперь уж ничто, кроме вооруженной силы, не могло сдержать возмущенную массу. Но прокурор напрасно взывал к содействию небольшого отряда пехоты, подоспевшего к этому времени. И пока ткачи угощали вином солдат этого отряда, судьи разбежались по домам, с трудом выбравшись из Палэ де Жюстис через неизвестные для толпы двери этого здания.

Прерванный судебный процесс должен был возобновиться только через 4 дня, т. е. 9 апреля. На следующий же день после описанных событий, 6 апреля, в Лионе состоялась внушительная манифестация единства мютюэлистов с другими профессиональными организациями и Обществом прав человека. Около 10 тыс. представителей этих различных организаций продефилировали, провожая гроб одного умершего мютюэлиста.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИОНСКОЕ ВОССТАНИЕ 9 АПРЕЛЯ 1834 г.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ

События 5 апреля взволновали весь город. Все лионцы поняли значение описанного инцидента как провозвестника новых выступлений пролетариата. 8 апреля тревога лионских обывателей достигла крайнего напряжения. «Наш город томится жутким ожиданием завтрашнего дня» [1], — писал один иностранный корреспондент, лично принадлежавший к числу тех близоруких политиков, которые еще надеялись на мирный исход начавшихся волнений. Иначе смотрели на дело лионские фабриканты. 8 апреля им беспрерывно подавались экипажи, городские фиакры и омнибусы. Фабриканты уезжали из Лиона вместе со своими семьями [2] и товарами [3].

Неудивительно, что в этой обстановке, когда уже ясно обрисовалась революционная ситуация, когда не только публичные, но и тайные речи республиканцев доходили до ушей префекта [4], высшие представители местной власти позаботились о составлении плана организованного противодействия инсургентам.

Перо орлеанистского историка изображает этот план как шедевр контрреволюционной стратегии. «Все было предусмотрено, высчитано, предрешено», — уверял Монфалькон. Насколько преувеличена цитируемая оценка, покажем ниже. Но совершенно бесспорно, что силы, противопоставленные инсургентам в апреле 1834 г., были гораздо лучше организованы, чем в 1831 г. Гарнизон был очищен от ненадежных военачальников. Между 5 и 9 апреля в Лион вступили новые войсковые части [5].

Замечательное сопоставление *численности* лионского гарнизона в 1830, 1831 и 1834 гг. дает один из современников событий

[1] «Allgemeine Zeitung», № 104, 14 IV 1834.
[2] «Histoire des evenements», p. 3. (Цитируемая брошюра составлена из материалов, печатавшихся в орлеанистской газете «Courrier de Lyon»)
[3] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 92, IV. 1834.
[4] Bulletin du soir («Journal de Paris») № 311, 11. IV 1834, p. 11.
[5] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 92, 19.IV 1834.

в следующих цифрах: в 1830 г. — 2 500 человек, в 1831 гг. — около 5 тыс., 9 апреля 1834 г. — 12 800 человек [1]. Возможно, что в 1831 г. у ген. Рогэ не было даже и 5 тыс. солдат [2]. Силы же ген. Эймара, нового начальника гарнизона, даже во время боя непрерывно пополнялись свежими подкреплениями: два батальона легкой инфантерии прибыли к концу первого дня восстания. 10 апреля подошел еще 1 батальон [3]. Позднее (13—15 апреля) в Лион прибыли значительные кавалерийские и артиллерийские подкрепления.

Гарнизон, состоявший под командой начальника дивизии ген Эймара, разделялся на 4 боевых единицы. Генерал Флери расположил свои войсковые части близ предместья Круа-Рус. Подполковник Дитман (и. д. лионского коменданта) охранял лионскую ратушу. Генералу Бюше поручалось занять район судебного трибунала. Четвертая часть была поставлена в аристократическом квартале Белькур, близ префектуры. На площади Белькур находился и сам начальник дивизии ген. Эймар. Обратившись к плану гор. Лиона, читатель увидит, что ген. Эймар и его штаб совершенно не учли значения холма Фурвьер как позиции, доминирующей над всем городом.

Не подлежит сомнению, что многие лионские революционеры готовились к восстанию: они приобретали оружие [4], тайно фабриковали порох по рецепту, опубликованному в газете

[1] «Biographie des accusés d'avril», p. 16. Ср. также *Sala*, p. 48.

[2] Главный л. прокурор писал хранителю печати, что в дни первого восстания в Лионе было «не больше 4 тыс. человек (*Festy*, L'insurrection de L. en 1831; ср. *Dutacq*, op. cit., p. 70); *Baron* (Национальная библиотека Lb[51] 1074, p. 57) приводит еще меньшую цифру: 1 800; но это едва ли не опечатка.

[3] *Monfalcon*, op. cit., p. 223; ср. противоречивые данные о численном составе лионского гарнизона в первый день апрельского восстания в «Vérité», p. 60, где сообщается, что в начале боя у ген. Эймара было 7 тыс. солдат, а с подкреплениями — около 12 тыс. По Монфалькону, силы ген. Эймара 9—13 апреля были таковы: 3 батальона 6-го пехотного армейского полка, 3 батальона 27-го пехотного армейского полка, 2 батальона 28-го пехотного армейского полка, 1 батальон 21-го полка легкой инфантерии (прибыл вечером 9 апреля), 1 батальон 15-го армейского полка, 1 батальон 16-го армейского полка (прибыл вечером 9 апреля), 2 батальона 7-го полка легкой инфантерии, 2 батальона и 4 роты 15-го полка легкой инфантерии, 5 эскадронов 7-го драгунского полка, 2 эскадрона 8-го драгунского полка (прибыли 13 апреля), один артиллерийский (13) полк и несколько саперных рот. Автор брошюры «Biographie des accusés» утверждает, что к концу боя в Лион пришли части 20-го полка легкой инфантерии, 58-го и 60-го армейских пехотных полков, 4-го драгунского, 3-го и 10-го егерских и 5-го гусарского полков, а также 2 батальона 19-го артиллерийского полка.

По воспоминаниям неизвестного «очевидца событий» (они напечатаны в виде особого приложения к мемуарам *Гизо*), в 1834 г. в Лионском гарнизоне было 6 500 «disponibles» и 3 400 человек, состоявших в караулах, госпиталях и т. д. «C'était assez pour vaincre, mais trop peu pour vaincre promptement (этого было достаточно, чтобы победить, но слишком мало, чтобы победить быстро), — говорит цитируемый «очевидец» (*Guizot*, Mémoires, t. III, p. 446).

[4] «La Verite», p. 10.

«Глянез» [1], вступали в связь с филиалами Общества прав человека и гражданина в соседних городах [2]. Повидимому, можно говорить и о существовании какого-то плана выступления, поскольку было заранее предусмотрено, что в критический момент все рабочие организованно (по секциям или ложам) займут определенные позиции в трех различных пунктах внутри города [3]. В ночь на 9 апреля в лионских предместьях устраивались тайные сходки рабочих [4]. Но между тем как низовые звенья революционной партии были скованы единой, непреклонной волей к борьбе, вожди лионских республиканцев резко расходились в коренном вопросе: воспользоваться ли возобновлением процесса мютюэлистов, или отложить выступление до другого срока [5].

Когда восстание вспыхнуло, движение в центре города возглавил деятель, который голосовал *против* выступления. Это был Лягранж, долго боровшийся в Лионе с Обществом прав человека и гражданина. Руководители же лионского Общества прав человека и гражданина Мартен, Альбер, Югон и Сильвенкур только тогда решились подтвердить директиву о боевом выступлении, когда в комнату, где заседал комитет, вбежал один из начальников секций и, волнуясь, сообщил, что рабочие рвутся в бой и что начальники секций уже не могут их сдерживать.

* * *

Суд над мютюэлистами возобновился в 9 часов утра. К этому времени воинские части уже были расставлены на позициях, о которых сказано выше. Аристократический квартал Белькур, где стоял главный штаб защитников «порядка», кишел солдатчиной: сомкнутые ряды пехотных частей покрывали площадь; драгуны гарцовали по улицам, соединяющим площадь Белькур с префектурой. Полевая батарея с зажженными фитилями была готова открыть огонь по первому же сигналу [6]. Подобная картина наблюдалась и на площади Терро, у ратуши, которую тоже охраняли сильные воинские части [7]. Между тем не только во дворе судебного трибунала и на площади Сен-Жан, но и в самом лионском «сити», на площадях Префектуры, Терро и центральных улицах появились шумные сборища калейдоскопически пестрого лионского «плебса». На одной лишь площади Префектуры собралось около 1 200—1 500 человек.

[1] «*Guizot*, Mémoires, III, p. 444.

[2] «Histoire des événements», p. 3.

[3] *Girod*, op. cit., t. I, p. 226.

[4] «Staats und Gelehrte Zeitung» № 92 IV.1834. *Girod*, op. cit., t. I, p. 244 о сходках (6, 7, 8 апреля) в Бротто.

[5] «La Verité», p. 13. Для критической оценки этого источника следует заметить, что истинные революционеры характеризуются в нем как «погибшие «дети партии». Авторами этого анонимного издания были Жантон (Genton), Греппо (Greppo) и Аллера.

[6] «La Vérité», p. 25, 26.

[7] *Girod*, op. cit., t. I, p. 232.

Внезапно появилось множество республиканских прокламаций. Чьи-то невидимые для полиции руки усердно распространяли эти листки с непросохшей типографской краской. Были и рукописные прокламации; одна из них начиналась словами: «Свобода, равенство, братство или смерть». В прокламациях резюмировалось содержание республиканских статей местной прессы. «В настоящее время закон против ассоциаций обсуждается в палате пэров. Все мы знаем, что он будет немедленно утвержден и в самое ближайшее время мы увидим его опубликованным на наших улицах. Вы видите, граждане, что они (правители Франции) хотят погубить не только нашу национальную честь и свободу, но что они покушаются и на нашу жизнь, на самое наше существование. Упраздняя общественные союзы, они хотят помешать рабочим поддерживать себя в нужде и болезнях, особенно же оказывать друг другу взаимную помощь для борьбы за улучшение своей несчастной доли».

Рабочие, взобравшись на уличные тумбы, громко читали прокламации народу, толпившемуся на площадях и перекрестках главных улиц [1]. Между тем высшие городские власти, префект и начальник гарнизона, узнали, что на улице Буршанен собрались вожди республиканцев — главнейшие деятели лионского Общества прав человека и гражданина. Префекту советовали тотчас же их арестовать. Но Гаспарен почему-то отклонил этот совет. Возможно, что префект был слишком уверен в превосходстве своих сил и сознательно потворствовал развитию событий.

Около $10^1/_2$ часов утра в районе Префектуры собралось так много народу, что кавалерийские патрули, державшие связь между площадью Белькур и Префектурой, с трудом пробирались через толпу, двигаясь тихим шагом. Со всех сторон их приветствовали криками: «Да здравствуют драгуны!»

Вдруг с площади Сен-Жан послышались ружейные выстрелы: три залпа, кряду один за другим [2]. Многотысячная толпа бурно всколыхнулась. «К оружию, к оружию!» «Наших братьев расстреливают!» Вторично в Лионе раздались сигнальные возгласы гражданской войны. Но в 1834 г. боевой клич раздался не за чертой, а внутри города, сначала на правом берегу Соны, потом в «сити» [3], и уже отсюда, перекатываясь с одной улицы на другую, мощным эхом откликнулся в рабочем предместье Круа-Рус. В смешанных рядах разбегавшейся толпы заметно выделялись фигуры бедно одетых подмастерьев и учеников, частью вооруженных пистолетами [4]. Через минуту-другую в самых различных частях города закипела боевая работа. Между тем как лавочники торопливо запирали свои магазины, рабочие повсюду сооружали баррикады: выпрягали лошадей и опрокидывали экипажи: кареты, телеги, дилижансы; разламывали мостовые, выбрасывали из домов шкафы и прочую громоздкую мебель, с грохотом подкатывали бочки, собирали груды балок, досок и тому подобного баррикадного материала. Выстрелы на площади Сен-Жан послышались в 11 или около 11 часов утра. А к 12 часам дня *множество* улиц и переулков в различных районах города были уже перерезаны баррикадами. В одном только квартале Опиталь насчитывалось двадцать пунктов, где в первый же день борьбы были воздвигнуты баррикады [1].

Но что же случилось на площади Сен-Жан? И с чьей стороны были сделаны первые выстрелы? Сопоставляя противоречивые данные первоисточников, можно в качестве наиболее вероятной гипотезы предложить следующую версию. Масса народу, собравшаяся около $9^1/_2$часов утра во дворе судебного трибунала, еще не представляла, повидимому, той *организованной* части рабочих,которые должны были одновременно появиться на площади Сен-Жан, равно как и на двух других площадях (Префектуры и Ратуши), лишь в 11 часов утра. С внезапным появлением нового потока рабочих, хлынувшего на площадь Сен-Жан в 11 часов утра, полиция и военщина, охранявшие здание суда, попытались активно противодействовать республиканцам. Один из жандармских офицеров попробовал арестовать рабочего, читавшего прокламацию. Товарищи вступились за арестованного. Тогда жандармы начали стрелять по безоружной толпе [2].

Площадь Сен-Жан, двор и здание судебного трибунала опустели при первых же выстрелах. Судопроизводство прекратилось, и весь судебный персонал разбежался. Инсургенты, действовавшие в этой части города, строили баррикады с таким расчетом, чтобы изолировать войсковые части, состоявшие под командой ген. Бюжэ, расположившегося, как мы уже знаем, на берегу Соны, в районе Архиепископства. Начальник гарнизона ген. Эймар понял маневр инсургентов и немедленно приказал одному из батальонов, стоявших на площади Белькур, перейти через Тильзитский мост. В том же направлении выступила артиллерийская часть, о движении которой впоследствии рассказывал артиллерийский полковник Эгжерэ. Он утверждал, что как только артиллеристы двинулись в указанном направлении местные обыватели («quelques bourgeois», т. е. очевидно *не рабочие*) попытались противодействовать переброске орудий. Вплотную подходя к лошадям, они кричали: «Ну, нет, славные артиллеристы, вы не станете же стрелять в своих братьев — французов!»

Между тем жаркий бой уже завязался на площади Префектуры. Вначале инсургенты пытались склонить солдат к переходу на сторону народа. Напрасно потеряв время в разговорах, они

[1] «La Vérité», p. 29.
[2] «Le Fédéral», № 29, 15.IV.1834. Supplément, extrait de lettres particulières.
[3] Национальная библиотека, Lb^{51} 1288, p. 2.
[4] «Biographie des accusés d'avril», p. 18.

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 238.
[2] «La Vérité», p. 4. Национальная библиотека, Lb^{51} 1286, p. 2; Национальная библиотека, Lb^{51} 2186, p. 5. *Louis Blanc*, op. cit., t. IV, p. 230; «Biographie des accusés d'avril», p. 18. Все эти источники опровергают версию Монфалькона (ср. *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 226), ср. также «Staats und Gelehrte Zeitung», № 92, 19.IV.1834, которая даже утверждает, что сигнал к нападению был дан префектом.

бросились за лестницами, чтобы перелезть через ограду и овладеть префектурой. Но в этот момент подоспели войсковые подкрепления, началась перестрелка, в результате которой отряд инсургентов, численностью около 200 человек и чуть ли не наполовину состоявший из подростков [1], отошел, укрывшись в здании недостроенного театра на той же площади. Отсюда инсургенты очень удачно отстреливались. Тогда с площади Белькур прибыла батарея 4-го артиллерийского полка и, поставив орудия на левом берегу Соны с таким расчетом, чтобы обстреливать инсургентов вдоль улицы Префектуры [2], открыла огонь по зданию недостроенного театра. Несмотря на артиллерийский обстрел, инсургенты долго не отступали и покинули свою позицию только тогда, когда здание начало разрушаться. Обстрел прекратился. Солдаты бросились к руинам, где, судя по некоторым данным, все еще держалась кучка инсургентов. Может быть, это и были те 6 человек, которых Луи Блан по удивительной доверчивости к источникам, сознательно преуменьшавшим численность повстанцев, принимал за общее число всех инсургентов, действовавших в здании театра с самого начала боя [3].

Покинув площадь Префектуры, инсургенты сильно укрепились в пассаже л'Арг, расположенном на углу улицы Мерсьер [4]. Здесь им удалось соединиться с другими бойцами. Защита пассажа л'Арг — один из самых ярких эпизодов апрельского восстания. Инсургенты отстаивали позицию даже под артиллерийским обстрелом. Тогда ген. Эймар решил применить неслыханное средство: он приказал саперам взорвать угловое здание! В 2 часа дня была подложена первая петарда. Жители смежных кварталов с изумлением увидели небывалое и непонятное для них зрелище — густой столб дыма, поднявшийся над углом улицы Мерсьер.

В описываемый момент, т. е. около 2—3 часов дня, бой на улицах Лиона был уже в полном разгаре. Повстанцы «сражались на Новой площади, на площади Эрбери и в двадцати прочих пунктах» [5]. — Бросим же общий взгляд на картину боя. В отличие от ноябрьского восстания 1831 г., в апреле 1834 г. инсургенты сразу же овладели важными позициями в *центре города*. На площади Кордельеров, в церкви св. Бонавантюра, находился так называемый главный штаб инсургентов. Тут же, в церкви, помещались лазарет и импровизированная пороховая фабрика, территория которой была отгорожена забором из стульев [6].

[1] «Biographie des accusés d'avril», p. 19

[2] Национальная библиотека, Lb[51] 2186, p 6; «Insurrections», p 8. Подобно многим другим брошюрам, это издание было тоже анонимным. Впрочем, заключительная часть брошюры «Insurrections» не оставляет сомнений в том, что ее автор — либерал, не одобрявший жестокостей ген. Эймара и правительства

[3] *Blanc L*, op cit, IV, p 253

[4] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 92, 19 IV 1834; «La Vérité», p. 232.

[5] «Insurrections», p. 9.

[6] «Biographie des accusés d'avril», p. 26.

Улицы, ведущие к площади и населенные преимущественно мелкими торговцами, были перерезаны баррикадами и рвами. Как уже сказано, главнокомандующим в центральном районе был Лягранж Стратегическое значение центрального района ставило Лягранжа вместе с его штабом в особое положение, и в этом смысле можно сказать, что на площади Кордельеров находилась главная группа инсургентов Но в обвинительном акте Лягранж не называется верховным вождем восстания [1].

Помощниками Лягранжа были Пако, рисовальщик, член Общества прав человека; Турес, парикмахер, 34—35 лет; Арно, торговый агент, родом из Савойи, тех же лет, что и Турес; Коссидьер-старший, служащий книжного магазина, отец двух революционеров: сент-этьенского карбонария, Марка Коссидьера, и лионского республиканца, погибшего в апрельском бою (в 1834 г. старшему Коссидьеру было около 50 лет) [2].

На другом берегу Соны, в квартале Сен-Жюст, в первый момент борьбы движение возглавлялось некими «хорошо одетыми» молодыми людьми Но они быстро исчезли [3] Главным начальником в названном районе стал литовец или поляк Рочинский, 35 или 36 лет [4]. Повстанцы квартала Сен-Жюст были хорошо организованы. В первый же день борьбы они овладели всем предместьем Сен-Жюст. Не менее значительны были успехи республиканцев в соседнем районе — предместье Сен-Жорж, где командовал ткач Мюгэ, начальник мютюэлистской ложи. Быстро баррикадировав предместье, инсургенты перешли в наступление и вскоре же взяли 2 заставы: Карантэн и у моста д'Энэ.

В кварталах Пьер-Сиз и Сен-Поль инсургенты атаковали военный пост у моста дю Шанж и быстро им овладели, разоружив солдат. В квартале Сен-Поль командовал ткач Шарпантье, один из руководителей боя в ноябрьские дни 1831 г

В северной части города и во всем районе Ратуши защитники «порядка» сосредоточили очень сильные воинские части. Тем не менее инсургенты несколько раз переходили в наступление. Спустившись из Круа-Рус по Кармелитскому подъему, они сумели разоружить пост, стоявший у Ботанического сада, заняли площадь Сатоннэ, улицу Сен-Марсель и набережную Сен-Венсан [5]. Церковь Сен-Луи была захвачена инсургентами еще в 12 часов дня. На улице Нейрэ инсургенты захватили казарму Бон-Пастер, где будто бы оставались лишь больные солдаты Но, овладев казармой, инсургенты пополнили свои скудные боевые средства.

[1] «Réquisitoire», p 64, p 73, ср также «Extrait de l'acte d'accusation», ibid., p 170 Во всех случаях Лянграж характеризуется как вождь восстания в определенной части города

[2] «Biographie des accuses d'avril», p 51—56

[3] «Requisitoire», p 170

[4] «Biographie des accuses d'avril», p 52; «Rochzinski, né en Lithuanie»; в «Réquisitoire» он фигурирует как «polonais Rockzinski»; в отчете Жиро— *Roczinski*».

[5] «La Vérité», p 50

Здесь, в северной части города, восстание поднял выдающийся деятель Общества прав человека и гражданина Лимаж, но в первый же день борьбы он был смертельно ранен. Лимажа сменил другой член Общества прав человека, португалец Корреа, шелкоткач, 43—44 лет, участник июльской революции. Но особенно крупную роль сыграл в северном районе Маринье, председатель союза портных. В 1834 г. Маринье было около 35 лет.

Важное стратегическое значение имела казарма Бернардинов. Она защищала вход из Круа-Рус в город. По мнению некоторых современников эпохи, сдача правительственными войсками этой казармы в ноябре 1831 г. более всего способствовала успеху первого восстания [1]. С самого начала второго восстания рабочие несколько раз осаждали казарму. Но их атаки были отбиты сильным огнем противника [2].

Таким образом, инсургентам, действовавшим в северной части города, не удалось установить свободное сообщение с сильнейшей цитаделью восстания, предместьем Круа-Рус.

В Круа-Рус по первому сигналу были возведены баррикады у заставы Круа-Рус. Ген. Флери напрасно пытался взять это предместье с бою. Все атаки 27-го полка были отбиты. 20 раз баррикады инсургентов разрушались артиллерийским огнем и 20 раз они снова вырастали под обстрелом [3]. Попытка овладеть предместьем с тыла, со стороны подъема Букль, тоже не удалась.

Боевыми действиями в Круа-Рус руководили: ткач — хозяин мастерской, сорокалетний Этьен Карье, член исполнительного совета мютюэлистов, один из вождей ноябрьского восстания 1831 г., братья Депасьо, мютюэлисты; Готье, член Общества прав человека, бывший секретарь местной мэрии, уволенный со службы; известный республиканец Тион, начальник секции, учитель, 35—36 лет [4], выступавший на кладбище Луайяс с антиправительственной речью. Наконец, здесь же был и Бюиссон, глава соглашательского течения в 1831 г., а в апреле 1834 г. убежденный республиканец, собственноручно водрузивший в зале трактира Бувра, где находился штаб предместья, *красное знамя*.

В предместьях Сен-Клэр, Гийотьер и Вэз бой еще не начинался. В Бротто волнения вспыхнули к вечеру первого дня борьбы.

Во всех районах инсургенты испытывали острый недостаток оружия и боевых припасов. Это обстоятельство предопределяло их тактику: рабочие не выступали массами на площадях или больших улицах, а были вынуждены преимущественно нападать с крыш, осыпая солдат градом камней [5]. Противник же был отлично вооружен и с самого начала борьбы широко воспользовался артиллерией.

[1] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 95, 23.IV.1834.
[2] Национальная библиотека, Lb[51] 1288, p. 5; «La Vérité», p. 54.
[3] Монфалькон, враг рабочего класса, признаетэ тот факт (*Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 239).
[4] «Biographie des accusés d'avril», p. 51.
[5] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 95, 23.IV.1834.

Оценивая значение артиллерии при обстреле набережных, одна из немецких газет писала: «Здесь орудия могли показать всю силу своего действия; менее чем в течение пяти часов, несмотря на самое ожесточенное сопротивление повстанцев, все баррикады, устроенные на набережной, были взяты» [1]. Цепь стрелков, вытянувшаяся вдоль набережной Бон-Ранконтр, прикрывалась огнем орудий, стоящих на противоположном берегу Роны [2].

Но кроме артиллерии враги рабочего класса продолжали применять то варварское средство, с помощью которого им удалось овладеть пассажем л'Арг: *они взрывали дома*. Взрывы были произведены не только на улице Мерсьер, но и на улице Сен-Ком [3], на площадях Эрбери, Капуцинов, на улицах Дорэ и Труа-Мари [4], словом в разных частях города. Повидимому, эта террористическая мера тоже была «предусмотрена, взвешена и предрешена» в плане Эймара, не щадившего ни женщин, ни детей, ни стариков. Кто-то из современников эпохи пустил в ход прозвище: Эймар - *расстреливатель*. Правильнее было бы сказать: Эймар - *взрыватель*.

От артиллерийского огня и взрывов вспыхнули пожары, быстро распространявшиеся под влиянием сильного северного ветра. Беспощадно обстреливая всех «невоенных», показывавшихся на улицах, солдаты, таким образом, не допускали правильной борьбы с огнем. Пожары становились поистине ужасным массовым бедствием.

До позднего вечера набатный звон — боевой сигнал инсургентов — не замолкал ни на одной из церквей, захваченных республиканцами, и только ночью бой начал мало-помалу затихать [5]. В лагере контрреволюции бойцы могли отдыхать и подкрепляться. Солдаты разжигали большие костры из ярко пылавших материалов и грелись возле них в эту холодную апрельскую ночь (северный ветер не прекращался) [6]. Совсем иная картина наблюдалась в лагере революции: всю ночь инсургенты продолжали укреплять свои позиции, сооружая новые баррикады, выкапывая рвы, собирая камни и перетаскивая их на крыши [7], охранявшиеся часовыми [8].

Каковы были итоги первого дня борьбы? Несмотря на решительный перевес противника по всем материальным средствам боя, инсургенты удержали за собой весь правый берег Соны, за исключением центральной части набережной, т. е. всего района площади Сен-Жан, где был разбит бивуак 7-го пехотного полка. Внутри города, между Соной и Роной, инсургенты занимали несколько позиций, затрудняя тем самым коммуникацию главного штаба защит-

[1] «Der Freischütz», № 17, 26.IV.1834.
[2] Национальная библиотека, Lb[51] 1288, p. 3.
[3] «Histoire des événements», p. 5.
[4] «La Vérité», p. 48.
[5] Le Fédéral», №29, 15.IV.1834; «Allgemeine Zeitung», №110, 20.IV.1834; ср., однако, «La Vérité», p. 7, где говорится, что перестрелка не прекращалась даже и ночью, особенно в районе Сен-Жорж.
[6] «La Vérité», p 232.
[7] «Allgemeine Zeitung», № 110, 20.IV.1834.
[8] «La Quotidienne», № 108, 18.IV.1834.

ников «порядка» с ратушей, находившейся в северной части города [1]. Непоколебимо держался «главный штаб» инсургентов, который, как мы уже знали, был расположен почти в центре города, на площади Кордельеров. Все предместье Круа-Рус было в руках инсургентов. Таким образом, только в южной части города, от квартала Префектуры и Белькур до стрелки полуострова Перраш, безраздельно хозяйничали защитники июльской монархии [2]. В тот же день вечером к Лиону подошли части 21-го пехотного полка и расположились в предместье Гийотьер, находившемся во власти контрреволюционеров.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

10 апреля

К утру 10 апреля внешний вид города изменился до неузнаваемости. Обычная утренняя сутолка рано пробуждавшегося Лиона сменилась мертвой тишиной. Кое-где дымились развалины домов, загоревшихся накануне от артиллерийского огня и взрывов. Баррикадированные и перерытые улицы были почти повсюду усеяны «каменным градом». Из разбитых окон выпячивались подушки и матрацы [3]. Длинными рядами тянулись разрушенные витрины магазинов [4]. Кое-где на улицах лежали неубранные трупы рабочих или случайных жертв [5]. *Красные* и *черные* знамена реяли над вторым городом Франции.

Около 8 часов утра в церкви св. Бонавантюра ударили в набат [6]. Дружным хором ответили другие церкви, захваченные республиканцами, и бой повсеместно возобновился.

Как уже было сказано, предместья Гийотьер, Сен-Клэр, Вэз и весь обширный квартал Перраш не участвовали в восстании в течение первого дня борьбы. Между тем достаточно взглянуть на план города, чтобы убедиться в исключительно крупном значении этих позиций: кто владеет названными предместьями, тот владеет важнейшими «воротами» Лиона. Из Гийотьер идет дорога в Марсель. Из предместья Сен-Клэр открывается путь в Женеву. А через предместье Вэз проходит дорога в Париж. Цепь предместий Перраш, Сен-Жорж, Сен-Поль, Вэз, Круа-Рус, Сен-Клэр, Бротто, Гийотьер опоясывает город. Ознакомившись с этими топографическими данными, мы лучше поймем, как велики были успехи республиканцев на второй день борьбы. 10 апреля восстали предместья Вэз, Сен-Клэр и Гийотьер. В таких условиях особенно важное значение приобретала борьба на «стрелке» Перраш, откуда открывался

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 241.
[2] «La Vérité», p. 58—59.
[3] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 95, 23.IV.1834.
[4] Национальная библиотека, Lb[51] 1288, p. 4.
[5] «La Vérité», p. 49, 58. «Histoire des événements», p. 10; «La Vérité», p. 87.
[6] Данные о моменте возобновления боя на второй день борьбы противоречивы. По «Biographie des accusés d'avril», бой возобновился 10 апреля на рассвете.

выход из южной части города. В ночь с 9 на 10 апреля в Перраш прибыл руководитель одной из секций Общества прав человека, чтобы одновременно поднять восстание на следующий день [1]. С утра появилось несколько баррикад. Но силы республиканцев были здесь незначительны. Баррикады не устояли, и Перраш вновь перешел целиком в руки Эймара. Зато во всех других звеньях смыкавшейся цепи предместий восстание развивалось с огромным успехом.

Восстание в предместье Гийотьер подняли Моляр-Лефевр, известный читателю организатор батальона волонтеров Роны; Жобеллн, владелец кафэ, и Деспинас, шелкоткач. Первому из них было около 50, второму около 39, третьему около 27 лет [2]. Как и в других районах, а может быть еще острее, инсургенты предместья Гийотьер нуждались в оружии и боевых припасах. Деспинас пробовал оказать соответствующее давление на местного мэра, требуя от него специальных бонов (скрепленных подписью мэра) на выдачу инсургентам оружия и продовольствия. Другие руководители, Моляр-Лефевр и Дапре (Daspré), в сопровождении небольшого отряда отправились в поселки соседнего департамента Изера. Повсюду они требовали оружия и повсюду *побуждали сельское население примкнуть к восстанию*. В истории апрельского восстания выступает, таким образом, чрезвычайно важный момент — попытка инсургентов связаться с деревней. В официальных материалах старательно затушевывается эта страница истории. Так например, Жиро уверял, что благодаря «энергии мэров» попытка инсургентов якобы потерпела неудачу. В следственных материалах приводится и текст письма Моляр-Лефевра к «энергичным мэрам» как документ, якобы подтверждающий безуспешность похода в деревню. Вот что писал Моляр-Лефевр:

«Будучи уполномочен собранием честных и вооружившихся граждан, я прошу и даже приказываю вам распорядиться о сдаче нам в караульное помещение не позднее 6 часов вечера 300—400 солдатских или прочих ружей. Предупреждаю вас, что в случае отказа на вас и на весь ваш поселок ляжет ответственность за кровопролитие из-за недоставки оружия. Гийотьер, 10 апреля. Моляр-Лефевр».

Это отношение было адресовано *только двум* мэрам, мэрам коммун Венисье и Сен-Приест, что и было оговорено в заголовке письма. Таким образом, цитируемый документ дает возможность предполагать, что по отношению к другим селениям не было необходимости в подобном приказе.

Очень мало данных об одном из новых очагов восстания, о предместье Сен-Клэр.

Эта важная позиция, прилегающая к предместьям Круа-Рус и закрывающая выход из Лиона на женевскую дорогу, была пре-

[1] Национальная библиотека, Lb[51] 2185, p. 6.
[2] «Biographie des accusés d'avril», p. 51—56.

красно укреплена множеством баррикад. Руководителями движения здесь были рабочие шелкоткацкой мануфактуры Onke de Wurth, англичанин по происхождению, и немец Брэйтбах.

На другой стороне города, на правом берегу Соны, расположено предместье Вэз Вождем вэзских инсургентов был Марк Этьен Ревершон, бывший судебный пристав, уволенный по приказу Шегарэ В рассказах о Ревершоне звучат какие-то странные ноты. В своем судебном отчете Жиро докладывал о том, как Ревершон появился в мэрии предместья Вэз утром 10 апреля во главе отряда численностью около 120 человек и как, обращаясь к мэру, он сказал: «Я—гражданин Ревершон, собственник и француз, как и вы. Моих сограждан умерщвляют, в Лионе убивают мужчин, женщин и детей я счел своим долгом взяться за оружие, чтобы защитить их Всегда твердили, что нет ничего политического в рабочих ассоциациях Это неверно. Речь идет не о какой-нибудь жалкой ссоре из-за двух су на аршин: трон Луи Филиппа или республика — вот в чем вопрос».

Ревершон приказал местному мэру выдать оружие прибывшему отряду Мэр подчинился и дал 23 ружья Подобно гийотьерским инсургентам, республиканцы, занявшие предместье Вэз, пополняли свое вооружение путем реквизиций в окрестных селениях В коммуне Сен-Рамбер л'иль-Барб им удалось отобрать «несколько ружей» [1]. Помощниками Ревершона были слушатели ветеринарной школы Жиро и Жирар, а также некий «главный помощник», названный в судебных материалах «человеком с красными глазами».

Вэзские инсургенты вскоре овладели казармой у заставы де Плат и благодаря этой победе приобрели еще два десятка ружей. Тем временем на их сторону перешел взвод солдат, случайно появившийся на территории Лиона. Отряд состоял из штрафных солдат, которых ссылали в Алжир. Республиканцы быстро уговорили их примкнуть к восстанию. Казалось бы, все благоприятствовало развитию движения в предместье Вэз. Однако Ревершон вскоре же явился в мэрию и... сложил оружие. Защитник «мужчин, женщин и детей» будто бы даже публично раскаялся в том, что возглавил движение столь перешительных и мягкотелых людей, как вэзские республиканцы [2]. Но «мягкотелые» продолжали сражаться, а Ревершон выбыл из строя и, судя по материалам следствия, нигде больше не появлялся.

Бросим теперь беглый взгляд на те районы, где борьба продолжалась уже более суток.

Инсургенты предместья Круа-Рус успешно атаковали 2 роты 27-го полка на дороге Букль. Солдаты не выдержали натиска и отступили к форту Монтесюи [3].

[1] *Girod*, op cit , I, p 257.
[2] *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 245—246.
[3] *Girod*, op cit , I, p. 261.

Предместье Сен-Жорж продолжало обстрел арсенала и набережной квартала Перраш Инсургенты устроили две пороховые «фабрики», захватив для этой цели 2 аптеки Селитру и серу они реквизировали у торговцев. Успех восстания в предместье Сен-Жорж сильно встревожил штаб ген Эймара. Боясь, что рабочие ворвутся в Перраш и ударят в тыл воинским частям, охранявшим квартал богачей и Префектуру, Эймар отдал приказание сжечь мост Шазурн Под деревянные своды моста была пущена барка с подожженным сеном.

В тот же день, 10 апреля, повстанцы правого берега Соны овладели фортом Сент-Иренэ. Согласно орлеанистской версии, форт Сент-Иренэ был эзакуирован преднамеренно, по особым соображениям высшего начальства. Во всяком случае эта версия не говорит в пользу «предусмотрительности» стратегов, вынужденных оставить на форту Сент-Иренэ два артиллерийских орудия [1]. Правда, пушки были заклепаны, а порох выброшен в колодцы. Но инсургенты расклепали орудия.

Другое важное событие второго дня — захват телеграфа на холме Фурвьер. Крайне нужная для ген. Эймара связь с Парижем прервалась на несколько дней: инсургенты разрушили телеграф. Но почему сами рабочие не воспользовались этим могучим средством связи? Вспомним, что речь идет не о современном электрическом телеграфе. «Путеводитель по Лиону», изданный в 1829 г., сообщает нам, что ключ телеграфных знаков, «подобных дипломатическому

[1] По «Biographie des accusés d'avril», p. 25, и некоторым другим источникам, например, Sala, p 86, на форту Сент-Иренэ осталось 3 орудия.

шифру», хранился у начальника телеграфа, жившего не на холме Фурвьер, а внутри города, в квартале д'Энэ на улице Пюзи [1], т. е. в районе, занятом войсками Посредством маленького телеграфа, устроенного над домом начальника, соответствующие знаки секретного телеграфного кода сообщались самим начальником лионского телеграфа той главной станции на холме Фурвьер, которая и была захвачена инсургентами

В северной части города инсургенты дошли до квартала Ратуши Захватив несколько улиц, они укрепили свои позиции новыми баррикадами [2] В районе Ботанического сада республиканцы дошли до улицы Сен-Марсель.

Особенного внимания заслуживает бой на площади Сатоннэ, близ Ботанического сада Эта площадь охранялась ротою 28-го полка. В результате нескольких упорных атак рабочие, всю ночь не смыкавшие глаз и не отдыхавшие ни минуты, сломили сопротивление прекрасно вооруженного противника.

В центре города, т е там, где был «главный штаб» республиканцев, все позиции, занятые накануне, были сильно укреплены Улицы Пуляйэри, Дабуа, Тюпэн, Мерсьер, Труа-Карро, Шаламон, Лонг, Тэт де Мор покрылись новыми баррикадами Улицы Бюиссон, Жерб, Гренэтт были перерыты глубокими рвами На площади Кордельеров производилась регулярная выдача боевых припасов Республиканские прокламации, расклеенные на улицах, возвещали о свержении правительства Луи Филиппа

Лягранж бесспорно был стойким «солдатом революции». Защита района Сен-Низье — Кордельеров была организована превосходно, и есть показание, что даже офицеры признавали оборону так называемого главного штаба инсургентов образцом военного искусства В брошюре «Биографии обвиняемых по апрельскому делу» находим очень лестные отзывы о Лягранже «Молодой человек, обладавший большим мужеством, неутомимой энергией, одаренный быстрым соображением . он все предусматривал и всем показывал пример мужества Этот человек был рожден для командования на поле битвы» [3] Имя Лягранжа в цитируемом отрывке не названо, но ясно, что речь идет именно о нем, о Лягранже, бывшем морском артиллеристе, возвращенном из плавания за протест против телесного наказания матроса, речь идет о Лягранже — торговом комиссионере, которому в 1834 г было около 30 лет и который на вопрос судей о его профессии сказал «У меня нет профессии, я плебей» Но Лягранж особенно страдал тем «прекраснодушием», которое было свойственно столь многим французским революционерам XIX в.

[1] *Cochard*, Guide, p 348—349

[2] Одну баррикаду построили на ул Tables Claudiennes; одну — на улице du Commerce, одну — на ул Camille Jordan, одну — на ул Petits Peres, одну — на ул Casati, вне этого района — 3 новых баррикады на ул Гранд Кот, одну на ул Нейрэ и две на ул Сан Марсель и Таверны

[3] «Biographie des accuses d'avril», p 25 — 26 Ср также *Beaumont Vassy*, Histoire de mon temps, Première série, t II p 270

Характерен следующий эпизод второго дня борьбы В районе главного штаба инсургентов поймали полицейского шпиона Обыскивая его, инсургенты обнаружили список руководителей восстания. Рабочие хотели тотчас же расстрелять Кортейса (так звали шпиона). Они уже успели вывести его на середину площади и привязать к колонне, когда внезапно вмешался помощник Лягранжа, «капитан» Тюрес, приказавший отвести пленника в одно из помещений, занятых инсургентами И тут, в присутствии Лягранжа, Кортейс был допрошен импровизированным трибуналом, состоявшим из 6 человек Впоследствии сам Кортейс рассказывал, что все члены революционного трибунала, кроме Лагрянжа, голосовали за смерть шпиона [1] Лягранж произнес речь, в которой доказывал, что инсургенты не имеют права отнять жизнь у пойманного врага

[1] *Girod*, op cit , t I, p 269, показание самого Кортейса

«Не надо крови», — восклицал Лягранж. Глухой ропот рабочих был ответом на дон-кихотскую речь вождя. Некоторые даже бросили оружие и заговорили об измене Лягранжа Чтобы... «очиститься от подозрений», Лягранж вышел на линию огня и, постояв под обстрелом, вернулся, авторитет вождя был восстановлен [1].

Лягранж, вождь инсургентов, спасал пойманного шпиона.. а вождь солдатчины, ген. Эймар, убивал неповинных граждан. Применяя подрывные петарды, он тем самым вынуждал женщин и детей выбрасываться из окон [2].

Итоги второго дня борьбы: префектура и ратуша остались в руках защитников монархии Но сообщение между этими административными центрами было крайне затруднено: инсургенты захватили центральный район города и прочно в нем укрепились. В северном районе республиканцы придвинулись к Ратуше; по им не удалось соединиться с инсургентами предместья Круа-Рус: движению в северном направлении препятствовали воинские части, занимавшие казарму Бернардинов.

Выступление предместий Гийотьер, Сен-Клэр и Вэз значительно расширило территорию восстания; силы республиканцев возросли. С присоединением названных предместий вся стратегическая ситуация резко изменилась: *к вечеру 10 апреля правительственные войска были почти со всех сторон окружены инсургентами.* За исключением дороги в Сент-Этьен все выходы из города были отрезаны. Но в гор. Сент-Этьене уже начались волнения. Кроме того в Уллэне, на пути в Лион, инсургенты разоружили солдат, сопровождавших багаж [3], следовавший по сент-этьенской дороге Таким образом, и этот путь был под угрозой.

Штаб Эймара-расстреливателя всполошился. Вечером или в ночь с 10 на 11 апреля бравые генералы заговорили о безотлагательной необходимости вывода войск из города. После дискуссии, подробности которой нам, к сожалению, неизвестны, мысль о повторении пораженческого «маневра ген. Рогэ» была оставлена. Итак, в конце второго дня борьбы лионские инсургенты стояли на пороге победы.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

11 апреля

Вторую ночь инсургенты провели без сна и отдыха. Повсюду они укрепляли свои позиции, запасались «метательными средствами», искали оружия. Походы в соседние деревни не прекращались. Моляр-Лефевр упорно продолжал агитировать в деревнях соседнего департамента Изера.

Подобную агитацию в деревнях вели и инсургенты предместий Сен-Жорж и Сен-Жюст, расположенных по другую сторону реки

[1] «La Vérité», p. 90—91.
[2] «Schweizerischer Beobachter», № 47, 19.IV.1834.
[3] «La Vérité», p. 103.

Соны. В одном из наших источников сообщается, что к заставе Сен-Жюст подошли 50 деревенских союзников «несчастного вида», маршировавших под звуки барабана [1].

И даже Жиро признавал, что в результате нескольких походов в окрестные деревни скудный арсенал инсургентов пополнился на третий день 11 ружьями, захваченными в коммуне Сен-Женис, 80 ружьями, отнятыми в Сент-Фуа, 40 или 50 — в Уллэн, 7 — в Тассэн, 27 — в Франшвиль, 3 — в Труа-Ренар, 10 — в Мирабель, а в поселке Фонтэнь почти все оружие, бывшее у местной национальной гвардии, перешло в руки инсургентов [2].

Между тем волнения вспыхнули и вне Лиона, в городе Сент-Этьене, и других местах Франции. Констатируя этот факт, мы не будем отвлекаться в сторону и, оставаясь в границах лионского театра гражданской войны, проследим борьбу лионских инсургентов до конца, вернувшись к вопросу о других районах республиканского движения лишь по окончании главы.

11 апреля бой возобновился очень рано, до рассвета. Предместье Сен-Жорж продолжало обстрел арсенала. Отсутствие артиллерии у рабочих успокаивало защитников «порядка». Но вдруг на площадь Белькур полетела картечь. Офицеры из штаба Эймара с удивлением и злобой убедились в том, что инсургенты воспользовались двумя заклепанными орудиями, оставленными на форту Сент-Иренэ. Пушки были перевезены с форта на так называемую «террасу» Фурвьер и, хотя у республиканцев было очень мало пороху и снарядов, тем не менее, пользуясь разными суррогатами картечи и ядер, они обстреливали штаб-квартиру Эймара. Большое значение имел моральный эффект артиллерийской стрельбы с самой высокой позиции в городе. Одновременно инсургенты правого берега Соны начали наступать на квартал Сен-Жан, где все еще держался 7-й пехотный полк. Наступление развивалось с такой силой, что вскоре же Эймар «начал приготовления» к полной эвакуации всего правого берега Соны.Вытесняя противника из квартала Сен-Жан, инсургенты обеспечивали себе бесперебойную связь по всей линии от квартала Сен-Жорж до предместья Вэз [3]. Попутно остановимся на событиях, происходивших в предместье Вэз 11 апреля.

Ревершон, командовавший здесь накануне, сложил оружие. 11 апреля на смену Ревершону явился известный участник ноябрьского восстания Дрижар-Дегарнье, член эфемерного временного главного штаба, в апреле же 1834 г. — начальник секции Общества прав человека [4]. Помощником Дрижара был Диано, тоже участник восстания 1831 г., бывший когда-то врагом Дрижара-Дегарнье: Диано стоял во главе соглашательского, аполитичного течения. В апреле 1834 г. оба они действовали единодушно. Они обходили посты, производили обыски в окрестностях Вэза, повсюду требуя

[1] «La Vérité», p. 112.
[2] *Girod*, op. cit , t. I, p. 286; ср. «Le Fédéral», № 29, 15.IV.1834
[3] «La Vérité», p. 107.
[4] «Réquisitoire», p. 176.

оружия. Дрижар-Дегарнье появился в предместье Вэз во главе небольшого отряда, маршировавшего с красным знаменем, на котором чернела траурная лента. В фуражке Дрижара тоже были оба цвета: красный и черный На площади перед вэзской мэрией Дрижар-Дегарнье произнес речь, несколько раз прерывавшуюся возгласами «Да здравствует республика!» Во дворе школы взаимного обучения собрался военный совет, постановивший сформировать 2 отряда: один должен был занять позицию, доминирующую над ветеринарной школой, и затем соединиться с инсургентами предместья Сен-Жорж; другой отряд был послан к заставе, соединяющей предместье Вэз с городом Сам Дрижар-Дегарнье почему-то отбыл в Сен-Рамбер д'иль-Барб. Дрижар-Дегарнье впоследствии не появлялся в предместье.

Ревершон обвинял вэзских инсургентов в «мягкотелости». Один из фактов подтверждает подобное обвинение Когда положение предместья Вэз стало опасным, кто-то предложил сжечь мост Серэн, чтобы отрезать доступ в предместье из города Но мост Серэн был частной собственностью И вот, в рядах инсургентов нашлись советчики, отговорившие вэзцев последовать разумному совету. Однако не менее достоверно, что как только Ревершон и Дрижар-Дегарнье покинули предместье, вэзские инсургенты проявили, по выражению Жиро, «dispositions effrayantes». Жиро признавал, что присутствие Ревершона и Дрижара обеспечивало известный «порядок» среди вэзских «банд» [1].

На холме Круа-Рус позиции республиканцев все более и более укреплялись. Инсургенты захватили местное бюро по сбору налога октруа. Кроме того они овладели церковью Сен-Дени, откуда потом беспрерывно раздавался набатный звон. Свой штаб они переместили из трактира Бувра в кафе Сюис

Красное знамя развевалось над огромной толпой, собравшейся в этот день в clos du Charriot d'Or. На одной стороне знамени была надпись: «Республика или смерть»; на другой — «Общественный порядок» Инсургенты Круа-Рус обращались к населению с воззванием. Очень интересна одна из прокламаций, написанная неграмотно, но ярко.

В начале воззвания говорилось о достигнутых успехах, о том, что на Фурвьер возведены 2 орудия, обстреливающие площадь Белькур; что весь правый берег Соны, за исключением церкви Сен-Жан, перешел в руки республиканцев и что на помощь лионцам идут другие инсургенты. Заключительная же часть прокламации гласила:

«Дело, за которое мы боремся, есть дело человечества, счастья нашей родины, обеспечения будущего. Мы — люди; мы должны потребовать для себя пользования естественными правами; без них жизнь делается обездоленной и горькой. Нам отказали в этих правах. Значит, мы в праве бороться за то, чтобы их получить

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 291.

Бесспорно, должно быть тягостно, что для свержения тирании проливается кровь; но эта кровь не может пасть на нашу голову, ибо наши враги начали убивать нас раньше, чем мы подумали взяться за оружие. Мы — республиканцы и мы знаем, что такое добродетель. Не надо насилий, если они не вызываются необходимостью. Все люди — наши братья, мы считаем врагами лишь вооруженных противников Права, принадлежащие каждому, мы знаем и для нас они священны. У нас только один девиз: «Свобода, равенство для всех!» Пусть же каждый из граждан, сообразно со своими средствами, воздаст дань борьбе за общее дело, пусть те, которые не могут оказать боевую помощь, помогут материальными средствами, предоставив их тем, кто чувствует в них нужду Для этой цели открыта подписка в кафе Сюис на площади Визитасьон, и уже многие граждане помогли этому филантропическому и патриотическому делу. Мы хотели бы думать, что все граждане откликнутся на наш призыв и каждый сумеет понять, что при тех обстоятельствах, которые мы переживаем, было бы преступно не осознать, что оказание помощи является долгом.

Смелость и упорство! От исхода борьбы зависят судьбы нации; нам не приходится выбирать между рабством и свободой. Да здравствует свобода! Проклятие тиранам!»

* * *

Обращая взор к другим районам восстания, мы видим, что в Сен-Клэр, т. е рядом с предместьем Круа-Рус, продолжался успешный обстрел воинских частей — солдат 15 и 27-го полков. Инсургенты были защищены прекрасно укрепленными баррикадами (Пти Версай и на дороге Букль) К вечеру третьего дня ген. Флери увел из предместья Сен-Клэр все четыре роты, приказав им присоединиться к своим частям, стоявшим на площади Бернардинов.

Внутри города положение войск становилось все более и более опасным В северной части, в районе Ботанического сада, перестрелка возобновилась на рассвете. Особенно сильно были баррикадированы улицы Флессель, Толозан, Нейрэ. Однако действия солдат имели некоторый успех на улице Сен-Марсель.

В квартале Ратуши республиканцы так близко подошли к мэрии, что могли обстреливать стоявшие здесь воинские части: инсургенты стреляли с домов на площадях Комедии и Терро Сравнительно недалеко от Ратуши — ближе, чем на половине пути от мэрии до круаруской заставы, находилась церковь св. Поликарпа. Республиканцы подняли над этой церковью красное знамя Взобраться на колокольню и укрепить знамя взялся мальчик 10—12 лет. А когда солдаты изрешетили и сбили знамя, мальчик снова взобрался на колокольню, несмотря на беспрерывный обстрел церкви. Справившись со своей задачей, герой стал осторожно спускаться.

Между тем раздался еще один залп, и смертельно раненый мальчик камнем упал на мостовую [1].

В центральной части города, на площади Кордельеров, инсургенты неустанно укрепляли позиции, готовили боевые припасы. Во многих домах были произведены реквизиции оружия. У аптекарей реквизировали селитру. Жители квартала должны были доставлять песты, ступки, решета и пр. В этот же день была устроена еще одна пороховая фабрика. Ляграпж и многие другие республиканцы все еще надеялись, что армия перейдет на их сторону. В южной части города, где, как мы знаем, стояли главные силы ген. Эймара, был арестован некий Буасак. Он отважился проникнуть в самую штаб-квартиру и попытался там агитировать в пользу республики, непосредственно среди караульных частей.

Подведем *итоги*. Положение, создавшееся к концу третьего дня, можно охарактеризовать следующими чертами:

1) полная победа восстания на правом берегу Соны;

2) укрепление всех позиций в предместье Круа-Рус;

3) очищение дороги Букль в предместье Сен-Клэр;

4) внутри города: полный разрыв коммуникации между штабом Эймара (и префектурой), с одной стороны, и ратушей — с другой [2]; успехи инсургентов в северной части города: укрепление позиций в районе главного штаба республиканцев (центральная часть города);

5) частичные, но немаловажные успехи республиканских эмиссаров в деревнях;

6) начало разгрома предместья Гийотьер, подвергавшегося на третий день борьбы беспрерывному артиллерийскому обстрелу.

Лион превратился в военный лагерь. В районах, занятых воинскими частями, солдаты грубо реквизировали продовольственные припасы и транспортные средства. Персонал, обслуживающий транспорт, работал под конвоем солдатчины, «бравшей на прицел» всех «подозрительных» [3]. Булочникам было приказано работать круглые сутки с полной нагрузкой всех печей [4].

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ

12 апреля

В ночь с 11 на 12 апреля в Лионе не произошло ничего существенно нового. Перестрелка не умолкала и ночью. Сильный северный ветер, бушевавший с первого дня восстания, начал ослабевать Утром 12 апреля над Лионом, южным городом Франции, закружились крупные хлопья снега.

[1] «Insurrections», p. 13; «La Vérité», p. 84.
[2] *Girod*, op cit., t. I, p. 289.
[3] «Insurrections», p. 22.
[4] Ibid., p. 20.

Обе стороны, республиканцы и контрреволюционеры, с нетерпением ждали известий о ходе событий вне Лиона, в первую очередь о волнениях в Сент-Этьене. И вот, еще утром 12 апреля в штабе Эймара узнали, что республиканское движение в Сент-Этьене подавлено [1]. Страх перед опасностью полной изоляции рассеялся, и Эймар приказал начать методическое, решительное наступление. План наступления был очень прост — усиление террора (артиллерийский обстрел, взрывы домов) и последовательное проведение тактики *разъединения* сил инсургентов [2]. Позицией, наименее защищенной от артиллерийского огня, было, как уже знаем, предместье Гийотьер. Сюда и были направлены к 11 часам утра 12 апреля три сильных колонны. В то время как одна из этих колонн атаковала баррикады на Большой улице с фронта, две другие обошли предместье с тыла и к 12 часам дня соединились с первым отрядом. Разрушительный обстрел, взрывы домов, новые пожары, варварская расправа с пойманными инсургентами и убийство ни в чем неповинных граждан, многочисленные обыски и аресты — таковы были средства подавления восстания предместья Гийотьер, целиком захваченного солдатчиной на четвертый день борьбы. В этот же день было взято и предместье Вэз, расположенное на другой стороне города.

Одна из двух колонн, вступивших в Вэз, вошла в предместье через тот самый мост, который вэзские республиканцы (или же их руководители) не решились сжечь из уважения к частной собственности. Часть колонны отделилась у ветеринарной школы: в парке близ этой школы скрывались отдельные стрелки, продолжавшие отстреливаться [3]. Жиро утверждал, что другая часть этой (или второй) колонны «направилась к вершине утеса Вэз по *подъему Грейлан*» [4]. К цитируемой странице отчета Жиро следует сделать два замечания. Во-первых, подъем, о котором идет речь, назывался *грейлонским*, а не грейланским [5]. Во-вторых, по причинам, которые будут объяснены ниже, для нас очень важно установить, что, рассказывая о борьбе на грейлонском подъеме, Жиро упомянул о захвате солдатами одного из орудий, находившихся в руках инсургентов; тем самым автор официальной версии признал, что одно из орудий было перевезено с Фурвьер на новую позицию.

Основываясь на показаниях ген. Флери, Жиро рассказывал, что инсургенты были оттеснены с грейлонского подъема к кладбищу Луайяс. Выполнив эту операцию, колонна, очистившая грейлонскую дорогу, вернулась в предместье Вэз и прошла через него в продольном направлении. На площади Пирамиды обе колонны соединились. Между тем саперы продолжали взрывать дома. Сопротивление инсургентов было сломлено. Началась варварская

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 291.
[2] «Schweizerischer Beobachter», № 47, 19.VI.1834.
[3] Национальная библиотека, Lb[51] 1288, p. 11.
[4] *Girod*, op cit., t. I, p 292.
[5] *Cochard*, Guide, p. 508. «Montée du Greillon, du quai de Pierre Seize près du rocher, à Fourvières.

расправа с повстанцами, захваченными в плен. Солдаты, приговоренные к ссылке в Алжир и примкнувшие к республиканцам, были немедленно расстреляны [1].

Около $4^1/_4$ часов дня контрреволюционеры разбили штаб инсургентов на площади Кордельеров [2]. Овладев церковью Сен-Низье Эймар бросил сильные воинские части на подступы к штабу. Рассказывают, что предварительно около 2 часов дня к Лягранжу был послан парламентер из мэрии. Парламентера привели на площадь Кордельеров с завязанными глазами Но как только в штабе Лягранжа узнали, что мэр предлагает прекратить «бесполезное сопротивление», повсюду раздались возгласы: «Республика или смерть!» Лягранж до последней минуты руководил боем. Овладев площадью Фромажери и прикрываясь артиллерийским огнем, солдаты начали штурмовать баррикады на улицах Дюбуа, Жантий и Жерб. Сила артиллерийского обстрела была непреодолима. Очистив подступы к площади Кордельеров, озверевшая солдатчина бросилась к церкви св. Бонавантюра. Кучка инсургентов во главе с Лягранжем до последней минуты не покидала позицию Но после ожесточенного обстрела церкви, терявшейся в облаках порохового дыма [3], солдаты приблизились к порталу, взорвали церковные ворота и, шагая по трупам, вторглись в штаб Лягранжа. Немало храбрецов погибло в рукопашной схватке в самой церкви св. Бонавантюра. В числе их был брат Марка Коссидьера, зверски изрубленный, превращенный в «кровавое кружево» бандитами Эймара [4]. Лягранж спасся, выйдя через ризницу.

С падением позиций республиканцев в *центре* города, восстановилась связь между штабом Эймара и лионской ратушей. Трехцветные флаги показались на тех колокольнях, где еще утром реяли красные и черные знамена. Нестройное пение «Парижанки» и возгласы «да здравствует король» загудели под церковными сводами.

Гаспарен и Эймар наперерыв спешили прокламировать «победу».

Но до полной победы было еще далеко На правом берегу Соны стойко держалось предместье Сен-Жюст: местные инсургенты продолжали укреплять позиции, сооружая все новые и новые баррикады (на улицах Трион, Трувэ, де Форж) Реквизиции оружия не прекращались. Инсургенты побывали в деревнях Шапоп, Сусье, Бринда, Мессими, Шарбоньер Прибавилось еще 150 ружей Жирар утверждает, что орудие, отнятое солдатами на грейлонском подъеме и будто бы брошенное ими при возвращении в Вэз, вновь перешло в руки инсургентов Обстрел левого берега Соны из кварталов Сен-Жорж и Сен-Поль, занятых республиканцами, не прекращался

[1] Национальная библиотека, Lb^{51} 2185, p 16
[2] «Le Fédéral», № 29, 14.IV 1834; II Suppl Цитируется сообщение префекта департамента Роны префекту департамента Эны.
[3] «Biographie des accuses d'avril», p. 32.
[4] *Caussidière*, Mémoires, p. 62.

Внутри города, севернее ратуши и в самом квартале ратуши, крепко держались *все* позиции инсургентов. В этот день они даже усилились одним новым постом (на улице Массон). Огонь по казарме Колинетт и набережной Сен-Клэр сильно беспокоил защитников «порядка».

Во всем городке Круа-Рус инсургенты господствовали безраздельно. Под твердым и умелым руководством Карье защитники Круа-Рус принимали разнообразные меры для укрепления предместья: разламывали каменные заборы, открывая тем самым лучшие возможности обстрела противника; производили реквизиции продовольственных припасов у мясников и других торговцев. Свободное движение обывателей по улицам предместья было воспрещено, и только в исключительных случаях выдавались пропуски, скрепленные подписью Карье. Несколько пропусков попали позднее в руки следователя, и таким образом было установлено авторство Карье в отношении одной рукописной прокламации, написанной 12 апреля. Карье писал:

«Граждане! Желая посеять в наших рядах уныние, военные власти прислали мэру Круа-Рус депешу, в которой говорится, что город покорен. Это неверно; республиканцы, преисполненные мужеством и рвением, сопротивляются, одерживая верх. Последуем же их примеру. Продолжим нашу борьбу, о которой будут говорить наши потомки. Сохраним же до конца единодушие в наших боевых действиях. Противопоставим хитрости — хитрость, а жестокости — мужество. Еще несколько усилий, и скоро зазвучат слова победной песни:

Да здравствует свобода!
Проклятие тиранам! [1]

В тот же день Карье приказал произвести учет всех наличных сил, бойцов и оружия. Выяснилось, что в распоряжении Карье было 1 000 бойцов и 300 ружей.

Четвертый день борьбы в Круа-Рус закончился: все атаки противника были отбиты с большим уроном для воинских частей [2].

Непоколебимо держалось и соседнее с Круа-Рус предместье Сен-Клэр.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ

13 апреля

Утром 13 апреля на всех высотах правого берега Соны (включая террасу Фурвьер), а также внутри города, над церковью св. Поликарпа и над предместьем Круа-Рус все еще реяли *красные* знамена. Но Гаспарен, префект департамента Роны, спешил «доказать», что восстание подавлено. Не ограничиваясь успокоительными прокламациями и депешами, он поторопился издать приказ о возобновлении беспрепятственного движения по городу. Но обыватели,

[1] Национальная библиотека, Lb^{51} 2185, p 12.
[2] Национальная библиотека, Lb^{51} 1288, p. 10.

осмелившиеся показаться на улицах, были арестованы военными властями и под конвоем разведены по домам.

Бой возобновился около 10 часов утра [1]. Войска начали осаждать предместье Сен-Жорж, продолжавшее обстреливать арсенал.

Одна из колонн ген. Бюше зашла в тыл и напала на инсургентов со стороны заставы Карантен; другая колонна осаждала предместье с Гургийонского подъема. Диверсия в этой части правого берега Соны удалась. Около 3 часов дня, по взятии квартала Сен-Жорж, Бюше атаковал форт Сент-Иренэ. *Под давлением превосходных сил* противника инсургенты и здесь были вынуждены отступить. Но в том же районе военных действий непоколебимо держалось предместье Сен-Жюст. Защитники предместья не прекращали своих походов в деревню. Выступая в деревнях Бриньэ (Brignas), Сусье и Шарли, они продолжали с невозмутимым спокойствием уверять крестьян в том, что королевская власть больше не существует. От имени республиканского правительства они требовали оружия и продовольственных припасов. Еще лучше была организована защита позиций, оставшихся у республиканцев внутри города, т. е. в районе Ратуши и Ботанического сада.

«Ни в одной части города восстание не было так сильно и, если можно выразиться, так правильно (régulièrement) организовано», — говорил Жиро, характеризуя положение в этом районе [2]. Около 4 часов дня ген. Флери двинул сильную колонну на баррикады, сооруженные на улицах Гранд-Кот, Эмбер-Коломес, Нейрэ и Каноти. Баррикады были взяты к вечеру 13 апреля. Республиканцев дравшихся под командой портного Маринье, стали оттеснять как со стороны площади Терро, так и со стороны Гранд-Кот. Тем не менее даже и в этот день солдатам не удалось снять красное знамя с церкви св. Поликарпа и выбить республиканцев из казармы Бон-Пастер.

Один лионский обыватель рассказывал позднее о том, как вечером 13 апреля к нему явилась группа рабочих инсургентов изнуренных и почерневших в бою: «Они называли друг друга гражданами». Некоторые были вооружены солдатскими доспехами, у других же не было ни вооружения, ни припасов. Но никто не угрожал насилиями; все соблюдали отличную вежливость в обращении с хозяевами квартиры [3].

В ночь с 13 на 14 апреля некоторые позиции в северной части города были оставлены без боя. Сохранилось воззвание местного руководителя: «Человечность заставляет нас ныне искать пути к почетному отступлению. Можно совершить отступление, но это еще не значит быть побежденным. Мы еще можем принести пользу стране. Я убежден, что наша борьба заставит прозреть тех, кто не последовал за нами. Но нужно ждать, что все это сделает время

[1] «La Quotidienne», № 108, 18 IV.1834.
[2] *Girod*, op cit , t. I, p 301—302.
[3] «La Quotidienne», № 109, 19 VI.1834. Публикация частного письма из Лиона

Если же вы хотите продолжать бой, я первый подам пример. И, если ценою моей жизни можно купить то, что мы требуем, я готов выставить себя перед жерлами пушек» [1].

В Круа-Рус инсургенты в течение всего дня не уступили противнику ни одной пяди земли. Три бывших мэра пытались воздействовать на Депасьо-старшего и на других вождей предместья. В своих речах они рисовали картину предстоящих разрушений, беспощадной расправы, преследований, говорили о провале восстания в других районах. Но Депасьо спокойно слушал эти речи. Он был убежден, что парижские республиканцы поддержат движение в Лионе. Тогда «парламентеры» показали ему письмо из Парижа, датированное 11 апреля и доказывавшее, что вплоть до названного числа в столице не было выступлений. Повидимому, «парламентёры» хотели склонить вождей движения в Круа-Рус к тому, чтобы они незаметно покинули свои командные посты. Депасьо и Карье наотрез отказались расстаться с боевыми товарищами. В тот же день инсургенты Круа-Рус пробовали перейти в наступление. Во главе отряда шел Бюиссон. Но атаки инсургентов были отбиты, и Бюиссон погиб в неравной схватке.

В предместье Сен-Клэр борьба продолжалась. Здешним инсургентам даже удалось овладеть некоторыми новыми позициями. Но к вечеру, после ожесточенного артиллерийского обстрела со стороны противника, эти новые позиции были сданы.

ФИНАЛ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ

14 и 15 апреля

Финальный этап восстания хуже всего обрисован в наших источниках. Перечитывая официальные материалы и орлеанистскую прессу, ясно видишь перед собою руку, торопливо опускающую занавес над последними сценами боя. В отчете Жиро ничего не рассказывается о 15 апреля. Скудные данные о событиях 14 апреля переплетены с описанием событий 13 апреля, и, таким образом, у Жиро смазана вся картина шестого дня борьбы. Между тем 14 апреля, в шестой день восстания, бой еще был в полном разгаре. Артиллерийская канонада гремела до самой ночи [2]. Темным местом истории шестого дня борьбы является вопрос о способе овладения высотой Фурвьер. Мы знаем, что 13 апреля контрреволюционерам не удалось очистить весь правый берег Соны: предместье Сен-Жюст отбило атаки противника. Следующий фазис борьбы почти все источники освещают как «героическую» атаку высоты Фурвьер. Если учесть, что на высоте Фурвьер у инсургентов были 2 орудия, захват этой позиции должен действительно показаться трудным делом. Но имеется один источник, из которого явствует,

[1] «Le Bon Sens», 23.IV 1834. Перепечатка «Бюллетеня одной баррикады», опубликованного в газете «Прекурсер».
[2] *Perrin, L.*, Lettre à Th. Mermet, 15.IV.1834, «Revue d'histoire de Lyon», t. IV, p. 151—152.

что не героизм, а провокация помогла защитникам «порядка» овладеть террасой Фурвьер 14 апреля на террасу Фурвьер прибыла небольшая группа переодетых провокаторов, которые уговорили защитников Фурвьер снять орудия с этой высоты и перевезти их на скалу Пьер-Сиз [1] Принимая во внимание, что со стороны предместья Вэз угрожала серьезная опасность, провокаторы легко могли внушить мысль, что нападение последует именно с этой стороны Короче сказать, тот или иной предлог было бы нетрудно придумать, тем более что однажды, как мы заметили выше, одно орудие уже было спущено на Грейлонский подъем (Факт, признанный в отчете Жиро) Поэтому версия о провокации представляется нам весьма правдоподобной. Кстати сказать, сам Жиро совершенно обходит вопрос о взятии холма Фурвьер Подробно описывая все маневры Эймара, Жиро высказывается о Фурвьер лишь вскользь, мимоходом, не выясняя, как и когда были отняты у инсургентов их артиллерийские орудия [2]

Когда высота Фурвьер была освобождена от орудий и большей части защитников, солдаты без труда взошли на холм и легко справились с кучкой инсургентов, оставленных в карауле этой позиции Красное знамя было сорвано и заменено трехцветным. Заметив, что коварный маневр удался, Эймар стал решительно действовать против других районов, продолжавших сопротивление

[1] «Insurrections», p 26
[2] *Girod*, op cit, t I, p 301—302

Весьма вероятно, что инсургенты, перебросившие орудия на Пьер-Сиз, продолжали отстреливаться в течение всего шестого дня. Судя по частным письмам, полученным из Лиона в Париже, орудийная стрельба все еще слышалась «с Фурвьер» (явная ошибка в определении места) вплоть до 10 часов вечера 14 апреля [1]. Не ранее вечера была «очищена» и северная часть города [2]. 32 республиканца были схвачены на улице Толозан, в кабаре д'Аман. Казарма Бон-Пастер и церковь св. Поликарпа перешли в руки контрреволюционеров. Теперь против всего гарнизона ген. Эймара боролось только 2 района: Круа-Рус и Сен-Клэр.

Утром 14 апреля ген. Флери послал в предместье Круа-Рус своего курьера с предложением немедленно и полностью капитулировать. Но курьер был арестован инсургентами. Кордоны пьяной солдатчины начали окружать предместье и, наконец, ~~вторглись~~ в него, убивая не только участников восстания, но и мирных жителей. В квартале Глорисетт солдаты убивали беременных женщин [3]. Карье и братья Депасьо пробовали скрыться. Но это удалось только братьям Депасьо; Карье был арестован [4].

Большое значение имела и затяжная борьба в предместье Сен-Клэр. Как уже сказано, через это предместье шла дорога из Лиона в Женеву. Понятно, что до тех пор, пока дорога оставалась в руках инсургентов, швейцарская пресса, вопреки донесениям лионских властей, рассказывала о продолжении боя. Значение сопротивления предместья Сен-Клэр и «опасность» того обстоятельства, что инсургенты имеют выход в деревню, отмечались 14 апреля одним из современников событий, жившим в Берне: «Лион и подступы к нему не очищены...»

15 апреля настал *седьмой* день с тех пор, как на площади Сен-Жан раздались первые залпы. Во всех районах регулярные силы инсургентов были сломлены. Но отдельные, изолированные группы рабочих продолжали сражаться в Круа-Рус. В этой цитадели героизма жили люди с железной волей, безумно храбрые бойцы, твердо следовавшие своему девизу: «свобода или смерть». Большинство их погибло в неравном бою. Бежавшие инсургенты преследовались кавалерийскими отрядами [5].

16—17 апреля свободное движение по городу восстановилось [6]. Толпы обывателей, не осмеливавшихся показываться на улице в течение нескольких дней, выползли из подвалов и погребов и наводняли улицы, площади и набережные города. Невероятное зрелище разрушений и пожарищ представилось их удивленным взорам. Пробираясь по размощенным и перерытым улицам, мимо сплошных

[1] «Le Bon Sens», № 5, 18.IV 1834.
[2] «La Quotidienne», № 108, 18 IV.1834. «Nouvelles de Lyon» (извлечения из писем, полученных из Лиона).
[3] «La Vérité», p. 191.
[4] *Girod*, op. cit., t. I, p. 307.
[5] «Le Bon Sens», № 5, 18.IV.1834.
[6] «Allgemeine Zeitung», № 113, 23.IV.1834. Корреспонденция из Лиона от 16 апреля.

пожарищ и развалин, они внезапно сталкивались с тележками, нагруженными трупами, или с отрядами арестованных рабочих, закованных в цепи: у каждого были скованы руки и шея [1].

Повсюду кишела солдатчина. В город прибыли новые подкрепления. Состав гарнизона увеличился по меньшей мере до 32 тыс. человек [2]. Но как в декабре 1831 г., так и в апреле 1834 г., несмотря на громадное преобладание вооруженных сил контрреволюции, рабочие очень долго не «успокаивались» [3]. О последствиях апрельской борьбы лучше всего можно судить по тем впечатлениям, которые складывались у наблюдателей, приезжавших в Лион спустя несколько месяцев после событий. Вот что писал Озанам, вернувшийся в Лион после двухлетнего отсутствия: «Пушки апрельских

дней опрокинули дома, но вершины холмов увенчались вновь возведенными фортами, с густой зеленью гласисов, с яркобелыми стенами и с орудиями из превосходной бронзы. Торговли почти нет, и рабочие эмигрируют в Швейцарию; но зато у нас отличный гарнизон, военные парады, артиллерийские упражнения в стрельбе, патрули и, куда ни шагнешь, часовые. Набережные испещрены воен-

[1] «Der Erzähler», № 35, 2.V.1834. Этот факт был, повидимому, впервые опубликован в «Прекюрсере», ср «Le Bon Sens» 26.IV.1834.
[2] Арх. МИД, 1834, № 144. Pozzo à Nesselrode, Paris, 17.IV.1834.
[3] «Le Bon Sens», 29 IV.1834. «A Lyon les esprits ne sont pas plus calmes, pas plus pacifiés aujourd'hui, qu'ils l'étaient le lendemain du feu... la garnison est toujours sur le qui vive, les soldats et les sous-officiers ne parcourent les rues qu'avec le fusil en bandoulière.

ными мундирами; приятно звякают длинные сабли, чертя по замощенным площадям. А если и опустели некоторые мастерские, то зато переполнены дома терпимости и тюрьмы. Во многих местах орудийный огонь и подрывные петарды настолько разрушили целые кварталы, что пришлось совершенно заново строить все выставки магазинов. Множество людей переселилось...» [1]

Подведем предварительно некоторые итоги, позволяющие лучше понять отдельные, особенно важные моменты второго лионского восстания.

Предвосхищая описание событий, мы отмечали, что восстание не было возглавлено единым авторитетным вождем. Как рассказывает один осведомленный современник, руководители были избраны поквартально и внезапно («sur l'heure») [2], т. е. когда восстание уже началось.

Многие высшие руководители лионских республиканцев проявили нерешительность, непонимание задач организационной подготовки восстания, вредное «прекраснодушие». Совершенно иную характеристику заслуживает масса, ее низовые руководители, руководители боя в отдельных районах. Характерно, что почти во всех источниках, независимо от их политического направления, отмечается высокая организованность, дисциплинированность и чисто военные способности инсургентов. «Рабочие маневрировали как настоящие солдаты», — читаем мы в газете «Бон санс» [3].

[1] *Ozanam*, Oeuvres complètes, t. 10, Lettres, Ozanam à L. 15.X.1834.
[2] «Biographie des accusés d'avril», p. 23.
[3] «Le Bon Sens», № 3, 16.IV.1834; ср. «Allgemeine Zeitung», № 11, 23.IV.1834.

Гамбургская газета, основываясь на частных письмах из Лиона, писала: «Они (инсургенты) проявили такое упорство, ловкость и мужество, что можно было заключить о наличии у них могущественных зачинщиков» [1].

В предместье Круа-Рус была целая *система* баррикад [2]. Жиро рассказывал о строго выдержанной субординации инсургентов; их командиры подразделялись на лейтенантов, сержантов, капралов и т. д. Повсюду была введена регулярная смена постов, регулярная служба караулов. В Гийотьер на вопрос «Кто идет?» отвечали: «Гражданин, права человека» [3]. Исключительная, безумная смелость инсургентов также подтверждена самыми различными источниками [4]. Как и в ноябрьские дни 1831 г., жены и дети рабочих участвовали в борьбе.

Подростки, собираясь группами, нападали на солдат [5] и всюду деятельно выполняли вспомогательную службу. Женщины размощали улицы и перетаскивали в своих передниках камни на крыши

[1] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 95, 23.IV.1834; ср. № 92.
[2] «Biographie des accusés d'avril», p. 21.
[3] *Girod*, op. cit., t. I, p. 235, 242, 253, 310.
[4] Национальная библиотека, Lb[51] 2186, p. 7. «La Quotidienne», № 108, 18.IV.1834.
[5] «La Vérité», p. 54; ibid., p. 180—181.

домов и в верхние этажи [1], воодушевляли своих мужей и братьев ярким словом и личным примером [2]. Рассказывают, что одна женщина в упор стреляла в тех солдат, которые осаждали церковь св. Бонавантюра.

Орлеанистский «историограф» Монфалькон утверждал, что в отличие от массового восстания 1831 г. апрельское восстание было движением меньшинства рабочих и не находило сочувственного отклика в широкой массе населения. Все эти утверждения — чистейшая выдумка [3]. Сами военачальники рассказывали о сопротивлении, оказанном нерабочим населением перемещению артиллерийских частей в первый день восстания, до боя. В следующие дни, в разгаре борьбы, широкие слои населения не отказывали инсургентам ни в продовольственных средствах, ни в медицинской помощи. Многие укрывали инсургентов в своих домах в момент разгрома движения. При отступлении рабочих вдоль набережной реки Соны местные жители пытались задержать головные отряды воинских частей, которым было приказано преследовать инсургентов [4]. Напротив, отношение к офицерам было очень прохладным, если не враждебным. Военачальники жаловались, что они никогда не могли добиться у жителей каких-либо сведений о расположении позиций инсургентов, между тем как рабочие всегда были отлично информированы о диверсиях воинских частей [5].

Лионские корреспонденты газеты «Бон санс» сообщали, что победа ген. Эймара радует только одну буржуазию.

В свете всех этих данных становится совершенно ясным смысл таких явлений, как демонстрация «симпатий к армии», устроенная 20 апреля в лионском Большом театре. Орлеанистская газета «Курье де Лион» с восторгом рассказывала о том, как во время представления мелодрамы «Присяга» в момент, когда на сцене показались гренадеры местного гарнизона, со всех сторон зала «раздались продолжительные аплодисменты» [6]. Зная, на чьей стороне были симпатии широких слоев населения, можно утверждать, что аплодисменты

[1] *Monfalcon*, op. cit., p. 274.
[2] *Girod*, op. cit., t. I, p. 267.
[3] Здесь уместно сказать несколько слов об освещении второго лионского восстания в современной буржуазной историографии. Пока появилась только одна работа — беглый очерк Ж. Годара, напечатанный в художественном французском журнале «Революция 1848 г.». Сравнивая лионские восстания, Годар допускает новые, еще более характерные ошибки. В статье о восстании 1834 г. Годар окончательно усваивает орлеанистскую оценку восстаний: по его мнению, ноябрьское восстание — не более как частный, аполитичный конфликт ткачей с мануфактуристами; апрельское же восстание — это *чисто* республиканское движение; в отличие от ноябрьского восстания, апрельская борьба не приобрела, уверяет Годар, массового характера: выступила лишь какая-нибудь тысяча рабочих (*Godart, J.*, Les journées d'avril 1834, «La Révolution de 1848», septembre — novembre 1934, № 150).
[4] «Biographie des accusés d'avril», p. 20.
[5] «Le Bon Sens», 26 IV.1834.
[6] «Giornale del Regno delle due Sicilie», 11 V 1834. В названной газете перепечатана заметка «Courrier de Lyon», 22 IV.1834.

по адресу гренадеров свидетельствовали лишь о *цинизме лионской буржуазии*, не постеснявшейся приветствовать палачей, запятнавших себя кровью детей и женщин.

Утверждение, что в апрельском восстании участвовало лишь меньшинство рабочего населения Лиона, опровергается всей историей шестидневной борьбы. Десятки тысяч рук нужны были для того, чтобы одновременно соорудить множество баррикад в различных частях города. Как мы уже говорили, вечером на второй день борьбы в штабе Эймара обсуждался вопрос о необходимости повторения «маневра ген. Рогэ»,т. е. о выводе войск из города. Но в 1831 г. у ген. Рогэ было лишь около 4 тыс. бойцов (не считая национальную гвардию, подавляющая часть которой перешла на сторону инсургентов). В распоряжении же ген. Эймара было по меньшей мере около 13 тыс. человек, т. е. втрое, если не вчетверо, больше, чем у ген. Рогэ.

Число жертв, павших в Лионе в апрельские дни, было бы тоже убедительным доказательством массового характера движения, ожесточенности и продолжительности боя. Но точно установить число раненых и убитых инсургентов невозможно. Можно лишь показать, как далеко расходились мнения различных современников по этому вопросу. Монфалькон совершенно необоснованно утверждал, что число убитых инсургентов и солдат было не более 600, причем, по его мнению, потери республиканцев и защитников «порядка» были одинаковыми: по 300 убитых с каждой стороны [1]. Даже орлеанистская пресса отмечала неравенство потерь [2]. Не соответствует действительности и вышеозначенное число убитых солдат: по данным одного офицера, участвовавшего в подавлении восстания, были убиты 20 офицеров и 400 солдат [3]. Другие современники событий называли гораздо более значительные цифры — 1 200 и даже 6 тыс. убитых (инсургентов и солдат, вместе) [4]. Газета «Дофинуа» утверждала, что в апрельском бою было убито и ранено не менее 107 женщин [5].

Совершенно точные данные о числе жертв не могут быть установлены. «Кто сможет когда-либо подсчитать всех задохнувшихся в дыму пожаров, сгоревших или сраженных пулей [6], — вот характерное восклицание, вырвавшееся у жительницы Лиона, писавшей под свежим впечатлением апрельских событий.

[1] *Monfalcon*, op. cit., p. 292—295.
[2] «Bulletin du Soir», № 311, 1834. «Ce n'est pas du côté des troupes que les plus grandes pertes ont eu lieu».
[3] «Le Bon Sens», 22.IV.1834. — Ср. цифры, опубликованные в «Neue Züricher Zeitung», № 36, 3.V.1834. Названная газета сообщала официальные данные военного министерства, извещавшего, что в Лионе убито 27 офицеров, 88 солдат и ранено 43 офицера и 317 солдат. В «Biographie des accuses d'avril» фигурируют те же цифры, но в обратном отношении, т. е. убитых офицеров 43, раненых 27 и т. д.
[4] «Insurrections», p. 29; Национальная библиотека, Lb^{51} 2186, p. 9.
[5] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 39, 14. V.1834.
[6] *Alazard*, op. cit., p. 34.

Как и в ноябрьские дни, многие раненые инсургенты решительно отклоняли предложения о перенесении их в городскую больницу [1]. Но некоторым рабочим, вероятно, независимо от их воли, пришлось воспользоваться больничной койкой. Бесплатная медицинская помощь оказалась для них поистине «данайским даром» полиция разместила среди раненых находившихся на излечении в больнице Отель Дье, своих шпионов-провокаторов [2].

Наряду с основными политическими лозунгами «Республика или смерть», «Права человека», лионские рабочие открыто и резко провозглашали свои социальные требования. «Долой фабрикантов, долой богачей. Теперь настала наша очередь пользоваться роскошными шелковыми постелями», — кричали женщины. «Будь уверена, через несколько дней мы будем богачами», — говорил один рабочий своей жене. «По крайней мере на этот раз мы не будем такими глупцами, как в ноябре» (1831 г.). «Настал и на нашей улице праздник». «Да ведь и пора»,—восклицали другие. Правда, об этих «ужасных» возгласах рассказывал историк, не заслуживающий доверия; но в данном случае он едва ли искажал истину [3]. В официальном отчете о событиях 1834 г. приводятся примеры подобных же восклицаний. «Надо совершить революцию, чтобы и нам в свою очередь иметь красивую одежду» [4].

В 1831 г. в числе рядовых участников восстания были и иностранцы. Яркий след оставил в памяти лионцев негр Станислас, метко стрелявший в солдат ген. Рогэ. В 1834 г. не только среди рядовых бойцов, но и в руководящем составе инсургентов было сравнительно много иностранцев, например женевец Маринье, португалец Корреа, немцы Брейтбах и Рейнхардт, поляк или литовец Рочинский, англичанин Ouke de Wurth, итальянцы Раджо, Рокати и др.

Какую роль сыграли в апрельском восстании бонапартисты и карлисты? Известно, что два виднейших легитимиста, Бурмон и Сала, были арестованы во время восстания. Но прибегая к этой мере, лионские власти, повидимому, старались лишь поддержать слух об участии карлистов. Для арестованных легитимистов был создан особый режим заключения: Бурмон и Сала отбывали арест в квартире Шегарэ и вскоре были освобождены.

Зеленое знамя, водруженное на одной из баррикад предместья Сен-Жорж неким Вейроном, появившимся в шапочке, украшенной зеленым и белым лоскутами, было сорвано с баррикады [5].

Труднее выяснить роль бонапартистов. Жиро рассказывает о том, как некий лейтенант Девалис, подслушивая разговоры инсургентов (лейтенант был взят в плен), узнал, что лионцы ждали прибытия Люсьена Бонапарта Кроме того Жиро упоминает о печатной бонапартистской прокламации, которую доставил в предместье Сен-Жюст начальник мютюэлистской ложи Делорм. В прокламации, адресованной инсургентам, сообщалось, что Люсьен Бонапарт возглавит новое правительство. Но комментируя эти факты, составитель официального отчета утверждал, что разговоры о Люсьене Бонапарте и прокламация были только «маневром» руководителей восстания, желающих воспользоваться популярным именем Бонапарта для усиления энтузиазма инсургентов.

Мы уже знаем, что в изучаемый период бонапартисты выступали как республиканцы. Таким образом, поскольку речь шла о президенте республики, известная часть лионского населения действительно могла поддерживать кандидатуру того или иного из родственников Наполеона Бонапарта.

Но как бы ни расценивать значение «слухов» о Бонапарте, вполне достоверным является факт, вовсе не упомянутый Жиро Другой родственник Наполеона, не Люсьен, а Луи Бонапарт, герой «фарса» 1851 г., появился в апрельские дни 1834 г. в Берне и выжидал там исхода событий, мечтая «сделаться президентом новой французской республики» [1].

В заключение следует с особенной силой подчеркнуть, что попытка лионских инсургентов активно воздействовать на крестьян отличает апрельское восстание не только от восстания 1831 г., но и от всех революционных движений XIX в. во Франции

В предыдущей главе были перечислены деревни, в которых жили ткачи, работавшие на лионских фабрикантов. Сопоставляя названия этих деревень с наименованиями селений, в которых агитировали лионские инсургенты, мы убеждаемся, что республиканцы выступали не только в деревнях, населенных сельскими ткачами. Можно утверждать, что известная часть сельского населения охотно откликалась на призыв к восстанию Но учитывали ли лионские республиканцы жизненные интересы своих деревенских союзников? Сумели ли они выбросить хотя бы один лозунг, отвечающий социальным требованиям угнетенной части сельского населения? Наши документы ничего не говорят в ответ на эти вопросы История же деятельности Общества прав человека и гражданина убеждает нас в том, что республиканцы вплоть до восстания 1834 г. не уделяли никакого внимания аграрному вопросу.

[1] «La Vérité», p. 201—202
[2] «Le Bon Sens», 22 IV 1834.
[3] *Monfalcon*, Code moral des ouvriers, ср также «Histoire des insurrections», p 270
[4] *Girod*, op cit., t. I, p. 312.
[5] Ibid., p. 298.

[1] Арх. МИД, 1834, № 23, Sévérine à Nesselrode.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЛНЕНИЯ В ПРОВИНЦИИ И В ПАРИЖЕ В ДНИ ВТОРОГО ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ

История внелионских движений в апреле 1834 г. представляет одну из совершенно неразработанных тем. Едва ли нужно пояснять трудности исследования вопроса, требующего изучения малодоступных местных материалов, например, местной прессы, комплекты которой отсутствуют даже в Париже. Но в нашей работе абсолютно необходимо осветить эти движения. Они были непосредственными откликами на события в Лионе, отчасти проливающими свет и на внутреннюю историю лионского филиала Общества прав человека.

ГОРОД СЕНТ-ЭТЬЕН (ДЕПАРТАМЕНТ ЛУАРЫ)

Начиная борьбу, лионцы были уверены в том, что сент-этьенские рабочие и местные республиканцы свергнут местную власть и пойдут на помощь революционному Лиону. На чем же была основана их уверенность? История февральских волнений могла бы внушить сомнение в подготовленности сент-этьенской организации к бою. Правда, в марте того же года обнаружились признаки оживления рабочего движения в районе Сент-Этьена. Шахтеры устроили стачку с целью повышения заработной платы. Сапожники основали Благотворительную ассоциацию, которая из мирной организации взаимопомощи вскоре превратилась в боевой профессиональный союз. А появление законопроекта о воспрещении ассоциаций оживило деятельность местных республиканцев. Создалась иллюзия сплоченности сил революционной оппозиции. Незадолго же до второго лионского восстания в Сент-Этьене возник острый конфликт между ткачами-ленточниками и предпринимателями. В конце марта ассоциация басонщиков потребовала повышения расценок. Значительная часть предпринимателей, повидимому, не возражала, и вскоре новые расценки были афишированы по городу без предварительного обсуждения советом прюдомов и делегатами фабрикантов. Но два фабриканта, Барулье и Парейон[1], категорически отклонили требование ткачей, выразившись оскорбительно по адресу всей их ассоциации [2]. Сам Барулье рассказывал, что «за несколько дней до 2 апреля» он был предупрежден своими ткачами о решении союза басонщиков приостановить станки, занятые его заказами. Вопреки установившемуся обычаю, было решено немедленно реализовать постановление, не дожидаясь трех последовательных подтверждений принятого постановления. И в самом деле, станки, работавшие на Барулье и Парейона, были остановлены 1 апреля. Оба фабриканта пожаловались в совет прюдомов, который тотчас же решил дело в их пользу, приговорив ткачей, снятых с работы своим союзом, к возмещению «убытков», причиненных господам фабрикантам. Вся корпорация басонщиков была возмущена этим решением. Широкая масса ткачей требовала объявления всеобщей забастовки. Между тем в Лионе вспыхнули вышеописанные волнения 5 апреля. Ситуация, сложившаяся 6, 7 и 8 апреля, требовала строжайшей координации действий сент-этьенских и лионских революционеров. По данным судебного следствия, в Сент-Этьене уже 7 апреля слышались разговоры о неизбежности столкновения в ближайшие дни [3].

9 апреля около 4 часов пополудни в Сент-Этьене узнали о лионском восстании. Рабочие сразу же вышли на улицу. Большими группами они толпились на площадях. Префект департамента Луары всемерно старался парализовать движение, реквизируя порох у торговцев, концентрируя жандармерию всего округа в Сент-Этьене, расставляя заградительные отряды на пути в Лион и т. д. Регулярные воинские части, находившиеся в распоряжении местной власти, состояли из 2 тыс. солдат пехоты, 150 конных и пеших жандармов и 4 артиллерийских орудий [4]. Что касается местной национальной гвардии, то лишь ничтожная ее часть — около 50 человек — выполнила требование префекта и предстала с оружием в руках. Явное численное превосходство было на стороне рабочих. Но они не были вооружены, и это обстоятельство парализовало волю руководителей.

Главари союза басонщиков даже не решались объявить всеобщую стачку. Запоздалое постановление о стачке было принято лишь тогда, когда фактически, с получением известий о начале гражданской войны в Лионе, сами рабочие прекратили работу. Так, при полном бездействии «вождей» (руководителей союза ленточников и подавляющего большинства руководителей республиканцев) прошел весь день 9 апреля. Рядовые члены союза собрались вечером

[1] В «Procédure», p 112, они названы Baroulier и Parayon. В «Réquisitoire», p 80, — Parayon и Badouiller У Жиро — Бадуйе и Паррейан, ср «The Times», 14 IV 1834, корреспонденцию из Сент-Этьена, в которой они именуются, как Parrayon и Barrouiller

[2] «The Times», 14 IV 1834, корреспонденция из Сент-Этьена.

[3] *Girod*, op cit , t I, p 325

[4] «The Times», 18 IV 1834, корреспонденция из Сент-Этьена от 12 апреля По данным газеты «Staats und Gelehrte Zeitung», № 94, 22.IV.1834, в сент-этьенском гарнизоне было только 1 400 солдат.

в своих секциях и постановили устроить демонстрацию на следующий день.

Волнения, начавшиеся в широкой массе, и весть о восстании в Лионе перепугали фабрикантов. Они сами обратились к Барулье и Парейону с просьбой о согласии на новые расценки. Барулье и Парейон уступили. Они письменно подтвердили свой отказ от возмещения убытков. Обрадованные вожди союза ленточников сообщили об этом взволнованной толпе ткачей. Но речи синдиков были заглушены криками: «К оружию! Идем на ратушу! На помощь нашим лионским братьям! Синдики продали нас за 100 тыс. франков! Повесить синдиков!» [1] Вожди союза басонщиков-хозяев потребовали, чтобы им дали час на размышление. Но через несколько минут крики возобновились. Некий Порт, один из синдиков-оппортунистов, спросил, где же рабочие возьмут оружие. Толпа ответила: «Оно имеется у солдат!»

Два дня были безвозвратно потеряны. И лишь во второй половине третьего дня, т. е. 11 апреля, началось восстание. С утра мимо ратуши прошла большая колонна безоружных демонстрантов (около 4 тыс. человек) с криками: «Долой полицию, долой армию, долой правительство!» К басонщикам присоединились шахтеры, согласившиеся под давлением ткачей прекратить работу и выйти на улицу. Около 4 часов дня многочисленные отряды частично вооруженных инсургентов (ружья отбирались у обывателей под расписку) появились на разных улицах города. Во главе одного из отрядов численностью около 100 человек находился Пьер Ревершон, сент-этьенский механик. Вдохновителем восстания был сен-шамонский рабочий Брюнэ, убитый в тот же день [2].

Кратковременный успех восстания косвенно признан даже в таком источнике, как отчет Жиро, где говорится, что жандармерия «вновь овладела (regagna) ратушей» Площадь Шаванель, где находилась оружейная мануфактура, была отбита воинскими частями, но как только они передвинулись на другую позицию, инсургенты снова там появились и с криками «баррикады!» стали быстро строить заграждения на подступах к площади. Женщины и дети принимали деятельное участие в борьбе. Однако баррикады не выдержали натиска соединенных конных и пеших частей. В ночь с 11 на 12 апреля происходили лишь изолированные нападения на солдат, особенно с крыш некоторых домов [3] 12 апреля силы защитников «порядка» были подкреплены воинскими частями, прибывшими из Монбризона и из других мест [4]. И, кроме многолюдных сходок, происходивших утром 12 апреля, в этот день не было больше никаких видимых признаков борьбы: аресты и обыски производились незаметно.

[1] «Procédure», показание синдика Chossegros, p 111—115; показание секретаря союза ленточников, ibid., p. 119; ср. также показание другого секретаря, p. 125.

[2] «Procédure», p. 113, показание синдика Шабани, ленточника; ср. ibid., p 120.

[3] «Procédure», p. 136, показание лейтенанта Каррона.

[4] *Girod*, op. cit., t. I, p. 330. *Gras*, op. cit., p 594.

В одном из наших источников до некоторой степени поясняется странная история сент-этьенского восстания, поздно начатого и законченного так рано и бесславно. В кратком описании событий, предпосланном «Биографиям обвиняемых по апрельскому делу», дважды говорится об обмане сент-этьенского населения ложным известием о поражении лионских инсургентов [1]. Влияние этой ложной информации на всю значительную прослойку колеблющихся работников мануфактуры нетрудно себе представить. Но революционная часть населения не скоро «успокоилась». Несколько дней спустя в газетах появились сообщения о возобновлении движения в Сент-Этьене. В частном письме из Сент-Этьена, полученном в Париже после лионского восстания (оно было опубликовано 20 апреля), говорилось, что «порядок» восстанавливается с трудом и что множество сент-этьенских рабочих бежало из города [2].

Характерны и позднейшие признания местной прессы. Месяц спустя газета «Меркюр сегюзьян» не без иронии писала: «Материальный порядок восстановлен. Это значит, *что больше не стреляют из ружей на наших улицах*». Экономическая же конъюнктура нисколько не улучшилась [3]. Как видно, «стрельба из ружей» отнюдь не была делом каких-нибудь нескольких часов или одного дня [4].

ГРЕНОБЛЬ, ВЬЕННА И ДРУГИЕ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ДЕПАРТАМЕНТА ИЗЕРЫ

Гренобль, главный город департамента Изеры (в 1834 г. около 25 тыс. жителей), считался одним из провинциальных центров оппозиции. Филиал Ассоциации в защиту свободы печати появился здесь с начала 1832 г. Здесь же частично подготовлялась вторая савойская экспедиция. Популярный политический деятель, гренобльский *негоциант Пиродон, привлекался к судебной ответственности* за причастность к экспедиции [5]. Но Общество прав человека и гражданина возникло в Гренобле сравнительно поздно. Местная газета «Дофинуа» ясно определила момент и причины перехода гренобльских республиканцев к тактике *закрытых* собраний, свойственной именно Обществу прав человека и гражданина, а не Ассоциации в защиту свободы печати. Покушение правительства на право союзов — вот что заставило гренобльских республиканцев вернуться к традициям Карбонады времен реставрации, писала «Дофинуа» 7 марта 1834 г. Сомнительно, впрочем, что гренобльский филиал Общества прав человека и гражданина когда-либо вполне обособлялся от Ассоциации в защиту свободы печати. Существование же

[1] «Biographie des accusés d'avril», p. 22, et p. 30.

[2] «La Quotidienne», № 110, 20.IV.1834.

[3] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», перепечатка из «Mercure Ségusien».

[4] В свете всех этих данных становится очевидной лживость рассказа Конфалькона о сент-этьенских событиях.

[5] «Réquisitoire», p. 83.

объединенной организации накануне апрельских событий предста-вляется нам совершенно бесспорным [1].

Гренобль — город перчаточников. Положение их еще до изобре тений Жувена все более и более ухудшалось под влиянием двойног гнета как со стороны кожевенных торговцев, снабжавших перчато ников сырьем, так и со стороны купцов, продававших перчатки Изобретения Жувена, которые кратко и в современных термина можно охарактеризовать как некую «стандартизацию» производств (Жувен впервые ввел стабильные размеры перчаток, и производство качество которого почти целиком зависело от виртуозности мастера. так как обычно в каждых двух дюжинах перчаток не находилось и двух пар, вполне сходных одна с другой, упростилось), потребо вали более значительных затрат на оборудование мастерских, что еще более усилило зависимость мастера от капиталистов [2].

Словом, в Гренобле, в числе его 25 тысяч жителей, было достаточно много рабочих и ремесленников, готовых к самым решительным выступлениям. Но во главе гренобльских республиканцев стояли мелкобуржуазные и буржуазные политические деятели.

О лионском восстании в Гренобле стало известно на следующий же день, и одна из частей гренобльского гарнизона в тот же день, т. е. в четверг 10 апреля, вышла из Гренобля для соединения с войсками Эймара. Но вожди гренобльских республиканцев заняли выжидательную позицию. Собравшись в редакции газеты «Дофинуа», они решили послать в Лион своих эмиссаров для обследования событий на месте [3]. 11 апреля сведения о восстании в Лионе подтвердились. В широкой массе городского населения начались волнения. Тогда офицеры гренобльской национальной гвардии и вожди организации послали депутацию к городскому мэру с предложением добровольно присоединиться к движению и объявить ополчение национальной гвардии. Мэр согласился. Но префект отказался выдать оружие, и толпы возмущенного народа тотчас же появились на площади Кравейсон, перед редакцией «Дофинуа», с криками: «К оружию! В набат!» Однако руководители республиканской организации продолжали сдерживать массу. И полиции удалось сорвать красное знамя, прекратить набатный звон и т. д. Часть республиканцев попыталась вовлечь в движение окружающие деревни.

В описываемый день, т. е. 11 апреля, в Гренобль прибыл энергичный революционер, Наполеон Шансель, член Общества прав человека, участник сент-этьенских волнений в феврале 1834 г., уже отбывший двухмесячное тюремное заключение [4]. Но ни 11, ни 12 апре-

[1] В судебных материалах нет даже намеков на четкое разграничение двух названных организаций. Напротив, из контекста «Réquisitoire» p. 82, видно, что Farconnet, секретарь Ассоциации печати, и Pirodon разделяли руководство всей организацией. Ср. неуверенное освещение этого факта в книге *Perreux*, op. cit., p. 108.

[2] *Côte*, L'industrie gantière et l'ouvrier gantier à Grenoble, Paris — Grenoble 1903, p. 57.

[3] «Réquisitoire», p. 84.

[4] Ibid., p. 85.

ля Гренобль не примкнул к восстанию в точном смысле слова. Множество шумных сборищ, отдельные, очень немногочисленные стычки с солдатами, движение манифестантов по улицам — вот и весь список подвигов гренобльских республиканцев *внутри* города. 13 апреля положение стало более напряженным, однако и в этот день настоящее восстание вспыхнуло не в самом Гренобле, а в гренобльском предместье, за заставой Бонн, которая охранялась солдатами и закрывала инсургентам вход в город.

Во главе инсургентов предместья были вышеназванные республиканцы Пиродон и Шансель. Инсургенты били в набат с церкви Сен-Жозеф, агитировали в деревнях, вербовали все новых и новых сторонников. Положение Гренобля могло резко измениться на следующий же день. Но в этот момент была получена реляция Эймара о разгроме восстания в Лионе. Не потерпев поражения в бою, гренобльские инсургенты должны были разойтись.

Оппортунисты из рядов гренобльской организации откровенно рассказывали о своем предательстве. Некий негоциант Флавизет сказал, что, будучи членом гренобльского Общества прав человека, он использовал все свое влияние для того, чтобы помешать восстанию. Он уверял, что руководители гренобльского комитета всегда были единодушны в своем стремлении избежать гражданской войны [1]. А 14 апреля в газете «Дофинуа», считавшейся органом гренобльского Общества прав человека, появилась статья, в которой с удивительным цинизмом развивалась явно нелепая мысль, будто бы лионское восстание имело лишь локальное значение, как конфликт, вспыхнувший лишь внутри «промышленных ассоциаций» и не санкционированный республиканской партией [2].

В гор. *Вьенне* рабочие построили две баррикады, посредством которых им удалось задержать движение полубатальона 15-го пехотного полка, проходившего 11 апреля через этот город для соединения с силами ген. Эймара [3].

В *Виллербанне*, поселке, граничащем с лионским предместьем Гийотьер, восстание подняли сами лионские инсургенты. Вооруженный отряд во главе с Гийомом Озаром (Auzart) прибыл из предместья Гийотьер, обезоружил стоявший в Виллербанне военный пост, разгромил жандармскую казарму, отстранил мэра от власти и отобрал оружие у частных граждан — жителей названной коммуны. Национальные гвардейцы коммуны Виллербанн присоединились к лионским инсургентам. Подобные же события произошли в коммунах Мейзьё, Во-ан-Велэн и Десим [4].

В *Сен-Симфориан д'Озоне* около 4 часов дня 10 апреля появился рабочий Жуайяр (Joyard), прибывший из Гийотьер. Повинуясь Жуайяру, население сдавало лионским инсургентам оружие и припасы, но будто бы отказалось примкнуть к восстанию.

[1] «Procédure», p. 176.

[2] «Réquisitoire», p. 87.

[3] Ibid., p. 89.

[4] Ibid., p. 89.

В Ля-Рош-Турене движение возглавил капитан местной национальной гвардии, приказавший бить в набат. Но это выступление запоздало: оно было сделано 13 апреля. В *Ля-Тур-дю-Пэне* и некоторых других коммунах тоже были волнения, но они не освещены в наших источниках.

Мало данных о наиболее значительной попытке содействия лионским инсургентам: в ночь с 10 на 11 апреля близ лионского форта Лямотт появился большой отряд (около 500 человек), прибывший из долины Дофине [1]. Состоял ли он целиком из *гренобльских* рабочих или в нем было лишь ядро гренобльцев, собравших вокруг себя союзников-крестьян, сказать трудно. Отряд был обстрелян фортом Лямотт и артиллерийским полком, подходившим в этот момент к Лиону для соединения с силами ген. Эймара [2].

ГОРОД АРБУА (ДЕПАРТАМЕНТ ЖЮРА)

Интересна история республиканского движения в *Арбуа*, небольшом городе департамента Жюра. Еще задолго до апрельских волнений Арбуа занял своеобразное место в ряде тех многочисленных оппозиционных организаций, которые широкой сетью раскинулись по Франции. Национальный союз (или ассоциация), возникший здесь в марте 1831 г., просуществовал очень недолго. Он вскоре превратился в демократическую республиканскую ассоциацию, не требовавшую обязательных членских взносов и состоявшую только из «трудового народа, безотрывно занятого хозяйством» [3].

Мы уже говорили о тяжком положении французских крестьян, в частности крестьян-виноделов, в годы реставрации. После революции 1830 г. положение их ухудшилось, что и подтвердили волнения, вспыхнувшие в Арбуа осенью 1830 и в январе 1831 г. Местные условия очень благоприятствовали росту республиканской партии, и небольшая группа интеллигентов-пропагандистов скоро добилась в районе Арбуа значительных успехов. Во главе группы был талантливый оратор, адвокат Евгений Реньо д'Эперси, или Деперси [4], председатель департаментского комитета — мужчина богатырского вида, но боязливый, слабохарактерный и недостаточно предприимчивый [5]. Соратником Деперси были Клер де Ландрес, адвокат и экс-мэр гор. Арбуа, уволенный за республиканские взгляды, и Бюден, экс-мэр одной из соседних коммун.

В 52 кантонах департамента Жюра появились ячейки республиканской организации, руководимой Деперси. Время от времени эта организация (в ней было около 600 человек) устраивала антиправительственные манифестации. Но она долго не была связана

[1] «Insurrections», p. 14.
[2] «Allgemeine Zeitung», № 121, 1.V.1934, перепечатка из «Journal de Paris».
[3] *Perreux*, op. cit., p. 86.
[4] «Procédure», p. 269, 277; «Réquisitoire», p. 101.
[5] *Perreux*, Trois dates de l'histoire d'Arbois: 1830—1848—1851, «La Révolution de 1848», t. 28, № 139, p. 202.

с Парижем. Регулярные сношения арбуасских республиканцев с Парижем установились лишь со времени возникновения и распространения ассоциаций в защиту печати. Филиал Ассоциации, появившийся в департаменте Жюра в сентябре 1833 г., был второй республиканской организацией, учрежденной Деперси. Она тоже отличалась своеобразными чертами. Именуясь Ассоциацией в защиту патриотической печати, она сохраняла самостоятельность и комплектовалась членами республиканской ассоциации.

В конце 1833 г. население гор. Арбуа обратилось в палату депутатов с петицией о предоставлении избирательных прав всем гражданам *без различия* их положения («indistinctement») [1]. Появление же законопроекта о воспрещении союзов вызвало живейшие отклики по всем департаменте Жюра. Деперси предложил организовать массовый протест.

Известие о восстании в Лионе было сигналом к началу волнений в Арбуа. 10, 11 и 12 апреля местная власть еще держала бразды правления, хотя уже все говорило о растущем сочувствии населения к группе республиканцев, желавших поднять восстание. Около 400 манифестантов, виноделов и ремесленников, собралось вечером 13 апреля на площади Свободы. Все ждали почтового дилижанса с последними известиями о Лионе. Около $9^1/_2$ часов вечера карета появилась. Из нее вышел Жирар, клерк, служивший в гор. Лонле-Сонье, и, сообщив об успехах лионских инсургентов, стал упрекать арбуасцев в нерешительности и бездействии. Тогда раздались крики: «К оружию!» Манифестанты бросились к Деперси, предложили ему возглавить восстание. Деперси сначала колебался, потом решительно отказался и, наконец, лишь под угрозой позорного шаривари, т. е. «кошачьего концерта», принял командование. Он направился в городскую ратушу. Но группа более смелых инсургентов опередила его. Караульный пост у ратуши был уже обезоружен, все помещения мэрии были уже переполнены инсургентами, и мэр уже успел получить сильный удар ружейным прикладом [2], когда в рядах взволнованной толпы, гудевшей в ратуше, показалась высокая фигура Деперси. Деперси спас мэра, но потребовал выдачи оружия и тут же провозгласил победу республики. Восстание в Арбуа победило. Солдаты были обезоружены. Трехцветные знамена запылали и превратились в пепел. Низложив мэра, арбуаские инсургенты полновластно господствовали в ратуше, перехватывали правительственные депеши, издавали приказы, тут же в ратуше готовили боевые припасы и т. д. В окрестные деревни были посланы комиссары. Но не было необходимости в понуждении крестьян-виноделов: развернув красные знамена, крестьянские отряды выступили из деревень и уже приближались к городу.

15 апреля сравнительно большой вооруженный отряд (около 100 человек) был послан в Полиньи за порохом, в местный порохо-

[1] «Le Bon Sens», № 50, 15.XII.1833
[2] «Requisitoire», p 101, «Procedure», p. 267—268. В последнем источнике полностью воспроизводится показание самого мэра гор. Арбуа, Парандье.

вой склад. Рослый Деперси, в синей блузе и красной шапке, с двухствольным ружьем в руках шел вместе с отрядом [1]. Но еще утром того же дня порох был эвакуирован в Лон-ле-Сонье.

Арбуасцы оказали и непосредственную помощь лионским инсургентам: они задержали эскадрон, направлявшийся в Лион [2].

Между тем известие о победе лионских инсургентов не подтверждалось. Напротив, как мы уже знаем, в эти самые дни—13, 14 и 15 апреля—по Франции распространялась ложная информация о полном разгроме лионских повстанцев. Участь арбуасских победителей была, конечно, предрешена исходом борьбы в Лионе. Тем временем к Арбуа подошли сильные воинские части. В маленький революционный город явился драгунский полк в сопровождении артиллерийской батареи [3]. Когда солдаты вступили в Арбуа, вождей восстания уже не было. Уничтожив компрометирующие бумаги, Деперси эмигрировал в Швейцарию. Свергнутая власть была восстановлена, и город Арбуа принял свой обычный вид. Но в окрестных лесах еще очень долго, по крайней мере до середины лета, скрывались жители Арбуа и окрестных деревень, которые принимали активное участие в апрельском восстании [4]. Имена виднейших участников движения в Арбуа появлялись в исторической литературе, но без указаний о социальном положении названных инсургентов. Заметим же, что ближайшим помощником Деперси был плотник Лорио (Loriot). Фруадво, представший перед судом пэров в 1835 г., был юристом-практикантом. Он участвовал в парижском республиканском восстании 5—6 июня 1832 г. [5]; в год апрельского процесса ему было 24 года [6]. Ламбер и Февр были землемерами; Соважан — членом муниципального совета; Гудар, начальник секции Общества прав человека, был сапожником; Гремо — штукатуром; Перру — бывший лесничий [7]. Профессии других видных участников: Жербе, Фюмей, Ладернье, Буйере, Брего и др., равно как и имена крестьян-виноделов, нам неизвестны.

ГОРОД БЕЗАНСОН

Поскольку безансонская организация была связана с арбуасским комитетом, здесь уместно сказать несколько слов о том, как она отреагировала к событиям в Лионе и Арбуа.

В сущности же в Безансоне не было никаких серьезных выступлений. 12 апреля на улицах города появились рукописные прокламации [8]. «Сборища» безансонского плебса (в Безансоне было около 29 тыс. жителей) начали беспокоить местную власть.

[1] «Procédure», p. 269.
[2] Национальная библиотека, Lb[51] 2186
[3] «La Quotidienne», N. 107, 17 IV. 1834.
[4] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», N. 48, 14.VI. 1834.
[5] Ср. *Perreux*, Trois dates de l'histoire d'Arbois, p, 212.
[6] «Biographie des accusés d'avril», p 55.
[7] «Procedure», p. 277—278, показание арбуаского прокурора Робера.
[8] «Requisitoire», p. 99.

Но 14 апреля руководитель безансонских республиканцев Миран заявил, что каждый свободен решать вопрос о своем отношении к восстанию в Арбуа: итти ли на помощь арбуаским инсургентам или оставаться в Безансоне. И собрание, состоявшееся 14 апреля на гласисе Арен, не приняло никаких общеобязательных постановлений [1].

ГОРОД ШАЛОН-СЮР-СОН (ДЕПАРТАМЕНТ СОНЫ И ЛУАРЫ)

Шалон — небольшой кантональный город бургундского департамента Соны и Луары—был республиканской «метрополией» [2] всей Бургундии. Именно в Шалоне, а не в Маконе, главном городе департамента, создалась напряженная революционная ситуация в апрельские дни 1834 г. Но роль Шалона как республиканского центра определилась только зимой 1833/34 г. Ранее, в 1832 г., здесь был лишь маловлиятельный политический клуб Общества патриотов, объединявший умеренных республиканцев. В дни приезда Гарнье Пажеса и Годфруа Кавеньяка город оживлялся. Обнаруживалось, что в Шалоне имеется заметная группа республиканцев, с негодованием отвергавшая проповедь политической умеренности и воздержания. Что касается широких слоев шалонского населения, то их антипатия к власти не могла возбуждать никаких сомнений. Еще осенью 1832 г. в Шалоне были народные волнения, слышались угрозы по адресу солдат и крики: «Долой префекта, долой мэра!» [3] Перелом в развитии республиканской партии произошел в октябре 1833 г. Казалось бы, что местные условия сулили блестящие перспективы шалонскому Обществу прав человека. В январе 1834 г. шалонская организация уже стояла в центре 40 филиалов [4]. На митинге, состоявшемся 16 марта того же года в Сен-Ком, присутствовало около 1 200 секционеров, часть которых пришла из деревень. В шалонской организации числилось около 800 человек, в филиалах — около 600. Но видимые успехи республиканской партии достигались путем *слияния* Ассоциации в защиту свободы печати с Обществом прав человека. Во главе бургундских республиканцев стоял адвокат Менан, экс-прокурор июльской монархии, назначенный на этот пост после революции и уволенный в 1831 г.

Бесспорно Менан был энергичным организатором. Менан — главный оратор на митинге 16 марта; Менан — активный участник парижского республиканского съезда, созванного для борьбы с законопроектом о воспрещении ассоциации; Менан — автор зажигательной брошюры «Пророчество Наполеона: Франция будет республикой. Республика отменит пошлины и налог на соль» [5].

[1] «Procédure», p. 376, показание Февра, крестьянина, члена местной республиканской организации; ibid., p. 378, показание торгового агента Флорена.
[2] «Requisitoire», p. 91.
[3] «Gazette des Tribunaux», 23.VIII. 1833.
[4] *Perreux*, op. cit, p 99.
[5] «Réquisitoire», p. 91.

Но тот же Менан был самым горячим сторонником объединения республиканцев; он считался «душой» обеих организаций: *Ассоциации в защиту свободы печати и Общества прав человека.*

Не только Шалон, но и окрестные деревни были глубоко взволнованы известием о восстании в Лионе. Слухи о лионских событиях распространились 10 апреля. Военные власти насторожились, усилили караульные отряды, а шалонский мэр спешно выехал по направлению к Лиону, чтоб лично ознакомиться с ходом событий [1]. Шалонские власти пытались обмануть население, муссируя ложные слухи о приближении к Шалону крупных войсковых частей и о подавлении лионского восстания. Но известия, полученные с пароходом, прибывшим из Лиона вечером 10 апреля, разоблачили тактику городских властей. Местная республиканская газета напечатала экстренный выпуск, рассеивавший слухи о поражении лионских инсургентов. 11 апреля на улицах Шалона появились многолюдные сборища. Группа республиканцев безуспешно попыталась захватить одну из важнейших стратегических позиций — мост через реку Сону [2]. В предместье Сен-Ком был захвачен склад оружия. Окрестные селения были готовы к самым решительным действиям. В Живри, небольшом кантональном городке, расположенном в 9 *км* от Шалона, население поднялось по первому же сигналу. Роман, член Общества прав человека, явился сюда и криками: «К оружию! Наших лионских братьев убивают! Шалон баррикадирован!», сразу же собрал ядро решительных революционеров [3]. Около 150 бойцов сошлось из окрестных селений Жамбль, Сен-Дезер-Морог, Сен-Жан-де-Во. Все они были готовы итти на Шалон. Но узнав, что Шалон спокоен и что республиканская организация отменила решение о вооруженном выступлении, инсургенты из гор. Живри и окрестных деревень разошлись. 12 апреля в местной республиканской газете «Патриот де Сон-е-Луар» появилась жалкая и позорная статья, разоблачавшая малодушие и оппортунизм руководителей. Провал выступления на Сонском мосту [4], неуверенность в исходе лионских событий, сопротивление влиятельной группы руководителей, предлагавшей ограничиться лишь косвенным содействием Лиону — сопротивлением отправке из Шалона воинских подкреплений, деморализовали часть сторонников восстания. При первых же известиях о поражении лионских инсургентов дрогнули и более решительные члены шалонской организации. Какую роль сыграл в крушении шалонского восстания вождь бургундских республиканцев, адвокат Менан? Наши источники недостаточно ясно освещают этот вопрос. Материалами судебного следствия установлено, что в критический момент шалонских событий Менан выехал из Шалона. Верхом на коне он объезжал окрестные селения. Не знаем, уклонялся ли он от ответственности за ход событий в Шалоне, или же, убедившись в оппортунизме шалонских «вождей», он искренно хотел возместить недостаток революционной энергии в городе мобилизацией союзников из среды бургундских крестьян, твердый характер которых неслучайно привлек внимание Бальзака. В ночь с 15 на 16 апреля в Шалоне было много арестов и обысков. В республиканском клубе полиция нашла заряженные ружья, порох, патроны, революционные воззвания и пакет брошюр под адресом Менана [1].

[1] «La Quotidienne», № 104, 14.IV. 1834, перепечатка из «Gazette de Bourgogne» (заметка «Шалон-сюр-Сон, 10 апреля»).

[2] «Procedure», p. 233 Мост был уже баррикадирован; но драгуны без труда рассеяли республиканцев, действовавших нерешительно Ср. «La Quotidienne» № 107, 17 IV. 1834, где напечатано датированное 12 апреля сообщение о том, что ночь с 11 на 12 апреля прошла спокоино и что мост охраняется солдатами.

[3] «Requisitoire», p. 93.

[4] «Procedure», p. 242. Показание Перюссона, шалонского адвоката, члена Общества прав человека, свидетельствует, что даже попытка республиканцев баррикадировать мост с целью противодействия драгунам, командированным в Лион, не была санкционирована шалонской организацией.

ГОРОД ДИЖОН (ДЕПАРТАМЕНТ КОТ-Д'ОР)

Вскоре же после июльской революции в бургундском департаменте Кот-д'Ор появились различные тайные общества. В Дижоне, главном городе департамента (в 1831 г. в Дижоне насчитывалось около $25^1/_2$ тыс. жителей), была одна из сильнейших секций Общества помогай себе сам. Но постепенно тайные общества превратились в открытые, а многие организации и совершенно исчезли. К 1834 г. рассеянные элементы республиканских организаций сконцентрировались в двух обществах: Ассоциация в защиту свободы печати и Общество прав человека и гражданина. Дижонская ассоциация в защиту свободы печати, руководимая собственником Монэ и негоциантом Матье, была одной из самых значительных во Франции. Напротив, Общество прав человека и гражданина возникло в Дижоне поздно и с большими трудностями. Основа его была заложена лишь в декабре 1833 г. после банкета в честь Кабэ и после вмешательства шалонской организации. Окончательное же оформление Общества прав человека в Дижоне относится к началу 1834 г. Замечательно, что в других городах филиалы этого Общества появились раньше. Под влиянием Алоза, Кошри, Коппана и Видо, которые характеризуются в документах, исследованных историком Перре, как «gens perdus de dettes... mais actifs, intelligents et capables d'affronter le péril» [2] (как люди, запутавшиеся в долгах... но активные, умные и способные смотреть в лицо опасности), в гор. Боне была организована сравнительно сильная группировка (сначала 80, а потом 150 и более человек), состоявшая по большей части из рабочих. В гор. Нюи республиканской организацией руководил врач Расс. Интересно также отметить, что департамент Верхней Марны был организационно связан с дижонской ассоциацией. Таким образом, винодельческие районы Шампани и Бургундии были соединены.

[1] «Allgemeine Zeitung», p № 121, 1.V. 1834, перепечатка из «Journal de Paris».

[2] *Perreux*, op cit, p 95.

Во главе дижонской организации Общества прав человека в марте 1834 г. стояли Ж. Демонтри, Моннэ, Жэндрие и Шевро. Каковы бы ни были личные качества этих вождей, отношение Общества прав человека и здесь предопределялось слиянием с оппортунистической Ассоциацией в защиту свободы печати незадолго до апрельских событий.

Узнав о лионском восстании, рядовые члены организации потребовали, чтобы начальники секций вели их в бой. В воскресенье 13 апреля на улицах Дижона появилось небывалое множество крестьян — «мужиков в рубахах» (villageois en blouses) [1]. Из деревень пришли союзники рабочего класса. Но раньше, чем начальники секций решились начать бой, прибыл курьер с деморализующим известием о поражении лионских инсургентов. «Мужики в рубахах» разошлись по своим деревням.

ГОРОД ПЕРПИНЬЯН (ДЕПАРТАМЕНТ ВОСТОЧНЫХ ПИРЕНЕЕВ)

Из четырех лангедокских департаментов, имеющих морскую границу, департамент Восточных Пиренеев, как правильно заметил Перрё, отличался наибольшей численностью республиканских кадров. Личность же руководителя этих кадров, Жерве Корбиера, нечетко обрисована историком Перрё. Под влиянием Корбиера действительно появились некоторые своеобразные черты республиканской партии в Перпиньяне. Местная Ассоциация в защиту свободы печати, учрежденная при руководящем участии Этьена Араго[2], в отличие от подобных же ассоциаций в других городах Франции симпатизировала парижской «Трибуне», а не «Насионалю». Кроме того перпиньянская Ассоциация в защиту свободы печати одобрила организационные принципы Общества прав человека и гражданина. Сам Корбиер ясно и обстоятельно описывал полезные стороны организационной структуры Общества прав человека и гражданина. Корбиер хорошо понимал значение организационного момента и сам был способным организатором. Ему лично принадлежит проект усиления партии, проект, заключавшийся в том, чтобы от каждой коммуны, выдвинувшей не менее 100 членов ассоциации, потребовать по 50 испытанных активистов, готовых явиться по первому зову вождей в критический момент [3].

[1] «La Quotidienne», № 107, 17.IV. 1834, перепечатка из «Gazette de Bourgogne».

[2] «Réquisitoire», p. 165.

[3] Перре абсолютно неточно излагает эту идею: «Corbière proposa que chaque commune d'au moins 100 habitants s'engageât et se tînt prête a déléguer au chef-lieu sur un appel du comite central en cas de situation grave, un contingent de 50 hommes d'une moralite éprouvee» (*Perreux*, op. cit., p. 137) В такой формулировке идея Корбиера становится бессмыслицей. Ведь в числе 100 человек жителей коммуны большую часть составляют женщины, дети и старики, вместе взятые. Корбиер же требовал, чтобы «chaque commune du département qui réunira dans l'association 100 individus, s'engage a déléguer sur la délibération du comité central et sur la demande qui en sera faite par ecrit... à fournir 50 hommes, etc, etc», «Requisitoire», p. 166.

Политическое же лицо Корбиера ясно определяется его заявлениями. В материалах по делу об апрельских событиях фигурирует черновой набросок речи Жерве Корбиера. Констатируя факт разногласий, имеющихся среди перпиньянских республиканцев, Корбиер говорил, что задачи руководителей организации заключаются в том, чтобы «au jour de la justice» подавить «крайности», «эксцессы» левого течения. Корбиер боится «хаоса мести по отношению к частным лицам», боится пожаров, грабежей. Он не считает себя врагом народа. Но нельзя, говорит Корбиер, скрывать от себя истину, которую выразил один английский министр, сказавший: «Когда в кастрюле начинается кипение, пена (écume — пена и грязь) всплывает наверх». Вот эту «пену», поясняет Корбиер, и следует удалить, рассеять (dissiper) [1].

Характерно и письмо перпиньянского комитета парижскому центральному комитету от 8 августа 1833 г. «Господин Каррель нас спрашивает, — писали перпиньянцы, — желаем ли мы бороться за право союзов или хотим конспирировать. Мы хотим и того и другого. Но мы желаем, чтобы наша конспирация совершалась под открытым небом». И далее перпиньянский комитет резюмирует суть своей незамысловатой программы. Он предлагает обратиться ко всему народу, ко всей Франции, и просто сказать: вот изменники, вот они стоят перед вами со своими законами, своим золотом, своей грубой силой, своими реставраторскими идеями. А вот с другой стороны — друзья родины. Они бедны. Но они хотят доставить своей стране все блага, о которых мечтает народ. Пусть же народ самостоятельно и открыто сделает выбор между первыми и вторыми.

Приведенные отрывки, кажется, вполне убедительно доказывают, что «оригинальные черты» перпиньянской организации и ее руководителей являются лишь обманчивой оболочкой, скрывающей лицо самых обыкновенных демократических путаников-оппортунистов.

Ко времени апрельских событий в департаменте Восточных Пиренеев насчитывалось около 1 500 членов республиканских организаций, рассеянных неравномерно в различных пунктах департамента [2].

В самом Перпиньяне — городе, население которого в 1831 г. не превышало 17 200 человек, число республиканцев, повидимому, колебалось в пределах от 300 до 400 человек.

Гарнизоном командовал генерал, имя которого уже известно читателю. Это был Кастеллан, получивший в октябре 1833 г. давно желанное повышение: должность начальника дивизии. Дивизия ген. Кастеллана состояла из 14 батальонов пехоты, 8 эскадронов,

[1] *Girod*, op cit., t 1, p 421—423.

[2] А именно: Иль — 150 человек, Эстажель, Сен-Фелид, Корнейан де-ля-Ривьер, Кольур, Нефияш и Ривсальт — по 100. Ля-Рог и Эльн — по 60; Пиа, Сент-Эстев, Милас, Тулуж и Арль — по 50; Пейресорт — 30, Бонпа и Сен-Лоран де Сердань по 20. Бэн 4 или 5 человек.

2 артиллерийских батарей и 1 саперной роты. Бравый командир бесцеремонно хозяйничал в городе. Он с гордостью рассказывает в своем «Дневнике» о подвигах, которым позавидовал бы чеховский унтер Пришибеев (например, о воспрещении старинного местного обычая — пения серенад в ночь на новый год). Понятно, как он должен был реагировать на вспышку апрельских волнений, начавшихся еще до получения известий о лионском восстании. Поводом для них послужил арест 10 унтер-офицеров 17-го полка легкой пехоты, подписавших в Лиму республиканскую прокламацию. Кастеллан приказал привести арестованных в Перпиньян для допроса. На пути в Перпиньян население устраивало различного рода демонстрации в честь арестованных. В гор. Иле их потчевали вином, устраивали в их пользу денежные сборы, пели республиканские песни под окнами тюрьмы [1].

Вскоре арестованные прибыли в Перпиньян и предстали перед Кастелланом. Под датой 11 апреля генерал рассказывает в своем дневнике о том, как после третьего допроса арестованных под окнами его штаб-квартиры собралась огромная толпа во главе с Корбиером. Кастеллан вызвал 4 «лучших» роты. Но толпа все более и более возрастала, и перетрусивший командир приказал мобилизовать весь гарнизон: пехоту, кавалерию и артиллерию. Кастеллан хвастливо описывает свое поведение в этот момент, стараясь создать впечатление, что после нарочито громких терроризующих приказаний («лучше прицеливаться» и т. п.), отданных им лично из окна штаб-квартиры, движение было подавлено в зародыше. Однако нельзя довериться этому впечатлению. Характерно, что после 11 апреля не имеется никаких записей в «Дневнике» вплоть до 20 числа того же месяца, когда с явно выраженной осторожностью Кастеллан решился начертать, что «вкус к мятежу кажется пропал (calme) и республиканцы, хваставшие, что начнут движение сегодня, в воскресенье, не шевельнулись» [2].

Благоприятный момент для выступления был, разумеется, упущен. Но, резюмируя этот краткий рассказ о волнениях в Перпиньяне, можно сказать, что штыки и пушки Кастеллана отнюдь не были единственным фактором «успокоения». Принимая во внимание все сказанное о вожде местной организации и учитывая, что целая прослойка республиканцев, «друзей Араго», соглашалась начать бой только в том случае, если будут представлены самые верные «гарантии» и если приказ о выступлении последует от уважаемого и популярного деятеля с общепризнанными политическими заслугами [3], можно утверждать, что и в департаменте Восточных Пиренеев решающее значение имели колебания руководителей и всей оппортунистической прослойки, «противоестественно» слившейся с революционными демократами в одну организацию.

[1] «Journal du maréchal Castellane», t. III, p. 100. Рассказ об этих событиях датирован 5 апреля 1834 г.

[2] Ibid., p. 102.

[3] *Girod*, op. cit., t. I, p. 432. Все эти оговорки были сделаны в документе, найденном при обыске Этьена Араго, в Париже.

ГОРОД МАРСЕЛЬ И ДЕПАРТАМЕНТ УСТЬЕВ РОНЫ

Можно сказать, что в департаменте Устьев Роны все оттенки политических идей и все партийные группировки, боровшиеся в рассматриваемый период (за исключением бонапартистов), были очень ярко и типично представлены. Вспомним, что «порождение июльской революции», А. Тьер, был депутатом от гор. Экса. Карлисты имели много приверженцев в городах Арле и Марселе. Организовав «Общество взаимной обороны от всех посягательств на свободу совести, свободу личности, неприкосновенность жилища, политические права и собственность»[1], карлисты нагло пользовались различными поводами для открытых и шумных выступлений. Сен-симонистов, прибывших в департамент Устьев Роны, они встретили камнями и криками: «В море красных попов!» [2] Либералы (левого направления), прикидывавшиеся республиканцами, учредили в 1832 г. газету «Семафор», печатавшую сен-симонистские статьи Альфреда Дорн.

Республиканская группа, или так называемая «Кукурда» (провансальский термин времен первой французской революции) [3], не обособлявшаяся от либералов в годы реставрации, стала быстро развиваться после революции 1830 г. и вскоре распалась на два резко враждебных друг другу течения. При содействии некоторых марсельских карбонариев летом 1833 г. в Марселе — большом портовом городе с населением около 145 тыс. человек—появилась республиканская газета: «Ле пепль суверен» (тираж 650 экземпляров), воспроизводившая политическую линию парижского «Насионаля» [4]. Арман Каррель и Ансельм Пететен были советчиками виднейших редакционных работников этой газеты: Майефера Эмбера и Лардье. В 1831—1833 гг., до приезда в Марсель, Мартен Майефер был ревностным членом Общества помогай себе сам, деятельным организатором Ассоциации в пользу печати и руководящим работником газеты «Либераль дю нор» [5]. Жак Эмбер (заведующий редакцией газеты «Ле пепль суверен» (принимал активное участие в июльской

[1] «Les Bouches du Rhône», «Encyclopédie départementale», t. V, «La vie politique» (par Busquet et Fournier), P. — M., 1929, p. 145.

[2] «Les Bouches du Rhône», «Encyclopédie départementale», t. X. Le Mouvement social (Par Pellesieu, Guys, Masson, etc.), P. — M., 1923, p. 20.

[3] Термин «кукурда» происходит от слов «gourde», «petite courge» (тыквенная бутылка).

[4] Перре утверждает, что газета «Ле пепль суверен» придерживалась середины между «Насионалем» и «Трибуной». На наш взгляд, нет никаких оснований считать «Ле пепль суверен» левее «Насионаля».

[5] *Perreux*, op. cit., p. 164, 205.

революции. Но в 1833 г. Эмбер, как и многие другие сотрудники газеты «Ле пепль суверен», выступил против «якобинцев». Когда парижская «Трибуна» опубликовала манифест Общества прав человека и гражданина. марсельский двойник «Насионаля» поспешил заявить о своем отрицательном отношении к этому документу. «Тягостно видеть,—писала названная газета (в конце октября 1833 г.),— что патриоты 1833 г. ищут свое политическое евангелие в отбросах Конвента» [1]. Между тем «патриоты 1833 г.» совершенно открыто демонстрировали свои политические симпатии: они носили красные галстуки, куртки «карманьола»; на груди у них были медальоны с изображениями Марата и Робеспьера. Пробуждалось и самостоятельное политическое движение местных рабочих. 14 июня 1833 г. 250 марсельских рабочих праздновали в одной из местных гостиниц годовщину взятия Бастилии. У каждого из них были красные ленточки в бутоньерках [2].

Республиканская пропаганда велась среди столяров, сапожников, портных и армейцев (особенно в 13-м пехотном полку). Возникновение марсельского филиала Общества прав человека и гражданина, перспективы его успехов в среде подлинно революционной демократии (главари движения могли смело рассчитывать на поддержку почти полутора тысяч рабочих, большая часть которых, кстати сказать, принимала активное участие в многочисленных и частью наступательных стачках, происходивших в декабре 1833 г.)[3] и, наконец, появление вышеназванного манифеста раскололи местную организацию республиканцев на большинство и меньшинство. Меньшинство выбрало свой комитет (или комиссию) с Эмбером, Лардье, Андрэ (адвокат), Карпантра-старшим и Романьи-младшим во главе. В декларации, составленной меньшинством в марте 1834 г., говорилось об ошибках правительства июльской монархии, об «аристократической системе», парализующей развитие страны, как в годы реставрации. Но все бедствия рассматривались лишь в чисто политическом аспекте. «Все зло происходит от введения в конституцию монархического принципа», — писали авторы декларации. Казалось бы, что вслед за этим великим «открытием» будет решительно провозглашено твердое республиканское кредо меньшинства. Между тем господин Романьи и его единомышленники заверяли, что у них отнюдь не имеется какой-либо претензии навязывать свои взгляды: «Они с уважением подчинятся воле, выраженной по этому вопросу французским народом, представшим в своих комициях» [4].

[1] «Les Bouches du Rhône», «Encyclopédie départementale», X, p. 21.

[2] *Perreux*, op. cit., p. 130—131.

[3] «La Gazette des Tribunaux», 11.XII. 1833. Рабочие мыловаренных предприятий требовали увеличения заработной платы. Предъявлялись, однако, и другие требования: изгнать штрейкбрехеров — иностранцев. Каменотесы учредили артель, отстранявшую подрядчиков («Le Bon Sens» № 2, 12.I.1834).

[4] *Girod*, op. cit., t. I, p. 338.

Комитет большинства возглавлялся Жиллэ, Ле Террье и Мэйнье. Под их руководством численность марсельской организации Общества прав человека и гражданина достигла в марте 1834 г. 720 человек. В конце февраля 1834 г. вожди большинства известили парижский центральный комитет о состоявшейся окончательной организации марсельского филиала, имевшего разветвления в окрестностях Марселя и связь с «Кугурдой» городов Арля и Экса [1]. Однако парижский центральный комитет не одобрил раскола. В самом начале апреля 1834 г. обе фракции слились и выбрали объединенный комитет в составе 11 членов, среди которых рядом с Жиллэ, Ле Террье и Мэйнье оказался и Карпантра.

Итак, грубейшая политическая ошибка — слияние революционной фракции с оппортунистами, была уже сделана, когда в Марселе узнали о лионском восстании. При первом же известии о восстании (а это известие было получено очень скоро — 10 апреля) вожди марсельских республиканцев «могли бы», как уверял Лардье, мобилизовать 3 тыс. республиканцев [2].

Рабочие прекратили работы и сотнями ходили по городу [3]. Около 150 республиканцев прибыло в Марсель из Экса. Сам префект впоследствии признавал, что опасность для местной власти была очень велика [4]. Жители города, убежденные в неотвратимости восстания, запасались продовольственными припасами. Как рассказывал мэр, все марсельские булочные были опустошены. С 11 апреля секции марсельской организации Общества прав человека и гражданина открыли «перманентные заседания». Редакция газеты «Ле пепль суверен» предоставила свое помещение для высших руководителей организации. Тут же был и информационный центр. Средний же «комсостав» организации, т. е. начальники секции, имел свою штабквартиру на другой улице (редакция помещалась на улице Дарс, а клуб Питеа, в котором заседали начальники секций, — на улице Сен-Ферреоль). Создалось двоецентрие руководства. Но «вожди» продолжали заседать; они ждали приказаний из Парижа и еще более ободрительных известий из Лиона [5]. Появление красного колпака в секции «Вулкан» всполошило почтенных руководителей, заседавших в редакции «Ле пепль суверен»; «вожди» поспешили успокоить якобинскую секцию. На четвертый день героической борьбы в Лионе республиканская газета «Ле пепль суверен» писала:

«Марсельские республиканцы, которых орлеанистская пресса всегда и охотно изображала какими-то чудовищами, в данных критических обстоятельствах показали, чего может ждать страна от их мудрости и великодушия. С удовлетворением и с гордостью мы

[1] «Les Bouches du Rhône», «Encyclopédie départamentale», t. X, p. 22.

[2] Ibid., V. p. 145.

[3] «La Quotidienne», N. 109, 19.IV.1834.

[4] «Procédure», p. 391.

[5] «Les Bouches du Rhône», «Encyclopédie départamentale», X, p. 22.

заявляем, что ни одна своекорыстная идея (pensée étroite), ни одна идея о каком-либо насилии, ни одно пожелание, достойное порицания, не опечалили нас в течение долгих часов лихорадочной тревоги. Напротив, различные оттенки демократических взглядов вновь скрепили узы братства, и мы счастливы, что имеем возможность заявить нашим друзьям и нашим врагам, что республиканская партия будет говорить и действовать как один человек в тех испытаниях, которые ей предстоит испытать. Пусть наши сограждане успокоятся на счет последствий, которые могли бы возыметь в Марселе лионские события. Испытанные и чистые патриоты будут одинаково охранять интересы собственности и торговли, равно как и интересы свободы... В случае же волнений и смятений пусть все честные граждане, каких бы взглядов они ни придерживались, сплотятся вокруг нашего знамени и придут помочь нам в деле охраны личности и общественной безопасности. Это знамя — старое трехцветное знамя федерации, знамя Маренго и Аустерлица, это эмблема свободы, величия и славы» [1].

Местная власть отлично воспользовалась бездействием республиканцев. Караулы были усилены. Воинским частям, стоявшим в Эксе, было приказано готовиться к переходу в Марсель. Военный бриг «Мезанж» стал у набережной в такую позицию, которая позволяла ему по первому же сигналу обстрелять улицу Канебьер [2].

Все оружие, имевшееся у оружейников и в городской ратуше, было изъято и припрятано в фортах Сен-Никола и Сен-Жан [3]. Тем не менее 12 и 13 апреля положение оставалось еще очень напряженным. Некоторые «вожди» сложили полномочия. Но их измена еще сильнее разожгла революционную энергию городского плебса [4]. Перед клубом «Питеа» собрался народ, кричавший: «К оружию!» На улицах появились фигуры в военных мундирах, похожих на мундиры морских офицеров. Этих людей считали боевыми начальниками республиканцев. Но вечером 13 апреля (или на следующий день утром) [5] пришло известие из Лиона о победе Эймара. Волнения в Марселе быстро прекратились, и местные власти приступили к арестам.

ГОРОД СТРАСБУРГ (ДЕПАРТАМЕНТ НИЖНЕГО РЕЙНА)

Ужасающее положение эльзасского пролетариата обрисовано выше. Достаточно вспомнить о деятельности эльзасских компра-

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p. 345—346.
[2] «Procédure», p. 393, показание начальника гарнизона, графа Дамремона.
[3] «La Quotidienne», N. 109, 19.IV. 1834.
[4] «Procédure», p. 392, показание марсельского мэра Консола (Consolat).
[5] Ibid., p. 405, показание сапожника Мазюи, начальника секции Общества прав человека и гражданина. Мазюи рассказывал, что «перманентные» заседания происходили с 11 до 14 апреля.

никосов — фабрикантов хлопчатобумажной пряжи, чтобы понять, какие перспективы открывались в Эльзасе перед республиканской партией и ее пропагандой среди промышленных рабочих. Резко ухудшилось и положение широкой массы эльзасского крестьянства. Тяжкие налоги на напитки возбуждали сильные волнения и в городе и в деревне [1]. Так, например, осенью 1833 г. в Кольмаре (главном городе департамента Верхнего Рейна) вспыхнул настоящий «мятеж». На улицах появились баррикады. Часть национальной гвардии отказалась выступить против народа. В солдат кидали камнями [2]. Но в среде местной интеллигенции был, пожалуй, только один человек, понимавший значение *массового* движения; это был иностранец, юноша Бюхнер, писавший в июне 1833 г., что «только необходимые потребности широких масс могут привести к изменениям, что всякие действия и крики отдельных лиц являются совершенно напрасной и безумной тратой сил» [3]. Сами же эльзасские республиканцы игнорировали благоприятные условия роста революционной организации в глубокой почве «необходимых потребностей» массы; чуть ли не все свои силы — около 90% — они сосредоточили в гор. Страсбурге (население около 50 тыс. человек). Кольмар поглощал остальные силы эльзасской республиканской организации.

Сведения о социальном положении местных руководителей проливают свет на многие страницы истории эльзасского филиала Общества прав человека. Ликтанберже, Мартен, Шнееган, Вернер, Шнейдер, Жордис и Редерер были *адвокатами*; Шнитце, Липп, Атт, Шютданберже, Фродель — *пивоварами*; Шерц и Беранже — *торговцами*; Эйсен и Бартоломе — *врачами* [4].

Следует также назвать имена Бёрша, редактора газеты «Ле Курье дю ба Рэн», и Сильбермана, ее издателя; кроме того преподавателя Ришара и студентов Пти-Дюгур и Пти-Делиль.

Еще до июльской революции различные организации группировались вокруг названных лиц. К 1834 г. разрозненные организации укрупнились и приняли форму двух известных ассоциаций: Ассоциации в защиту свободы печати, насчитывавшей в марте 1834 г. около 220 членов, и Общества прав человека и гражданина, в котором было около 740 человек. Вслед за появлением законопроекта о воспрещении ассоциаций обе организации слились, приняв единое наименование (Общество прав человека и гражданина). Ликтанберже руководил всей ассоциацией. Вернер был секретарем страсбургского комитета. Видную роль играли также: Бартоломе, Мартен, Липп, Жобей — торговец железом и Дюгей — лейтенант.

Эльзасские республиканцы вели постоянную и оживленную переписку с немецкими, польскими и итальянскими организациями.

[1] «Gazette des Tribunaux», 4.I. 1834. Налог на «piquette»... «excédait la valeur réelle de la denrée».
[2] «Le Bon Sens», № 15, 10.XI. 1833.
[3] *Г. Бюхнер*, Сочинения, изд. Academia, 1935, стр. 291.
[4] *Perreux*, op. cit., p. 82.

Председатель страсбургского Общества прав человека и гражданина был главным звеном связи французских и немецких республиканцев. У иных современников создавалось впечатление, что страсбургский филиал Общества прав человека и гражданина — чуть ли не сильнейшая организация во Франции. Но город кишел полицейскими шпионами, как уверяли сами шпионы [1]. Каждый шаг организации был известен правительству. Прочную связь с рабочими (преимущественно с рабочими табачной мануфактуры) поддерживал только один Даниэль Шнейдер, бывший член местной секции Общества друзей народа [2]. Но его имя не встречается в списке руководителей вновь избранного комитета Общества прав человека и гражданина. Слияние же с Ассоциацией в защиту свободы печати наводнило организацию приверженцами американской конституции, оппортунистами, трепетавшими перед призраком якобинской диктатуры и идеей «аграрного закона». Связь с воинскими частями, стоявшими в Страсбурге, и связь с молодежью, обучавшейся в военно-учебных заведениях, была завязана. Но когда пробил час испытания, обнаружилось отсутствие воли к революционной борьбе. Ликтанберже уверял, что положение Страсбурга не позволяет ему выступить раньше, чем совершится революция в гор Метце (главном городе лотарингского департамента Мозеля) [3].

Лионское восстание вызвало лишь очень слабые отклики во всем Эльзасе и, в частности, в Страсбурге, где движение ограничилось уличными сходками и республиканской манифестацией. 14 апреля из Страсбурга уходил батальон понтонной части. Он считался «республиканским» (заметим, что лейтенант Дюгей, один из руководителей Общества прав человека, был понтонером), и начальство перебрасывало всю эту часть в гор. Оксон.

Ранним утром, на рассвете, рабочее население Страсбурга, учащаяся молодежь и руководители республиканской партии собрались перед казармой, в которой стоял батальон, и, когда солдаты, соблюдавшие полную тишину и порядок, выступили из города, манифестанты пошли вместе с ними и долго провожали их, оглашая окрестности республиканскими песнями и криками [4]. Полиция не препятствовала движению, боясь осложнить ситуацию насильственными действиями. Но как только в Страсбурге узнали о подавлении лионского восстания, тотчас же начались обыски и аресты [5].

[1] Арх. МИД. 1834, № 20, Lettre «С», написанное информатором, побывавшим в Страсбурге. Приложение к переписке графа Рибопьера с Нессельроде.

[2] *Perreux*, op. cit., p. 83.

[3] Арх. МИД, 1834, № 20, Lettre «С». Автор цитируемого документа, проникший в республиканскую организацию, сам слышал это заявление Ликтанберже.

[4] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 33, 23 IV. 1834.

[5] «Allgemeine Zeitung» № 114,24.IV.1834, корреспонденция из Страсбурга от 18 апреля. Интересно сообщение об обыске в доме одного *«богатого* пивовара».

ГОРОДА ЛЮНЕВИЛЬ, НАНСИ (ДЕПАРТАМЕНТ МЕРТЫ) И ЭПИНАЛЬ (ДЕПАРТАМЕНТ ВОГЕЗОВ)

Рассказывая о февральских событиях в Сент-Этьене, мы отмечали особенности местной республиканской организации — преимущественное влияние и устойчивость Карбонады. Та же особенность характеризует республиканскую партию в лотарингских департаментах Мерты и Вогезов. Адвокат Матье, последователь Буанаротти, был руководителем эпинальской Карбонады (Эпиналь — главный город департамента Вогезов). Он держал связь с республиканцами департаментов Луары, Роны и Изеры. Побывав в Лионе в феврале 1834 г., Матье в начале [1] или около середины [2] марта организовал в своем городе Общество прав человека и гражданина. Важно заметить, что в состав новой организации вошли те же люди, которые числились в местной Карбонаде, а кроме них — лишь немногие лица не из среды карбонариев. Протестуя против закона о воспрещении ассоциаций, Матье часто повторял, что «для всего народа и каждой из частей народа восстание есть самое священное право и самая необходимая обязанность».

Но эпинальский гарнизон, с которым Матье был связан провокатором унтер-офицером Маскаренем, сохранил невозмутимое спокойствие в апрельские дни.

В департаменте Мерты руководителями республиканцев были граф де Людр и адвокат Сент-Уан. Как в Нанси, главном городе департамента Мерты, так и в небольшом кантональном городке Люневиле существовали тайные союзы. Поддерживая связь с Обществом прав человека, они вплоть до 1834 г. сохраняли карбонарский строй организации. Вся лотарингская Карбонада отличалась значительным участием в ней военнослужащих, преимущественно унтер-офицеров.

Гарнизон гор. Люневиля состоял из трех полков. Еще за несколько месяцев до апрельских событий среди унтер-офицеров этих частей возникли тайные звенья заговорщиков. Организатором этих ячеек (в каждой из них состояло не больше 4—5 человек) был Клеман Тома, тот Тома, который впоследствии, в 1871 г., был расстрелян коммунарами как предатель. В описываемый период этот будущий «генерал» был простым квартирмейстером 9-го кирасирского полка и республиканцем-карбонарием [3].

Незадолго до апрельских событий Тома установил связь люневильских заговорщиков с республиканцами гор. Нанси, прежде всего с Бешэ, который как будто бы и предложил Клеману Тома

[1] «Procédure», p. 432, показание Маскареня.

[2] «Réquisitoire», p. 161.

[3] В 1835—1837 гг Клеман Тома — политический эмигрант. После амнистии 1837 г. — один из редакторов газеты «Насиональ» В 1848 г. — комиссар департамента Жиронды и начальник национальной гвардии департамента Сены (последняя должность была наградой за предательское отношение к демонстрантам 15 мая).

кандидатуру графа де Людра как крупного политического деятеля, могущего с наибольшим успехом возглавить движение.

Факты, установленные следствием по апрельскому делу, таковы: 24 марта 1834 г. член палаты депутатов, граф де Людр, внезапно выехал из Парижа в Нанси. Вечером 26 марта, накануне прибытия де Людра в этот город, Бешэ выехал в Люневиль, встретился там с Тома и другими заговорщиками. После совещания с ними в одном кафе Бешэ вернулся в Нанси [1]. 2 апреля Тома еще раз побывал в Нанси. Следователю, однако, не удалось установить факт непосредственного общения Тома с де Людром. Известно лишь, что граф де Людр выехал обратно в Париж в первый день лионского восстания, т. е. 9 апреля.

Между тем с конца марта 1834 г. сходки люневильских унтер-офицеров учащались и становились все более и более многолюдными. Кроме Тома, выдвинулись другие руководители: Бернар, Трикотель, де Ренье, Ляпотер, Бирт, Кайе, Стиллер. Характеризуя этих вождей люневильского заговора, Луи Блан отзывается о них, как о решительных, мужественных людях [2]. Однако даже в самый разгар лионского восстания никто из заговорщиков не возглавил какого-либо движения в собственном смысле слова.

13 апреля, т. е. на пятый день ожесточенной гражданской войны в Лионе, люневильские республиканцы устроили банкет с участием вышеназванных руководителей Банкет закончился мирно, но когда все эти добрые люди перешли в кафе, то под влиянием крепких спиртных напитков Беро издал несколько «мятежных возгласов»: «Да здравствуют республиканцы, смерть Людовику Филиппу!» [3]

Тем временем бывший квартирмейстер 7-го драгунского полка Гюари был арестован в гор. Эпинале При допросе арестованного обнаружили «важные разоблачения», о которых немедленно же рапортовали начальнику дивизии в гор. Метц. Отсюда же уведомили начальника люневильского гарнизона ген. Гюслера. 15 апреля Клеман Тома был вызван на допрос к ген. Гюслеру. Разумеется, Тома отрицал свою причастность к заговору. Возможно, что в пользу Тома высказались его непосредственные начальники—офицеры, присутствовавшие при допросе. Как бы то ни было, Тома был освобожден.

Узнав о допросе Тома, многие заговорщики пожелали собраться в тот же вечер в каменоломнях на окраине Марсова поля. Но собрание не состоялось. На следующий день люневильцы прочли в газетах «Трибуна» и «Насьональ» ложное известие о восстании бельфорского гарнизона. Вожди люневильского заговора решили выступить. Трикотелю было поручено явиться в Нанси к Стиллеру и через него связаться с Бешэ и редактором газеты «Патриот де ля Мерт».

[1] *Girod*, op. cit., t. I, p 398—400.
[2] *L Blanc*, Histoire de 10 ans, t. IV, p. 273.
[3] «Procédure», p. 727. Свидетель Делапчас подтверждает, что Беро был в состоянии, которое «approchait de l'ivresse».

Но как это ни странно, Трикотель не нашел жилища Стиллера и, будучи в военной форме, не осмелился расспрашивать обывателей об адресе республиканца Бешэ. В Люневиле же были созваны все унтер-офицеры гарнизона, посвященные в заговор. Обнаружилось, что 10-й полк продолжает колебаться. Ночью состоялась сходка заговорщиков в каменоломнях на окраине Марсова поля. Но шпион, проникший в среду заговорщиков, сообщил об этом собрании начальству, и как только унтер-офицеры вернулись с Марсова поля, они были немедленно же арестованы. Движение было подавлено не «в колыбели», как писал Луи Блан (сильно преувеличивший готовность люневильской организации к выступлению), но еще в самом зародыше. Большая часть участников сходки на Марсовом поле еще до возвращения в казармы отказалась от мысли о восстании. На следующий же день все должны были узнать, что слухи о восстании в Бельфоре не подтвердились. В заключение следует отметить лишь смелую, но совершенно безрезультатную попытку 50 кирасир, выехавших в Нанси для освобождения арестованных участников заговора.

БОРДО, НАНТ, НИМ И ДРУГИЕ ГОРОДА ФРАНЦИИ

Известно, что в обширном районе западной прибрежной полосы преобладало влияние легитимистов. Даже Общество помогай себе сам не имело в 1833 г. ни одной секции ни в бретонских департаментах Кот-дю-Нор и Морбиан, ни в Анжу, ни в Вандее, ни в департаменте Майенны. Четыре города, впрочем, имели в 1834 г. репутацию красных городов: Нант, Анжер, Ле-Ман и Тур.

Вплоть до 1833 г. в *Нанте* не было республиканских обществ. Филиал Национальных союзов просуществовал недолго; только за год до второго лионского восстания здесь появилась Ассоциация в защиту свободы печати. В начале же 1834 г., под руководством доктора Гепена, возникла небольшая организация, объединившая левых республиканцев и вскоре ставшая филиалом Общества прав человека [1].

Лионское восстание вызвало в Нанте непродолжительные волнения, которые не вышли из границ мирной республиканской манифестации. 13 апреля четыре группы молодых людей сошлись на площади Граслен. Демонстранты кричали: «Долой Перси, да здравствует республика!» [2] Рабочие металлообрабатывающих мануфактур потребовали уничтожения механических приспособлений для производства пил [3].

В *Бордо* власти были перепуганы лионским восстанием. Повидимому, здесь было сильное брожение в массе городского населения. Военачальники по два дня подряд не выходили из казарм, готовясь

[1] *Perreux*, op cit., p. 148
[2] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 33, 23.IV. 1834.
[3] «Allgemeine Zeitung», № 121, I.V. 1834.

к выступлению по первому требованию. Но все движение ограничилось республиканскими манифестациями [1].

Бордо и Нант — крупные портовые города, в которых было много промышленных рабочих. В ноябре 1831 г. солдаты штыками разгоняли бордоских стачечников-каменотесов [2]. В Нанте бывали кровопролитные стычки с национальной гвардией (например, в октябре 1832 г. по случаю назначения ненавистного Дюваля префектом департамента Нижней Луары и пэром Франции [3]. И если уже в этих городах лионское восстание вызвало сравнительно слабые отклики, то можно с уверенностью сказать, что в других западных городах Франции было еще тише. Так, например, в гор. Пуатье сочувствие трудящегося населения лионским инсургентам внешне выразилось в том, что по ночам всюду срывались афиши, возвещавшие от имени местного префекта о разгроме лионского восстания [4].

В числе южных городов, так или иначе откликнувшихся на события в Лионе, следует назвать (кроме тех городов, о которых сказано выше) Ним, Авиньон и Монпелье. В одном из наиболее крупных кафе города *Нима* (Theater-Kaffeehause) собралось около 50 республиканцев, выступавших с антиправительственными речами. При попытке ареста вдохновителей восстания раздались выстрелы, и один жандарм был ранен [5]. Но с получением ложных известий о полном разгроме лионского восстания в Ниме, равно как и в других двух городах, *Авиньоне* и *Монпелье*, где были подобные же сцены, сходки, республиканские песни, возгласы и речи, с последующими арестами ораторов, волнения быстро прекратились [6].

Темную страницу истории представляет вопрос об откликах в северном и северо-восточном районе. Осенью 1832 г. Гейне писал о *Руане* и руанском районе:

«...Крупные помещики, большая часть дворянства, держатся карлистских убеждений, зажиточные ремесленники и земледельцы — филипписты, а низшая масса народонаселения презирает и ненавидит Бурбонов и любит в меньшей своей части гигантские воспоминания республики, а в большей части — блестящий героизм эпохи империи».

Мы знаем однако, что положение «зажиточных ремесленников» и всей фабричной массы населения резко и быстро ухудшалось под влиянием промышленной революции. Республиканцы могли бы смело рассчитывать на успех революционной пропаганды в многотысячных рядах изнеможенного, голодного пролетариата, и нельзя сказать, что в Руане не было республиканских организаций. Еще

[1] «Lettres du maréchal de Saint-Arnaud», t. I, письмо Сент-Арно к брату 17.IV. 1834. Сам Сент-Арно в течение двух дней не выходил из казармы.
[2] «La Gazette des Tribunaux», 14—15 XI.1831.
[3] «Gazette des Tribunaux», 21 X. 1832.
[4] «La Quotidienne», № 108, 18 IV. 1834.
[5] «Allgemeine Zeitung», № 121, I. V. 1834, перепечатка сообщений «Journal de Paris»
[6] «Staats und Gelehrte Zeitung», № 99, 28.IV. 1834.

осенью 1833 г. бывший нотариус Патей учредил здесь филиал Общества прав человека и сам стал председателем руанского комитета. Местный прокурор отзывался о Патее как о человеке опасном и энергичном. В конце 1833 г. в Руане уже насчитывалось 11 секций. Но организация, руководимая «опасным» Патеем, следовала принципу «ни террора, ни эшафотов» [1]. На наш взгляд, немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что Патей и другие организаторы руанского Общества прав человека (Бюшэ-Беланжэ, Барон, Дави) пришли из ранее возникшей Ассоциации в защиту свободы печати. Несомненно, что в Руане и его окрестностях, в этом районе самых обостренных классовых противоречий, отвращение рабочих к буржуазным республиканцам проявлялось сильнее, чем во многих других городах Франции.

В апрельские дни в Руане восстание не произошло, и даже прибытие неких представителей парижского центрального комитета, побуждавших местную организацию к вооруженному выступлению и будто бы агитировавших среди рабочих, не возымело серьезных последствий [2].

В *Гавре* 50 секционеров, преимущественно из среды торговых приказчиков, вооружились и собрались в поход на Париж. Предполагалось будто бы захватить кассу местного сборщика податей. Но полиция подавила выступление [3].

Почти нет никаких данных о других городах. В *Орлане*, как и в Пуатье, срывались правительственные афиши, возвещавшие о разгроме лионского восстания [5]. В *Оссере* был сожжен телеграф [4].

В гор. *Клермон-Ферране* (департамент Пюи-де-Дом) гарнизон был усилен гусарским отрядом, вызванным из Мулен. Порох был перенесен из склада в казарму. Но все эти меры не могли помешать стычкам с полицией [6] и открытым демонстрациям республиканских симпатий трудящегося населения. Вечером 13 апреля мятежные возгласы слышались из уст некоторых начальников национальной гвардии [7]. Размаху движения воспрепятствовали, вероятно, сами руководители организации.

ПАРИЖ

Ясно, что ни одно из провинциальных движений не могло иметь такого исключительно важного значения для лионцев, как своевременное и успешное выступление парижских республиканцев. Общеизвестно, что своевременное выступление не состоялось. Парижское

[1] *Perreux*, op cit., p. 161.
[2] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 33, 23.IV. 1834, «Allgemeine Zeitung», № 121, I. V. 1834, перепечатка сообщений газеты «Journal de Paris».
[3] «Allgemeine Zeitung», № 121, I. V. 1834.
[4] «La Quotidienne», № 108, 18.IV. 1834.
[5] «The Times», 18 IV. 1834.
[6] «La Quotidienne», № 108, 18.IV. 1834.
[7] «Procedure», p. 111.

восстание началось лишь 13 апреля и закончилось на следующий день неслыханно жестоким разгромом.

Не решаясь, по недостатку источников, дать связный и цельный очерк парижских событий, обратим внимание лишь на некоторые наиболее важные моменты.

1. Большинство центрального комитета Общества прав человека и гражданина и большинство районных комиссаров в Париже словом, основной руководящий аппарат Общества не готовился к восстанию. Этот важный факт подтверждается многими данными При всем желании прокуратуры доказать существование единого заговора, подготовленного именно Обществом прав человека, в первую очередь, его центральным комитетом, суд по апрельскому делу не мог представить ни одного прямого доказательства в пользу официальной версии.

До настоящего времени не установлено, какие взаимоотношения существовали между основными группировками парижских республиканцев весной 1834 г. Мы уже рассказали, как образовался комитет действия во главе с Керсози и как этот комитет Общества прав человека превратился в самостоятельный тайный союз—Общество действия. В феврале 1834 г. число приверженцев Керсози резко увеличилось и взаимоотношения Керсози с Кавеньяком обострились. Достоверность этих фактов неоспорима. Но следующий этап—*март и начало апреля* (этап особенно важный) — представляет неисследованный, спорный момент истории республиканской партии. Парижский префект Жиске писал в своих «Мемуарах», что субординация Керсози (и его организации) центральному комитету Общества прав человека *восстановилась*. Габриэль Перре сомневается в достоверности указания Жиске и приходит к выводу, который следует здесь процитировать: «Mais ce qui est certain, c'est qu'il y eut réconciliation lors de l'insurrection d'avril» [1] (но что является достоверным, — это факт примирения, которое было во время апрельского восстания) Таким образом, по мнению Перре, примирение организации Керсози с центральным комитетом и лично Керсози с Кавеньяком существовало в дни апрельского восстания.

Однако едва ли мы ошибемся, высказав гипотетически несколько иной взгляд по вопросу о взаимоотношениях парижских республиканцев в марте и начале апреля 1834 г. Как можно допустить, что тактика *слияний*, широко применявшаяся в провинции, могла быть чуждой парижским организациям, так или иначе руководившим департаментскими комитетами? Появление законопроекта о воспрещении ассоциаций повсюду создало почву для сближения, и представляется весьма вероятным, что незадолго *до* апрельского восстания руководители Общества прав человека объединились не только с Керсози, но и с вождями Карбонады Другой вопрос, насколько это объединение было прочным, правильно ли оно было использовано и ставило ли оно задачу подготовки вооруженного восстания.

[1] *Perreux*, op. cit., p. 242.

В апрельские же дни, вопреки мнению Габриэля Перре, было не «примирение», а развал коалиции.

В обвинительном акте фигурирует показание некоего Пушена, члена секции «Ликург», вступившего в организацию Керсози, показание, из которого явствует, что когда Керсози решил выступить, назначив восстание на 13 апреля, то он тут же указал на необходимость воздействия всей боевой организации на районных комиссаров Общества прав человека с той целью, чтобы эти комиссары заставили центральный комитет примкнуть к «Société d'Action» [1], примкнуть к восстанию.

Очевидец событий, главный инспектор Парижского университета Дюбуа (враждебный к республиканцам), рассказывал в своем письме от 14 апреля 1834 г., что «с тех пор как здесь узнали о лионском кризисе, секции открыли перманентные заседания и начался спор между сторонниками действия и благоразумными людьми. Два дня продолжались прения (dissentiments) и сдержали пылких [2].

2. Вслед за Луи Бланом историки, писавшие о парижских событиях, сильно выдвигали то обстоятельство, что вожди республиканцев были арестованы и что таким образом движение было обезглавлено. Но когда же именно были арестованы члены центрального комитета и прочие руководители Общества прав человека? Этот вопрос имеет большое значение. Если бы вожди были арестованы до лионского восстания, скажем 5—8 апреля, парижское выступление могло бы казаться неудавшимся, сорванным заговором. Но, по имеющимся у нас данным, главные руководители организации были арестованы лишь «в пятницу и субботу», т. е. 11 и 12 апреля, когда в столице уже знали о лионских событиях.

Капитан Керсози был арестован еще позднее — 13 апреля, в день восстания. Полиция схватила его на бульваре Сен-Мартен в 3 часа дня [3].

3. Знамена символизируют политические симпатии партий. Какое же знамя было развернуто парижскими инсургентами? На улице Мобе национальные гвардейцы сорвали *красное* знамя, имевшее надпись: «Общество прав человека и гражданина». Но в том же городе, в тот же день и с той же надписью: «Общество прав человека», появились не красные, а трехцветные знамена, отличавшиеся от правительственного знамени лишь *горизонтальным* положением цветных полос [4].

4. Заслуживает внимания и смехотворный приказ, изданный

[1] «Réquisitoire», p 118, показание Пушена

[2] «Lettre de P F Dubois a Camille Mellinet», Paris, 14 IV. 1834, «La Révolution de 1848», t 25, № 130, p 411—413.

[3] *Girod*, op cit, t I p 355

[4] «The Sunday Times», № 600, 20 IV 1834; Национальная библиотека, Lb[11] 2185 Первое знамя имело № «123». На втором (трехцветном) была надпись. «6 аррондисман, 2-й квартал».

парижской организацией после ареста «вождей». Несмотря на то, что Керсози еще не был арестован и энергично агитировал в пользу восстания, парижская организация предложила членам Общества прав человека ограничиться мирной демонстрацией: «Выйти на улицу, благочинно постоять там некоторое время и затем разойтись»[1].

Не ясно ли, что не только накануне восстания, но и в самый момент борьбы среди членов Общества имелись острые разногласия, а твердое руководство совершенно отсутствовало.

5. Парижское восстание 13—14 апреля отличается от прочих апрельских движений одним совершенно своеобразным моментом. Дюбуа, побывавший в штабе национальной гвардии, утверждал, что правительство с самого начала было отлично информировано о том, что происходит в секциях. Оно «все» знало, видело, что делается в глубине всяческих лож; «планы (секционеров) сообщались полиции», — писал Дюбуа [2]. И вот, узнав о расколе, произведя арест «вождей» и получив успокоительные реляции из Лиона, правительство, то-есть, в первую очередь — министр внутренних дел *Тьер*, решило *спровоцировать* восстание в Париже.

Беглые указания о провокационном маневре правительства были сделаны еще в «Истории 10 лет» Луи Блана. Замечательно, что новейшая буржуазная историография замалчивает этот важный факт [3]. Не потому ли, что он не подтверждается первоисточниками? Выслушав современников событий, мы ответим на этот вопрос.

Прозрачный намек на применение провокации был сделан публично газетой «Бон санс», писавшей, что парижские баррикады представляют лишь слабое «эхо» лионского восстания — «эхо», которое, «может быть (вполне понятная «цензурная» оговорка), было усилено голосами «охотников за человеческой дичью» [4].

В обширном письме одного польского эмигранта, жившего в Париже, о провокации говорится откровеннее и прямее:

«Что касается последних кровавых сцен в Париже, то они были главным образом вызваны полицией, и лишь лионское восстание не было искусственным... Все было лишь делом совершенно изолированного движения, которое было начато и раздуто полицией, делом последней было устройство баррикад, и она побудила кучку людей к первым нападениям. *Фудрас*, который в настоящее время находится в Лионе (цитируемое письмо датировано 28 апреля), был зачинщиком... Ужасы, которые натворили подвергнутые искушению и нарочно опьяненные солдаты национальной гвардии и регулярных войск, в домах, из которых стреляли в них инсургенты, превосходят всякое описание. Старики, женщины и дети, которые ничего общего с мятежниками не имели, были жесточайшим образом перебиты и выброшены из окон...»[1].

Едва ли нужно пояснять, что в последних фразах речь идет об одном из величайших преступлений буржуазии, о резне на улице Транснонен.

Остается доказать причастность самого правительства к провокации и его инициативу в этом гнусном деле. Мы уже и раньше прибегали к ценному источнику — донесениям русского посла в Париже. Осведомленность Поццо ди Борго в тайнах внутренней политики французского правительства не подлежит сомнению. С ним откровенничали министры; в дни лионского восстания ему *непосредственно* писал префект соседнего с Лионом департамента Эны.

Что же рассказывал Поццо ди Борго о парижских событиях? Изучая его донесения, мы прежде всего можем установить важный факт, что до 12 часов дня 12 апреля французское правительство не имело, как уверял министр внутренних дел Тьер, никаких новых известий из Лиона.

Но вскоре была получена успокоительная депеша вильфраншского супрефекта, который вечером 12 апреля сообщил, что «Лион освобожден» и что «предместья, захваченные инсургентами, перешли в наши руки» [2]. Мы уже знаем, что положенче в Лионе к вечеру 12 апреля было совсем иное. До полной победы над инсургентами было еще далеко. Но депеша вильфраншского супрефекта сыграла свою роль. 13 апреля, между 5 и 8 часами вечера на улицах вокруг Сен-Мартен и Сен-Дени появились баррикады [3]. Набережные Жевр, Пеллетье и мост Нотр-Дам покрылись толпами народа.

Неравная борьба началась, и вскоре собеседник французского министра внутренних дел, граф Поццо ди Борго, получил возможность сообщить в Петербург о том, что правительство «короля баррикад», почувствовав «уверенность в победе и полагая извлечь преимущество из подавления подготовлявшегося мятежа, предоставило ему возможность вспыхнуть для того, чтобы затем задушить (движение), как это и случилось» [4]. Роль Тьера Поццо не скрывает; напротив,

[1] *L. Blanc*, op. cit., IV. p. 278.

[2] «Lettre de P. F. Dubois à Camille Mellinet», 14.IV. 1834

[3] Вся наша работа была уже написана, когда в журнале: «La Révolution de 1848», decembre 1935 — février 1936, № 155, появилась публикация французского историка Госсэ «Souvenirs du colonel Vergnaud».

Опубликовав воспоминания этого очевидца апрельских волнений в Париже в 1834, Госсэ обращает внимание читателя на то обстоятельство, что полковник Верньо *не сомневался* в факте той *полицейской провокации*, о которой идет речь в тексте нашей работы.

[4] «Le Bon Sens», 20 IV. 1834.

[1] Арх. МИД, 1834, № 20, л 4; «Was die letzten blutigen Scenen in Paris anlangt, so sind solche grosstenteils von der Polizei produciert worden, und nur der Aufstand in Lyon war nicht, wie hier in Paris, ein künstlicher, sondern ein wirklicher . . zu Lyon zahlt man zwischen 3 bis 4000 Todte und Verwundete von beiden Seiten, wovon auf die Linientruppen der grosste Verlust kommt Der General Aymar, bekannter Bonapartist, hat das meiste dazu beigetragen, um die Stadt vor ganzlicher Zerstorung zu bewahren Ueber den inneren Zusammenhang dieses blutigen Trauerspiels ist die Regierung selbst noch im Dunkeln, und hat der Minister des Innern zur Ermittelung der dortigen Ereignisse, erst vorgestern die vornehmsten hiesiegen Polizeiagenten dorthin gesandt» ..

[2] Арх МИД № 144, 1834, Pozzo à Nesselrode, 13, IV. 1834.

[3] «Le Bon Sens», № 1 (Specimen), 14 IV 1834

[4] Арх МИД, № 144, 1834, Pozzo à Nesselrode, 26 IV. 1834.

он прямо указывает, что бывший «панегирист Робеспьера» взялся за «роль Фуше или Сазари».

Скажем несколько слов о самой борьбе 13—14 апреля. В Париже были сосредоточены мощные воинские силы: около 40 тыс. солдат с артиллерией, имевшей 36 орудий. Всегда подчеркивается значение этого важного условия победы Луи Филиппа, равно как и значение преданности парижской национальной гвардии в апрельские дни. Не оспаривая ни того, ни другого, заметим, что в парижской организации Общества прав человека было гораздо больше членов, чем в прочих филиалах: в ней числились десятки тысяч секционеров[1].

Имеются данные, позволяющие сомневаться в *всеобщей* преданности парижских национальных гвардейцев своему королю [2]. Словом, была известная возможность усилить позиции республиканцев и ослабить силы правительства путем проверки и укрепления своих кадров и методической пропаганды в среде национальных гвардейцев.

При сложившемся же соотношении сил, когда из множества секций только одна секция «фригийского колпака» пошла в бой в полном составе, выступление 13 апреля не имело шансов на победу. И поистине велика слава тех немногих сотен пролетариев и ничтожного меньшинства секционеров Общества прав человека, которые, невзирая на дезориентирующие указания «вождей» и очевидное неравенство сил, подняли восстание и в ожесточенной борьбе сумели достичь хотя и кратковременных, но бесспорных, признанных самими врагами, успехов.

Как уже сказано, бой начался в воскресенье вечером 13 апреля. Улицы города были переполнены солдатами. По выражению генерала Опуля, лично наблюдавшего эту картину, «целая армия занимала Париж и окрестности» [3]. Генерал, возвращавшийся домой вечером 13 апреля, с трудом пробрался на свою улицу.

Борьба сосредоточилась в баррикадированном районе улиц Сен-Мартен, Нев-Сен-Мари, Сент-Авуа, в кварталах Тампля и Гравильеров [4]. Три баррикады, взятые защитниками «порядка», были отбиты инсургентами: 1) на углу улиц Сен-Мартен и Урс, 2) на перекрестке улиц Транснонэн и Шапон, 3) на улице Жоффруа д'Анжевен (в этой схватке был убит капитан Жильбер, командовавший солдатами).

В ночь на 14 апреля все баррикады вновь перешли в руки защитников трона. Инсургенты еще до рассвета были окружены и отрезаны от всех районов, которые могли оказать им ту или иную помощь.

[1] Арх. МИД, Lettre «C» (подробности о документе см ниже); по данным автора этого осведомительного письма, число членов Общества прав человека в Париже достигало 30 тыс

[2] Арх МИД, № 20, 1834 Lettre «B», 10 V. 1834. В письме рассказывается о случае на улице Сент-Авуа, где 5 безоружных граждан легко разоружили пост национальной гвардии Подробности о письме «B» см. ниже.

[3] «Souvenirs du general M. A d'Hautpoul», P. 1902, p. 378.

[4] *Girod*, op. cit., t. I. p. 357—359.

В шестом часу утра отряд волтижеров, с саперами впереди, появился на улице Транснонэн близ дома, на желтом фонаре которого чернела цифра 12. Шум, поднятый солдатами при попытке взломать входные двери, всполошил жильцов. Кто-то закричал: «Это солдаты. Вот они — наши избавители; мы спасены».

Послушаем же рассказ о том, как «спасали» солдаты ни в чем неповинных обитателей дома № 12 на улице Транснонэн.

«Г-н Гитар, я и мой муж побежали вниз, чтобы открыть двери. Более проворная, чем мужчины, я бросилась в швейцарскую, дернула за дверной шнурок, и дверь отворилась. Солдаты ринулись в коридор, повернулись вправо и встретили моего мужа и г-на Гитара залпом в тот момент, когда они сходили с последней ступеньки лестницы. Оба они упали под градом пуль. Сила сотрясения от выстрелов была так велика, что в швейцарской, откуда я еще не успела выйти, вдребезги разлетелись все стекла Некоторое время я была ошеломлена. А едва я пришла в чувство, я увидела бездыханное тело мужа, распростертое рядом с трупом Гитара, голова которого была почти совсем отделена от туловища множеством ранений. С быстротой молнии солдаты, с офицером во главе, поднялись на третий этаж. Первая двустворчатая деревянная дверь уже поддалась, другая, со стеклянными рамами, еще была заперта. Но вот ее отворяет один из жильцов, старик Бреффор: «Мы люди мирные,— говорит он офицеру, — оружия у нас нет, не убивайте нас...» Но слова замирают на его устах: три штыковых удара пронизывают старика; он кричит. «Негодяй, — заорал офицер, — если ты не замолчишь, я прикончу тебя». Аннетт Бессон выбегает из соседней комнаты, чтобы помочь старику. Один из солдат поворачивается к ней, наносит ей штыковой удар в горло и, не вынимая штыка, стреляет. Голова Аннет разлетается на части по всей комнате. Молодой человек, по имени Анри Ляривьер, падает вслед за ней. В него стреляют так близко, что его одежда загорается. Впрочем, он пока лишь ранен. Но вот штыковой удар раздирает кожу во всю ширину его лба, обнажает череп, и он погибает под десятками новых штыковых ударов. Вся комната залита кровью. Старик Бреффор, несмотря на ранения, имел еще силу укрыться в алькове, но солдаты настигли его... Мадам Бонневиль, укрывая старика своим телом, кричала: «Вся моя семья перебита, больше некого убивать, осталась только одна я». И тут же пять штыковых ударов раздробили ее руки».

Мерзавцы, убивавшие жителей пятого этажа (граждан Лепера и Робике), говорили, что им было *приказано* так действовать [1].

Описанными сценами убийств не исчерпывается история резни на улице Транснонэн. Из показаний прочих очевидцев мы знаем о других жертвах, в числе которых были и дети, еще не способные пролепетать имя «доброго» короля французов.

* * *

[1] *L. Blanc*, Histoire de dix ans, IV, p. 280—282. Рассказ гражданки д'Обиньи.

Издание газеты «Прекюрсер», прерванное в дни восстания, возобновилось лишь 15 апреля [1]. Как и следовало ожидать, орган лионских «чистых» республиканцев начал серию своих статей упреками в невнимании к «мудрым» предостережениям: «Катастрофа, которую мы предчувствовали и хотели предупредить нашими пламенными и настойчивыми увещаниями, не была предотвращена..

Все суждения «Прекюрсер» о значении второго лионского восстания не менее поверхностны, не менее ошибочны, чем его высказывания о восстании 1831 г. «В апрельских событиях, — пишет «Прекюрсер», — не следует искать какого-либо иного политического факта, кроме разрядки возбуждения, порожденного в рабочем классе законом против ассоциаций. Ни один политический вопрос не был здесь поставлен, ни один и не был разрешен». По мнению «Прекюрсер», никто, кроме правительства, не видит в лионских событиях «республиканского вопроса»: вся суть дела заключается в тяжбе между королевским прокурором и мютюэлистами.

Запутываясь в противоречиях, «Прекюрсер» только в одном остается последовательным — в стремлении «доказать», что не надо было браться за оружие [2]. Замечательно, что у редакции этой газеты все же нашлось достаточно мужества, чтобы в обстановке террора резко писать об «идиотах золотой середины» и сообщать о таких фактах, как обильная раздача крепких напитков солдатам. Но в то

[1] «Le Bon Sens», 19. IV. 1834; «La Quotidienne» № 109.
[2] «La Quotidienne», 20 IV. 1834, перепечатка из «Прекюрсера».

ке время «Прекюрсер» откровенно заявлял о своем решении воздержаться от подробного описания событий 9—15 апреля, дабы не подливать масла в огонь, который еще не совсем погашен. Таким образом, отношение названной газеты к восстанию 1834 г. ясно обнаружило ее буржуазный, жирондистский характер.

«Якобинская» республиканская пресса провинциальных городов, разумеется, тоже отмечала связь лионского восстания с покушением правительства на свободу союзов; но значение восстания оценивалось иначе. Например, газета «Патриот де ля Кот д'Ор» писала: «Лионские рабочие... подняли перчатку, брошенную им из дворца, они поняли (ils ont senti), какое оскорбление нанесено стране!» Всю ответственность за апрельское восстание газета возлагает на правительство. «Беспрерывными провокациями довели народ до крайности, а теперь надеются укрепить свою власть кровопролитием» [1].

Переходя к обозрению столичной прессы, мы должны прежде всего указать, что «Монитер», выражавший официальную правительственную точку зрения, охарактеризовал второе лионское восстание как чисто политическое, в отличие от ноябрьского, якобы чисто экономического движения. Этот ложный взгляд сохранился в буржуазной историографии вплоть до наших дней. Между тем сами представители буржуазного общества в 1834 г. резко критиковали правительственную точку зрения. Если бы лионские рабочие не голодали, писала газета «Журналь дю коммерс», они менее охотно прислушивались бы к голосам политических агитаторов. «Журналь дю коммерс» высмеивал бахвальство правительственной прессы и маневры правительства «золотой середины». В системе нашего правительства имеется какая-то эластичность взглядов, очень удобная для того, чтобы все объяснять и отвечать на все замечания. Состоящая на содержании пресса не находит достаточно ярких красок, достаточно живописных цветов риторики, чтобы изобразить то счастье, каким мы пользуемся под управлением нынешнего правительства. Пожелает ли оно, напротив, ввести исключительные законы? Тогда скорее! Начинают сгущать темные краски картины, небосклон современности покрывается мрачными тучами и нам угрожают бурями, нависшими над горизонтом. Так, например, газета «Журналь де деба», которая меньше чем месяц назад рисовала нам лестную картину положения нашей страны, теперь пытается доказать, что нынешние волнения она, эта газета, предвидела уже полгода назад».

Очень характерны комментарии другой левооппозиционной газеты — «Бон санс». Передовая статья под названием «Кризисы» появилась еще до поражения лионских инсургентов, 13 апреля, в день парижского восстания: «Между тем как министры, покидающие свои посты, остающиеся у власти или приходящие к ней, ула-

[1] «L'Europe Centrale», № 104, 15 IV. 1834 Перепечатка из «Patriote de la Côte d'Or» 12.IV. 1834.

живали по-семейному мелкие интересы своего честолюбия, социальный кризис, глухо будораживший Францию, приобрел в Лионе политический характер и разразился гражданской войной... Конечно иностранец должен с улыбкой взирать на «золотую середину», которая выставляет перед ним вместо Франции, великой своим единством, мужеством и самоотверженностью, страну, раздираемую борьбой враждующих взглядов, страну, раздираемую страстями, отравленными ненавистью, злобой; страну, в которой идет братоубийственная война». Лихорадка, потрясающая Францию, может быть, по мнению «Бон санс», очень продолжительной, но все эти испытания, все явления этого брожения «необходимы, хотя и тягостны». Подняв на поверхность всю «накипь» («l'écume»; заметим, что слово «l'écume» означает также и «подонки общества»), «необходимое», хотя и «тягостное», брожение в конце концов сбросит ее «на самое дно пропасти». Все эти откровения редактора газеты Кошуа-Лемера имеют большое значение, поскольку они точно определяют политическое и классовое лицо этой мнимо рабочей и мнимо республиканской газеты, оправдывавшей лионских фабрикантов ссылками на иностранную конкуренцию [1]. «Ля котидьен», самая смелая из всех легитимистских газет, долго и много писала о восстании, подробнее других останавливаясь на описании всех прочих апрельских движений во Франции. (Заметим, что потрясающие материалы о резне на улице Транснонэн, собранные братом одной из жертв и впоследствии напечатанные Луи Бланом, были еще в 1834 г. опубликованы газетой «Ля котидьен».)

«Ля котидьен» по-своему разъясняла политический смысл публицистических вывертов орлеанистов, «праздных людей», которые прячут под элегантным покровом цветистого стиля «уродство душ» и варварскую сущность своих идей [2]. Доказывая бессилие июльской монархии гарантировать «порядок и мир» [3], газета взывала к авторитету «самого удивительного» мыслителя Руссо и «самого глубокого» — Паскаля [4]; она напала даже и на священную особу «самого честного человека в королевстве» (за что газета была привлечена к суду, и ее ответственный распорядитель был приговорен к двухгодичному тюремному заключению и штрафу в 5 тыс. франков) [5]; и все это делалось только ради того, чтобы доказать «законность» своих реставраторских притязаний.

[1] «Le Bon Sens», № 5, 18.IV. 1834.
[2] «La Quotidienne», № 108, 18.IV. 1834.
[3] «La Quotidienne», № 106, 16,V. 1834.
[4] «La Quotidienne», № 107, 17.IV. 1834.
[5] «La Quotidienne», № 110, 20.IV. 1834.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЛИЯНИЕ ВТОРОГО ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ КЛАССЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопрос о влиянии второго лионского восстания на различные классы европейского общества представляет одну из интереснейших проблем истории общественного движения в Западной Европе, правда, такую проблему, которая не исследована и даже, строго говоря, не поставлена в исторической литературе.

Вовсе не претендуя дать в нижеследующем очерке сколько-нибудь удовлетворительное освещение вопроса, мы сообщим здесь кое-какие данные, доказывающие, что исследование европейского революционного движения в указанном направлении может привести к значительным результатам.

Можно установить две формы проявления интересующего нас влияния восстания 1834 г. на европейское общество: во-первых, явные отклики на события, выразившиеся либо в движениях, либо в публицистических, литературных и даже художественных произведениях; во-вторых, скрытые отклики, представляющие воздействие апрельских восстаний на тайные революционные организации в Европе.

Начнем с последнего, более трудного вопроса. Мы уже говорили выше о связях французских политических ассоциаций, например Общества друзей народа и Общества прав человека и гражданина, с революционными организациями других европейских стран. Но пока мы сознательно не останавливались на вопросе о международных связях французской *Карбонады* в тот же период. Здесь же следует прежде всего отметить, что именно Карбонада, точнее сказать, ее центральный парижский комитет или так называемая верховная всемирная вента, особенно претендовала на исключительное руководство общеевропейским освободительным движением. Быстрый численный рост Общества прав человека и гражданина заметно суживал круг влияния Карбонады во Франции. Но все же Карбонада не исчезла в годы лионских восстаний. И, как мы видели выше, многие ячейки Карбонады, принимая форму секций Общества прав

человека, сохраняли свою карбонарскую сущность, карбонарские симпатии и традиции. Установить хотя бы приблизительно число членов Карбонады в 1833—1834 гг. не представляется возможным. Строго конспиративный характер организации ставит историка перед рядом неразрешимых вопросов. Уместно заметить, что даже в работе Перре, имевшего доступ к обширным архивным материалам, вопрос о Карбонаде разработан значительно слабее других проблем. В самом деле, Перре устанавливает лишь следующие, правда, далеко не маловажные факты:

1. В начале 1833 г. в Карбонаде было не менее 18 643 человек, так как именно этим номером был обозначен «дипломом» некоего вновь вступающего члена организации.

2. Франция подразделялась на три «генеральных комиссариата», управляемых тремя центрами, резиденции которых находились в Безансоне, Лионе и Париже, с подчинением всех организаций парижской верховной венте.

3. С некоторого времени во Франции появилась новая, так называемая Всемирная демократическая Карбонада. Ее лионский филиал был учрежден в начале 1835 г. Распространяясь и в других городах Франции в 1835 г., эта новая Карбонада, главным образом, и приняла наследство прежних республиканских обществ.

4. Новый устав Карбонады отличался, по предположению Перре, от старого неизвестного устава тем, что обновленная карбонарская организация стала более гармонировать с «Молодой Италией», созданной Мадзини в 1831 г.

Но когда же именно произошел перелом в развитии Карбонады? Когда и почему появилось название Всемирная *демократическая* Карбонада? Зачем понадобилось принимать такой новый устав, который сближал Карбонаду с «Молодой Италией» и вообще с «Молодой Европой»?

На эти вопросы книга Перре не отвечает.

Высказывается лишь предположение, что реорганизация Карбонады предшествовала появлению известного апрельского закона о воспрещении ассоциаций.

Обратимся же к документу, который, как нам кажется, опровергает это предположение и вообще проливает новый свет на вопрос о Карбонаде как международной революционной организации. Мы имеем в виду то письмо «С», которое уже приходилось цитировать выше, но которое только здесь уместно полностью охарактеризовать. Это письмо было написано в мае 1834 г. каким-то информатором-провокатором, вступившим в страсбургскую организацию Карбонады, позднее переселившимся в Берн и отсюда писавшим свои донесения графу Рибопьеру, русскому посланнику в Берлине.

Автор цитируемого письма кратко описывает организационную структуру французской Карбонады: Буонаротти — глава организации; центральный комитет и «мир» как верховные органы «девяностостепенной» ассоциации; широкое распространение Карбонады, «вплоть до кабинетов принцев»; пароль, лозунг и прочие тайные

знаки принадлежности к организации. Далее он сообщает состав «временного правительства», назначенного для Германии: Шюлер в качестве президента, Итцштейн в качестве министра финансов; Роттек, Пфитцер, Берне и пр. — члены правительства. Подобные же, вполне сформированные временные правительства, имеются у «Молодой Италии», «Молодой Польши». В случае победы республиканцев во Франции должно начаться революционное движение в других странах. Известный страсбургский республиканец Ликтанберже — главная опора немецких «разветвлений». Во главе бернского германского комитета находится Клейн из Рейнской Баварии, Фрейейзен из Франкфурта и др. «Главный виновник» — Клейн. Германская ассоциация насчитывала в своих рядах большое число немецких рабочих и ремесленников, работающих в Страсбурге и готовых в любой момент вторгнуться в Германию с оружием в руках, по приказу комитета.

Апрельские восстания, пишет автор цитируемого письма, вовсе не были результатом единого комплота. Это были изолированные движения, и Карбонада им противодействовала [1].

И вот, когда в двух серьезных испытаниях, в савойской экспедиции, во-первых, и в апрельском лионском восстании, во-вторых, обнаружилось истинное оппортунистическое и предательское отношение «аристократических» элементов Карбонады к революционному движению, в Карбонаде произошел раскол: «центральный комитет» и «мир» (так сказано в цитируемом документе, но, повидимому, речь идет о какой-то группе членов «ЦК» и «мира») решили отделить революционную часть республиканцев от Карбонады и в дальнейшем сосредоточить свою руководящую работу в сепаратных, чисто революционных организациях.

Итак, второе лионское восстание — вот момент решительного, явного перелома в развитии Карбонады. Отразился ли этот перелом на судьбах международного революционного движения? Имело ли значение то обстоятельство, что Карбонада *противодействовала* апрельским восстаниям, для истории «Молодой Европы», оформившейся, как известно, 15 апреля 1834 г. в виде союза «Молодой Италии», «Молодой Германии» и «Молодой Польши», под общим руководством Мадзини?

В новейшей научной литературе по истории «Молодой Европы» даже не ставятся эти вопросы.

Польский историк А. Левак рассказывает о том, как установилось сближение Мадзини с Лелевелем. Демократическое польское общество находилось под влиянием верховной всемирной венты Карбонады. Учредив «Молодую Италию» в 1831 г., Мадзини тем

[1] Арх. МИД № 20, 1834, lettre «C» (lettre de Berne, datée du mois de mai 1834): «Ces mouvements n'ont pas été le résultat d'une entente commune de toutes les ramifications; ils ont eté provoqués isolement et contrecarrés par les intrigues de la Charbonnerie à Paris. Car la Charbonnerie à Paris prétend donner seule l'impulsion aux entreprises révolutionnaires et se considère comme le foyer d'où l'Europe doit tenir la liberté».

самым объявил войну Карбонаде. Героическая борьба поляков и взгляды Лелевеля, главы Демократического польского общества, внушили Мадзини надежду на возможность создания новой международной организации. С июня 1832 г. начинается переписка между Мадзини и Лелевелем. В 1833 г., во время пребывания Мадзини в Швейцарии, сближение эмигрантов — выходцев из разных стран, эмигрантов, недовольных тактикой верховной венты карбонариев, усиливается (неодобрительное отношение венты к франкфуртскому выступлению — одна из причин разочарования). И в конце того же (1833) года возникла «Молодая Польша». В нее вошли И. Лелевель, Мерославский, Зверковский, Петкевич, Карл Штольцман и др. В начале 1834 г. устраивается вторая савойская экспедиция, фактически подготовленная интернациональным объединением итальянцев, поляков, швейцарцев. Провал экспедиции и отрицательное отношение к ней со стороны верховной венты разжигают энергию Мадзини как инициатора новой международной организации. И 15 апреля 1834 г. появляется «Молодая Европа» — союз итальянских, польских и немецких революционеров. Таково, вкратце, содержание одного из этюдов Левака [1]. Как видим, здесь ни слова не сказано о влиянии лионских событий. В другой работе того же историка приводится интереснейший текст первой прокламации временного комитета «Молодой Польши», подписанный 12 мая 1834 г. Карлом Штольцманом, Феликсом Новосельским, Франциском Гордашевским, Константином Залесским и Иосифом Дыбовским.

Нет свободы без равенства — вот первая мысль, которая развивается в этой прокламации [2]. Далее в резких и сильных выражениях освещается предательская роль верховной венты. И замечательно, что тут *дважды* говорится о лионских восстаниях. Однако Левак не только не обращает должного внимания на эти указания, но даже допускает крупную ошибку, комментируя текст прокламации. Поясняя намек прокламации на франкфуртский мятеж 1833 г., Левак пишет, что ноябрьское восстание в Лионе произошло в том же году, и так как о восстании 1834 г. в комментариях не говорится ни слова, то получается, что оба лионских восстания смешиваются воедино.

Возвращаясь же к письму бернского информатора графа Рибопьера, мы должны указать, что борьба за полное отделение «Молодой Польши» от Карбонады усилилась именно под влиянием опыта апрельских восстаний 1834 г. Не ограничиваясь повторным указанием значения лионских событий как последнего, решительного испытания Карбонады, автор цитируемого письма сообщает кое-какие подробности о попытке Карбонады удержать свое влияние в Швейцарии: он вкратце упоминает о деятельности швейцарских эмиссаров, руководимых брауншвейгцем Рустом, принявшим в Швейцарии имя Шрадер. Тем не менее, как подтверждает информатор графа Рибопьера, вся Швейцария, равно как и польские комитеты, «только что сложившиеся» в «Молодую Польшу» по образцу «Молодой Италии», совершенно отложились от Карбонады [1]. Но независимо от показаний бернского информатора наша уверенность в том, что апрельские восстания 1834 г. представляют значительное, чреватое важными последствиями событие в истории международного революционного движения и в первую очередь в истории польской эмиграции, подтверждается известными нам фактами, характеризующими отношение поляков к лионскому восстанию (например, участие Рочинского в лионских боях) и отношение французского правительства к полякам в апрельские дни и в последующий период суровой реакции. Ниже будет рассмотрен вопрос о том, как повлияла на судьбы польской эмиграции, ютившейся в Швейцарии, новая позиция французского правительства в так называемом швейцарском вопросе. Здесь же достаточно сказать, что даже те круги польской эмиграции, которые были далеки от «якобинства» и которые спокойно жили во Франции, веря в неприкосновенность их личности на территории «короля баррикад», были внезапно поставлены в унизительное и тяжкое положение.

Иосиф Немоевский, живший в апрельские дни в Париже, писал графине Виктории Сераковской, что все поляки подвергаются преследованиям и унижениям, что все они, не исключая и генералов, должны еженедельно являться в полицейский комиссариат [2].

* * *

Рассмотрим теперь явные формы влияния апрельских восстаний 1834 г. на европейское общество.

В *Швейцарии* — с первых же дней лионского восстания — «великая тревога начала овладевать умами» общественных деятелей [3].

[1] *Lewak*, Giuseppe Mazzini e l'emigrazione polacca; ср. также работу *Prechner*, Wyprawa do Sabaudji w roku 1834, «Przegld historyczny», 1924, XXIV, str. 97—119. Прехнер лишь вскользь упоминает о влиянии Карбонады, Общества друзей народа и Общества прав человека на политических эмигрантов в Швейцарии и не сообщает никаких подробностей о первой савойской экспедиции. Например, о связи итальянских эмигрантов с лионцами и т. д.

[2] *Lewak*, Młoda Polska «Jnsurrekcje», 1929, I, str 35, и след.; ср. также *lewak*, Udzial Polaków w włoskich walkach o wolność, tam-że, str. 26—34. Другую работу Левака «Od związkow węglarskich do Młodej Polski» нам не удалось получить. Но, как видно, «Młoda Polska» — позднейшая из всех названных работ Левака.

[1] Арх. МИД, № 20, 1834, Lettre «C» приложение к донесению графа Рибопьера от 22.VI. 1834.

[2] Арх МИД, 1834, N 19. Auszug aus einem Briefe in polnischer Sprache. J. Niemojewski a la comtesse V. de Sierakowska, Paris, 25 IV. 1834: «Bei den letzten Unruhen sind unserer Landsleute gefallen namlich Kutezycki und Korczyk, die ubrigen hatten sich nicht hineingemicht. Die Regierung verfolgt uns auf eine schreckliche Weise Jeden Montag mussen wir uns beim Polizei commissarius zum Appel melden, wer sich nicht einfindet, verliert seinen Sold. Selbst die Generale sind davon nicht befreit. Uminski hat an Thiers geschrieben und ihm gesagt, falls ihn von den angeordneten Promenaden nicht befreie, so bäte er um einen Pass nach England».

[3] Арх. МИД, 1834, № 22 Sévérine à Nesselrode, 14 IV. 1834.

Все они с нетерпением ждали известий о развязке, так как, по выражению современника событий, каждая партия в Швейцарии видела в исходе лионской битвы «сигнал к собственной победе или поражению» [1]. Известно, что революция 1830 г. оказала сильнейшее влияние на Швейцарию, открыв в истории этой маленькой страны новую страницу. «Французское завоевание 1798 г. и французская революция 1830 г. дали возможность освободиться крестьянству от феодальных повинностей, промышленному и торговому населению — от ига патрицианского и корпоративного контроля» [2]. Однако швейцарские реакционеры продолжали отстаивать свои притязания. Против «конкордата семи», семи кантонов, объединившихся для упрочения демократических устоев, образовалась контрлига. Борьба сложившихся партий обострялась и осложнялась рабочими волнениями в промышленных городах [3]. К тому же многие общественные деятели были тесно связаны с международной политической эмиграцией, которая, кстати сказать, очень осложнила международное положение Швейцарии в феврале 1834 г., когда была предпринята вторая савойская экспедиция. Словом, весть о втором лионском восстании была получена в момент большого напряжения классовой борьбы внутри самого швейцарского общества. И естественно, что швейцарская пресса оживленно, обстоятельно и долго писала о лионских событиях [4]. Но их влияние не ограничилось усилением литературно-публицистической борьбы.

13 апреля в Фернее была устроена шумная республиканская манифестация. Еще в 1830 г. здесь было посажено «древо свободы». Впоследствии оно было сломлено бурей. И вот, в дни лионского восстания 1834 г. *швейцарские республиканцы решили восстановить* символ — посадить другое дерево. Разумеется, акт древонасаждения был лишь предлогом для политической демонстрации. Выступавшие ораторы, в числе которых был эмигрант Элизэ Леконт, редактор женевского «Насионаля», говорили о необходимости последовать примеру лионских инсургентов. Толпа отвечала бурными возгласами: «Да здравствует свобода, да здравствуют наши лионские братья» [5]. Леконт был арестован и отправлен в Жекс [6], а жекский трибунал переслал его дело в лионский королевский суд [7].

О напряженной ситуации, создавшейся в апрельские дни в *Италии*, в Генуе, Ливорно, Риме, Неаполе, писали французские дипломаты; послы и консулы Франции, жившие в портовых итальянских городах, были особенно сильно встревожены слухами о восстании в Марселе [1].

Весть о лионском восстании заставила кардинала Бернетти предложить папе Григорию XVI отложить его предполагавшийся отъезд из Рима «вплоть до окончания кризиса во Франции» [2].

Вскоре после второго лионского восстания вышла из печати книга аббата Ламене «Слова верующего». Нам представляется почти очевидным влияние апрельского социально-политического кризиса на миросозерцание Ламене, на его решение именно в данный момент «порвать с Римом». Поскольку же мы рассматриваем различные формы влияния восстания 1834 г., не исключая и контрреволюционных актов, уместно сказать, что и ответ Григория XVI на книгу Ламене (энциклика «Singulari Nos») был тоже продиктован обстановкой, создавшейся весной 1834 г., т. е. усилением реакции, сплочением ее сил перед лицом общего врага. Бесспорно, что уже само по себе содержание книги Ламене давало достаточно основательный повод с точки зрения папы для опубликования энциклики «Singulari Nos».

Но совершенно неправ французский историк Дюдон, который в своем исследовании «Ламене и папский престол» утверждал, что «Григорий XVI не нуждался в внушениях австрийской или русской дипломатии» [3]. Сам Дюдон рассказывает о том, как Меттерних оценивал влияние книги Ламене; он уверял венского нунция, что «Слова верующего» произвели в Бельгии такое же сильное потрясение, как революция 1830 г. [4].

Если же мы обратимся к переписке графа Гурьева с правительством «жандарма Европы», Николая I, то значение энциклики «Singulari Nos» как политического акта, который появился в определенной исторической обстановке, станет очевидным.

Беседуя с графом Гурьевым и высказываясь об издании энциклики «Singulari Nos», кардинал Бернетти «не скрывал, насколько была трудна и деликатна эта задача (задача резкого осуждения Ламене) для папского престола». Но русский дипломат ответил, что при создавшихся обстоятельствах возникает одно соображение, подчиняющее все остальное: это мысль о «connexité intime» — мысль о тесной, внутренней связи, существующей между учениями и переменами, которые угрожают церкви (l'ordre spirituel) в такой же мере, как и светской власти (l'ordre temporel). Следовательно, говорил граф Гурьев, долг церкви, долг более повелительный, чем когда-

[1] «L'Europe Centrale», № 103, 14.IV. 1834.
[2] *Маркс и Энгельс*, Соч. т. IX, стр. 304. Политическое положение швейцарской республики.
[3] «Le Fédéral», № 10, 4 II.1834.
[4] Например «Le Constitutionnel Neuchâtelois», при всей своей резкой враждебности к радикалам, посвятил 2½ страницы описанию лионских событий.
[5] «Le Fédéral», № 30, 15 IV.1834.
[6] «Journal de Saint-Pétersbourg», № 52, I(13), V.1834.
[7] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 39, 14 V.1834.

[1] «Procédure», p. 391, показание префекта департамента Устьев Роны, лично получавшего письма из Генуи, Ливорно, Рима и Неаполя.
[2] Арх. МИД, 1834, № 182, Gourieff à Nesselrode, 3. V. 1834: «Lorsque la nouvelle des evénements qu'ont éclaté en dernier lieu à Lyon et à Paris parvint à Rome, le cardinal Bernetti offrit au Pape de différer son départ jusqu'à l'issue de la crise»... etc.
[3] *Dudon*, op. cit., p. 318.
[4] Ibid., p. 325.

либо в прошлом, заключается в том, чтобы во избежание общей опасности объединенно выступить в борьбе за общее дело [1].

К сожалению, мы пока не можем установить связь апрельских движений во Франции с галицийским заговором, об открытии которого идет речь в апрельской корреспонденции фактического правителя Австрии, князя Меттерниха. Сам Меттерних писал, что в руках австрийского правительства имеются «тысячи нитей этого обширного заговора» и что все нити «пересекаются в Париже» (австрийская полиция арестовала около 80 агентов французских и польских комитетов) [2].

Еще не исследована и связь французских республиканцев — участников апрельских движений с *бельгийскими* революционерами.

Бельгийская печать сообщала о появлении в Генте, Льеже и Брюсселе множества «подозрительных» иностранцев. И, как известно, волнения 1834 г. в Бельгии совпали с лионским восстанием. Европейская пресса прозрачно намекала на многозначительность этого совпадения. А бельгийский «Эндепандан» не обинуясь заявлял, что сопоставление апрельских восстаний во Франции с выступлением в Брюсселе «дает повод думать», что Бельгия — это только один из пунктов широко задуманной революционной «акции».

Обращаясь к апрельским номерам английской газеты «Таймс», мы не находим, в отличие от 1831 г., подробной информации о лионских событиях. Сообщив успокоительные сведения об исходе волнений на площади Сен-Жан в первый день суда по делу мютюэлистов и ограничившись, далее, архиосторожной заметкой о начале восстания, «Таймс» почти совершенно замалчивал ход последующих событий, ссылаясь в номере от 18 апреля на недостаток информационных материалов. Признание, что в течение некоторого времени инсургенты были настолько сильны, что ген. Эймар... «испытал искушение отступить...», появилось на страницах «Воскресного Таймса» лишь одновременно с сообщением о полном разгроме восстаний в Лионе и Париже» [3].

Характерны и суждения английских буржуазных публицистов по вопросу о значении восстания 1834 г.: принципиально новые черты движения, делавшие оба лионских восстания поворотным моментом исторического развития, замалчивались.

«Таймс» пространно высказывался по вопросу о стачке, как будто бы и в самом деле все апрельское движение было *только* результатом февральской стачки, как будто бы и не было *общегосударственного закона о воспрещении союзов*, как будто бы и в самом деле восстание 1834 г. было частным, локальным конфликтом. А солидный английский ежегодник «Annual Register» ограничился замечанием, что «дух единения среди мастеровых, дух организации союзов, которые уже привились сами собою и достигли такого полного

[1] Арх. МИД, 1834, № 182 Gourieff à Nesselrode, 5.VII. 1834
[2] *Metternich*, Mémoires, t V, p. 603, note de l'Editeur
[3] «Sunday Times», № 600, 20 IV. 1834

и систематического организационного развития в Великобритании, занял теперь свое место в промышленных городах Франции» [1].

В резком противоречии с этими попытками скрыть истинное значение апрельских событий или представить их как уже пройденный, вовсе не «страшный», этап английского рабочего движения, находятся те истерические и клеветнические заметки, которыми пестрит реакционная пресса других европейских стран. Гамбургская газета «Фрейшютц» озаглавила заметку о лионском восстании словами: «Новейший, всемирноисторический, поистине мировой скандал» [2]. Застращать своего «дорогого читателя» «сценами резни», клеветнически обвинить «Насьональ» во лжи, лицемерно пожалеть нацию, «в которой такая газета может называться истинно национальной», злобно выругать лионскую «чернь», дерзнувшую схватиться «за колесо юстиции», такова была главная цель этого реакционного листка.

Подобным же ароматом дышали и статьи, печатавшиеся в «Альгемейне цейтунг» [3].

В некоторых странах монархические газеты целиком перепечатывали наиболее яркие статьи французских легитимистов. Так, например, поступила «Гаагская газета», поместившая вместо оригинальной передовицы большую статью из «Ля котидьен», впрочем, не указав точно ни номера, ни названия газеты [4].

Как видим, газеты самых различных направлений и в разных странах Европы, независимо от своей воли, были вынуждены еще раз поднять острую и опасную проблему — вопрос о рабочем восстании — на высоту общеевропейской трибуны. И хотя все апрельские выступления были подавлены, но тот факт, что восстание повторилось и, повторившись, приняло более грозные формы, заставил ревнителей реакции в Европе не только говорить, но и действовать. В самом деле, разве не под влиянием апрельских волнений было ускорено издание указа Николая I «об ограничении пребывания русских подданных за границей», тот самый указ 17 апреля 1834 г., о котором наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин дважды высказался в своем «Дневнике», отметив между прочим, что этот указ «есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III»[5]. Комментаторы «Дневника» правильно указывают, что «Указ 17 апреля 1834 г. является звеном в ряде других мер, принятых правительством императора Николая, имевших целью затруднить для русских подданных выезд и пребывание за границей и вызванных опасениями правительства в связи с революционным движением 1830—1831 гг.» [6]; но правильное замечание тут не доводится до конца: еще более сильным было влияние революционного движения

[1] «Annual Register», 1834, p. 350.
[2] «Der Freischutz», № 18, 3.V. 1834.
[3] «Allgemeine Zeitung», № 112, IV. 1834.
[4] «Journal de la Haye», № 103, 30.IV. 1834. Статья, о которой идет речь, заимствована из № 110 газеты «La Quotidienne».
[5] «Дневник А. С. Пушкина» (1833—1835), ГИЗ, 1923.
[6] Там же, комментарии к «Дневнику», стр. 422—423.

1834 г. Весьма возможно, что мысль об этом указе появилась независимо от апрельских волнений, точнее сказать, раньше, чем в Петербурге были получены первые известия о новом восстании во Франции. Но поспешность, с которой указ был издан, как будто бы вскрывает непосредственные причины появления этого реакционного закона. Основываясь на данных «Архива графов Мордвиновых», комментаторы пушкинского «Дневника» рассказывают, что проект указа «был внесен на рассмотрение общего собрания государственного совета в заседаниях 12 и 16 апреля, но вследствие заявления председателя кн. Кочубея о непременной воле государя издать предложенный закон, причем государственному совету предоставлялась только редакция его, вопрос по существу не обсуждался, и Н. С. Мордвинов, желавший внести некоторые возражения против проектируемого закона, был лишен возможности это сделать. Журнал заседания 16 апреля не был еще подписан членами, как на другой же день, 17 апреля, последовал уже указ сенату об ограничении пребывания русских подданных в иностранных землях».

* * *

В заключение интересно отметить, как откликнулся на героическое восстание лионских ткачей гениальный венгерский композитор Франц Лист. Широко известно, что 23-летний Лист написал в 1834 г. музыкальное произведение «Лион» с эпиграфом: «Жить, работая, или умереть, сражаясь».

Нередко утверждают, что всю свою жизнь Лист был приверженцем и выразителем идей феодально-христианского романтизма и «проводил» идеологию феодальной аристократии. Словом, всего Франца Листа отдают «феодальной аристократии».

Как далек был от симпатий к «феодальной аристократии» Лист — автор «*Лиона*», как *долго* и как сильно питал он пламенную любовь к трудящимся, угнетенным классам, явствует из замечательного, но, кажется, малоизвестного письма Листа, написанного *три года спустя* после «Лиона». Подобно парижскому письму Шопена, оно представляет двойной интерес, так как одновременно характеризует объект наблюдений и самого наблюдателя. Лист приехал в Лион в 1837 г. Таким образом, обращаясь к письму Листа, мы находим как бы последнее, заключительное звено в исследовании положения лионских ткачей. Потерпев поражение в апрельском бою, ткачи на долгие годы попали в кабалу жестокой капиталистической эксплоатации.

«Когда я покинул Берри, — писал Лист своему другу Адольфу Пикте, — ...я поехал в Лион и очутился среди таких ужасных страданий, такой жестокой нищеты, что все мое чувство справедливости возмутилось, и сердце мое переполнилось невыразимой скорбью. Как мучительно стоять со скрещенными руками перед целым населением, которое тщетно борется с нуждой, где душа погибает вместе с телом! Видеть, что старость не имеет покоя, юношество не имеет никакой надежды, а детство — никакой радости! Видеть, как все живут скученно в зловонных трущобах и как одни завидуют другим, более счастливым товарищам из-за ничтожной платы за работу, выполняемую для роскоши и украшения бездельников! О жестокая, злая насмешка судьбы! Он, работник, не знающий, куда преклонить свою голову, вырабатывает своими руками драгоценнейшие ткани, ткет роскошные материи, под которыми почивает изнеженный богач; он, не имеющий даже тряпья, чтобы прикрыть свою наготу, ткет золотую парчу, украшающую королев. И дети, которые никогда не видят улыбки на губах матери, стоят, согнувшись у станков, и следят мутными глазами за выступающими под их пальцами арабесками и цветами, которые станут забавою для детей вельмож!

О, жестокий закон социальной судьбы! Когда же, наконец, ангел гнева разобьет твои медные скрижали! О слезы, о вздохи, о вопли народа! Когда же они, наконец, наполнят пропасть, все еще отделяющую нас от царства справедливости! Вместо братской любви, которая еще не могла проникнуть в наши сердца, по крайней мере подаяние милостыни стало нашей привычкой. В Лионе, в Париже, повсюду, где нужда... переступила границы, обращаются с общим призывом ко всем имущим. Похвальное усердие охватывает все классы, тысяча средств изобретается, чтобы взять лишнее у скупых... даже не останавливаются перед оскорбительным контрастом: устраивают праздники и балы перед лицом нужды и страданий... мужчины заседают в комитетах, чтобы с серьезным видом и целыми днями обсуждать число люстр или цвет драпировок, которые должны будут украшать праздник. Пожалуйста, милостивые государи, поторопитесь немного со своими филантропическими дебатами, так как перед вашей дверью только что упал от истощения старик, только что мать продала свою дочь!..

Подобно врачу, который думает спасти своего больного тем, что вгоняет его чумные нарывы внутрь, также и общество обольщается надеждой излечить глубокую рану паллиативными средствами... Те, которые держат в своих руках судьбы народов, слишком легко забывают, что покорность не может долго быть добродетелью масс и что если народ долго стонал, то внезапно можно услышать его рев...

Что же сделает искусство, что сделает художник в такие бедственные времена? Художники выставят свои картины, музыканты дадут концерты в пользу неимущих. Несомненно они поступают правильно... Но... может ли сохраниться их деятельное сочувствие при этой половинчатой работе? Уже достаточно видели их в роли дворцовых прихвостней и паразитов, уже достаточно долго они превозносили амуры вельмож и радость богачей. Теперь пробил их час, чтобы поднять мужество слабых и чтобы смягчить страдания угнетенных! Искусство должно воспроизвести в памяти народа прекрасное самопожертвование, героические решения, силу, гуманность и самое себя!» [1]

[1] *F. Liszt*, Essays und Reisebriefe eines Baccalaureus der Tonkunst, Leipzig 1881, «Gesammelte Schriften von F. Liszt, herausgegeben von Ramann», zweiter Band. *Liszt an A. Pictet*, Chambéry, Septembre, 1837, S 155—157.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СУД НАД УЧАСТНИКАМИ АПРЕЛЬСКИХ ДВИЖЕНИЙ (АПРЕЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС)

История так называемого апрельского процесса, тянувшегося в течение нескольких месяцев, с мая 1835 г. до января 1836 г., освещена в общих чертах в разных работах [1].

Как известно, обе стороны, обвинители и обвиняемые, готовились к процессу. Правительство, наученное опытом предшествующих политических процессов, решило поставить апрельский процесс в совершенно исключительные условия, абсолютно гарантирующие «твердость» и преданность судей интересам июльской монархии. Правительство воспользовалось статьей 28 конституции, гласившей о верховных судебных правах палаты пэров по делам о «государственной измене» и покушениям на «безопасность государства». Но ранее, чем организовать экстраординарное судилище, следовало издать закон, определяющий сущность тех «преступлений», о которых шла речь в статье 28. Подобного закона не было, и, таким образом, правительство нарушило конституционную хартию. Оно добилось своей цели не без борьбы (одна парламентская группа предлагала амнистировать заключенных).

Суд пэров предъявил обвинение 167 лицам. Открытию судебных прений предшествовал процесс газеты «Насиональ», напечатавшей 10 декабря 1834 г. резкую статью по вопросу о компетенции суда пэров.

Апрельский процесс следует рассматривать как продолжение борьбы между республиканцами и защитниками июльской монархии. Не отличается ли этот этап борьбы от предшествующего какими-либо принципиально новыми чертами?

Выше обрисована внутренняя борьба в разветвлениях Общества прав человека и гражданина *накануне* апрельских выступлений

[1] *Louis Blanc*, op. cit., t. IV, p. 361—430. документы: Ibid., p. 507—518. *Thureau-Dangin*, Histoire de la monarchie de Juillet, t. II, p. 304. *Varille*, Les journées d'avril, Lyon 1923, p. 22—43. *Perreux*, Au temps des sociétés secrètes, Paris 1931, p. 333—346.

и в дни восстания. Не изменились ли взаимоотношения республиканцев в иной обстановке и перед лицом неизбежной встречи с общим врагом в зале суда?

Режим предварительного заключения не исключал возможности общения арестованных с «внешним миром». Арестованным разрешалось выходить из тюрьмы по личным делам и даже для развлечений. Тем самым создавалась возможность общения с видными республиканцами, почему-либо не привлеченными по апрельскому делу, устанавливалась связь между тюрьмами, в которых сидели участники движения. Не будем останавливаться на описании различных антиправительственных манифестаций, устраивавшихся арестованными в тюремных помещениях. Достаточно сказать, что арестованные республиканцы широко пользовались возможностью ежедневных сходок [1].

К каким же выводам пришли историки, рассказавшие о поведении республиканцев в долгие дни предварительного заключения и судебного процесса? Чернов категорически утверждал, что процесс привел к *слиянию*, «по крайней мере — временному слиянию», всех элементов республиканской партии [2].

Известно, что арестованные республиканцы избрали из своей среды комитеты защиты. В парижский комитет вошли: Годфруа Кавеньяк, Гинар, Марраст, Лебон, Виньерт, Ландольф, Шильман; в лионский — Бон, Лягранж, Коссидьер, Тифен, Мартен, Майефэ. Комитеты составили список защитников, симпатизирующих республиканской партии и способных к политическому выступлению на суде. Поскольку в этот список были включены самые различные и враждующие представители общественного движения, напр. имер, Бланки и Ламене, Буонаротти и Каррель, Распайль и Огюст Конт и т. д. (количество избранных защитников даже превышало число самих подсудимых) [3], Чернов и думал, что в данный момент произошло временное слияние «всех элементов». Новейший исследователь, Габриэль Перре, касаясь вопроса о взаимоотношениях республиканцев в период предварительного заключения пишет: «Но если заключенные сговаривались по общим принципиальным вопросам, то в частностях дело обстояло иначе».

Источники воспроизводят иную картину взаимоотношений арестованных. Еще Луи Блан, не вскрывая сущности разногласий

[1] В тюрьме Сент-Пелажи, где были заключены парижские республиканцы, в июне 1834 г. был митинг по случаю годовщины июньского восстания. Бурные сцены происходили в той же тюрьме в сентябре 1834 г., когда под руководством Деланта, Мартино и Морианкура арестованные всю ночь пели республиканские песни и кричали «Смерть Луи Филиппу! Смерть Жиске!» Перед открытием судебного процесса 2 мая 1835 г., по случаю тезоименитства короля в Сент-Пелажи было устроено еще более шумное выступление. Переломав столы и стулья, перебив посуду и окна, арестованные почтили короля феноменальным «кошачьим концертом» (*Perreux*, op. cit., p. 335).

[2] *Tchernoff*, op. cit., p. 301.

[3] Неполный список избранных защитников имеется в «Histoire de dix ans»; *Blanc*, op. cit. t. IV, p. 513—514.

между республиканцами, писал в своей «Истории 10 лет», что между различными группировками республиканцев — в тюрьмах и вне тюремных стен — происходили «пламенные дискуссии». Подробнее, но все же недостаточно ясно высказался Вейль, писавший, что «заключенные образовали комитет, который должен был руководить защитой и набросать в общих чертах партийную программу. Но здесь опять выплыли наружу старые разногласия: Арман Марраст отстаивал личную свободу; Виньерт и Лебон возлагали на государство заботу о поддержании законности; Кавеньяк попрежнему старался примирить оба взгляда». И лишь из первоисточников, привлекаемых, но недооцениваемых историком Перре, явствует, как велика была пропасть, разделявшая заключенных республиканцев.

Цитируя архивные данные о дискуссиях в тюрьмах, сам Перре пишет, что на суде могли бы (on risquait) услышать прежде всего о «замаскированной, наполовину императорской республике» Карреля, Марраста, Кавеньяка; далее — о «научной, прогрессивной и микроскопической» республике Распайля и Керсози; затем — о пастушеской и патриархальной республике Виньерта и Лебона, «больших любителей кореньев и произрастаний, для которых милее всего на свете плуг и которые питают сильнейшую ненависть к большим городам, роскоши и индустрии».

Кроме двух известных группировок: Кавеньяк — Марраст и Керсози — Распайль, самостоятельно выступали так называемые «пуритане» и «радикалы», которые, как гласит цитируемый в книге Перре полицейский отчет, приобщали «к несуразным речам Виньерта религиозный и немецкий мистицизм Наполеона Лебона и аббата Ламене».

Еще более важное показание источников находим в другой главе книги Перре. Весной 1835 г. из тюрьмы Сент-Пелажи вышла замечательная прокламация, авторство которой полиция приписывала Виньерту, Лебону, Берье-Фонтену и Деланту. Прокламация гласила:

«Отныне — прочь с дороги, праздные люди, маскирующиеся рабочими, чтобы навязать нам свое управление, всегда столь пагубное для наших интересов... Как истинные представители народа скажем наконец: *нет никаких надежд вне пролетариата*! — Граждане! Вы поняли эту истину так же, как и мы. Только мы сочли долгом воплотить ее в практику. Мы проповедовали союз работников. Действительно, объединимся же... и санкционируем теперь ваши и наши труды, присвоив нашему союзу наименование, возвещающее его миссию. *Революционные легионы* — вот название, которое научит вас, какими средствами борьбы вы должны пользоваться...» [1]

Было и раньше известно, что на развалинах Общества прав человека и гражданина возникло еще до окончания апрельского процесса настоящее тайное общество — *революционные легионы*; что солдаты *революционных легионов* — общества, подавленного в зародыше, вошли в новый тайный союз — Общество семей, из которого впоследствии образовалось Общество времен года. Но мы не знали, что некоторые, может быть, наиболее глубокие корни бланкистских революционных организаций, отличавшихся от предшествующих союзов, как указывали Маркс и Энгельс, именно своим «исключительно пролетарским составом» [2], вырастали из той среды, которая была представлена в тюрьме Сент-Пелажи подлинно революционной частью республиканцев.

Ясно, что нельзя говорить о слиянии и о принципиальной солидарности тех людей, которые провозгласили лозунг: «Вне пролетариата нет никаких надежд», с жирондистами вроде Марраста и с соглашателями вроде Годфруа Кавеньяка.

Помимо разногласий в среде заключенных, были и очень серьезные расхождения между заключенными и защитниками, а также

[1] *Perreux*, op cit., p 360.

[2] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 298, О книгах А. Шеню и Л. де ля Одда.

в среде защитников Годфруа Кавеньяк резко возражал против совета Пьера Леру о включении аббата Ламене в список защитников

Узнав о замыслах республиканцев, правительство решило бесцеремонно предотвратить нежелательные сцены Суд объявил, что к защите будут допущены только адвокаты, притом не по выбору подсудимых, а по назначению председателя суда или старшины адвокатской корпорации Подсудимые заявили протест и отказались обращаться к подобным защитникам Тогда председатель суда пэров, барон Паскье, постановил (20 III, 1835), что защитники будут назначены независимо от согласия подсудимых Последние попробовали повлиять на Паскье, делегировав к нему депутацию, в состав которой вошли Марраст, Лебон и Ландольф, выполнившие свою миссию с достоинством, но безрезультатно Позиция, занятая правительством, временно осложнилась благодаря непредвиденному обстоятельству парижские адвокаты от имени своей корпорации отказались взять на себя роль «прикомандированных» защитников Примеру парижской корпорации немедленно последовали руанские адвокаты, а вслед за ними юристы других городов Франции На тайном совещании суда пэров было решено воздержаться от принуждения адвокатуры к выступлению на суде, но решение об отводе защитников, избранных подсудимыми из среды лиц, не принадлежащих к адвокатской корпорации, было подтверждено.

Врагам революционного движения удалось найти компромисс без ущерба своим интересам. Между тем серьезнейшие теоретические разногласия республиканцев осложнились расхождениями по насущному и первоочередному вопросу тактики Как реагировать на решение суда о недопущении избранных защитников, не являющихся членами адвокатской корпорации? Парижский комитет постановил, что в ответ на это решение ни один из обвиняемых не должен отвечать на вопросы суда Люневильские республиканцы присоединились к точке зрения парижан. Прямо противоположную позицию заняли лионцы, стремившиеся всемерно использовать возможность публичного выступления. 18 апреля 1835 г., т. е. всего лишь за несколько дней до открытия судебного процесса, в тюрьме Сент-Пелажи состоялась встреча членов парижского и лионского комитетов. После ожесточенных прений, в которых — по выражению Луи Блана «avec éclat» — проявились разногласия, существовавшие между лионцами и парижанами, лионцы подписались под расплывчатой резолюцией, характерное значение которой, на наш взгляд, как раз и заключалось именно в том, что в ней ничего не было сказано о решении не отвечать на вопросы судей в том случае, если суд пэров не допустит выступления защитников, избранных подсудимыми Принятая резолюция не устраняла, а лишь замалчивала существующие коренные разногласия, воспроизводившиеся и в среде самих защитников, которых лишь *формально* объединял вышеназванный «список» Большинство защитников становилось на точку зрения парижского комитета защиты В оппозиции к мнению большинства находились Ледрю Роллен и Сен Ромм. А Жюль Фавр целиком подчинял политические интересы и цели подсудимых банальной задаче адвоката, выступающего в заурядном судебном деле.

Борьба различных группировок еще более обострилась с момента открытия процесса по апрельскому делу. В первый же день суда, 5 мая 1835 г., защитники собрались в квартире Огюста Бланки. Выступление Жюля Фавра вызвало бурю восклицаний протеста, заставившую будущего палача Коммуны покинуть собрание.

Через несколько дней, 14 мая, на собрании комитета защиты дискуссия приняла до того ожесточенный характер, что с Дежарденом произошел нервный припадок [1].

Как уже сказано, суд начался 5 мая 1835 г. В люксембургском дворце заново выстроили специальный зал, размеры которого должны были соответствовать огромному числу подсудимых. Две Франции встретились лицом к лицу в этом зале 5 мая: 164 пэра (86 членов палаты пэров не явились) и 121 подсудимый: 80 человек, арестованных по делу о движении в провинции, и 41 — по делу о выступлении в столице В зависимости от степени причастности к движению (непосредственное участие в бою, побуждение к борьбе и т д.), обвиняемые были подразделены на три категории Основная идея обвинения заключалась в том, что все апрельские движения суть

[1] *Perreux*, op cit , p 344, note.

звенья единой цепи, результат единого революционного комплота, подготовленного Обществом прав человека. Верхушка лионского филиала была представлена на суде сначала только одним Боном. Из членов исполнительного совета лионских мютюэлистов присутствовали Жирар, Карье, Пуляр. Любопытно, что перед судом предстал и Ревершон, исчезнувший при странных обстоятельствах в первые дни апрельского восстания и впоследствии добровольно явившийся отбывать тюремное заключение.

Суд начался, как обычно, с опроса обвиняемых. Парижане не отвечали на вопросы судей. Лионцы отвечали, продолжая отстаивать право свободного выбора защитников.

Паскье еще раз отклонил просьбу лионцев. Тогда начался бой: бурные сцены ожесточенных выпадов со стороны обвиняемых, ответные мероприятия судей, удаление подсудимых из зала заседаний, угрозы, внезапные перерывы судопроизводства сменялись беспрерывной чередой, разжигая в различных кругах французского и иностранного общества сильнейший интерес к апрельскому процессу. Не останавливаясь на описании патетических сцен, происходивших в зале суда (они ярко освещены в «Истории 10 лет» Луи Блана), скажем лишь несколько слов о выступлениях лионцев. Речь Ревершона заняла почти весь день заседания 30 июня. Ревершон говорил о бесстыдстве и бесчестии министров, о неизбежности новой революции, которая свергнет «последнего короля». За эту речь Ревершон был осужден на 5 лет тюремного заключения и оштрафован на 5 тыс. франков. 2 июля с большой политической речью выступил Лягранж, старавшийся доказать, что все апрельское дело — западня, устроенная полицией; на вопросы суда Лягранж отказался отвечать. Через несколько дней после выступления Лягранжа случилось сенсационное событие: 12 июля из тюрьмы Сент-Пелажи бежали 28 заключенных: Кавеньяк, Марраст, Гинар, Виньерт, Наполеон Лебон, Ландолоф, Беррье-Фонтен и др. Из числа виднейших парижских деятелей на скамье подсудимых остался один Керсози, не пожелавший последовать за своими товарищами. «Благородный безумец» (как назвал его Стендаль) считал, что бегство из тюрьмы при данных обстоятельствах является дезертирством. Прошли еще две недели, и апрельский процесс вступил в новую фазу: 28 июля Фиески совершил покушение на жизнь Луи Филиппа. В качестве соучастников покушения полиция привлекла двух членов Общества прав человека: Пепена и Мореля. Положение обвиняемых по апрельскому делу резко ухудшилось.

13 и 17 августа были вынесены приговоры по делу о лионском восстании. Первый приговор относился к подсудимым, присутствующим на суде, второй — к осужденным заочно. Присутствовавшие на суде *лионцы* приговаривались: Бон, Антид Мартен, Альбер, Югон, Марк Ревершон, Лафон и Девуа—к ссылке в колонии; Лягранж и Туррес — к 20 годам тюремного заключения; Моляр-Лефевр, Юге, Дрижар-Дегарнье — к 15; Коссидьер-старший, Ляпорт, Ланж, Виийар, Маринье, Рочинский, Тион, Деспинас, Бенуа-Катен — к 10; Прадель, Шери, Кашо, Дибье — к 7; Карье, Арно, Морель, Бий, Буайе, Жюльен Марсье, Гейе, Жене, Дитье, Ратинье, Шарми, Шарль, Мазуайэ, Блан, Жобели, Ражьо (Шатэнье), Шаньи — к 5 годам тюремного заключения (и все — к пожизненному надзору полиции); Ру, Берар и Гишар — к 3 годам тюремного заключения и пятилетнему надзору, Бютэ и Адан — к 1 году тюремного заключения и пятилетнему надзору; Жирар — к 1 году заключения и двухлетнему надзору; Антуан Жирар, Пуляр, Равашоль, Корреа, Бертола, Мишель Коше, Маркадье, Марго и Жиро — освобождены. Заочно присуждались: Сильвен Кур (или Сильвенкур) — к ссылке в колонии;

Пако, Брюне, Мюге, Вейрон, Ук де Вюрт, Прост — к 20 годам; Марпеле, Моллон, Гуж, Брейтбак, Дапре, Прост, Сервьетт, Помье — к 15; Венсан, Бий, Депасьо-старший и Депасьо-младший, Сонье, Гийбо-сын, Боки — к 10 годам тюремного заключения, и кроме того все — к пожизненному надзору.

По делу люневильцев приговор был оглашен только 23 декабря. Тома был присужден к ссылке в колонии, Бернар — к 20 годам, Стиллер и Трикотель — к 10, Ренье, Кейе и Матье (из Эпиналя) — к 5 годам тюремного заключения, и все — к пожизненному надзору; Лапотер и Беше — к 3 годам заключения и пятилетнему надзору.

По делу о движениях в Сент-Этьене, Гренобле, Марсели, Арбуа и Безансоне вердикт был оглашен 28 декабря. Марк Коссидьер присуждался к ссылке в колонии, Пьер Ревершон — к 10 годам, Жильбер (Миран) и Рибан — к 5 годам тюремного заключения, и все — к пожизненному надзору; Россари, Оффруа — к 3 годам, Тифен и Фруадво — к 1 году тюр много заключения, и все четверо — к пятилетнему надзору полиции.

По делу парижских республиканцев, присутствовавших на суде, приговор был вынесен 23 января 1836 г. Бомон и Керсози были приговорены к ссылке; Крева, Прюво — к 10 годам тюремного заключения и пожизненному надзору; Сориак — к 5 годам; Бастиен, Роже, Варе, Каюзак — к 3 годам; Бийон, Делайан, Делакки, Бюзлен — к 1 году тюремного заключения, и все — к пятилетнему надзору полиции. В тот же день были заочно осуждены: Кавеньяк, Беррье-Фонтен, Виньерт, Лебон, Гинар, Делант, де Людр и Марраст — к ссылке; Фуэ, Гранже, Виллен и Бура — к 15 годам; Матэ, Ленорман. Ландольф, Ивон, Обер, Пишонье, Геру, Сульяр (Ширэ) — к 10 годам; Эрбер, Шильман, Порнен, Розьер, Пуарот, Тассен, Фурнье — к 5 годам тюремного заключения, и все — к пожизненному надзору полиции.

Так закончился один из крупнейших политических процессов эпохи, много раз прерывавшийся в течение 9 месяцев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

АПРЕЛЬСКИЕ ВОССТАНИЯ 1834 г. И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ

Внешняя политика Франции в 1830—1835 гг. освещалась во многих специальных и общих работах по истории июльской монархии. Ознакомившись же с этой обширной литературой, с удивлением узнаешь, что она не разрешает одной из важнейших проблем названного периода, а именно, вопроса о моменте и причинах перелома во взаимоотношениях Франции с другими европейскими странами. В подавляющем большинстве работ, касающихся внешней политики Франции в 1834—1835 гг., самая ткань фактического материала сплетена неправильно: в одних работах нехватает существенных частей рисунка, в других перепутаны главнейшие нити.

Посмотрим, как освещаются интересующие нас вопросы в исторической литературе. Если обратимся в первую очередь к общим сводным работам по истории Западной Европы, например к работе Кареева, то мы увидим, что поворот во взаимоотношениях Франции с Англией и Австрией освещается как результат медленной эволюции. «Таким образом, — пишет Кареев, — Людовик Филипп малопомалу сближался с Австрией и Пруссией и тем самым отделялся от Англии» [1].

Примерно тот же взгляд развивал немецкий историк Хиллебранд, хорошо осведомленный в вопросах внешней политики, однако ничего не сказавший в своей работе о так называемом свидании в Нейи, которое — постараемся доказать это ниже — было событием первостепенной важности [2]. Прямо противоположная мысль выражена в книге Риттье, писавшего, что англо-французские

[1] *Кареев*, История Западной Европы, т. V, стр. 162.

[2] *Hillebrand*, Geschichte Frankreichs, Gotha 1877—1879, t. I; ср. гл. 7, стр. 435—501, особенно стр. 495 и след., а также гл. 8, стр. 501—620. Правильно указывая, что «апрельские дни» 1834 г. изменили отношение французского правительства к эмигрантам, пребывающим на территории *Франции*, Хиллебранд совсем не заметил, какое значение имел вопрос о франко-швейцарских отношениях в том же году (другими словами, вопрос об отношении Франции к политическим эмигрантам, жившим в *Швейцарии*).

отношения изменились «внезапно» [1]. В обширной работе Амеля, где весь материал изложен в строго хронологическом порядке по месяцам каждого года, лишь в разделе: *март 1836 г.*, находим указание, что «в этот момент английский альянс, столь драгоценный для Луи Филиппа, казался скомпрометированным»[2]. Тюро-Данжен, автор семитомной работы по истории июльской монархии, высказал ряд неопределенных, «обобщенных» суждений по вопросу о интересующем нас повороте [3]. Новейшие историки как-то не замечают этих противоречий и сами допускают ошибки и неясности. Люка Дюбретон в одной из своих работ заставляет умереть маркиза Лафайета до ухода Брольи с поста министра иностранных дел [4]. В действительности Лафайет умер 20 мая 1834 г., а герцог Брольи вышел из кабинета министров в начале апреля, еще до лионского восстания. Ясно, что в представлении названного историка слились воедино два разных момента пребывания Брольи у власти. Поворотный момент в международных отношениях Франции обрисован так неотчетливо, что даже трудно установить, к какому времени он относится: по контексту другой книги Люка-Дюбретона его можно приурочить лишь ко времени покушения Алибо (25 июня 1836 г.) [5]. В работе Шарлети рассказ о второй савойской экспедиции (февраль 1834 г.) предшествует описанию мюнхенгрецких совещаний (сентябрь 1833 г.), а свидание в Нейи датируется неточно, как событие, случившееся «несколько дней спустя после заключения союза четырех государств» [6].

Обратимся к специальным трудам по истории внешней политики.

Д'Оссонвилль лишь приблизительно и гипотетически датировал поворот внешней политики Луи Филиппа периодом мюнхенгрецких совещаний [7]. Капфиг дал крайне сбивчивое освещение всех интересующих нас вопросов: фактический материал, относящийся к одной и той же проблеме, искусственно рассечен и разбросан по разным томам работы [8].

[1] *Rittier*, Histoire du règne de Louis-Philippe, Paris 1855—1858, t. II, p. 199.

[2] *Hamel*, Histoire du règne de Louis-Philippe, Paris 1889, t. I, p. 519.

[3] *Thureau-Dangin*, Histoire de la monarchie de Juillet, t II, p. 411. Касаясь вопроса о франко-австрийских отношениях, Тюро-Данжэн писал: «Les choses en vinrent à ce point qu'à partir de 1834 et surtout de 1835, des communications secrètes s'établirent entre M. de Metternich et Louis Philippe».

[4] *Lucas-Dubreton*, La restauration et la monarchie de Juillet, Paris 1926, p. 206.

[5] *Lucas-Dubreton*, La royauté bourgeoise, Paris 1930, p. 111.

[6] *Charlety*, La monarchie de Juillet, Paris 1921, p. 123.

[7] *D'Haussonville*, Histoire de la politique extérieure du gouvernement français, Paris 1850, t. I. p. 56.

[8] *Capefigue*, L'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe, Bruxelles 1845; ср т. XI и XII. Ряд важнейших документов, цитируемых Капфигом, не датирован, что сильно затемняет понимание последовательности событий и обесценивает все изложение.

По мнению Эмиля Буржуа, англо-французские отношения ухудшились с 1833 г. [1]. Дебидур относит перелом отношения Талейрана к Англии и его агитацию в пользу новой ориентации внешней политики к концу 1834 г. [2]. Новейший английский историк Уэбстер датирует 1836 г. большую перемену в англо-французских отношениях [3].

Так обстоит дело с решением элементарной задачи: систематической и точной регистрации определенного ряда исторических фактов. Что же касается их объяснения, то в одних работах его нет, в других оно подменяется наивными рассуждениями, в третьих — останавливается на половине дороги.

Ритье объяснял перемену ориентации матримониальными соображениями короля, вздумавшего женить своего старшего сына на австрийской принцессе. В работе Тюро-Данжена, как и в книге Нувьона[4], нет серьезного анализа интересующих нас фактов. Поэтому весь рассказ Тюро-Данжена о превращении лорда Пальмерстона в резвого «английского бульдога», яростно лающего на Францию, больше напоминает «Метаморфозы» Овидия, чем научное исследование вопроса.

Эмиль Буржуа писал, что главная причина новой ориентации Франции — это усиление внутренней борьбы в Англии: парламентская реформа 1832 г., оуэнизм и рост рабочего движения. Дебидур был ближе к истине, поскольку он точнее излагал высказывания самого Талейрана; но в конечном счете и он не освободился от гиперболизации «матримониальных интересов» и их значения [5]. Особое место занимает специальное исследование Гюйо о первой англо французской антанте, первом «*сердечном согласии*» [6] Следующая ниже полемика наша с этим своеобразным «экономическим материалистом» делает излишней характеристику названного сочинения.

* * *

К сожалению, по самому характеру нашей работы мы не можем обрисовать здесь всю картину взаимоотношений Франции с другими державами в 1830—1833 гг.; мы ограничимся лишь обозрением важнейших *итогов*.

Общеизвестно, что июльская революция произвела колоссальное влияние на Европу. Революция в Нидерландах, освободившая Бельгию, польское восстание, сыгравшее великую историческую роль громоотвода общеевропейской реакции («восстание в Вар-

[1] *Bourgeois*, Manuel historique de politique étrangère, Paris 1906, t. III, p. 124

[2] *Débidour*, Histoire diplomatique de l'Europe, Paris 1890, t. I, p. 340.

[3] *Webster*, Palmerston, Metternich and the European system 1830—1841, From the proceedings of the British Academy, v. XX, Ld. 1934.

[4] *Nouvion*, Histoire du règne de Louis-Philippe, t. I, Paris 1857—1861; t. III, p. 367—420.

[5] *Débidour*, op cit, p. 341.

[6] *R. Guyot*, La première entente cordiale, Paris 1926.

шаве спасло Европу от второй антиякобинской войны», — говорил Маркс) [1], революционное движение в Италии и Испании, победы либералов и радикалов в Швейцарии, восстания в Германии, возвестившие «новую эру народной агитации и агитации среднего класса» [2], обострение классовой борьбы в Англии, — все эти события были более или менее предопределены переворотом 1830 г. во Франции. Июльская революция «прорвала плотину», как говорил один из главных вдохновителей Священного союза. Сплотить снова силы контрреволюции—такова была задача абсолютистских правительств, задача, предрешавшая вопрос об их отношении к Франции и королю французов. Но о восстановлении прежней коалиции 5 держав нечего было и думать. Англия еще в 1826 г. совершенно обособилась, и даже в Священном союзе трех правительств — Австрии, Пруссии и России — в последние годы царствования Карла X образовалась трещина, которая еще больше раскрылась в первые месяцы после июльской революции, когда обнаружились расхождения по вопросу о признании правительства Луи Филиппа. «Никогда, никогда я не могу признать того, что случилось во Франции», — говорил Николай [3].

И когда Меттерних, умевший внушать свои идеи министру Николая, графу Нессельроде, с такой легкостью, с какой «полное вливается в пустое», предложил координировать *в Берлине* политику трех держав — Австрии, России и Пруссии, то Нессельроде в *данном* случае отказался даже уведомить царя об этом предложении. Но спесь и бахвальство Николая сломились под давлением обстоятельств: пришлось признать Луи Филиппа. Весною же 1832 г. княгиня Меттерних, жена министра, внесла в свой дневник замечание, что Николай стал вполне разделять «их» взгляды [4].

Между тем уже ясно обрисовались основные черты внешней политики Франции, равно как и сущность нового режима.

Выяснилось, на какие унижения способно пойти правительство финансовой аристократии, стремившееся сохранить «мир во что бы то ни стало» [5].

Правда, в период, истекший с 25 августа 1830 по 23 декабря 1832 г., т. е. от первого восстания бельгийцев до окончательного разгрома голландских войск, французское оружие сыграло свою роль. Но Луи Филипп еще 17 февраля 1831 г. решительно отстранил бельгийскую корону, предложенную его сыну, герцогу Немурскому, небольшим большинством бельгийского конгресса.

Отношение французского правительства к так называемому восточному вопросу причинило Николаю I немало огорчений. Но при всем желании помешать укреплению русского влияния в Турции, двойственность и трусливость французской политики — при одновременном бездействии Пальмерстона, английского министра иностранных дел, *помогли*, а не помешали Николаю заключить Ункиар-Скелесский договор 8 июня 1833 г.

Французское правительство все еще не отказывало польским, итальянским и немецким политическим эмигрантам в праве убежища, а Талейран, французский посол в Англии, даже сумел создать впечатление, будто бы лишь отказ Пальмерстона от совместного выступления в защиту Польши лишает Францию возможности повлиять на Николая. Но царь знал, что правительство Луи Филиппа обманывает поляков, только «по виду» уступая «народным крикам», как писал граф Бенкендорф в своих «Записках» [1]. Право убежища совмещалось во Франции с такими актами, которые — по крайней мере, в отношении наиболее опасной части польской эмиграции — превращали французскую полицию в сотрудников «Третьего Отделения собственной его императорского величества канцелярии». Еще в конце 1830 г. Поццо ди Борго, царский посол в Париже, был информирован герцогом Мортемаром о том, что во Франции существует тайное общество поляков-карбонариев, решивших убить Николая, как только он появится в Польше [2]. Угодливость Мортемара неудивительна; это был «любимец» Николая, получавший от царя ценные подарки, в 1831 г. вторично принятый в Петербурге в качестве французского посла. Но дело, начатое Мортемаром, продолжали другие. В апреле 1833 г. «надменный» и «независимый» герцог Брольи спешно сообщил русскому послу о переписке, присланной ему министром внутренних дел, о переписке, из которой явствовало, что группа польских офицеров, выехавших три месяца назад из Лиона и Безансона в Германию, по сведениям, только что полученным от безансонских информаторов, направилась в Россию с целью совершить покушение на жизнь Николая [3]. И в связи с этим делом французский министр внутренних дел приказал лионским и дижонским властям выявить всех подозрительных польских эмигрантов [4]. В последующих донесениях русского посла находим собственноручное письмо министра внутренних дел, графа д'Аргу, с информацией о подробностях дела. Как бы оправдываясь, граф д'Аргу пояснял, что заговорщики, прибывающие по большей части из Авиньона, ухитряются получать в Лионе и Безансоне паспорта с вымышленными именами.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 190, *Маркс*, Речь о Польше.
[2] *Маркс* и *Энгельс*. Соч. т. V, стр. 22, *Энгельс*, Положение Германии. Письмо третье.
[3] *Шильдер*, Император Николай I, т. II, стр 290.
[4] *Metternich*, Memoires, V. «Journal de la princesse Mélanie», p. 231.
[5] «Rien pour la gloire! (Ни гроша для славы!) Слава не приносит никакой прибыли! La paix partout et toujours! (Мир во что бы то ни стало!) Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг! — вот что написала на своем знамени Франция евреев-биржевиков. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду оскорблений французского национального чувства» (*Маркс*, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850, изд. ИМЭЛ, 1935, стр. 32).

[1] «Записки графа А. Х. Бенкендорфа» (1832—1837), приложение к книге *Шильдера*, Николай I, стр 647. Цитируемая запись датирована 1832 г.
[2] Арх. МИД, 1831, № 197, Pozzo à Nesselrode, 1830, 29. XII. 1830.
[3] Арх. МИД, 1833, № 161, Pozzo à Nesselrode, 11. IV. 1833.
[4] Ibid., Pozzo à Nesselrode, 14.IV. 1833.

В мае того же года герцог Брольи послал в Петербург список паспортов, выданных полякам с января до конца апреля [1]. Весной 1833 г и немецкая эмиграция подверглась преследованиям во Франции. Герцог Брольи заверил прусского посла, барона Вертера, в готовности французского правительства противодействовать «пропаганде». По признанию одного из монархистских историков, немецкие эмигранты, жившие в Париже, выслеживались с таким же усердием, с каким действовала и сама франкфуртская полиция [2].

Что касается итальянской эмиграции, то мы уже рассказывали о мерах, принятых в Лионе в феврале 1831 г. по отношению к участникам батальона волонтеров Роны. Нелишне сообщить здесь еще кое-какие подробности из истории первой савойской экспедиции. Ведь попытка вторжения в Савойю была сенсационным событием в глазах всех европейских дипломатов, и вопрос о поведении французского правительства в феврале 1831 г., когда у власти еще стоял мнимый представитель «партии движения», имеет большое значение. Узнав о выступлении батальона волонтеров Роны, Поццо ди Борго, царский посол в Париже, немедленно встретился с французским министром иностранных дел, Себастиани, и осыпал его градом упреков. Поццо будто бы заявил, что инцидент с волонтерами Роны можно объяснить либо беззаботностью, либо двуличием Себастиани. Тогда «pour s'excuser» (чтобы извиниться) Себастиани вручил послу Николая подлинное письмо Луи Филиппа, адресованное ему, генералу Себастиани, интимное письмо, написанное наспех и явно выдававшее волнение короля.

«Мне стало известно, дорогой генерал, — писал король, — что газеты уже сообщают о движении отряда, численностью от 5 тыс. до 6 тыс. французов, собравшихся революционизировать Савойю и Пьемонт. Поистине, это превосходит всякие границы, и уже перестаешь понимать подобное поведение, подобные действия и сообщения. Благоволите расследовать дело и прикажите напечатать не только в «Монитере», но и в газетах, опубликовавших это прискорбное сообщение, приличествующее опровержение...» [3]

Разгром экспедиции, угодливость Себастиани и письмо короля успокоили жандарма Европы. Нессельроде приказал графу Поццо ди Борго довести до сведения «кабинета Пале-Рояля», что царь высоко оценил «выдающуюся услугу», оказанную французским правительством защитникам «порядка» [4].

Одновременно и Меттерних получил ряд радостных для него сообщений. Как известно, савойская экспедиция была связана

[1] *Schiemann*, Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I, Bd. III, S. 206. Шиман, правда, утверждает, что Брольи отказался продолжать информацию о выдаваемых паспортах после того, как Поццо ди Борго выразил ему «высочайшую» благодарность Николая.

[2] *Capefigue*, L'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe, t. XI, p. 142.

[3] Арх. МИД, 1831, № 197, приложение к донесению Поццо ди Борго от 3.III. 1831. Цитируемое письмо короля датировано 22. I. 1831.

[4] Арх. МИД, 1831. № 201—202.

с революционным движением в самой Италии. Вспомним, что 4 февраля 1831 г. вспыхнуло восстание в Модене, а вслед за ним и в других итальянских государствах.

Австрийский император решил немедленно подавить инсуррекцию. Таким образом, французскому правительству пришлось высказаться не только о походе волонтеров Роны, но и по более важному вопросу, о своем отношении к австрийской контрреволюционной интервенции в Италии. И вот, кроме двух успокоительных донесений, присланных в Вену австрийским послом в Париже, Меттерних получил депешу непосредственно от Себастиани. Сверх того французский посол в Вене сделал фактическому правителю Австрии устное заявление. Сравнив все эти варианты заявлений, Меттерних убедился, что депеша Себастиани и устная декларация французского посла в Вене отличаются лишь своим еще более смиренно-унизительным тоном [1].

Почему же, невзирая на курбеты французских дипломатов и зная о желании Луи Филиппа сблизиться с Священным союзом, оба императора — австрийский и российский — продолжали враждебно относиться к июльской монархии и, понимая, что всякое новое обострение взаимоотношений с Францией должно укреплять ее «сердечное согласие» с Англией, т. е. англо-французскую антанту (подробнее скажем о ней ниже), императоры встретились в Мюнхенгреце и приняли осенью 1833 г. так называемые *мюнхенгрецкие решения*.

Во-первых, ответ заключается в самом существе мюнхенгрецких решений.

В Мюнхенгреце — небольшом чешском городке Австрийской империи — сошлись душители свободы, императоры Николай I и Франц I; «старинные знакомцы» — Меттерних и Бенкендорф, братья не только по «ремеслу», но и по любовным интригам, тесно сблизившим их когда-то в Париже [2]; послы Фикельмон и Татищев, и др.

Апсильон — глава прусского кабинета — не приехал: он решительно возражал против затеи Меттерниха и Николая. Вместо него явился наследный принц прусский. В результате мюнхенгрецких совещаний императоры постановили объявить о своем непреклонном решении «поддерживать охранительную систему», эту «незыблемую основу их политики». Они провозгласили «право» каждого независимого государя «в случае внутренних смут или внешних опасностей обратиться за помощью к тому из других государей. который, по его мнению, наиболее способен оказать ее». Они решили, что «в случае, если бы такая помощь была оказана, никакая держава, к которой не обращалось... государство, находящееся в опасности, не

[1] *Metternich*, Mémoires, t. V. p. 123. Инструкция австрийскому послу в Париже от 12 марта 1831 г.: «Si j'y découvre une nuance, c'est que les termes de la dépêche de ce ministre et surtout le langage de l'ambassadeur, portent un caractère plus *humble* que les paroles qui vous ont été adressées».

[2] Записки Бенкендорфа, цит. изд., стр. 675.

будет иметь права вмешиваться ни для того, чтобы противодействовать помощи, ни для того, чтобы действовать во враждебном направлении». А если какая-либо держава силой оружия воспротивится попытке оказать востребованную помощь, то все три двора сочтут всякое враждебное действие, предпринятое с этой целью, «как бы направленным против каждого из них».

Прусский король, не согласившийся с мюнхенгрецкими решениями, спустя некоторое время — 15 октября 1833 г. — подписал секретный договор трех держав, — Австрии, России и Пруссии, договор, который отличался от постановлений, принятых в Мюнхенгреце, только формой выражений, но не по существу. А существо заключалось, как видим, в том, что союзные правительства резко выдвинули доктрину вмешательства в противовес «принципу невмешательства», провозглашенному во Франции в качестве одного из основных принципов ее внешней политики.

«Принцип невмешательства», сформулированный еще до 1830 г. английским министром Каннингом, стал своего рода лозунгом политики двух сильных европейских держав после июльской революции. Пальмерстон отстаивал его в Англии; все министерства, приходившие к власти со времени июльской революции вплоть до рассматриваемого момента (конец 1833 г.), так или иначе поддерживали этот принцип во Франции. Правда, содержание «теории невмешательства» в ее французской интерпретации изменялось. Лафитт говорил о «принципе невмешательства» в выражениях, допускавших очень распространенное истолкование. Казимир Перье сузил формулировку «принципа»[1]. В то же время выяснилось бессилие июльской монархии в борьбе с австрийским вмешательством в итальянские дела. Из кабинета Лафитта последовали уже известные нам «смиренно-униженные» заявления. А Казимир Перье закончил свою борьбу за охрану папской области от австрийцев тем фарсом, который известен под названием «экспедиция в Анкону». Но не страшась французского оружия, Меттерних и Николай очень боялись *морального* влияния принципа невмешательства. Еще в 1831 г. Меттерних писал, что самое слово «невмешательство» внушало итальянским инсургентам революционное мужество [2]. Позднее, после «гамбахского празднества» 1832 г. и особенно после франкфуртского путча в апреле 1833 г., обнаружившего *международную* связь политических эмигрантов (около 400 поляков выехало из Франции в Швейцарию с целью соединения с франкфуртскими инсургентами) [3],

[1] «Nous soutiendrons ce principe en tout lieu, par la voie des négociations. Mais l'intérêt et la dignité de la France pourraient seuls nous faire prendre les armes Nous ne concedons à aucun peuple le droit de nous forcer à combattre pour sa cause, et le sang des Français n'appartient qu'à la France». Цит по книге *Charléty*, La monarchie de Juillet, p. 71.

[2] *Metternich*, Memoires, p. 123. Инструкция графу д'Аппони от 12.III. 1831 г.

[3] *Hillebrand*, op. cit., S. 437; ср. *Capefigue*, op. cit., t. XI, p. 149, где сообщается, что около 600 поляков, по большей части вооруженных офицеров, прибыло в апреле 1833 г. в Швейцарию.

вопрос о борьбе с принципом невмешательства приобрел особенную остроту. Абсолютистским правительствам нужны были новые уступки французского кабинета (ниже мы подробно расскажем, как ставился державами швейцарский вопрос). Но по условиям своей внутренней политики французское правительство все еще было вынуждено сохранять принцип невмешательства. Такова одна из главных причин упорной враждебности абсолютистских правительств к Франции.

Другая причина — неверие союзных держав в прочность *трона Луи Филиппа*, недовольство бессилием короля в борьбе с республиканцами. Еще в сентябре 1830 г. Меттерних заявил, что он не сомневается в «доброй воле» Луи Филиппа, в желании укрепить «порядок» во Франции, но сомневается в его способностях. В 1831 г. Меттерних писал:

«Такой король, как Луи Филипп, не царствует; правительство, поставленное в такое положение, в каком находится правительство Луи Филиппа, не управляет; палата, в том составе, какой собрался в 1831 г., способна лишь плыть по течению; одним словом, там, где нет ни власти, ни силы, государство обращается в игралище партий... Но и сами-то партии не управляют» [1].

Июньские дни 1832 г. и бурный рост республиканской партии в 1833 г. еще более дискредитировали июльскую монархию в глазах абсолютистских правительств.

Описанное соотношение политических интересов (внутренних и внешних задач в каждой из названных стран) исключало для Франции возможность какой-либо иной комбинации, кроме *сближения с Англией*.

Как уже сказано, первая англо-французская антанта (entente cordiale, т. е. «сердечное согласие» — термин, который возник во Франции и Англии почти одновременно) исследована в специальной работе Гюйо, опубликованной в 1926 г. Основная идея его книги почти адекватно выражена эпиграфом: «Две нации не могут долго сохранять политический союз, если они не связываются тесно узами коммерческих дел». (Из высказываний лорда Пальмерстона в 1837 г.)[2]

Какой марксист стал бы оспаривать значение экономического фактора в истории? Воздавая должное заслугам Гюйо, следует тут же сказать: все, что он рассказывает о том, как усиливались стремления Англии навязать Франции новый таможенный режим — отмену запрещений по одним статьям тарифа и снижение импортных пошлин по другим; о том, как противоречила подобная реформа взглядам большинства членов французской палаты депутатов, «лесовладельческим» интересам самого Луи Филиппа (реформа сни-

[1] Арх. МИД, 1831, № 18, копия письма Меттерниха к графу Фикельмону от 18 VII 1831 г.

[2] *Guyot*, La premiere entente cordiale, Paris 1926. «Deux nations ne peuvent continuer a être politiquement unies, si elles ne s'attachent etroitement par le lien des affaires commerciales», эпиграф на титульном листе.

зила бы цены на древесный уголь), личным интересам сестры короля, Аделаиды, и маршала Сульта, материально связанных со многими металлургическими заводами во Франции; как оживились надежды английских либералов, когда некоторые французские города (Лион, Нант, Бордо) выступили с антипротекционистскими петициями; какие успокоительные обещания давались Англии Луи Филиппом и министром иностранных дел, герцогом Брольи (хотя в составе кабинета Сульта только Брольи и д'Аргу были сторонниками реформы; Сульт, Тьер и Юманн поддерживали протекционистов) и как, несмотря на энергичные происки английского посла лорда Гранвиля, вплоть до весны 1834 г. «rien ne fut obtenu», никаких экономических уступок Англия не получила; все это очень интересно и важно для каждого, кто хочет понять, какие подпочвенные силы подрывали фундамент англо-французской антанты. И рассматривая действие их «à la longue», на протяжении всего периода первой антанты (окончательно распавшейся лишь в начале сороковых годов), нельзя не признать их решающего значения в *конечном счете*. Но следует решительно отвергнуть свойственное Гюйо недиалектическое представление о соотношении экономики и политики в дипломатических отношениях. «Лесопромышленные» интересы короля могли быть в любой момент подчинены требованиям «высокой политики», поскольку от соответствующего курса этой политики зависело сохранение короны, финансовой олигархии и т. д.

Конец 1833 г. действительно ознаменовался, как правильно указывает Гюйо, некоторым охлаждением англо-французской дружбы. Известно, что герцог Брольи попытался противопоставить мюнхенгрецкой коалиции абсолютистских правительств оборонительный союз Англии и Франции. Но в тот же самый день (16 декабря 1833 г.), когда Талейрану был послан проект англо-французского пакта, английский посол в Париже вручил герцогу Брольи меморандум с требованием коренной таможенной реформы. Пальмерстон холодно выслушал Талейрана в Лондоне, а герцог Брольи не торопился отвечать на предложения английского посла в Париже. И тем не менее англо-французский альянс все еще сохранял свое важное политическое значение. Итоги 1833 г. и январская ситуация 1834 г. оценивались парижским корреспондентом швейцарской газеты «Ле Федераль» примерно в таких выражениях: союз между Францией и Англией укрепляется с каждым днем, *так как с каждым днем эти страны становятся нужнее друг другу*. Англо-французский альянс давит «огромной тяжестью» на политику европейских стран [1].

Конъюнктура, сложившаяся в феврале и марте 1834 г., *принуждала* июльскую монархию к еще большему сближению с Англией. Февральские волнения в Лионе, Сент-Этьене и Париже окончательно дискредитировали французское правительство в глазах абсолютистских правительств. В середине марта 1834 г. Меттерних писал графу д'Аппони, что он не видит никаких гарантий за «завтрашний день» июльской монархии [1].

В то же время за пределами Франции прогремели новые грозы, вдохнувшие в Священный союз неукротимую волю к решительной и безотлагательной борьбе с «принципом невмешательства». Произошла вторая савойская экспедиция, которая не только еще раз обнажила международные связи смертельных врагов Священного союза — политических эмигрантов, живущих в Швейцарии, но окончательно доказала бессилие французского правительства гарантировать державы от покушений эмигрантов, пребывающих на территории Франции. Обострился и *пиренейский вопрос*, также ставший фактором усиления борьбы с принципом невмешательства. В это время в обоих пиренейских государствах оспаривались троны несовершеннолетних королев — Изабеллы в Испании и Марии — в Португалии. Претенденты, боровшиеся за отстранение королев от царствования в обоих государствах, опирались на абсолютистов, между тем как Изабеллу и Марию поддерживали либералы. Само собой разумеется, что симпатии Священного союза были на стороне абсолютистов. Англия и Франция сочувствовали движению в пользу Изабеллы и Марии.

Гражданская война на Пиренейском полуострове и стала поводом к заключению нового международного пакта, так называемого *договора четверного согласия*, подписанного Англией, Францией, Испанией и Португалией в Лондоне 22 апреля 1834 г.

Но раньше, чем говорить о договоре 22 апреля, проверим, каковы были *англо-русские* и *англо-австрийские* отношения весной 1834 г.

Был ведь такой период, когда в Англии поговаривали о сближении с Россией. Иллюзии рассеялись после парламентской реформы и Ункиар-Скелесского договора. В марте 1834 г. Пальмерстон писал: «С Россией мы придерживаемся отношений холодной вежливости» [2]. 21 апреля, когда договор четверного согласия был уже составлен, Пальмерстон уточнил понятие «холодной вежливости»: «С Россией у нас совершенно такие же отношения, как и раньше; злобно рычим друг на друга, ненавидим друг друга, но ни тот ни другой из нас не хочет войны» [3]. Вскоре взаимоотношения России и Англии еще более осложнились: Пальмерстон настоял на отозвании из Лондона царского посла князя Ливена. Что касается англо-австрийских отношений, то надежда Пальмерстона войти в соглашение с Австрией и тем самым объявить «шах и мат» Николаю, надежда, мерцавшая еще в конце февраля 1834 г., в апреле совсем

[1] «Le Fédéral», № 6, 21.I. 1834. «Revue politique», Résumé de 1833. Ouverture des Chambres, Situation de 1834, article de J. Huber.

[1] *Metternich*, Mémoires, V. p. 600. Инструкция графа д'Аппони от 14.III 1834.

[2] *Bulwer*, Life of Palmerston, t. II, p. 155, письмо Пальмерстона к Темплю, 3 III. 1834

[3] Ibid., p. 158, письмо Пальмерстона к Темплю, 21.IV 1834.

угасла. Несомненно, что Пальмерстон очень высоко расценивал «договор четверного согласия», видя в нем, как он сам говорил, «могущественный противовес» четырех конституционных государств Священному союзу [1].

Правда, первоначальный проект договора, задуманного Пальмерстоном, исключал Францию из коалиции: втайне от Талейрана подготовлялся договор *тройственного союза* (Англии, Испании и Португалии). Нет ничего удивительного в том, что Пальмерстон *желал* ограничить англо-французское «сотрудничество» в пиренейских делах примерно такой формулой: «Отдайте нам Португалию, а мы возьмем у вас Испанию». Но фактически Пальмерстон согласился подписать договор, который сильно укреплял международный авторитет Франции, хотя и не обязывал ее в данный момент ни к жертвам, ни к затратам. По договору 22 апреля только английский король обязывался помочь пиренейским странам оружием — британским *флотом*. Форма же содействия Франции не была определена, а было лишь постановлено, что в случае, когда все договаривающиеся стороны признают помощь Франции необходимой, Луи Филипп примет меры, которые он и его союзники, по совместному решению, сочтут нужными.

Рассмотрим теперь доступные нашему анализу данные, позволяющие установить отношение французского правительства к договору 22 апреля. Прежде всего нужно пристально взглянуть на франко-английские отношения в начале апреля, когда Талейран еще ничего не знал о существовании тайного проекта Пальмерстона. Вспомним, что в начале апреля состав французского кабинета частично обновился. Портфель министра иностранных дел перешел к графу Риньи, а портфель министра торговли — к Дюшателю, молодому депутату, выступавшему в прессе с *антипротекционистскими* статьями Придя к власти, Дюшатель тотчас же пригласил английского посла лорда Гранвиля в Париж и напомнил ему о своих статьях в «Глоб» [2]. Талейран же возобновил в Лондоне агитацию в пользу заключения оборонительного англо-французского союза. Тогда-то Пальмерстон и предложил Талейрану присоединить Францию к задуманному им англо-испанско-португальскому союзу.

Заметим, что весь этот эмбриональный период «договора четверного согласия» предшествует моменту разгрома апрельского восстания во Франции. Правда, еще и 18 апреля французское правительство не знало, согласится ли Пальмерстон на требование Франции предоставить ей в договоре четверного согласия равное место (два первоначальных варианта, предложенные Пальмерстоном, были отвергнуты французским кабинетом, о чем и был извещен французский посол в Испании в инструкции графа Риньи, датированной 18 апреля) [1].

Но тем временем разногласия между Талейраном и Пальмерстоном постепенно устранялись, и текст договора еще до 21 апреля был настолько разработан, что его можно было представить английскому *кабинету министров* [2].

Теперь, не предвосхищая нашего окончательного вывода о характере внешней политики французского правительства *послеапрельских восстаний* (этот вывод мы сделаем лишь в конце главы), обратим внимание на следующие факты.

Ни в одном из прежних донесений царского посла в Париже, графа Поццо ди Борго, не было даже и намеков на какую-либо положительную оценку Луи Филиппа как короля и человека. В ноябре 1831 г. Поццо ди Борго отзывался о Луи Филиппе как о человеке «малодушного, неустойчивого и низкого» характера [3]. Новые ноты зазвучали в донесениях Поццо ди Борго, написанных после апрельских восстаний 1834 г. Обычно расплывчатые, туманные беседы короля с царским послом приобрели более «положительное» содержание, и Поццо ди Борго был вынужден признать, что Луи Филипп почувствовал «необходимость *монархизироваться*» [4]. Дальнейшие беседы французского короля с Поццо ди Борго совсем пленили царского посла. «Я знаю, что Поццо воспевает гимны королю французов», — писала герцогиня Дино в своем дневнике под датой 4 мая 1834 г. [5]. Известен конечный результат этих искушений: переезд Поццо ди Борго из Парижа в Лондон по приказу разгневанного «жандарма Европы», не сумевшего понять, как глубоко изменилось внутреннее и *международное* положение Франции после апрельских восстаний.

Попытка Луи Филиппа найти путь к сближению с Австрией была встречена более вежливо и менее глупо. К сожалению, нам неизвестна дипломатическая переписка французского министра иностранных дел с венским послом Франции. Но даже и то, что мы знаем о так называемом *свидании в Нейи 23 мая 1834 г.*, позволяет частично воспроизвести картину франко-австрийских отношений вскоре после разгрома апрельских восстаний.

Под *свиданием в Нейи* подразумевается встреча Луи Филиппа с австрийским дипломатом, князем Эстерхази, который в двадцатых числах мая — проездом из Лондона в Вену — остановился на несколько дней в Париже. Князь Поль Эстерхази де Галанта (1786—1866), один из крупнейших земельных магнатов Австрии, владевший десятками замков и колоссальными поместьями в разных частях империи, происходил из старинного венгерского рода, давшего Ав-

[1] «But, what is of more permanent and extensive importance, it establishes a quadruple alliance among the constitutional states of the West, which will serve as a powerful contrepoise to the Holy Alliance of the East» *Bulwer*, op. cit., p. 157 Письмо Пальмерстона к Темплю, 21 IV 1834

[2] *Guyot*, op. cit., p. 120 Гранвиль сообщил Пальмерстону о беседе с Дюшателем в своих донесениях от 5 и 7 апреля 1834 г.

[1] *Guizot*, op. cit., t. III, p. 86—87.

[2] *Bulwer*, op. cit., t. II, p. 156, письмо Пальмерстона к Темплю, 21 IV. 1834.

[3] Арх. МИД, 1831, № 200, Pozzo à Nesselrode, 6.XI. 1831.

[4] Арх. МИД, 1834, № 144, Pozzo à Nesselrode, 26.IV. 1834.

[5] *Dino*, Chronique de 1831 à 1862, t. I, p. 57.

стрии ряд выдающихся военачальников и дипломатов. Политический авторитет Поля Эстерхази, равно как и его личная дружба с Меттернихом, были хорошо известны во Франции. И встреча Луи Филиппа с влиятельным другом и кумом фактического правителя Австрии была почти равносильна беседе с самим Меттернихом. Луи Филипп усердно старался создать впечатление полной откровенности своих заявлений. Он поведал о своем стремлении присоединиться к трем союзным державам — России, Австрии и Пруссии, заявив, что ему нужно лишь некоторое время для реализации этого наилучшего из всех его желаний. Луи Филипп доказывал Эстерхази, что республиканская опасность во Франции уменьшается с каждым днем. Вернувшись к излюбленному тезису — о необходимости своего восшествия на трон для спасения Европы от революционной бури, — король сам заговорил о «договоре четверного согласия» и осветил его в таких выражениях, которые, как утверждал Меттерних, были больше похожи на *извинения*, чем на хвастливый рассказ о дипломатической победе [1]. Луи Филипп заявил, что он не даст ни одного солдата для поддержки пиренейских либералов.

В описываемый момент текст договора 22 апреля был еще неизвестен Меттерниху [2]. Но Пальмерстон, жаждавший увидеть, с каким лицом австрийский министр прочтет «его» договор, уже ни при каких обстоятельствах не мог бы удовлетворить свое тщеславие. Раньше чем Меттерних увидел текст договора 22 апреля, он уже узнал, как относится к своим обязательствам король французов.

Обратившись к «Хронике» герцогини Дино, интимной подруги Талейрана [3], мы можем довольно точно проследить и отношение Талейрана к договору 22 апреля.

Уже под датой *2 мая 1834 г.* встречается характерная заметка, в которой высказывается мысль, что неясные в данный момент результаты договора 22 апреля могут стать как для Пальмерстона, так и для Франции «больше затруднительными, чем полезными» [4].

Через 3 недели Дино рассказала в своем дневнике о стараниях лорда Грея подавить «семена недовольства» (les semences d'aigreur), появившиеся во взаимоотношениях Талейрана с Пальмерстоном [5].

[1] *Metternich*, Memoires, t.V, p. 606. Инструкция графу д'Аппони от 4.VI. 1834. Содержание отчета Эстерхази о беседе с Луи Филиппом излагается на стр. 604—605 цитируемого источника. Характерные замечания о личных взаимоотношениях Меттерниха с Эстерхази рассеяны в «Дневнике» княгини Меттерних; см., например, стр. 239, где говорится об умении жизнерадостного Эстерхази «разглаживать морщины» на лбу Меттерниха.

[2] Договор 22 апреля был ратифицирован в конце мая, а текст его был опубликован лишь в июне, ср. «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 47, 11.VI и № 51, 25 VI. 1834

[3] Доротея Дино (1792—1862), дочь Петра, герцога Курляндского, вышла в 1809 г. замуж за племянника Талейрана, Александра Эдмона де Перигор, но уже со времен Венского конгресса предпочла этому браку сближение с Талейраном.

[4] *Dino*, Chronique de 1831 à 1862, t. I, p. 51.

[5] Ibid., p 86

Начиная же с даты 17 июля 1834 г. следует ряд записей, совершенно опровергающих распространенный взгляд, будто бы отношение Талейрана к Англии изменилось лишь в конце 1834 г. 17 июля Дино писала: «Мы все более и более решительно собираемся возвращаться во Францию, тотчас же после закрытия заседаний парламента, может быть даже раньше» [1].

Талейрану случалось и раньше уезжать из Лондона. Но в 1833 г. английский король говорил французскому послу: «Когда же вы вернетесь?» В июле 1834 г. он спрашивал: «Когда же вы уезжаете?» [2]

19 августа 1834 г. Талейран выехал из Англии в отпуск. Уезжая, он говорил, что, вероятно, уже не вернется в Лондон. Накануне отъезда, 18 августа в полночь, Талейран подписал новый документ — *дополнительное соглашение* к договору 22 апреля.

Необходимо сделать некоторое отступление раньше, чем перейти к характеристике дополнительного соглашения 18 августа 1834 г.

[1] Ibid., p. 182.

[2] Ibid., p 198.

Договор 22 апреля сыграл свою роль на Пиренейском полуострове. Он подкрепил двух врагов абсолютизма, гражданская война усилилась, и к концу мая оба претендента — дон Мигуель в Португалии и дон Карлос в Испании — потерпели полное поражение. Оба они бежали с Пиренейского полуострова. Дон Мигуель примирился со своей участью. Но дон Карлос, бежавший в Англию, вскоре решился повторить авантюру. Он тайно выехал из Англии, 4 июля прибыл в Париж, а 10 июля был уже за Пиренейским хребтом. Гражданская война в Испании возобновилась. Но стратегические условия войны были уже другими, чем весной 1834 г. Теперь — в июле и августе 1834 г. — приобретала решающее значение помощь *Франции;* роль английского флота становилась в новой обстановке на Пиренейском полуострове второстепенной. И вот, испанский посол в Лондоне, следуя точному смыслу договора 22 апреля, поставил вопрос о возложении определенных обязательств на Францию. Для этой цели требовалось новое совещание сторон, подписавших договор 22 апреля. Пальмерстон, повидимому, уже не сомневался в том, что французское правительство не пожелает принять никаких серьезных обязательств. Характерно, что еще 10 августа царский посланник в Берлине, граф Рибопьер, имел возможность сообщить в Петербург о том, что, «судя по отчету прусского поверенного в делах в Париже, король как будто все еще противится вооруженному вмешательству в испанские дела, хотя его министерство кажется расположено в пользу этой меры» [1].

Едва ли можно думать, что Пальмерстон был хуже информирован. Поэтому-то «английский будьдог» и унизил старого французского дипломата, заставив его долго посидеть в приемной министерства иностранных дел, раньше чем начать совещание. Дневник герцогини Дино не оставляет сомнений о характере разногласий на совещании 18 августа: «Lord Palmerston aurait voulu donner plus d'extension à ce traité, tandis que M. de Talleyrand, au contraire, désirait plutôt en restreindre les obligations» [2], т. е., проще говоря, Пальмерстон стоял за расширение обязательств Франции, а Талейран старался их сузить.

Текст принятого и подписанного соглашения состоял из следующих статей:

«*Дополнительные статьи к договору четверного союза*».

«*Статья первая.* Его величество король французов обязуется принять в пограничной полосе своего государства самые решительные меры для воспрепятствования испанским инсургентам получать с французской территории какую бы то ни было помощь оружием, людским составом или боевыми припасами.

Статья вторая. Его величество король Великобритании обязуется предоставить ее католическому величеству регентше Испании оружие и боевые припасы по мере надобности и, кроме того, если бы

[1] Арх. МИД, 1834, № 20, Рибопьер — Нессельроде, 10.VIII. 1834.
[2] *Dino*, Chronique, t. I, p. 226.

это оказалось нужным, помочь ее католическому величеству морскими силами.

Статья третья. Его императорское величество регент Португалии, именем королевы донны Марии, одушевленный теми же чувствами, что и его августейшие союзники, и все более и более желающий выказать свою признательность по поводу обязательств, принятых на себя ее величеством королевой-регентшей Испании, обязуется, в случае надобности, содействовать оказанию помощи ее королевскому величеству всеми возможными для него средствами, способами, которые будут намечены поименованными особами их величеств.

Статья четвертая. Предшествующие статьи будут иметь такую же силу, как если бы они были литтерально включены в договор 22 апреля 1834 г.

Учинено в Лондоне 18 августа 1834 г.».

Как видим, позиция Франции была определена терминами, абсолютно соответствовавшими воле французского короля. Франция обязывалась лишь не пропускать через свою территорию воинские части и оружие, предназначенные для сторонников дона Карлоса.

* * *

Вопрос о так называемой «*швейцарской проблеме*» по существу представляет комплекс вопросов, касающихся не только взаимоотношений держав с Швейцарией, но и взаимоотношений Франции с Священным союзом.

Как уже сказано выше, деятельность политических эмигрантов, живших в Швейцарии, сильно тревожила Меттерниха и Николая. Еще в ноябре 1831 г. Меттерних составил *меморандум* о необходимости согласованного и одновременного воздействия держав на Швейцарию. Меттерних думал, что даже Англия присоединится к фронту реакционных правительств. Совсем иначе смотрел он на Францию. «Несомненно, мы не можем рассчитывать на такое же согласие интересов и взглядов со стороны Франции», писал Меттерних [1]. *Меморандум* датирован 23 ноября 1831 г. В этот день лионские инсургенты стали хозяевами своего города. Когда же восстание было подавлено, на швейцарской территории появилась новая прослойка эмигрантов — лионские инсургенты. Дипломаты абсолютистских держав насторожились: они надеялись, что прием, оказанный лионским эмигрантам, изменит отношение французского правительства к швейцарской проблеме. По крайней мере так смотрел граф Севѐрин, царский поверенный в делах в Щвейцарии [2]. Однако надежды реакционеров не оправдались.

Излишне останавливаться на взаимоотношениях держав с Швейцарией в 1832 и 1833 гг., поскольку уже описаны причины и последствия так называемых мюнхенгрецких совещаний.

[1] *Metternich*, Mémoires, t. V. p. 216, Memorandum de Metternich, Vienne, 23.XI. 1831.
[2] Арх. МИД, 1831, № 48, Berne, Sévérine à Nesselrode, XII, 1831

Фактором, вновь обострившим интерес к швейцарскому вопросу, была вторая савойская экспедиция (февраль 1834 г.). Весть о походе была вдвойне неприятна для Меттерниха: оракул австрийской дипломатии лишь накануне изрек, что европейский политический горизонт проясняется. Из Вены в Париж последовали смехотворно грозные инструкции австрийскому послу графу д'Аппони. Князь Меттерних грозил окружить Швейцарию «моральным санитарным кордоном». Но как блокировать Конфедерацию, если хотя бы одна из крупных европейских стран, Франция, следуя принципу невмешательства, не пожелает стать в ряды «санитаров»? Понимая неразрешимость задачи, Меттерних не придумал ничего иного, кроме запугивания французских министров. Он внушал своему послу идею всеобщей опасности учения Мадзини [1] и поручал ознакомить герцога Брольи с «Письмами» Людвига Берне [2].

Тем временем, не дожидаясь ответов из Парижа [3], Меттерних организовал атаку абсолютистских держав на Швейцарию. 27 февраля сардинский посол в Швейцарии, барон Винье, вручил федеральной директории ноту, к которой присоединились Россия, Австрия, Пруссия, мелкие германские государства, граничащие с Швейцарией, и Неаполитанское королевство. Послы требовали осуждения участников похода и принятия мер, исключающих возможность повторения подобных экспедиций. Одновременный натиск держав, разумеется, не мог не повлиять на поведение директории. В самой Швейцарии было ведь много политических деятелей, осуждавших поведение Бернского кантона, который принял на свою территорию участников похода после поражения [4]. Поэтому неудивительно, что Форорт — ведущий кантон Конфедерации — постановил делегировать в Берн двух депутатов для переговоров по вопросу об эмигрантах. Но делегаты вернулись в Цюрих, «не достигши совершенно цели поручения своего» [5].

Два нижеследующих документа еще более убеждают, что положение швейцарского вопроса нисколько не изменилось в рассматриваемый период, т. е. с февраля 1834 г. до апрельского восстания в Лионе:

1) новая нота графа Северина от 28 марта (9 апреля по западноевропейскому календарю) с напоминанием о предшествующем заявлении, оставленном без удовлетворительного ответа [6];

[1] *Metternich*, Mémoires, t. V, p. 597, инструкция от 6 февраля 1834 г.
[2] Ibid., 299, инструкция от 13 февраля 1834 г. Сам Меттерних познакомился с «Письмами» Берне в конце января 1834; ср. «Journal de princesse Mélanie».
[3] Ср. «Le Constitutionnel Neuchâtelois» 16.22. № 1834, где цитируется сообщение газеты «Патриот сюис» о совещании послов в Швейцарии, состоявшемся, вероятно, в середине февраля.
[4] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 33, 23. II. 1834, цитирует брошюру Гюбер-Саладена (Huber-Saladin), осуждавшего позицию бернского правительства.
[5] «Санктпетербургские ведомости» № 86, 13.IV. 1834.
[6] «Le Constitutionnel Neuchâtelois», № 33, 23.IV. 1834. Здесь полностью опубликован текст русской ноты.

2) инструкция Меттерниха австрийскому послу в Париже, доказывающая, что еще 12 апреля 1834 г. Меттерних *затруднялся* дать какие-либо новые указания по швейцарскому вопросу. Осуждая поведение французского посла в Швейцарии и предлагая графу д'Аппони разъяснить самому Луи Филиппу, что французский кабинет пойдет по пути к самоубийству, если будет базировать свое политическое влияние в Швейцарии на поддержке «антисоциальных» группировок, Меттерних выражал уверенность лишь в том, что король поймет эту мысль. А вот поступит ли он сообразно с правильно понятой идеей? «Я не позволю себе предрешать данный вопрос», — писал Меттерних [1].

* * *

Восстановим теперь картину взаимоотношений держав с Швейцарией *после* второго лионского восстания.

Восстание было подавлено к 15—16апреля. А 19 апреля французское правительство предъявило фрибургским кантональным властям беспрецендентное в франко-швейцарских отношениях требование: арестовать 6 подследственных французских эмигрантов в случае их появления на фрибургской территории [2]. «Вот, наконец, и сама Франция признала, что право убежища не может быть безграничным и что политические преступления не являются абсолютно привилегированными»[3], — писала правая швейцарская газета «Конститюсионель Нешателюа». Фрибургские власти отказались выполнить требование Франции. Но в женевском кантоне начался строжайший пограничный осмотр документов у всех прибывающих из Франции путешественников, и были случаи, когда большая часть пассажиров дилижанса возвращалась, не переступив швейцарскую границу [4].

Перед Священным союзом открылись новые перспективы. Требование французского посла, нарушавшее конвенцию, которая уважалась даже Карлом X, поощряло Меттерниха и Николая к более решительному натиску на Швейцарию. 29 апреля 1834 г. федеральная директория известила кантоны о получении Форортом новой пачки дипломатических нот от Сардинского королевства, Австрии, России, Баварии, Вюртемберга и Бадена [5]. В ноте сардинского посла *по-новому* ставился вопрос о гарантиях безопасности. Форорту предъявлялись нижеследующие требования:

1) судебное осуждение всех участников савойской экспедиции, не исключая и лиц, *родившихся в Швейцарии*;

[1] *Metternich*, Mémoires, t. V. p. 601.
[2] «L'Europe Centrale», 27. IV. 1834 сообщение об этом требовании появилось впервые в газете «L'Ami du progrès».
[3] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 33, 30 IV. 1834.
[4] «Санктпегербургские ведомости» № 99, 2 IV. 1834. Мейринский пограничный пост вернул во Францию 11 из 15 пассажиров первого же французского дилижанса.
[5] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 37, 7.V. 1834

2) изгнание из Швейцарии всех итальянских, польских и немецких граждан, принимавших не только прямое, но и косвенное участие в экспедиции, равно как и всех революционеров, «доказавших свою неисправимость» постоянной заговорщической деятельностью и враждебным отношением к своим государям.

Австрийский посол, граф Бомбель, угрожая «экономическими санкциями», писал, что «его правительство soumettra à des restrictions» отношения между Швейцарией и пограничными австрийскими владениями, если Конфедерация не даст удовлетворительного ответа до конца мая [1].

Граф Северин, посол Николая, адресовал свою ноту от 15 (27) апреля лично Хирцелю, президенту федеральной директории. Констатировав, что директория еще ничего не ответила на предшествующую ноту (28/III — 9/IV), Северин тоже указывал на связь швейцарских граждан с революционными эмигрантами и тоже угрожал директории [2].

Положение Форорта стало затруднительным. Он не возражал бы против изгнания иностранцев — участников савойского похода. К началу мая даже и бернское *кантональное правительство* солидаризировалось с Форортом в вопросе об *участниках* похода [3]. Но державы требовали применения репрессий к тем деятелям, которые «не злоупотребили правом убежища». Бернский кантон и вся передовая пресса решительно протестовали против явного вмешательства в швейцарские дела. Федеральная директория решила отложить ответ на требования держав.

Возвращаясь к характеристике франко-швейцарских отношений весной 1834 г., нужно обратить особенно пристальное внимание на изменение тона и содержания требований держав в последней декаде апреля. Швейцарский вопрос *осложнился*, и снова взоры заинтересованных современников обратились к Франции. Тем временем в «Журналь де деба», в этом рефлекторе правительственных идей, появилась статья, как бы возрождавшая надежды на поддержку Швейцарии Францией. «В самом деле, если требования иностранных правительств должны будут возрастать пропорционально усилиям, которые Швейцария лойяльно проявляет с целью положить конец законным жалобам, то тогда мы начали бы серьезно заниматься вопросом о ее политических отношениях с другими правительствами, и каждый знает, какое значение будут иметь эти отношения для сохранения спокойствия Европы», — писали в «Журналь де деба» [4].

Каковы же были франко-швейцарские отношения после того, как орлеанистская пифия промямлила эту туманную «угрозу» по

[1] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 37, 7. V. 1834.
[2] «Journal de Saint-Pétersbourg» № 55, 8(20). V. 1834.
[3] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 39, 14.V. 1834. Северин писал даже об участии представителей местной власти в тех hideuses cérémonies, которые устраивались польскими эмигрантами.
[4] «Journal des Débats», 10. V. 1834 Цитирую по швейцарской прессе.

адресу Меттерниха и Николая? Прежде чем осветить этот вопрос, следует указать, что ответ Форорта на последнюю апрельскую ноту сардинского посла, равно как и ответ *графу Северину* (обе ответных ноты были вручены послам 17 мая), сводился к протесту против всех претензий, являющихся посягательством на независимость Швейцарии. Форорт извещал о единодушном решении кантонов изгнать эмигрантов, злоупотребивших правом убежища. Все прочие требования Форорт решительно отклонял [1].

Настал самый острый момент борьбы. Европейская пресса уделяла много внимания швейцарскому вопросу в эти дни. Защищая независимость Швейцарии, публицисты продолжали бить в одну и ту же мишень: в жандарма Европы — Николая. «Что же это такое? Разве Россия — госпожа Европы?!»—восклицали, например, испанские либералы в конце мая 1834 г. [2] Между тем на страницах «Журналь де деба» уже появились заметки о тесной связи «французских анархистов» с швейцарскими революционерами. А 23 мая 1834 г. французский король встретился с другом Меттерниха, князем Эстерхази. И вскоре швейцарская пресса приподняла уголок дипломатической завесы «Новая цюрихская газета» сообщила своим читателям, что надежды на прямую и энергичную поддержку Швейцарии Францией уже не представляются столь обоснованными, как раньше [3].

Через несколько дней в Швейцарии, как и в других европейских странах, стало известно, что сардинский король собирается приехать в Савойю.

В Швейцарии почти никто не сомневался, что Форорт останется безучастным к поездке короля Карла Альберта. Эхо гордой ответной ноты директории еще не успело отзвучать в швейцарских горах. Но вдруг вся страна с удивлением узнала, что Форорт решил отправить в Савойю депутацию для встречи с королем. *Вся* швейцарская пресса, за исключением газеты «Конституционель Нешателюа», осудила поступок директории [4].

Что же заставило Форорта внезапно пойти в Каноссу? Швейцарские газеты ясно отвечают на этот вопрос. «Газет де Гризон» открыто заявила, что депутация была отправлена по совету французского посла, графа Рюминьи.

Другая газета, «Конституционель сюисс», считавшаяся превосходно информированным органом, подтвердила сообщение «Газет де Гризон», заявив, что в редакции имеется письмо из Берна от 1 июня, извещающее о получении французским послом экстренной инструкции с приказанием рекомендовать Швейцарии отправку

[1] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 43, 28.V. 1834. В этом номере полностью опубликованы обе ноты Форорта.
[2] «Eco del comercio» № 23, 25.V. 1834.
[3] Цитируемая заметка была перепечатана другими швейцарскими газетами. Ср. «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 44, 31.V.1834.
[4] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 50, 21.VI. 1834.

депутации в Савойю. Инструкция была вручена послу в Шинцнахе. А 2 июня Рюминьи лично прибыл в Цюрих [1]. Характерно, что приблизительно в то же самое время изменился и порядок эвакуации польских эмигрантов. Раньше их отправляли небольшими группами по 6 человек, вследствие чего срок эвакуации растягивался. Но вот французский посол в Швейцарии получил от своего правительства предписание визировать паспорта (разумеется, лишь транзитными визами) в неограниченном количестве.

Позиция Франции теперь вполне определилась, и Меттерниху оставалось сделать только один шаг: выразить неудовольствие австрийского правительства по поводу ответа Форорта от 17 мая и подтвердить свои требования и угрозы.

21 июня федеральная директория сообщила кантонам о получении новых нот от сардинского, австрийского, баварского, вюртембергского и баденского послов [2]. Но еще до заседания государственного совета, собравшегося для решения вопроса об эмигрантах, «не злоупотреблявших» правом убежища, выяснилось, что большинство членов совета склоняется к ответу, вполне *удовлетворяющему* требованиям держав [3]. Ответ был сформулирован через 3 дня. Под заголовком: «*Цюрих, 26 июня*», газета «Санктпетербургские ведомости» поместила следующую заметку:

«Третьего дня от Верховного совета последовала к собравшимся здесь уже три недели тому назад иностранным посланникам дипломатическая нота, содержащая в сущности ответ на требования европейских дворов и следствием коей, вероятно, будет скорое восстановление согласия между ними в Швейцарии» [4].

* * *

Момент перелома в отношении Франции к швейцарской проблеме теперь ясно определился. Он не фиксируется, конечно, тем или иным днем, но явно ограничивается сравнительно очень коротким сроком: от третьей декады апреля до третьей декады мая 1834 г.

В заключение мы можем сослаться и на прямые показания современников эпохи, показания, которые не только устанавливают факт перелома, но также и его причины.

«Только лионские события, наконец, заставили его (речь идет о французском кабинете) своим влиянием подкрепить мероприятия других государств в отношении к федеральной директории», — писал один из парижских информаторов царского посланника в Берлине, графа Рибопьера [5]. Цитируемое письмо датировано 10 мая 1834 г.

Та же мысль повторяется в другом письме, посланном из Парижа 25 мая 1834 г.: «Но с тех пор, как вожди лионского восстания тоже бежали в Швейцарию, французский кабинет (заметим, что в обоих случаях речь идет не о короле, а о кабинете) увидел, что для него необходимо изменить язык (в своих переговорах с Швейцарией); кажется, он более уже не одобряет предшествовавшие шаги своего посольства в Берне».

С внешней стороны новая позиция французского правительства, замаскированная дипломатической фразеологией, которая отличалась от циничных, угрожающих нот союзных держав, казалась мало изменившейся. Автор письма от 25 мая даже прямо указывал на «противоречивость» нового отношения Франции к швейцарскому вопросу. Эта противоречивость становится, однако, вполне понятной, если обратить внимание на тон и содержание требований, предъявленных державами в конце апреля: державы поставили швейцарский вопрос по-новому, и французское правительство, уже сделавшее один шаг, сближавший его с Священным союзом, не сразу решилось итти дальше; но колебания продолжались недолго.

Остается сказать несколько слов о последующем периоде взаимоотношений европейских держав с Швейцарией. Известно, что швейцарский вопрос не исчез в 1834 г. В самом деле, осенью 1834 г. Меттерних снова был вынужден выразить свое неудовольствие по поводу действий французского посла в Швейцарии. Мы не можем останавливаться здесь на подробностях этого вопроса. Достаточно лишь сказать, что хотя в Швейцарии и создалась новая политическая ситуация (Форортом, т. е. ведущим кантоном Конфедерации был уже не Цюрихский, а Бернский кантон), ситуация, очень благоприятствовавшая укреплению французского влияния в Швейцарии, так как в Форорте пришли к власти политические друзья французского посла, деятельность графа Рюминьи не получила «высочайшего» одобрения во Франции, и, в конце концов, Рюминьи был отозван. В 1835 г. в Швейцарию прибыл новый французский посол — граф Монтебелло, с именем которого и связано окончательное разрешение швейцарского вопроса. Монтебелло настоял на издании «Conclusum'a», т. е. такого постановления швейцарского сейма, которое давало Форорту право насильно понуждать кантоны к выполнению принятых Форортом решений [1]. До 1836 г. не было Conclusum'a по вопросу об эмигрантах. Поэтому-то и оказалось возможным возрождение их политической деятельности в Швейцарии после того, как летом 1834 г. Форорт — под давлением союзных держав, опиравшихся на скрытую поддержку французского правительства — капитулировал и принял решение, грозившее еще в зародыше убить «Молодую Европу», созданную весной 1834 г.

[1] Цит. по «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 50, 21.VI. 1834.
[2] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 45, 4.VI. 1834.
[3] «Le Constitutionnel Neuchâtelois» № 52, 28.VI. 1834.
[4] «Санктпетербургские ведомости» № 153, 4.VII. 1834.
[5] Арх. МИД, 1834, № 20., lettre «B», приложение к донесению Рибопьера 10 22.VI. 1834, копия подлинника на немецком языке.

[1] Соответствующая ответная нота Форорта была вручена графу Монтебелло 22. VI. 1836.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В сравнительно короткий срок, с 1815 по 1831 г., во Франции произошли события, глубоко и резко изменившие общественный и политический строй этой страны.

Промышленная революция не закончилась; она не достигла даже своего «расцвета» в означенные годы. Но переворот, формирующий новые общественные классы, начался и привел Францию к заметным результатам. Во французской деревне резко усилилась классовая диференциация. Началась новая стадия исторического развития парцеллы. Часть крестьянства быстро обнищала и пролетаризировалась. Однако мелкая земельная собственность все еще была очень широко распространена.

В числе причин этого длительного существования мелкой собственности имеет значение не только то обстоятельство, что во Франции, в отличие от Англии, перед началом промышленной революции сельскохозяйственное население численно преобладало над городским и мелкое хозяйство численно преобладало над крупным, но также и тот чрезвычайно важный факт, что в годы промышленной революции дробление земельной собственности *продолжалось*. Одновременно земельная собственность (в других руках) укрупнялась. Но крупные владения старой аристократии почти не восстанавливались. В промышленных городах появились зачатки крупнопромышленной буржуазии и крупнопромышленного пролетариата. Устои городской мелкой буржуазии пошатнулись, хотя в результате своеобразных условий исторического развития Франции число мелких промышленников все еще оставалось очень значительным. Положение рабочего класса резко ухудшилось. Самый состав рабочего класса изменился: в небывалых размерах стал эксплоатироваться женский и детский труд. Появились настоящие фабрики с развитой *«системой машин»*. Появился и неизбежный результат капиталистического развития крупной промышленности — *первый* циклический торгово-промышленный кризис, первый кризис крупного капиталистического производства (1826—1829 гг.). Тем временем правительство Карла X подготовило переворот, который должен был совершенно отстранить всю неземлевладельческую буржуазию от участия в политической жизни. Но революция 1830 г., *начатая* рабочими и городской беднотой и *совершенная* ими же в союзе с мелкой буржуазией и отдельными представителями «жирондистской», не представленной в палатах, торгово-промышленной буржуазии, разрушила эти замыслы и закрепила победу буржуазии над дворянством.

2. Экономическая жизнь Лиона в годы реставрации тоже характеризуется значительными переменами. Развитие свободной конкуренции изменило относительные размеры и значение ряда отраслей местной промышленности и торговли. Как и в других промышленных городах, состав рабочего населения пополнился новыми кадрами. В некоторых мануфактурах, не исключая и шелкоткацкого производства, более значительную роль, чем раньше, стал играть женский труд.

3. По сравнению с прочими отраслями текстильной промышленности шелкоткацкое производство резко отличалось своей организационно-технической отсталостью. Став капиталистической мануфактурой, шелкоткацкое производство в Лионе законсервировалось в той ее первичной форме, которая предшествует появлению собственно-промышленных предприятий, принадлежащих лично капиталисту, предприятий, внутри которых разделение труда достигает несравненно более высокой степени развития и где производители товаров не противостоят друг другу, как противостояли лионские ткачи-подмастерья ткачам-хозяйчикам, владельцам 3—6 и более станков.

4. Конъюнктурные и общие экономические условия развития шелкоткацкого производства в годы, предшествующие лионскому восстанию, характеризуются отчасти общими (для всей промышленности) чертами: например, зигзагообразной кривой его роста, означающей, что годы подъема чередовались с кратковременными периодами сокращения производства; узостью внутреннего рынка, отрицательными результатами непризнания южноамериканских республик, усилением внутренней конкуренции и т.д. Но по сравнению со многими другими отраслями промышленности, шелкоткацкое производство, связанное преимущественно с внешним рынком, находилось в лучшем положении. Иностранная конкуренция в рассматриваемый период еще не представляла серьезной опасности. Цены на сырье падали, а не повышались. Качество туземной шелковой пряжи улучшилось и количество ее увеличилось. В 1830 и в первой половине 1831 г., шелкоткацкое производство, подобно всем другим отраслям промышленности, страдало от затяжной экономической депрессии. Но осенью 1831 г. для шелкоткацкого производства создались исключительно благоприятные конъюнктурные условия, и в то самое время, когда в Париже десятки тысяч рабочих страдали от безработицы, многотысячная, пестрая масса лионских ткачей и прочих работников шелкоткацкой мануфактуры страдала не от недостатка работы, а от недостаточной заработной платы.

5. Положение широкой массы лионских шелкоткачей и прочих работников шелкоткацкой мануфактуры в годы реставрации ухудшилось. Июльская монархия еще более отягчила их жизненные условия. Продолжительная безработица в течение 1830 и части 1831 г., налоги старые и *новые* (создавшие и *новый* контингент налогоплательщиков) привели к известной пауперизации ткачей-хозяев, часть которых раньше могла иметь и действительно имела кое-какие сбережения. Еще сильнее бедствовала пролетарская прослойка мануфактуры: ткачи-подмастерья и вся масса подсобных работников.

Однако сравнение положения лионских ткачей с положением фабричных рабочих обнаруживает, что довольно обширный контингент работников шелкоткацкой мануфактуры находился в *относительно* лучших условиях труда (цены на жизненные припасы; заработная плата, санитарные условия работы, жилищные условия). Ткачи не были до *такой* степени обессилены и подавлены всеми условиями промышленной революции, как фабричный пролетариат изучаемого периода, чтобы реагировать на усиление эксплоатации лишь чисто стихийными и неорганизованными выступлениями.

6. Изучение рабочего движения в период первых 12—14 месяцев *июльской монархии*, особенно парижских волнений зимой, летом и осенью 1831 г., анализ таких документов, как лионские прокламации, написанные весной и летом 1831 г., убеждают нас в том, что политическая, республиканская окраска, равно как и идея свержения классового господства крупного капитала, появлялись еще *до* восстания 1831 г. Иначе и быть не могло: «*...всякая классовая борьба есть борьба политическая*» [1]. Справедливость этого указания основоположников марксизма-ленинизма лишний раз подтверждается фактами, рассмотренными выше. Революция 1830 г. изменила соотношение классов французского общества. Установилась *буржуазная монархия*. И в этой новой исторической обстановке «выступления французских пролетариев, их партийных вождей и литературных представителей против буржуазии являлись выступлениями против господствующего класса, против существующей политической системы; это были решительно-революционные выступления» [2].

7. Лионское восстание 1831 г. было первым *великим* решительно-революционным выступлением в условиях буржуазной монархии. Это восстание не возбудило одновременных революционных движений в других городах Франции. И тем не менее историческое значение восстания 1831 г. было бы совершенно извращено, если бы кто-либо попытался, следуя версии орлеанистских историографов [3], представить ноябрьскую гражданскую войну в Лионе, как

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, *Маркс* и *Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, стр. 492.

[2] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, *Энгельс*, Конституционный вопрос в немецкой социалистической литературе, стр. 518.

[3] Ср., например, *Pepin*, Deux ans de règne. 1830—1832. Paris 1833, p. 276—277.

чисто «локальное» событие. «Как бы ни было *частично* восстание *промышленных* рабочих, оно заключает в себе *универсальную* душу...» [1] Эти слова были сказаны Марксом по поводу движения в такой стране, которая еще не являлась единым государством, где еще не было буржуазной революции и где «феодальное дворянство сохранило значительную часть своих старых привилегий» [2]. Ясно, что замечание Маркса приобретает еще большую силу, поскольку оно применяется к французской, уже не феодальной, а буржуазной монархии.

8. Будучи первым великим рабочим восстанием в условиях буржуазной монархии, лионское восстание 1831 г. было осложнено участием множества *непролетарских* элементов в лице ткачей — хозяев мастерских.

Еще до восстания, в дни борьбы за тариф, обнаружились разногласия в среде ткачей, принадлежавших, несмотря на их объединение общими задачами борьбы, к разным общественным классам. Руководством в борьбе за тариф овладела мелкобуржуазная, «аполитичная» (точнее сказать, группировка, не враждебная правительству; политические взгляды этой группы были различны и неустойчивы; возможно, что кое-кто смутно симпатизировал карлистам, другие тяготели к политическому направлению газет «Насиональ» и «Прекюрсер» и т. д.) группа «хозяйчиков», постоянно оставлявших часть прибавочной стоимости в свою пользу. К этой группе, группе Буври—Фалькоппэ, или центральной комиссии, примыкала значительная прослойка ткачей-полупролетариев, т. е. ткачей — хозяев мастерских, *не* пользовавшихся трудом подмастерьев. Широкая пролетарская масса ткачей и вспомогательный персонал проявляли склонность к более решительным действиям едва ли не с самого начала борьбы и особенно заметно с того момента, когда обнаружилась уступчивость делегатов — членов тарифной комиссии. Незадолго до восстания беднейшая часть *ткачей-хозяев* также стала отделяться от группы Буври—Фальконпэ, чему в сильнейшей мере способствовало не только социальное положение ткачей-полупролетариев, но и их причастность к батальону волонтеров Роны, отличавшая эту прослойку хозяев мастерских как в политическом отношении, так и в отношении организационном.

9. В дни гражданской войны — 21 и 22 ноября — *руководящую* роль играли преимущественно ткачи-полупролетарии. Но на второй день восстание приняло всеобщий характер, поднялись рабочие всех профессий, из рядов этих инсургентов выдвинулись другие вожди, разделившие боевое руководство с ткачами; к восстанию примкнули также и мелкобуржуазные республиканцы, не принадлежавшие к какой-либо отрасли лионских мануфактур и ремесл. Республиканское направление восстания обнаружилось явно и кри-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, *Маркс*, Критические замечания к статье «Король прусский и социальная реформа», стр. 19.

[2] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VI, *Энгельс*, Революция и контрреволюция в Германии, стр. 17.

сталлизовалось в организации временного главного штаба, в известной прокламации и последующем появлении волонтеров Роны в ратуше в ночь с 23 на 24 ноября. Но вскоре после победы группа Бувги — Фальконнэ (т. е., в основном, *центральная комиссия*) расколола боевой блок полупролетариев с широкой массой лионского пролетариата и всей городской бедноты.

Так очень быстро сменились *три* первых фазиса борьбы:

1) восстание ткачей в предместье Круа-Рус (21 ноября);

2) всеобщее восстание лионских рабочих (22 ноября);

3) свержение местной власти, возникновение революционного муниципалитета, сначала в форме временного главного штаба, затем — некоего руководящего ядра батальона волонтеров Роны (23 ноября и ночь с 23 на 24 ноября).

Четвертый фазис — с 24 по 29 ноября — характеризуется подавлением республиканцев, победой соглашательской группы Бюиссона — Диано, ограничившей движение борьбой за тариф, а свою власть — функциями временного главного штаба лионской национальной гвардии. В течение *пятого* фазиса — с 29 ноября по 7—8 декабря — орлеанистская власть была полностью восстановлена в Лионе, а тариф, дважды обещанный ткачам, был отменен. Замечательной чертой этого последнего этапа является упорное сопротивление рабочих приказам о сдаче оружия; характерна и тактика военного командования, удовлетворявшегося, по крайней мере вплоть до отъезда герцога Орлеанского из Лиона, полупобедой.

10. Полемизируя с Ругэ в Критических примечаниях к статье «Король прусский и социальная реформа», Маркс писал: «Лионские рабочие полагали, что преследуют только политические задачи, что они только солдаты республики, тогда как на самом деле они были солдатами социализма» [1]. Цитируемая статья не дает точных указаний, *какое* лионское восстание Маркс имел в виду, высказывая эту мысль. Надо полагать, что речь идет о втором восстании, открыто-республиканском с первой и до последней минуты боя. Но вдумываясь в смысл замечания Маркса и учитывая, что уже в 1831 г. лионские рабочие говорили: «Мы хотим совершить *свою* революцию», следует признать, что и в 1831 г. лионские рабочие были *солдатами социализма*.

11. При постановке вопроса об *историческом значении восстания 1831 г.* следует руководствоваться указанием Энгельса, который в *двух* своих работах высказал следующую мысль:

«Но между тем как естественно-научное миросозерцание могло развиваться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующие положительные знания, — уже значительно раньше совершились исторические события, обусловившие собой *решительный поворот в понимании истории*. В 1831 г. в Лионе *произошло первое рабочее* восстание; с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своего апогея. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории более развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии» [1].

Изучая различные высказывания современников изучаемой эпохи, мы убедились, что уже тогда, в конце 1831 г., т. е. задолго *до* чартистского движения, некоторые французские и иностранные публицисты осознали самый факт «катастрофического» сдвига, хотя, конечно, они и не видели *всех* его последствий. Многое стало для них более понятным только после *второго* лионского восстания. Так, например, лишь в 1834—1835 гг. Монфалькон признал, что «одним из самых роковых последствий ноябрьских событий» было превращение лионских рабочих «в политический класс» [2] и что «беспорядки», вспыхнувшие на чисто экономической почве, были в сущности *политическими* волнениями [3].

12. Все сказанное выше о восстании 1831 г. позволяет судить о классовой направленности работ современных буржуазных и мелкобуржуазных историков восстания 1831 г., которые в своих выводах становятся на позиции орлеанистских министров и «историографов», подобных Пепену, когда высказываются о значении лионских событий.

«Лионские волнения в ноябре 1831 г. не имели, в принципе, никакой политической окраски. *Казимир Перье это признал и подтвердил*» [4], — пишет Дютак, открыто пользующийся официальной орлеанистской версией... в качестве аргумента.

Другой французский историк, Годар, уверяя, что восстание 1831 г. было «чисто экономическим», заявлял, что именно *поэтому* лионское восстание должно занять в истории Франции и «даже мировой истории» совершенно особое место [5].

Мы видим, что тезис буржуазной историографии, тезис ложный, орлеанистский, прямо противоположен марксистско-ленинской оценке исторических традиций восстания 1831 г. Говоря о массовом вхождении лионских рабочих и работниц в Первый Интернационал, Маркс напомнил четвертому конгрессу Международного товарищества рабочих, что героическое население Лиона «более тридцати лет тому назад» написало «на своем знамени лозунг современного пролетариата: «*Жить, работая, или умереть, сражаясь*» [6].

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, *Маркс*, Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа», стр. 18.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIV, *Энгельс*, «Анти-Дюринг», стр. 25; ср. также т. XV, *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке, стр 525

[2] *Monfalcon*, Histoire des insurrections, p. 99.

[3] *Monfalcon*, Code moral des ouvriers, p. 7.

[4] *Dutacq*, op cit., p 100.

[5] *Godart*, op. cit., p 204—205.

[6] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 330. Отчет Генерального совета четвертому ежегодному конгрессу. «Таким образом, в течение нескольких недель мы приобрели около 10 000 новых членов среди этого героического населения, более тридцати лет тому назад написавшего на своем зна-

Великая борьба лионских инсургентов не забыта и Третьим Интернационалом.

В *Введении* к «Программе и уставу Коммунистического Интернационала» сказано, что Ленинский Интернационал «продолжает славные героические традиции международного рабочего движения», к которым относятся и традиции «французских повстанцев 1831 г.» [1].

13. Период, предшествующий *второму* лионскому восстанию, характеризуется, в отличие от 1830—1831 гг., подъемом, оживлением промышленности. Но развитие шелкоткацкого производства как в 1831, так и в 1834 г. не вполне совпадает с *общим* направлением экономического развития Франции. Осенью 1831 г. лионские шелкоткачи, в отличие от подавляющего большинства парижских рабочих, не страдали от безработицы. Напротив, с начала 1834 г. заказы по некоторым сортам шелковых изделий сократились, а в марте и начале апреля того же года уже многие станки совершенно остановились. Начиная с февраля 1834 г. чрезвычайно обострилась классовая борьба в Лионе: последствия всеобщей стачки шелкоткачей создали напряженную политическую обстановку, осложненную появлением законопроекта о воспрещении ассоциаций.

14. Промышленный подъем 1833 г. представлял не что иное, как новый шаг Франции по пути промышленной революции. Страдания фабричного пролетариата и разоряющегося мелкого производителя в городе и в деревне отягчились и выступили еще более явно. Политическая активность угнетенных классов, равно как и активность торгово-промышленной буржуазии, не представленной или недостаточно представленной в палатах, резко усилились.

Первый из двух установленных Лениным «крупных периодов в истории международной социал-демократии» начался. В. И. Ленин писал, что в этот период «Социализм ищет своей дороги, ищет себя. Классовая борьба пролетариата, едва начинающего выделяться из общей массы мелкобуржуазного «народа», носит характер отдельных вспышек, вроде восстания лионских ткачей» [2].

Рабочее движение, усвоившее в той или иной мере уроки первого лионского восстания и «июньских дней» 1832 г., — движение, оплодотворенное фурьеристской пропагандой, заметно оттеснившей влияние сен-симонистов, поднялось во второй половине 1833 г. на новую, более высокую ступень. Стремление множества пролетарских и полупролетарских корпораций к прочной организации своих сил для борьбы за социальную и политическую эмансипацию, переход от спорадических стачек и преобладающего распространения «леддитских» выступлений к широкому повсеместному и преимущественно наступательному стачечному движению — вот характерные черты периода, отделяющего второе лионское восстание от первого, поскольку речь идет о формах *рабочего* движения. Что же касается *буржуазии*, то период, предшествующий второму лионскому восстанию, характеризуется более четким оформлением политических группировок, враждебных правительству. Габриэль Перре правильно заметил, что республиканская пропаганда резко усиливается в эти годы, «средства ее развиваются, ее организация рационализируется, среда, в которой она действует, расширяется... ее форма становится более гибкой и применяется к обстоятельствам». Но принимая *эти* обобщающие замечания Габриэля Перре, мы не можем согласиться со всей цитируемой характеристикой периода 1832—1835 гг. [1].

Исходный момент нового периода в истории республиканской «партии» — не «июньские дни» 1832 г., а ноябрьское восстание 1831 г. И не «апрельский процесс» является следующим после «июньских дней» поворотным моментом, а второе лионское восстание и прочие апрельские выступления 1834 г. Указание, что «доктрина» республиканской пропаганды «очищается» после парижского восстания 1832 г., совершенно недостаточно, неточно. Превратившись из конституционных монархистов в буржуазных республиканцев, Арман Каррель и Ансельм Пететен заняли в основных социально-политических вопросах *одни* позиции, а «старые» мелкобуржуазные республиканцы—Распайль, Лягранж, Коссидьер и пр.— отстаивали *другие* позиции. Ассоциация в защиту свободы печати сложилась в основном как организация буржуазных республиканцев; Общество прав человека и гражданина — как якобинская, но не *чисто*-робеспьеристская, организация. Арман Каррель, редактор «Насионаля», осуждал «коммунистические тенденции» социальных реформ, о которых шла речь в среде республиканских обществ. Годфруа Кавеньяк, председатель Общества прав человека и гражданина, возглавлял *примиренческое* течение, но допускал развитие фурьеристской пропаганды в брошюрах и прочих изданиях Общества прав человека. Отношение республиканцев к вопросу о *революции* еще более четко определяет их различные классово-политические позиции.

«Неужели марксисту позволительно забывать, что капиталисты тоже неоднократно бывали в истории всех стран — и в 1649 г. в Англии, и в 1789 г. во Франции, и в 1830 г., и в 1848 г., и в 1870 г. в той же стране, и в феврале 1917 г. в России—«революционными демократами»? Неужели, — писал В. И. Ленин, — вы забыли в самом деле, что надо различать одну от другой революционную демократию капиталистов, мелкой буржуазии, пролетариата? Неужели *вся* история *всех* названных мною сейчас революций не сводится к различию классов *внутри* «революционной демократии?» [2]

Эти глубокие замечания Ленина проливают свет не только на историю названных революций, но и на межреволюционные пе-

мени лозунг современного пролетариата: «Жить, работая, или умереть, сражаясь».

[1] Программа и устав Коммунистического Интернационала, Партиздат, 1935, стр. 7.

[2] *Ленин*, Соч., т. XVI, Август. Бебель, стр. 545.

[1] *Perreux*, op. cit., p. 2.

[2] *Ленин*, Соч., т. XX, Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе, стр. 464.

риоды. «Революционная демократия», отделившаяся от либерализма со времени июльской революции, характеризуется в 1832—1833 гг усилением классово-политического размежевания. Внутренняя борьба в лагере «революционной демократии» особенно резко проявляется в организации, наиболее пестрой по своему социальному составу, — в *Обществе прав человека и гражданина*. История этого общества лишний раз подтверждает справедливость указания Ленина, что бывают «якобинцы» и «якобинцы» [1]. Расхождения между Распайлем — Кавеньяком — Лебоном — Керсози, борьба течений, о которых шла речь в брошюре лионца Дюфетеля, раскол среди марсельских республиканцев, совершенно неодинаковое отношение лионских республиканцев (даже из среды Общества прав человека) к всеобщей февральской стачке и прочие факты представляют не что иное, как продукт разнородных социальных влияний со стороны тех классов и классовых прослоек, интересы которых выражали различные политические деятели. Сама мелкая буржуазия, представлявшая далеко неоднородную массу, *по-разному* относилась к революционному движению. Достаточно вспомнить о поведении национальной гвардии в Лионе в 1831 г. и в Париже в июне 1832 г. Со времени первой французской революции изменилось лицо и самая сущность прежних общественных классов; но среди республиканцев воспроизвелось *соотношение* «Горы» и «Жиронды» и — mutatis mutandis — даже *соотношение* внутри якобинских течений, от соглашательского (но явно *мелкобуржуазного*, т. е. не жирондистского) направления до подлинно-революционного течения. Повторяем, что речь идет отнюдь не об отождествлении «якобинства» и «жирондизма» тридцатых годов с одноименными направлениями XVIII в.

На крайних позициях левого фланга «якобинства» 1832—1834 гг. появился фабричный пролетариат и пролетариат мануфактур, испытавший влияние сен-симонизма и фурьеризма, изведавший последствия буржуазной революции 1830 г. Руководители же Общества прав человека и других республиканских организаций либо не могли, либо не хотели понять глубоких исторических перемен, выдвинувших в начале тридцатых годов новые задачи, новые программы. «Подражание хорошему образцу не есть копирование», — писал Владимир Ильич [2]. Между тем «якобинцы» тридцатых годов, очень сильные в организационном отношении и очень слабые теоретически, не столько развивали идеи своих предшественников, сколько просто копировали их. По французской пословице —«Кто останавливается на месте, тот идет назад». Широкая политическая платформа — Декларация Робеспьера — была очень подходящей основой для объединения различных прослоек демократов-республиканцев. Она также сыграла свою роль как средство проверки политических взглядов многих политических деятелей, маскировавшихся революционно-демократической фразеологией. Но в ней не могли найти своего прямого отражения классовые интересы решающей революционной силы: пролетариата и угнетенного крестьянства.

[1] *Ленин*, Соч., т. XX, Переход контрреволюции в наступление, стр. 435.
[2] *Ленин*, Соч., т. XX, «О врагах народа», стр. 505.

В этих условиях ведущая роль промышленной буржуазии прекращалась. Вся история рассматриваемого периода подтверждает справедливость указания Энгельса, писавшего, что, начиная со времени июльской революции, французские *рабочие* толкали вперед буржуазию «вопреки ее воле» [1].

Мелкобуржуазные руководители Общества прав человека и гражданина, рядившиеся в жилеты Робеспьера, не понимали, да и не хотели понять, в какое фальшивое положение ставило их «*копирование*» хороших образцов. Появление же законопроекта о воспрещении ассоциаций привело их к совершенно чуждой Робеспьеру тактике «слияний» с *буржуазными* республиканцами. И в результате этих «слияний» возник союз, который Руссо назвал бы «*агломерацией*», а не ассоциацией. Смутная идея тактики единого фронта реализовалась неправильно: самостоятельность, независимость «якобинского» политического руководства местами была ограничена, связана тактикой «слияний», местами же и совершенно утрачена.

15. Лучшие представители руководящего аппарата Общества прав человека и гражданина, во главе с Керсози, осознали ошибки центрального комитета, поняли опасность оппортунизма вождей Карбонады. Они организационно обособились и еще до апрельских восстаний создали союз, структура которого имеет больше сходства с настоящими тайными обществами второй половины тридцатых годов и последующего периода, чем с организациями 1830—1833 гг. Но Керсози успел собрать вокруг себя лишь ничтожное меньшинство парижских республиканцев. Что касается рабочего класса, то, хотя их *профессиональные* организации умножились и поднялись к концу 1833 г. на небывалую ранее высоту, хотя политическое развитие французского пролетариата и полупролетариата резко усилилось со времени первого лионского восстания и «июньских дней» 1832 г., — участие рабочих в собственно-*политических* организациях было еще слабым. Вообще говоря, Общество прав человека отличалось от Общества друзей народа гораздо более заметным участием работников различных мануфактур и ремесл. Но не все филиалы Общества прав человека следовали примеру парижской и лионской организации. Местами даже и полупролетарская прослойка

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, *Энгельс*, Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия, стр. 75: «Тогда у рабочих остается два пути: Либо толкать вперед буржуазию вопреки ее воле, насколько возможно при нужде ее расширить избирательное право, обеспечить свободу печати союзов и собраний и таким образом создать пролетариату условия, при которых он получит свободу движения и организации. Так поступали английские рабочие со времени парламентской реформы 1832 г., французские рабочие со времени июльской революции 1830 г., и именно посредством помощью этого движения, ближайшие цели которого были чисто буржуазными они способствовали своему собственному развитию и организации больше чем каким-либо иным путем».

была слабо связана с Обществом. Что же касается чисто пролетарской прослойки, то она была во всех секциях Общества представлена *совершенно недостаточно*.

16. В таких — чрезвычайно неблагоприятных для победы революции — условиях вспыхнуло *второе* лионское восстание. О конъюнктуре шелкоткацкого производства весной 1834 г. сказано выше; что касается *строя* производства, то в период 1832—1834 гг. он в основном не изменился. Но эти годы бесспорно характеризуются рядом технических нововведений, ухудшивших положение широкой массы подсобных работников мануфактуры и снизивших заработки ткачей, работавших на жаккардовых станках. Политическую жизнь Лиона 1832—1833 гг. характеризуют в сущности те общие черты, о которых мы только что говорили: внутренняя борьба местных республиканцев-демократов, неодинаковое отношение мелкобуржуазных республиканцев к чисто рабочим требованиям и выступлениям, слабая организационная связь местного филиала Общества прав человека с рабочей массой, сильный рост профессиональных организаций, общее политическое развитие широкой массы трудящегося населения, персонально: превращение соглашателей и врагов политики, т. е. таких людей, как Бюиссон, Каррье и другие, в последовательных республиканцев-революционеров.

17. Во втором лионском восстании рабочие потерпели *поражение*. Но, как писал Энгельс, «поражение после доброго боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко одержанная победа»[1]. Условия гражданской войны в 1834 г. были очень тяжелы для инсургентов. С самого начала борьбы силы контрреволюции были хорошо организованы. К ген. Эймару подходили все новые и новые подкрепления. Но даже и в этих неравных условиях борьбы лионские инсургенты одержали ряд блестящих временных побед. Продолжительность и ожесточенность борьбы, изумительное мужество, организованность и упорство инсургентов — все это бесспорно поднимает апрельское восстание 1834 г. на высоту небывалого и, поистине, «*доброго* боя».

Сами основоположники научного социализма отметили исключительное *величие* этой героической борьбы. Говоря о июньском восстании 1848 г., они указывали, что в прошлом во *всей* истории человечества были только два движения, подобные движению парижских инсургентов 1848 г., — восстание рабов в древнем мире и лионское восстание 1834 г. [2].

18. Политическая окраска *второго* лионского восстания была выражена гораздо ярче, чем в первом восстании 1831 г. Но ни победа течения, боровшегося за тариф в первом восстании, ни открыто республиканский характер второго восстания не должны затемнять в наших глазах *главного* факта: в обоих восстаниях *рабочие* стремились к свержению классового господства буржуазии. В обоих восстаниях они были «солдатами социализма» в том смысле, который подразумевал Маркс. Классовое самосознание французских рабочих в 1830 г. было слабо развито. Лионские восстания привели их к осознанию «сущности пролетариата» [1].

19. Замечательной и оригинальной чертой второго лионского восстания, равно как и некоторых других апрельских движений 1834 г., была попытка связаться с *крестьянством*. Вопреки тенденции официальных орлеанистских источников, пытавшихся затушевать эту чрезвычайно важную страницу истории апрельских восстаний, можно утверждать, что попытка, о которой идет речь, увенчалась некоторым успехом.

20. Вторым оригинальным моментом (поскольку речь идет о социальных движениях до 1834 г.) является интернациональное лицо руководителей апрельской гражданской войны в Лионе: в числе вождей и видных участников были поляки, немцы, англичане, португальцы, итальянцы.

21. В отличие от восстания 1831 г., апрельская гражданская война в Лионе возбудила сильные и продолжительные волнения в других частях Франции. Факты, рассмотренные выше, позволяют «классифицировать» внелионские волнения. В различных частях Франции происходили следующие движения:

1) удавшиеся, т. е. победоносные, революционные выступления;
2) продолжительные волнения с частичным успехом;
3) более или менее продолжительные волнения без каких-либо, даже частичных, успехов;
4) совсем слабые отклики;
5) неудавшиеся заговоры;
6) героические, кровопролитные бои, но частично спровоцированные правительством и его полицией.

В каждом из этих движений имеются частью своеобразные, частью общие, значительные и поучительные черты. И многие страницы истории собственно-лионских событий, слабо освещенные тем исследовательским материалом, которым нам приходится оперировать, выступают отчетливее в свете изучения внелионских волнений.

Отчетливо вырисовывается неорганизованность пролетариата, не имеющего своей *партии* и своего *вождя*. Становится очевидным пагубный результат тактики *слияний* с буржуазными республиканцами.

Ясно выступают оппортунизм и измена делу революции со стороны значительной части мелкобуржуазных руководителей Общества прав человека и карбонарских организаций.

Значение организационной подготовки вооруженного восстания, тщательной проверки людей, пропаганды в армии, расширения

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VI, *Энгельс*, Революция и контрреволюция в Германии, стр. 82.
[2] Там же, 23—24 июня в Париже, стр. 211.

[1] Полемизируя с Ругэ, Маркс писал: «Силезское восстание *начинается* как раз тем, чем французские и английские восстания *кончаются*, — сознанием сущности пролетариата» (подчеркнуто Марксом). *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 15.

и укрепления организационных связей с широкой массой рабочих и крестьян, равно как и значение революционной теории, лишний раз подтверждается всем опытом рассматриваемых движений.

22. Многие уроки апрельских событий были хорошо усвоены современниками. Лионские восстания наглядно представили французскому и европейскому обществу такую грандиозную галлерею «обнаженных масок», в сравнении с которой весь психологически-бытовой театр Пиранделло выглядит, как игрушечный ящик марионеток. Внезапно изменились не только взгляды отдельных политических деятелей, но и целых политических направлений. У марсельских буржуазных и мелкобуржуазных «революционеров», которые в страхе перед красным колпаком судорожно схватились за древко трехцветного знамени, не могло быть — по крайней мере в течение целого ряда лет — ничего общего с революционными демократами типа арбуаских инсургентов, которые сжигали «славное знамя Аустерлица, знамя Маренго». И если еще в 1832 г. роль династической оппозиции в парижском республиканском восстании казалась неясной [1], то в ее резко враждебном отношении к революционной демократии в 1834 г. уже не могло быть никаких сомнений. Чрезвычайно характерно, что в дни второго лионского восстания Фюльширон, лионский депутат, беседуя с доктринерами в палате депутатов, «громогласно требовал диктатуры» [2], разумеется, буржуазной диктатуры. Некоторые провинциальные республиканские организации, состоявшие преимущественно из буржуазных и умеренных мелкобуржуазных элементов, поспешили публично заявить о своем полном подчинении апрельскому закону, отнимавшему у французского народа обещанное в конституции право союзов. Вскоре же после апрельских событий, на майских выборах национальной гвардии и на июньских выборах в палату депутатов, все лица, подозреваемые в симпатиях к республиканским идеям, проваливались буржуазными избирателями. И еще значительно раньше пресловутых *сентябрьских* законов 1835 г., изданных после покушения Фиески, появилась целая серия реакционных *майских* законов 1834 г.: закон о хранении и производстве оружия, о ношении оружия в дни восстания, о построении баррикад, о вторжении в частные дома, о разгроме оружейных складов и магазинов, о производстве пороха, о пользовании оружием во время восстания, о разрушении телеграфа и т. д.

Изменилось и положение короля. После апрельских восстаний 1834 г «король баррикад» Луи Филипп стал королем баррикад *контрреволюции*. Новая историческая обстановка создала возможность *усиления* личной власти короля. Либералы из газеты «Насиональ» пустили в ход формулу: «король царствует, но не управляет», и вплоть до второго лионского восстания эта формула отвечала действительности, вопреки личным желаниям Луи Филиппа, всегда «любившего управлять единолично», как еще в 1833 г. писал ген. Кастеллан. Подавив республиканскую революцию, Луи Филипп получил возможность «*монархизироваться*», царствовать и управлять.

23. Из вышесказанного явствует, что апрельские восстания, точнее сказать, восстания и их *разгром*, привели к крутому перелому внутренней политики и всей внутриполитической конъюнктуры. Изучая внешнюю политику 1830—1834 гг., мы убедились, что в полном и каузальном соответствии с внутренней политической конъюнктурой изменилась и *внешняя* политика Франции. Прохладное отношение австрийского и, особенно, русского правительства к проискам Луи Филиппа помешали выявиться этому повороту в еще более заметных актах, чем те, которые рассмотрены выше. Но хотя Луи Филипп и ошибся в некоторых своих расчетах; поворот внешней политики привел в 1834 г. к весьма *значительным* реальным результатам (на Пиренейском полуострове, в Швейцарии, в сфере франко-английских взаимоотношений и т. д.).

Рассматривая в целом влияние второго лионского восстания (и возбужденных им прочих апрельских движений) на внутреннюю и внешнюю политику Франции, а также сопоставляя основные черты периода первых четырех-пяти лет июльской монархии с последующими годами, мы убеждаемся, что 1834/35 год (с апреля 1834 до осени 1835 г.) представляет заметную демаркационную черту, отделяющую два *разных* периода июльской монархии. Следует сказать, что именно этот *пятилетний*, а не семилетний период, как думал Хиллебранд, является в истории июльской монархии периодом «бури и натиска» в широком и преимущественно политическом смысле слова.

24. Великое историческое значение второго лионского восстания становится еще более очевидным при обзоре материалов, освещающих отношение различных классов европейского общества к апрельским событиям и их урокам. Сами современники изучаемого периода отмечали влияние французского опыта социальных движений на развитие «народных обществ» в Англии; иностранная пресса и прочие материалы приоткрыли картину воздействия апрельских восстаний на Италию, Швейцарию, на интернациональное движение политической эмиграции и т. д.

Ускорение окончательного разрыва революционной части интернациональной Карбонады (с последующим организационным обособлением, возникновением «Молодой Европы» и т. д.) представляется одним из важнейших проявлений *общеевропейского* значения второго лионского восстания.

[1] *Tchernoff*, op. cit., p. 178, note.
[2] «Le Bon Sens», 15.IV. 1834, deuxième spécimen.

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

I. НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ (LES ARCHIVES NATIONALES), В ПАРИЖЕ.

1. Фонд F^2 — «*Департаментская администрация*»:

F^{21} 1308. Fixation de la durée et du prix de la journée de travail. 1825—1840. Repression de l'usure. 1806—1826. Exportation pour cause d'utilite publique. 1826—1829, etc , etc.

2. Фонд F^7 — «*Police générale*»:

F^7 3793. Bulletins de Police (полицейские бюллетени), 1820.

F^7 3796. Bulletins de Police. 1824—1825.

F^7 3797 Bulletins de Police. 1826.

F^7 3798. Bulletins de Police. 1828—1829.

3. Фонд F^8 — «*Police sanitaire*» (документы, касающиеся санитарного надзора, общественной гигиены и т. п.; поступили в Национальный Архив из Министерства Внутренних Дел и Министерства Торговли и Общественных Работ).

F^8 69. Hygiène publique: dossiers classés par départements. Nord-Oise. 1791—1828.

4. Фонд F^{11} — «*Subsistances*» (документы, касающиеся продовольственного вопроса, различные материалы, поступившие в разное время из Министерства Внутренних Дел и Министерства Земледелия).

F^{11} 1838.* Mercuriales des marchés, 1829.

F^{11} 1850*. Mercuriales des marchés, 1830.

F^{11} 1862*. Mercuriales des marchés, 1831.

5. Фонд F^{12} — «*Commerce et industrie*» (Торговля и промышленность).

F^{12} 1432[a]. Soieries: documents généraux. 1670—1788.

F^{12} 2199. Métiers Jacquart. 1811—1866. — Machines à travailler la soie. An III—1865. — Permis à l'inventeur Lassale. 1795—1815.

F^{12} 2293. Soie: culture du mûrier, fabrication de la soie. 1747—1843.

F^{12} 2298. Soie. An XI—1847.

F^{12} 2390. Filature de la soie. An X—1865.

F^{12} 2500. Lettres, petitions, mémoires des particuliers et des collectivités relatifs au commerce, à l'agriculture, aux manufactures. 1814—1862.

6. Фонд F^{15} — «*Hospices et secours*» (документы, касающиеся общественной благотворительности, богаделен и т. д., поступили из Министерства Внутренних Дел).

F^{15} 2626 }
F^{15} 2627 } Organisation, personnel, situation et mouvements du Mont-de-piété de Lyon. An XIII—1832.

F^{15} 3622. Correspondance et projets de reglement relatifs à la comptabilité des hospices. 1811—1812. — Enfants trouves. Rapports. 1838.

7. Фонд BB^{18} — доклады главных прокуроров и прочие материалы судебной администрации.

BB^{18} 1018, BB^{18} 1079.

II. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР. МОСКВА. ФОНД БЫВШЕГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (сокращенное наименование в тексте книги: АРХ. МИД) Посольские донесения, переписка Министра Иностранных Дел с послами и пр.

Год 1831:
№ 18, Autriche.
№ 46, Berlin.
№ 48, Berne.
№ 60, Carlsruhe.
№ 101—102, Florence.
№ 104, Francfort.
№ 197, Paris.
№ 200, Paris.
№ 201, Paris.
№ 202, Paris.
№ 271, Turin.
Год 1832:
№ 212—213, Paris.
Год 1833:
№ 161, Paris.
Год 1834:
№ 19, Berlin.
№ 20, Berlin.
№ 22, Bern.
№ 23, Berne.
№ 144, Paris.
№ 182, Rome.

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ, СТАТИСТИЧЕСКИЕ И АНКЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗУЧАЕМОЙ ЭПОХИ

Примечание. Во всех нижеследующих названиях источников звездочкой отмечаются те издания, которые представлены в доступных для автора хранилищах неполностью, отдельными номерами, неполными, годовыми коллекциями и т. д.

«*Allgemeine Zeitung*», Augsbourg, XI, XII, 1831; III, IV, V 1834.

«The *Annual Register*», London 1834.

«*Archives des découvertes et des inventions nouvelles, faites dans les sciences, les arts et les manufactures, tant en France que dans les Pays etrangers*». Paris 1834.

«*Archives philanthropiques*», v. I, 1830.

«*Archives du commerce*», Paris 1834.

«*Berliner politisches Wochenblatt*», XII, Berlin 1831*.

«*Le Bon Sens*», journal populaire de l'opposition constitutionnelle, publié sous les auspices de M. M. Laffitte (Jacques), Odilon-Barrot et Arago (le titre du *Prospectus*) Paris 1832—1833, 1834.

«*Bulletin universel des sciences et de l'industrie*», rédigé par M. M. Saigey, Delafosse, etc. Paris 1827.

«*Bulletin du Soir*» (du Journal de Paris), Paris, IV, 1834*.

«*La Caricature* politique, morale, litteraire, scenique», journal fondé et dirigé par Ch. Philipon, Paris 1834.

«*Le Charivari*, journal publiant chaque jour un nouveau dessin», Paris 1833*, 1834.

«*La Chronique de Lyon*», Lyon 1828*.

«*Constitutionnel Neuchâtelois, gazette de Neuchâtel et Valangin, en Suisse*», 1834.

«*Le Courrier du Bas Rhin*», XI, XII, 1831*.
«*Eco del Comercio*», Madrid, V, 1834*.
«*L'Echo de la fabrique*», journal industriel de Lyon et du département du Rhône, Lyon 1831*.
«*The Edinbourgh New Philosophical Journal*», 1834.
«*Enquête du parlement d'Angleterre sur l'industrie française*», Paris 1826.
«*Enquête relative à diverses prohibitions*», *Paris 1835.*
«*Erzahler*», IV, V, 1834*.
«*L'Europe Centrale*», journal politique, scientifique et littéraire. Genève, IV, V, 1834*.
«*Le Fédéral*», journal genévois, I, II, III, IV, 1834.
«*Freischutz*», Hambourg, IV, V, 1834.
«*Gazette de Lausanne et journal suisse*», XI, XII, 1831*.
«*Gazette des Tribunaux, journal de jurisprudence et des débats judiciaires, feuille d'annonces légales*», Paris 1831—1834*.
«*Giornale del Regno delle due Sicilie*», V, 1834*.
«*L'Hélvetie*», Bern, IV, 1834*.
«*L'Indicateur du commerce et de l'industrie*», 1828*
«*L'Industriel*», Paris 1826*.
«*Journal de la Haye*», IV, 1834*.
«*Journal de Saint-Pétersbourg politique et littéraire*», IV, V, VI, 1834.
«*Journal des Tissus*», 1833—1834*.
«*Le Journal du Commerce*», Paris 1829*.
«*Le Journal du Commerce de la ville de Lyon*», 1826*.
«Журнал мануфактур и торговли», 1834.
«*Karlsruher Zeitung*», XI, XII, 1831*.
«*Le Magasin pittoresque*», 1834.
«*La Mode*», 1834.
«*Neue Zuricher Zeitung*», IV, 1834*.
«*L'Observateur lyonnais*», 1831*.
«*Le Pauvre Jacques lyonnais*», 1830*.
«*Le Précurseur*», journal constitutionnel de Lyon et du Midi, Lyon 1831*.
«*La Quotidienne*», II, III, IV, V, 1834.
«*La Revue Commerciale*», 1828*.
«Санктпетербурские ведомости» IV, V, VI, 1834.
«Северный муравей», 1830, 1831.
«*Schweizerischer Beobachter*», IV, V, 1834*.
«*Le Semeur*», journal religieux, politique, philosophique et littéraire, 1831.
«*Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheiischen Correspondenten*», Hamburg, XI, XII, 1831; IV, V, 1834.
«*The Sunday Times*», IV, 1834.
«*Tableau décennal du commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères*, publié par l'administration des Douanes», 1827—1836.
«*The Times*», London, X, XI, XII, 1831; II, III, IV, 1834.

КНИГИ, БРОШЮРЫ И ПРОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ, НАПИСАННЫЕ СОВРЕМЕННИКАМИ ИЗУЧАЕМОЙ ЭПОХИ (ЧАСТЬЮ ИЗДАННЫЕ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ):

H. Amat, Réflexions sur les causes primitives des événements de Lyon, Marseille 1834.
A. Baron, Histoire de Lyon pendant les journées des 21, 22, 23/XI 1831, contenant les causes, les conséquences et les suites de ces déplorables événements, Lyon 1832.
Beaumont-Vassy, Histoire de mon temps, Première série, Règne de Louis-Philippe — seconde république. 1830—1851, t. I—II, Paris 1856.
Th. Bénazet, Mémoire aux chambres à l'occasion des événements de Lyon, Paris, s. d.

H. Berlioz, Mémoires comprenant les voyages en Italie, en Allemagne, en Russie et en Angleterre, 1803—1865.
H. Berlioz, Correspondance inédite 1819—1868 avec une notice biographique par Daniel Bernard. Deuxième édition revue et considérablement augmentée, Paris 1879.
H. Berlioz, Lettres intimes avec une préface par Charles Gounod, Paris 1882.
[*Bernard et Charnier*], Rapport fait et présenté à M. le président du Conseil des Ministres, sur les causes qui ont amené les événements de Lyon; *par deux chefs d'atelier.*
Л. Берне, Сочинения, в переводе П. Вейнберга. СПБ, 1869.
«*Biographie des accusés d'avril, de leurs défenseus, des pairs, juges du procès, des ministres et des membres du Parquet, relation des événements d'avril*» publiée en 4 livraisons de 108 pages chaqune, 1-ère livraison, Paris, s. d
L. Blanc, Histoire de dix ans 1830—1840, 6 édition, Paris 1846
A. de Bourgoing,Mémoire en faveur des travailleurs et des indigents de la classe agricole des communes rurales en France, Nevers 1844.
Bouvier-Dumoulard (idem: Bouvier du Molart), Compte rendu des événements qui ont eu lieu dans la ville de Lyon, Paris 1832.
(*Bowring*), Commercial Statistics, First and Second Report on the Commercial relations between France and Great-Britain. London 1834—1835
Bulwer Lytton H., The Life of Henry John Temple Viscount Palmerston with selections from his Diaries and correspondence in 2 vls, Leipzig 1871, v. II.
[*Caussidière, M.*], Mémoires de Caussidière, ex-préfet de police et représentant du peuple, Paris 1849.
Chaptal, De l'industrie française, t. I—II, 1819.
Chopins gesammelte Briefe, Leipzig 1911.
Cochard, Guide du voyageur à Lyon, ou description historique des monuments, curiosités, etc., etc., Lyon 1829.
Collomb, Détails historiques sur les journées de Lyon et les causes qui les ont précédées, Lyon 1832.
Cour des Pairs, Affaire d'avril 1834, *Réquisitoire*, Paris 1835.
Cour des Pairs, Affaire d'avril 1834, *Procédure*, v. 2, Paris 1835.
P. L. Courier, Oeuvres complètes, Paris 1863.
Cuvillier-Fleury, Journal et correspondance intimes, publiés par Ernest Bertin, Paris 1903; v. II, La famille d'Orléans aux Tuileries et en exil 1832—1851.
Devilliers, Nouveau manuel complet de la soierie, Paris 1839.
Dino (duchesse de), Chronique de 1831 à 1862 publiée avec des annotations et un index biographique par la princesse Radziwill née Castellane. I. 1831—1835. Sixième édition, Paris 1909.
Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 г.), Гиз, 1923.
(*Dufaitelle*), Les doctrines républicaines absoutes par le jury lyonnais, Lyon 1832.
Ch. Dupin, Le petit producteur français.
[*Gisquet*], Mémoires de M. Gisquet, ancien préfet de police, écrits par lui-même. Bruxelles 1841.
Guizot, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. II—IV, Paris 1861
J. Gerspach, Considérations sur l'influence des filatures de coton et des tissages sur la santé des ouvriers. Thèse, Paris 1827.
H. Heine, Sämtliche Werke in vier Bänden. Herausgegeben von Otto F Lachmann, Leipzig, s. a. Bd. IV.
[*Girod*], Cour des Pairs, Affaire du mois d'avril 1834, Rapport fait a la Cour par M. Girod (de l'Ain), v. I. Faits généraux, Paris 1834.
Hodde (*Lucien de la*), Histoires des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848; Louis-Philippe et la Révolution de février, portraits, scenes de conspirations, faits inconnus, Bruxelles 1850.
Histoire des événements de Lyon du 9 au 14 avril. Lyon, s. d.

(Festy, O.), L'insurrection de Lyon en 1831 d'après des documents inédits, «Annales des sciences politiques», 1910.

«Insurrection lyonnaise des 9, 10, 11, 12, 13 et 14 avril 1834», Lyon, s. d. Imprimerie de Louis Perrin.

«Journal du maréchal de Castellane»,1804—1862, vls. II et III. Paris 1895.

«Journal du comte R. d'Apponyi», 25 ans à Paris (1825—1852). Paris 1926.

Kauffmann, De la fabrique lyonnaise, Lyon 1846.

Laffitte, Mémoires (1767—1844), publiées par Paul Duchon, Paris 1932.

Lamerlière (de), Les trois jours de Lyon ... 21, 22 et 23 novembre 1831 par un témoin oculaire, Lyon 1831.

Lettres du maréchal de Saint-Arnaud, Paris.

Lettres de L. Perrin, imprimeur à Th. Mermet, auteur d'une histoire de la ville de Vienne, «Revue d'histoire de Lyon», 1905.

J. Lions, Précis historique, statistique et géographique de Lyon ancien et Lyon moderne, jusqu'à ce jour, suivi des événements des 21, 22, 23 novembre 1831, etc., Lyon 1832.

F. Liszt, Gesammelte Schriften, herausgegeben von Ramann, Leipzig 1881; Zweiter Band, Essays und Reisebriefe eines Baccalaureus der Tonkunst.

Lyon vu de Fourvières, Lyon, s. d.

Marcellus (de), Politique de la Restauration en 1822 et 1823. Paris 1853.

Mayet, Des manufactures de soie et du mûrier, Paris 1810.

Melternich, Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'Etat, publiés par son fils, le prince Richard de Metternich, classés et réunis par M. A. de Klinkowstroem. Deuxième partie L'Ere de paix, t. V, Paris 1882.

J. B. Monfalcon, Histoires des insurrections de Lyon en 1831 et en 1834, d'après des documents authentiques, etc., Lyon 1834.

J. B. Monfalcon, Code moral des ouvriers, Paris — Lyon 1835.

J. B. Monfalcon, Histoire monumentale de Lyon, t. III, Paris 1864.

M. Mornand, Une semaine de révolution ou Lyon en 1830, Lyon 1831.

Notice par ordre alphabétique des morts et des blessés civiles et militaires, à la suite des événements de Lyon des 21, 22 et 23 novembre 1831, extraite des *régistres des hopitaux de Lyon et de Trévaux*, etc., etc., s. d.

(Jeanjean), Nouveaux documents inédits. L'insurrection de Lyon, «La Révolution de 1848», 1915, № 61

M. Onslow, Cause des troubles de Lyon, Clermont-Ferrand 1831.

A. F. Ozanam, Oeuvres complètes, 4 édition, t. 10, Lettres, Paris 1873.

Patissier, Traité des maladies des artisans et de celles, qui résultent des diverses professions, d'après Ramazzini, Paris 1822.

A. Pepin, Deux ans de règne 1830—1832, Paris 1833.

C. Périer, Communication du Gouvernement au sujet des événements de Lyon, présentée à la Chambre des députés dans la séance du 17/XII 1831, par M. le président du Conseil des Ministres. Paris s. d.

Précis historique des mouvements insurrectionnels républicains de Lyon, Paris, Saint-Etienne, Grenoble et Arbois, en Avril 1834; suivi d'un Dialogue entre les Membres d'une Société secrète qui s'est dissoute, dans les 24 heures de la promulgation de la loi 10 Avril sur les Associations s. d., Национальная библиотека, Lb[51] 2186.

Procès de la Glaneuse, Lyon 1833.

Porter, Progres de la Grande Bretagne sous le rapport de la population et de la production, etc. traduit de l'anglais par Chemin-Dupontès, précédé d'une préface par Michel Chevalier, Paris 1837.

Relation complète des événements qui se sont passés à Lyon, à Paris et à Saint-Etienne pendant le mois d'avril 1834, Lyon, s. d., Национальная библиотека, Lb[51] 2185.

Relation des grands événements qui viennent d'avoir lieu dans la ville de Lyon. Paris 1832. Национальная библиотека, Lb[51] 1801.

Relation exacte des événements les plus remarquables arrivés dans la ville de Lyon, depuis leur commencement jusqu'à ce jour, contenant le detail des malheurs qui ont eu lieu: les combats qui ont été livrés; le nombre des morts et des blessés, etc. Paris. s. d., Национальная библиотека, Lb[51] 1080.

Résumé politique, Troubles de Lyon, Nantes, s. d., Национальная библиотека, Lb[51] 1078.

Résumé politique, Seconde édition, Fin des troubles de Lyon, Nantes, s. d., Национальная библиотека, Lb[51] 1079.

L. Reybaud, Etudes sur le régime des manufactures, Condition des ouvriers en soie, Paris 1859.

[*Rève*], Evénements de Lyon, pendant les fatales journees des 9, 10, 11 12, 13 et 14 avril, rendus journée par journée et distribués par Reve, Национальная библиотека, Lb[51] 1288.

Recueil des prédications, II, Paris 1832.

A. Sala, Les ouvriers lyonnais en 1834, esquisses historiques. Seconde édition, Paris 1834.

J. Saint-Hilaire, Recueil de mémoires sur l'administration des forêts, sur les arbres forestiers et l'économie rurale. Deuxième éd., Paris 1832.

Statistique agricole (La) de 1814 (Ministère de l'Instruction publique et des Beaux-Arts. Comité des Travaux historiques et Scientifiques. Section d'histoire moderne. Notices, inventaires et documents. II) Paris 1914.

Stendhal, Mémoires d'un touriste, t. I.

Souvenirs du général d'Hautpoul, publiés par le comte Fleury, Paris 1902.

Souvenirs du colonel Vergnaud publiés par A. M. Gossez, «La Révolution de 1848» № 155, 1936.

Tableau historique des événements de Lyon, par une des victimes. Lyon 1831.

Tapiès (de), La France et L'Angleterre ou statistique morale et physique de la France comparée à celle de l'Angleterre. Paris 1845

L. Teste (de), Du commerce des soies et soieries, Avignon 1830.

Thackrach, The Effects of arts, trades and professions, etc., London 1832.

Trois (les) journées de Lyon, histoire impartiale de ce qui s'est passé dans cette ville, et de ce qui provoque les événements mémorables qui ont eu lieu, Paris, Riom. s. d., Национальная библиотека, Lb[51] 1075.

Trolliet, Lettres historiques sur la révolution de Lyon, Lyon 1832.

Troubles de Lyon. Châlons, s. d. Extrait du Constitutionnel, Национальная библиотека, Lb[51] 1077.

Ure, Philosophie des manufactures, 2 vls, Paris 1836.

La Vérité sur les événements de Lyon au mois d'avril 1834, Paris—Lyon 1834.

Villermé, Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, Paris 1840.

Записки графа А. Х. Бенкендорфа. (Приложение к книге Шильдера «Император Николай I», СПБ, 1903).

КНИГИ, ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ ПО РАЗЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ ИЗУЧАЕМОГО ПЕРИОДА И ПРОЧИЕ ИЗДАНИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

J. Alazard, Les causes de l'insurrection lyonnaise en novembre 1831. «Revue historique», 1912.

J. Alazard, Le mouvement politique et social à Lyon, entre les deux insurrections de novembre 1831 et d'avril 1834, «Revue d'histoire moderne», 1911.

Avenel (d'), Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général, Paris 1913—1926.

Ch. Ballot, L'introduction du machinisme dans l'industrie française, Lille — Paris 1923.

Beauquis, Histoire économique de la soie en France, Grenoble 1910.

M. Block, Statistique de la France comparée avec les divers pays de l'Europe, Paris 1875.

Beyssac, La sédition ouvrière de 1786, Lyon 1907.
Bleton, L'ancienne fabrique des soieries, Lyon 1897.
Bonnassieux, La question des grèves sous l'ancien régime. La grève de Lyon en 1744, Paris 1882.
Bouches du Rhône (Les), Encyclopédie départementale; t. V. La vie politique, Marseille.
Bouches du Rhône (Les), Encyclopédie départementale, t. X. La vie sociale, Marseille.
E Bourgeois, Manuel historique de politique étrangère, t. III (1830—1878) Le temps présent. Paris 1905.
G et H Bourgin, Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830, Recueil des textes, 2 vls.
В А Бутенко, Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации, т. I (1814—1820), СПБ 1913.
В А. Бутенко, Из истории революционного движения во Франции в эпоху реставрации, Саратов.
Buffenoir, Le «Précurseur» et la Révolution de Juillet, «Revue d'histoire de Lyon», 1907.
Capefigue, L'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe, vls XI et XII, Bruxelles 1845.
S. Charlety, Bibliographie d'histoire de Lyon, 2-ème partie, Lyon—Paris 1903.
S. Charléty, Une conspiration en 1817 à Lyon, «La Revue de Paris», 1904.
S Charlety, La monarchie de Juillet [*Ernest Lavisse*, Histoire de France contemporaine depuis la Révolution jusqu'à la Paix, t. V, Paris, s. d.]
H Clouzot, Le métier de la soie en France [1914]. Национальная библиотека, Res g. v. 134.
L. Côte, L'industrie gantière et l'ouvrier gantier à Grenoble. Préface de Jean Jaures, Paris — Grenoble 1903.
A. Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la fermeture du congrès de Berlin (1814—1878), t. I, La Sainte-Alliance, Paris 1891.
Dudon, Lamennais et le Saint-Siège. (1820—1834). D'après des documents inedits et les archives du Vatican. Paris 1911.
Dutacq, Les journées lyonnaises de novembre 1831, «La Révolution de 1848», № 141, 1932.
Encyclopaedia of the Social Sciences, v. VIII, New York 1932.
O Festy, Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de juillet (1830—1834), «Bibliotheque de l'histoire moderne», t. II, fasc. III, Paris 1908.
E Fourniere, Le règne de Louis-Philippe, «Histoire socialiste sous la direction de J. Jaurès», t. VIII, Paris 1906.
P Froment, L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831, Paris 1931.
Gain, La Restauration et les Biens des Emigrés. 2 vls, Nancy 1929.
J Godart, Travailleurs et métiers lyonnais, 1909.
J Godart, L'ouvrier en soie Lyon, 1899.
J. Godart, La Révolution de 1830 à Lyon, Paris 1930.
J Godart, Les evénements de novembre 1831 a Lyon., «La Révolution de 1848», № 143, 1933.
J Godart, Les journées d'avril 1834 à Lyon, «La Révolution de 1848», № 150, 1934.
Ph Gonnart, Les passementiers de Saint-Etienne en 1833, «Revue d'histoire de Lyon», 1907.
L Gras, Histoire de la rubanerie et des industries de la soie à Saint-Etienne et dans la région stéphanoise suivie d'un historique de la fabrique de lacets de Saint-Chamond, Saint-Etienne 1906.
R Guyot, La première entente cordiale, Paris, MCMXXVI.
E. Hamel, Histoire du règne de Louis-Philippe, v. I, Paris 1889.
J. L. Hammond, New light on the Industrial Revolution, «The Contemporary Review», 1927.

Haussonville (d'), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français (1830—1848), v. I, Paris 2850.
K. Hillebrand, Geschichte Frankreichs von der Thronbesteigung Louis Philippe's bis zum Fall Napoleons III, v. I, Gotha 1877—1879.
Н. И. Кареев, История Западной Европы в средние десятилетия XIX в., «История Западной Европы в новое время», т. V, изд. 4, Петроград 1916.
П. Лафарг, Сочинения, т. II, Москва 1928, Движение поземельной собственности во Франции.
Ленин, Соч., т. II, Кустарная перепись 1894—1895 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности
Ленин, Соч., т. III, Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности.
Ленин, Соч., т. XII, Об оценке текущего момента.
Ленин, Соч., т. XVI, Август Бебель.
Ленин, Соч., т. XV, Принципиальные вопросы избирательной кампании.
Ленин, Соч., т. XX, Переход контрреволюции в наступление.
Ленин, Соч., т. XX, О врагах народа.
Ленин, Соч., т. XX, Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе.
Ленин, Соч., т. XXX, Шаг вперед, два шага назад.
Н. М. Лукин, Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента. «Историк-марксист», т. 16, 1930.
Leroudier, La décadence de la fabrique lyonnaise à la fin du XVIII s., «Revue d'histoire de Lyon», 1911.
Lescure, Des crises générales et périodiques de surproduction, Paris 1907.
E. Levasseur, Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France de 1789 à 1870, deuxième édition, 2 vls, Paris 1903—1904.
Lévy, Histoire économique de l'industrie cotonniere en Alsace, Paris 1912.
Lévy-Schneider, Le gouvernement insurrectionnel de l'Hôtel de Ville en novembre 1831 et le rôle de L. M. Pérenon, «Revue d'histoire de Lyon», 1910.
A. Lewak, Młoda Polska, «Insurrekcje», I, Warszawa 1929
A. Lewak, Udsiał Polaków w włoskich walkach o wolnosc, «Insurrekcje», I. Warszawa 1929.
A. Lewak, Giuseppe Mazzini e l'emigrazione polacca. «Il risorgimento italiano», fasc. IV, 1924.
Lucas-Dubreton, La Restauration et la Monarchie de Juillet, Paris 1926.
Lucas-Duberton, La Royauté Bourgeoise, Paris 1930
Маркс, Капитал, т. I и III.
Маркс и *Энгельс*. Соч., т. III, Маркс, Критические замечания к статье «Король прусский и социальная реформа».
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. IV, *Маркс* и *Энгельс*, Немецкая идеология.
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. V, *Энгельс*, Положение Германии
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. V, *Маркс* и *Энгельс*, Манифест Коммунистической партии.
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. VI, Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии.
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. VIII, *Маркс*, Классовая борьба во Франции
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. VIII, *Маркс*, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. VIII, *Маркс* и *Энгельс*, Критика и рецензии А. Шеню· «Заговорщики, тайные общества и др.» Л. де ла Одд· «Рождение республики в феврале 1848 г.»
Маркс и *Энгельс* Соч., т. IX, *Энгельс*, Политическое положение швейцарской республики
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, *Маркс*, Речь о Польше.
Маркс и *Энгельс*, Соч., т XIII, ч I, *Энгельс*, Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия.
Маркс и *Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, *Маркс*, Отчет Генерального Совета четвертому ежегодному конгрессу.

Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, *Энгельс*, Анти-Дюринг.
Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке.
Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), *Маркс*, Неопубликованная рукопись к первому тому «Капитала», ИМЭЛ, 1933.
P. Metzger, Etude historique et juridique sur le piquage d'once à Lyon au XVIII siècle, «Revue d'histoire de Lyon», 1912.
Meininger, Essai de description, de statistique et d'histoire de Mulhouse, Mulhouse 1885.
Nicolas, L'organisation sociale de l'industrie lyonnaise du tissage de la soie, These, Paris 1923.
Nouvion (V. de), Histoire du règne de Louis Philippe I-er, Paris 1857—1861.
Pariset, Histoire de la fabrique lyonnaise, Paris—Lyon 1901.
G. Perreux, Au temps des sociétés secrètes. La propagande républicaine au debut de la Monarchie de Juillet (1830—1835), Paris 1931.
G. Perreux, Trois dates de l'histoire d'Arbois: 1830—1848—1851, «La Révolution de 1848», t. 28, № 139.
W. Prechner, Wyprawa do Sabaudji w roku 1834, «Przegląd historyczny XXIV, 1924
Raquet, Agriculture, Paris 1897.
Reynier, La soie en Vivarais, Largentière 1921.
F. Rittiez, Histoire du regne de Louis Philippe I-er (1830 à 1848), Paris 1855.
L. Riotor, Lyon. Lugdun. — La ville de la soie. Paris 1930.
N. Rondot, L'art de la soie, Paris 1885.
N. Rondot, L'ancien régime du travail à Lyon, Lyon 1897.
Romeuf (Louis de), La crise agricole sous la restauration, Thèse de doctorat, Paris 1902.
A. Poxay, История Франции от низвержения Наполеона I до восстановления Империи 1814—1852, перевод с немецкого М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина, СПБ 1865.
Th. Schiemann, Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Bd. III, Kaiser Nicolaus im Kampf mit Polen und im Gegensatz zu England und Frankreich 1850—1840, Berlin 1913.
Шильдер, Император Николай I, его жизнь и царствование, СПБ 1903, т. I.
H. Sée, La vie économique et sociale de la France sous la monarchie censitaire, Paris 1927.
H. See, L'agriculture en Anjou dans la prémière moitié du XI X-e siecle, «Revue d'histoire économique et sociale», 1927.
Сталин, Вопросы ленинизма.
Е. В. Тарле, Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства, Москва 1928.
I. Tchernoff, Le parti républicain sous la Monarchie de Juillet, Formation et évolution de la doctrine républicaine, Avec une préface de A. Esmein, Deuxième édition, Paris 1905.
P Thureau-Dangin, Histoire de la Monarchie de Juillet, Paris 1892.
P. Truchon, La vie ouvrière à Lyon sous la Restauration «Revue d'histoire de Lyon», 1912.
P. Truchon, La vie intérieure de la fabrique lyonnaise sous la Restauration, «Revue d'histoire de Lyon», 1910.
Uzureau (Chanoine), La Vendée angévine en 1832,«La Révolution de 1848», № 137, 1931.
Vauthier, La misère des ouvriers en 1831. («La Révolution de 1848», 1925, № 112).
M. Varille, Les journées d'avril 1834 à Lyon, Lyon 1923.
A. Vaulabelle, Histoire des deux restaurations jusqu'à la chute de Charles X, deuxieme édition, t. II, Paris 1847.
C. K. Webster, Palmerston, Metternich and the european system 1830—1841, From the proceedings of the British Academy, v. XX, London 1934.
D. *Weill*, Histoire du parti républicain en France (1814—1870). Nouvelle édition complètement refondue, Paris 1928.